

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

№ 2 (75) февраль 2017

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

Председатель редакционного совета журнала

ГРАЧЕВА
Елена
Юрьевна доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, первый проректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Заместитель председателя редакционного совета журнала

ПЕТРУЧАК
Лариса
Анатольевна доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права, проректор по учебной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ. Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Главный редактор журнала

СИТНИК
Александр
Александрович доцент кафедры финансового права, кандидат юридических наук Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Ответственный секретарь

САЛИЯ
Марианна
Романовна эксперт Отдела организации научно-издательской политики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Члены редакционного совета журнала

БЕКЯШЕВ
Камиль
Абдулович доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

БЕЛОВА
(ГАНЕВА)
Габриела кандидат юридических наук, доцент, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: 2700, Болгария, г. Благоевград, ул. Ивана Михайлова, д. 66.

БОЛТИНОВА
Ольга
Викторовна доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финансового права, ученый секретарь Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ВОСКОБИТОВА
Лидия
Алексеевна доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ГАЗЬЕ
Анн доктор права, доцент Университета Paris Quest Nanterre La Défense (Франция).
Почтовый адрес: 92001, Франция, г. Нантер, авеню Републик, д. 200.

ГОЛОВНЕНКОВ
Павел
Валерьевич доктор права, ассессор права, главный научный сотрудник кафедры уголовного и, в частности, экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия).
Почтовый адрес: 14482, Германия, г. Потсдам, ул. Августа Бебеля, д. 89.

ДУБРОВИНА
Елена
Павловна кандидат юридических наук, член Центризбиркома России, заслуженный юрист РФ.
Почтовый адрес: 109012, Россия, г. Москва, Б. Черкасский пер., д. 9.

ЕРШОВА
Инна
Владимировна доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник юстиции России.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ЗАХАРОВ
Владимир
Викторович доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Курской области.
Почтовый адрес: 305000, Россия, г. Курск, ул. Радищева, д. 33.

- КАШКИН Сергей Юрьевич** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- КОКОТОВ Александр Николаевич** доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ.
Почтовый адрес: 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Сенатская пл., д. 1.
- КОРНЕВ Аркадий Владимирович** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- МАРИНО Иван** кандидат юридических наук, доцент Государственного университета «Ориентале» (Неаполь), руководитель Центра мониторинга политико-правовой системы России, Итальянского представительства Фонда конституционных реформ.
Почтовый адрес: 80121, Италия, г. Неаполь, виа Карло Поэрио, д. 15.
- МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заместитель председателя Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии РФ.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос** доктор права, магистр философии, профессор Афинского университета, вице-ректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (IASL), специальный эксперт в области спортивного права в Европейском Союзе, награжден премией «Право: Человек года» (2009) Американским биографическим институтом (ИНК).
Почтовый адрес: 10677, Греция, г. Афины, ул. Веранжероу, д. 4.
- РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна** доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа, заслуженный юрист РФ, почетный работник судебной системы.
Почтовый адрес: 620075, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 32/27.
- РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна** доктор юридических наук, профессор заведующий кафедрой судебных экспертиз, директор Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), президент Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза», академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- ХВАН Леонид Борисович** кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Ташкентского государственного юридического института.
Почтовый адрес: 100000, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Главпочтамт, а/я № 4553.
- ЧАННОВ Сергей Евгеньевич** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.
Почтовый адрес: 410031, Россия, г. Саратов, ул. Соборная, д. 23/25.
- ЧЕРНЫШЕВА Ольга Сергеевна** кандидат юридических наук, начальник отдела Секретариата Европейского Суда по правам человека.
Почтовый адрес: 67075, Франция, г. Страсбург, Cedex, ЕСПЧ.
- ЧУЧАЕВ Александр Иванович** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- ШАЛУМОВ Михаил Славович** доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Управления — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, судья Верховного Суда РФ (в отставке), член-корреспондент Международной академии психологических наук.
Почтовый адрес: 121260, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 15.

- ЯСКЕРНЯ
Ежи** доктор юридических наук, профессор, директор Института права, экономики и управления
Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша).
Почтовый адрес: 25369, Польша, г. Кельц, ул. Зеромского, д. 5.
- Редакционная коллегия журнала*
- КАШАНИНА
Татьяна
Васильевна** профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- КЛЕПИЦКИЙ
Иван
Анатольевич** профессор кафедры уголовного права, доктор юридических наук, профессор.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- МИХАЙЛОВ
Сергей
Михайлович** доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат
юридических наук, доцент.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- ОСАВЕЛЮК
Алексей
Михайлович** профессор кафедры конституционного права, доктор юридических наук, профессор.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- ПОДУЗОВА
Екатерина
Борисовна** доцент кафедры гражданского права, кандидат юридических наук.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- СЕРГЕЕВ
Александр
Леонидович** доцент кафедры конституционного права, кандидат юридических наук.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- СОКОЛОВА
Наталья
Александровна** начальник Управления организации научной деятельности, доктор юридических наук,
доцент.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- СТУДЕНИКИНА
Марина
Семеновна** профессор кафедры административного права и процесса, кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ACTUAL PROBLEMS

Monthly scientific journal.
Published media since 2006

№ 2 (75) FEBRUARY 2017
OF RUSSIAN LAW

Chairperson of the Board of Editors

GRACHEVA
Elena
Yurievna

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial Law, First Vice-Rector of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Specialist in Science and Technology of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Vice-Chairperson of the Board of Editors

PETRUCHAK
Larisa
Anatolievna

Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law, Vice-Rector on Educational Work of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Chief editor of the magazine

SITNIK
Alexandr
Alexandrovich

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Executive Editor

SALIYA
Marianna
Romanovna

Expert of the Department of Scientific and Publishing Policy of the Department of Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Members of the Board of Editors

BEKYASHEV
Kamil
Abdulovich

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Scientist of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

BELOVA-GANEVA
Gabriela

PhD in Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law and History of the South Western University named after the Neophyte Rilsky (Bulgaria)
Mailing address: 2700, Bulgaria, Blagoevgrad, ul. Ivana Mikhailova, d. 66.

BOLTINOVA
Olga
Viktorovna

Doctor of Law, Professor, Vice-Chairperson of the Department of the Financial Law, Academic Secretary of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

CHANNOV
Sergey
Evgenievich

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Service and Labor Law of the Povolzhsky Institute of Government named after P.A. Stolypin.
Mailing address: 410031, Russia, Saratov, Sobornaya ul., d. 23/25.

CERNISHOVA
Olga
Sergeevna

PhD in Law, Head of Division at the Registry of the European Court of Human Rights.
Mailing address: European Court of Human Rights, 67075 Strasbourg Cedex, France.

CHUCHAEV
Aleksandr
Ivanovich

Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

DUBROVINA
Elena
Pavlovna

PhD in Law, Member of the Election Committee of Russia, Merited Lawyer of the Russian Federation.
Mailing address: 109012, Russia, Moscow, B. Cherkasskiy per., d. 9.

ERSHOVA
Inna
Vladimirovna

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the Entrepreneurial Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Justice of Russia.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

GAZIER
Anne

Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Quest Nanterre La Défense (France).
Mailing address: Université Paris Ouest Nanterre La Défense, 200 avenue de la République, 92001, Quest Nanterre, La Défense, France.

- GOLOVNENKOV Pavel Valerievich** Doctor of Law, Law Assessor, Chief Legal Researcher of the Department of Criminal and Economic Criminal Law of the Law Faculty of the University of Potsdam (Germany).
Mailing address: Universität Potsdam, Juristische Fakultät, August-Bebel-Str. 89, 14482 Potsdam, Deutschland.
- JASKIERNIA Jerzy** Prof. dr hab. Jan Kochnowski University, Kielce, Poland, Department of Management and Administration Director, Institute of Economy and Administration, Chair, Administration and Legal Sciences Division.
Mailing address: Str. Żeromskiego 5, Kielce, Poland, 25369.
- KASHKIN Sergey Yurievich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.
- KHVAN Leonid Borisovich** PhD in Law, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Tashkent State Legal Institute.
Mailing address: 100 000, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Glavpochtamt, a/ya 4553.
- KOKOTOV Aleksandr Nikolaevich** Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
Mailing address: 190000, Russia, St. Petersburg, Senatskaya pl., d. 1.
- KORNEV Arkadiy Vladimirovich** Doctor of Law, Professor, Vice-Chairman of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.
- MARINO Ivan** PhD in Law, Associate Professor of the University «L'Orientale», Head of the Monitoring Center for the Political and Legal System of Russia, and of the Italian Representative Office of the Constitutional Reforms Foundation.
Mailing address: via Carlo Poerio, 15, 80121, Napoli, Italia.
- MATSKEVICH Igor Mikhailovich** Doctor of Law, Professor of the Department of Forensic Studies and Criminal Executive Law of the Kutafin Moscow State Law University, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice-chairman of Advisory Council of the Highest Certifying Commission of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.
- PANAGIOTOPOULOS Dimitrios** Professor of University of Athens, Attorney-at-Law Vice-Rector, University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL), awarded «Person of the Year in Law» (2009) from the American Biographical Institute (INC).
Mailing address: 4 Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.
- RESHETNIKOVA Irina Valentinova** Doctor of Law, Professor, Chairperson of the Arbitration Court of the Urals District, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: 620075, Russia, Ekaterinburg, prosp. Lenina, d. 32/27.
- ROSSINSKAYA Elena Rafailovna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Judicial Expertise of the Kutafin Moscow State Law University, President of the Association of Educational Institutions «Judicial Expertise», Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Merited Scientist of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.
- SHALUMOV Michail Slavovich** Doctor of Law, Professor, Deputy Head of Directorate — Chief of Branch of the Systematization of Legislation and Analysis of the Judicial Practice at Criminal procedure of the Directorate of the Systematization of Legislation and Analysis of the Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus), Corresponding member of the International Academy of Psychological Sciences.
Mailing address: 121260, Russia, Moscow, ul. Povarskaya, d. 15.
- VOSKOBITOVA Lidia Alekseevna** Doctor of Law, Professor, the Head of the Department of Criminal Procedural Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

**ZAKHAROV
Vladimir
Viktorovich**

Doctor of Law, Professor, Chairman of Arbitration Court of Kursk Region.
Mailing address: 305000, Russia, Kursk, ul. Radischeva, d. 33.

Editorial Board

**KASHANINA
Tatyana
Vasilyevna**

Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University, Professor.

**KLEPITSKIY
Ivan
Anatolyevich**

Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Professor.

**MIKHAILOV
Sergey
Mikhailovich**

Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Process of the Kutafin Moscow State Law University, PhD in Law, Associate Professor.

**OSAVELYUK
Aleksy
Mikhailovich**

Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University.

**PODUZOVA
Ekaterina
Borisovna**

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University.

**SERGEEV
Aleksandr
Leonidovich**

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University.

**SOKOLOVA
Natalya
Aleksandrovna**

Doctor of Law, Associate Professor of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University, Associate Professor.

**STUDENIKINA
Marina
Semenovna**

Professor of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University, PhD in Law, Senior Researcher.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

- Комарова В. В.** *Практико-ориентированные методики в образовательном процессе юридического вуза* 11
- Дорошенко Е. Н.** *О перспективах развития уровневого юридического образования.* . . . 16
- Осавелюк А. М.** *О роли правовых основ регулирования образовательного процесса и методики преподавания конституционного права* 22
- Нарутто С. В.** *Профессиональная компетентность будущих юристов: теоретический, практический и личностный аспекты* 29
- Садовникова Г. Д.** *Особенности преподавания дисциплин государственно-правового цикла с применением интерактивной методики* 37
- Заикин С. С.** *Внедрение новых образовательных технологий в процесс обучения юристов: анализ и подготовка законопроектов, law-and-film* 45
- Миерхольд А. А.** *Анализ как ядро учебного процесса и неотъемлемая составляющая современного образования* 57
- Булаков О. Н., Жумабаева А. А.** *Общественность в сфере образовательной и просветительской деятельности* 61
- Будаев А. М.** *Конституционное право как основа перспективных междисциплинарных исследований* 67
- Пастухова Н. Б.** *Опыт преподавания учебной дисциплины «Конституционно-правовые основы энергетического права» в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).* 72
- Невинский В. В.** *Предмет отрасли российского конституционного (государственного) права (к вопросу о преемственности в научных исследованиях и учебном процессе)* 76
- Коврякова Е. В.** *Право на образование: конституционная регламентация и политическая практика в России и за рубежом.* 87
- Кабышев С. В.** *Канадская модель юридического образования: позитивный опыт для России* 95

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

- Головина А. А.** *Глоссарии в российском законодательстве: тенденции и перспективы.* . . 104

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Чиркин В. Е.** *О порядке принятия федерального закона в России (верна ли формулировка ч. 1 ст. 105 Конституции РФ?)* 116
- Кротов А. В.** *Проблемы конституционализации права на частную жизнь в России в условиях глобализации* 126

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Арзуманова Л. Л.** *Национальная платежная система как гарант стабильности и защиты национальной экономики* 132

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Морозов П. Е. *Совершенствование трудового законодательства как основа эффективного функционирования договорного регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений.* 144

Бочарников Д. А. *Особенности правового регулирования трудовых отношений высококвалифицированных специалистов, привлекаемых научными и образовательными организациями.* 152

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Молчанов Н. А., Матевосова Е. К. *Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (новелла законодательства)* 159

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Мацакян Г. С. *Иск о признании права пользования: проблемы теории и практики* . . . 166

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Сипки М. В. *Уголовная ответственность за создание террористического сообщества и участие в нем: недостатки и перспективы.* 175

Мухачева И. М. *Состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости в соответствии со ст. 106 УК РФ* 183

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Баринов С. В., Просвирин Е. В. *Тактические особенности проведения допросов по делам о нарушениях неприкосновенности частной жизни* 191

Парамонова Л. Ф. *Определение компетентности судебного эксперта в рамках уголовного процесса* 198

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И СУДОУСТРОЙСТВО

Кондрашев А. А. *Судебная реформа в России: проблемы реализации и варианты решений* 209

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Марчуков И. П. *Предпосылки и методы унификации частноправовых основ внешнеторгового оборота энергетических ресурсов стран БРИКС* 219

ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО

Заплата Т. С. *Некоторые особенности закрепления принципа взаимного признания в нормативных актах Европейского Союза* 227

Романова М. Е. *Система источников таможенного права Европейского Союза на современном этапе* 234

CONTENTS

LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

Komarova V. V. <i>Practice-oriented Methods in the Educational Process of Law Universities</i>	11
Doroshenko E. N. <i>Prospects for the Tiered Legal Education Development</i>	16
Osavelyuk A. M. <i>The Role of Legal Foundations of the Educational Process Regulation and Methodology of Teaching Constitutional Law.</i>	22
Narutto S. V. <i>Professional Competence of Future Lawyers: Theoretical, Practical and Personal Aspects.</i>	29
Sadovnikova G. D. <i>Peculiarities of Teaching Subjects of the State Law Course Using Interactive Techniques</i>	37
Zaikin S. S. <i>Introduction of New Educational Technologies into the Process of Training Lawyers: Analysis and Preparation of Legislation, the Law-and-film Technique</i>	45
Meyerhold A. A. <i>Analysis as the Core of the Learning Process and an Integral Part of Modern Education.</i>	57
Bulakov O. N., Zhumabaeva A. A. <i>The Public in the Field of Educational and Enlightening Activities</i>	61
Budaev A. M. <i>Constitutional Law as the Basis for Advanced Interdisciplinary Studies</i>	67
Pastukhova N. B. <i>Experience in Teaching the Academic subject “Constitutional Law Framework of Energy Law” at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)</i>	72
Nevinskiy V. V. <i>The Subject of the Russian Constitutional (State) Law (to the Question of Continuity in Scientific Studies and Educational Process)</i>	76
Kovryakova E. V. <i>The Right to Education: Constitutional Regulation and Political Practice in Russia and Abroad.</i>	87
Kabyshev S. V. <i>The Canadian Model of Legal Education: A Positive Experience for Russia.</i>	95

THE THEORY AND PHILOSOPHY OF LAW

Golovina A. A. <i>Glossaries in Russian Legislation: Tendencies and Perspectives.</i>	104
--	-----

THE STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

Chirkin V. E. <i>The Procedure of Enacting a Federal Law in Russia (Is the wording of Paragraph 1 Article 105 of the RF Constitution correct?)</i>	116
Krotov A. V. <i>The Problem of Constitutionalization of the Right to Privacy in Russia in the Context of Globalization</i>	126

FINANCIAL LAW

Arzumanova L. L. <i>National Payment System as a Guarantor of Stability and Security of the National Economy.</i>	132
--	-----

LABOUR RELATIONS AND SOCIAL SECURITY

Morozov P. E. *Improvement of Labour Legislation as a Basis for Effective Functioning of Contract Regulation of Labour and Other Related Relations.* 144

Bocharnikov D. A. *Some Peculiarities of Legal Regulation of Labour Relations of High-Skilled Experts Engaged in Scientific and Educational Organizations.* 152

LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF INFORMATION

Molchanov N. A., Matevosova E. K. *The Doctrine of Information Security of the Russian Federation (New Law).* 159

CIVIL LAW

Matsakyan G. S. *Claim for Recognition of the Right of Ownership: Problems of Theory and Practice.* 166

CRIMINAL LAW

Sipki M. V. *Criminal Responsibility for the Founding and Participation of Terrorist Community: Problems and Prospects.* 175

Mukhacheva I. M. *State Mental Disorder not Excluding Sanity in Accordance With Art. 106 of the Criminal Code.* 183

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY. FORENSIC EXAMINATION

Barinov S. V., Prosvirin E. V. *Tactical Peculiarities of Interrogations in Cases of Violations of Privacy.* 191

Paramonova L. F. *Definition of the Competence of a Forensic Expert in Criminal Procedure.* . . . 198

THE JUDICIARY AND THE JUDICIAL SYSTEM

Kondrashev A. A. *Judicial Reform in Russia: Problems of Implementation and Possible Solutions.* 209

INTERNATIONAL LAW

Marchukov I. P. *Background and Methods of Unification of Private Law Foundations for International Trade of Energy Sources of BRICS.* 219

INTEGRATION LAW

Zaplantina T. S. *Some Features of Mutual Recognition in the European Union Regulations.* . . . 227

Romanova M. E. *The EU System of Customs Law Sources at the Present Stage.* 234

Практико-ориентированные методики в образовательном процессе юридического вуза

***Аннотация.** Развитие современного общества, вступление России в Болонский процесс обусловило изменяющиеся требования к подготовке кадров, в том числе в области юриспруденции. В статье анализируются проблемы подготовки юристов в условиях перехода на Болонскую систему и изменяющихся потребностей к выпускнику юридического вуза. Среди главных требований современности в юридическом образовании — развития специалиста творческого, инициативного, который имеет организаторские навыки и умения внедрения в практику новых достижений научной мысли. Реформируемый образовательный процесс требует изменения в системе оценки полученных студентами знаний, умений и навыков. Высказано предложение отличать практико-ориентированные методики и использование практико-ориентированных элементов в оценочных средствах. Представлено авторское видение системы оценочных средств. Автор приходит к выводу о том, что сегодня формы контроля должны стать своеобразным продолжением методик обучения; научно-исследовательская деятельность студентов — способ выполнения современных требований к образовательным результатам выпускников юридических вузов.*

***Ключевые слова:** образование, юридический вуз, студент, компетенции, оценочные средства, практико-ориентируемые элементы, научно-исследовательская деятельность*

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.011-015

Образование является целенаправленным процессом воспитания и обучения. В ходе воспитания человеку прививаются духовно-культурные ценности общества, образцы нормального и должного поведения, а посредством обучения он приобретает знания и навыки, необходимые для жизнедеятельности в обществе.

Образовательная деятельность осуществляется в интересах человека, общества и государства. Это означает, что образовательный процесс направлен на обеспечение реали-

зации публичного интереса. Формирование социально активной и профессионально подготовленной личности есть один из основных публичных интересов, реализуемых в рамках образовательной деятельности.

Каждое общество вырабатывает свой способ формирования правового профессионального сознания юристов; юридическое образование в России основано на континентальной традиции, которой присущ академический фундаментализм¹.

¹ Синюков В. Н. Юридическое образование в контексте российской правовой культуры // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 31—45.

© Комарова В. В., 2017

* Комарова Валентина Викторовна — профессор, доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ

vvalentinak@ya.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Нельзя не поддержать мнение О. Е. Кутафина о том, что «правовая система России отражает особенности национального правосознания и культуры»².

Тем не менее современная действительность России в образовании вообще и в юридическом образовании в частности, приковывает к себе внимание и вызывает тревогу.

Несмотря на то что автор статьи разделяет точку зрения Н.С.Бондаря о том, что «бакалавриат — магистратура» — путь к снижению уровня национального юридического образования³, тем не менее Болонский процесс — наша действительность, которую нужно реализовывать с учетом национальных традиций.

ФГОС третьего поколения в соответствии с принципами Болонского процесса ориентированы преимущественно не на сообщение обучающемуся комплекса теоретических знаний, но на выработку у студентов компетенций — динамического набора знаний, умений, навыков и личностных качеств, которые позволят выпускнику стать конкурентоспособным на рынке труда и профессионально успешно реализовываться в широком спектре отраслей экономики и культуры.

Оптимальный путь при реализации ФГОС заключается, по мнению автора, в сочетании традиционного подхода, выработанного в истории отечественной высшей школы, в том числе при реализации ГОС ВПО 1-го и 2-го поколений, и инновационного подхода, который опирается на экспериментальные методики

ведущих отечественных педагогов и современный зарубежный опыт⁴.

Среди главных требований современности в юридическом образовании — развития специалиста творческого, инициативного, который имеет организаторские навыки и умения внедрения в практику новых достижений научной мысли.

Актуальные проблемы методики преподавания юриспруденции в вузе⁵ вообще, и методологии, методике преподавания конституционного права в русле грядущих преобразований уделяется не достаточно места. Среди авторов, поднимающих эти вопросы, как правило, специалисты в области конституционного права⁶. Существует определенный ряд вопросов, требующий своего решения по преподаванию сегодня в юридических вузах страны конституционного права⁷. Это не только учебно-методическое обеспечение образовательного процесса взвешенными по содержанию по содержанию учебниками, которые отвечает современным запросам студентов и преподавателей⁸, но и современные образовательные технологии подготовки юристов.

Реформируемый с целью внедрение практико-ориентированных элементов образовательный процесс требует изменения в системе оценки полученных студентами знаний, умений и навыков.

Традиционно — контроль это проверка результатов обучения; проверка, оценка и учет знаний; выявление уровня усвоения учебного

² Кутафин О. Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М., 2002. С. 53.

³ Бондарь Н. С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. М., 2013. 62 с.

⁴ Комарова В. В. Реформа образования и дисциплины государственно-правовой специализации // Право и жизнь. 2012. № 166 (4). С. 182—196.

⁵ Морозова С. А. Актуальные проблемы методики преподавания юриспруденции в вузе // Право и образование. 2010. № 6. С. 40—46.

⁶ Богданова Н. А. Общее и особенное в методологии конституционного права и методике его преподавания // Конституционное право и конституционная компаративистика в системе российского юридического образования : сборник докладов. М. : Институт права и публичной политики, 2009. С. 103—109 ; Кененова И. П. Методология и методика преподавания конституционного права зарубежных стран // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 6 (73). С. 66—71.

⁷ Комарова В.В. Юридическое образование сегодня // Образование и право. 2010. № 3. С. 7—15.

⁸ Комарова В. В. Рецензия на учебник для бакалавриата В.Е. Чиркина «Конституционное право». Образование и право. 2016. № 2; Овсян Ж. И. Кризис и необходимость нового подъема преподавания конституционного права в вузах России // Lex Russica. 2013. № 11.

материала; часть процесса обучения. Безусловно, им выполняется образовательная, воспитательная, развивающая функции, но главная — диагностическая. Контроль проводится для оценки успеваемости и корректировки знаний.

Сегодня формы контроля должны еще более, чем раньше, стать своеобразным продолжением методик обучения, позволяя студенту более четко осознать его достижения и недостатки, скорректировать собственную активность, а преподавателю — направить деятельность обучающегося в необходимое русло.

Оптимальный путь формирования системы оценки качества подготовки студентов сегодня, по мнению автора, заключается в сочетании традиционного подхода, выработанного в истории отечественной высшей школы, и инновационного подхода, который опирается на экспериментальные методики ведущих отечественных педагогов и современный зарубежный опыт. Пришла необходимо осознать тесную взаимосвязь двух сторон учебного процесса — образовательных технологий (путей и способов выработки компетенций, основанных на практико-ориентированных методиках) и методов оценки степени сформированности компетенций (соответствующие оценочные средства, примером которых может быть портфолио).

При формировании оценочных средств необходимо учитывать различия в уровнях образования, видах образовательной деятельности и требуемых компетенциях.

По твердому убеждению автора, целесообразно отличать практико-ориентированные методики и использование практико-ориентированных элементов в оценочных средствах:

для студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры;

для дневной, вечерней и заочной форм обучения;

для домашних и аудиторных заданий;

для учебной практики, производственной, и преддипломной практикам;

для промежуточных (модульных), завершающих (сессионных), выпускных (ГАК);

для научно-исследовательской, преподавательской деятельности и др.

Для достижения названной цели, по мнению автора, целесообразно разработать:

различные требования к оценочным средствам с использованием в них практико-ориентированных элементов и критерии оценки; перечень признаков проявления компетенции; индикаторы и уровни освоения компетенции.

В их число целесообразно инкорпорировать практико-ориентируемые элементы — как средство проверки не только знаний, но и умений, навыков.

Последнее важно для реализации нормативно закрепленного принципа адаптивности системы образования к уровням и особенностям развития и подготовки, для непрерывности и преемственности всех уровней образования; соответствовать изменяющимся требованиям к выпускникам со стороны работодателей.

Непременным условием выполнения современных требований к образовательным результатам, по мнению автора, является широкое привлечение студентов высших учебных заведений к научно-исследовательской работе, непосредственное включение их в сферу научной жизни. Безусловно, научно-исследовательская деятельность студентов является одним из важнейших средств повышения качества подготовки и воспитания бакалавров и магистров. Так, студенты в курсовых работах по общетеоретическим и специальным юридическим дисциплинам используют элементы научных исследований в форме научного поиска, готовят обзор литературы и разрабатывают предложения, которые содержат элементы новизны по теме работы, обобщающие передовой практический опыт, применяют общеправовые и специально-отраслевые методы, компьютерную и организационную технику, информационные технологии. Проблемы научного поиска, отраженные в курсовых работах студентов, должны найти свое продолжение в выпускной квалификационной работе студента магистратуры, а также быть частью научной тематики соответствующей кафедры. Сегодня вузы вправе выбрать, в каком виде проводить государственную аттестацию своих выпускников — путем проведения комплексного междисциплинарного экзамена или посредством

публичной защиты выпускной квалификационной работы (диплома). Общеизвестно, что в дипломной работе должны иметь место элементы исследовательского поиска, характеризующие способность и подготовленность студента теоретически осмыслить актуальность выбранной темы, ее научно-прикладную ценность, возможность проведения самостоятельного научного исследования и применения полученных результатов в своей дальнейшей практической деятельности.

Реформа юридического образования, получившая новый виток со вступлением России в Болонский процесс, имеет и другой аспект: началом и основой правовых преобразований В.Д. Зорькин называет реформу юридического образования⁹.

Нельзя не согласиться с Н.С. Бондарем во мнении о том, что профессия юриста — явление глубоко национальное, по своей природе консервативное¹⁰. Безусловно, юридизация национальной жизни и международно-правовая глобализация оказывают влияние на содержание юридического образования, выбор учебно-методического обеспечения, образовательных технологий.

Сегодня образование признано одним из приоритетных национальных проектов, что означает активизацию организационной, нормотворческой и финансовой деятельности государства в направлении усовершенствования условий получения образования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Богданова Н. А.* Общее и особенное в методологии конституционного права и методике его преподавания // Конституционное право и конституционная компаративистика в системе российского юридического образования : сборник докладов. — М. : Институт права и публичной политики, 2009. — С. 103—109.
2. *Бондарь Н. С.* Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. — М. : Юрист, 2013. — 62 с.
3. *Бондарь Н. С.* Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. — Ростов н/Д, 2013. — С. 8, 41.
4. *Зорькин В. Д.* Конституционно-правовое развитие России. — М. : Норма, Инфра-М, 2011. С. 581.
5. *Кененова И. П.* Методология и методика преподавания конституционного права зарубежных стран // Сравнительное конституционное обозрение. — 2009. — № 6 (73). — С. 66—71.
6. *Комарова В.В.* Юридическое образование сегодня // Образование и право. — 2010. — № 3. — С. 7—15.
7. *Комарова В. В.* Реформа образования и дисциплины государственно-правовой специализации // Право и жизнь. — 2012. — № 166 (4). — С. 182—196.
8. *Комарова В. В.* Рецензия на учебник для бакалавриата В.Е. Чиркина «Конституционное право» // Образование и право. — 2016. — № 2.
9. *Кутафин О. Е.* Источники конституционного права Российской Федерации. — М., 2002. — С. 53.
10. *Морозова С. А.* Актуальные проблемы методики преподавания юриспруденции в вузе // Право и образование. — 2010. — № 6. — С. 40—46.
11. *Овсепян Ж. И.* Кризис и необходимость нового подъема преподавания конституционного права в вузах России // Lex Russica. — 2013. — № 11.
12. *Синюков В. Н.* Юридическое образование в контексте российской правовой культуры // Журнал российского права. — 2009. — № 7. — С. 31—45.

Материал поступил в редакцию 10 декабря 2016 г.

⁹ *Зорькин В. Д.* Конституционно-правовое развитие России. М. : Норма, Инфра-М, 2011. С. 581.

¹⁰ *Бондарь Н. С.* Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. Ростов н/Д, 2013. С. 8, 41.

PRACTICE-ORIENTED METHODS IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF LAW UNIVERSITIES

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Professor, Doctor of Law, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

vvalentinak@ya.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *The development of a modern society and Russia's accession to the Bologna process have resulted in changing the requirements set down for training, including the field of jurisprudence. The article analyses the problems of training lawyers in conditions of transition to the Bologna system and changing requirements imposed on a graduate of a law university. One of the main modern requirements in legal education amounts to the development of a creative, proactive specialist possessing organizational skills and an ability to put new achievements of scientific thought into practice. The educational process subjected to reforms requires changes in the system of assessment of student knowledge and skills. The author suggests that the practice-oriented teaching methods should be distinguished from practice-oriented elements implemented in assessment tools. The author submits her own understanding of the system of assessment tools. The author concludes that today the forms of control should become a kind of continuation of teaching methods; students' scientific research is a way to meet modern requirements to the educational results of graduates of law universities.*

Keywords: *education, Law University, student, competences, assessment tools, practice-oriented elements, scientific research activities*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bogdanova N.A. Obshhee i osobennoe v metodologii konstitucionnogo prava i metodike ego prepodavaniya // Konstitucionnoe pravo i konstitucionnaja komparativistika v sisteme rossijskogo juridicheskogo obrazovaniya: Sbornik dokladov. — M.: Institut prava i publichnoj politiki, 2009. — S. 103—109.
2. Bondar' N.S. Rossijskoe juridicheskoe obrazovanie kak konstitucionnaja cennost': nacional'nye tradicii i kosmopoliticheskie illjuzii. Jurist. — M., 2013. — 62 s.
3. Bondar' N.S. Rossijskoe juridicheskoe obrazovanie kak konstitucionnaja cennost': nacional'nye tradicii i kosmopoliticheskie illjuzii. PROFPRESS. Rostov-na-Donu. 2013. S. 8. S. 41.
4. Zor'kin V.D. Konstitucionno-pravovoe razvitie Rossii. M.: Norma, 2011 S. 581.
5. Kenenova I.P. Metodologija i metodika prepodavaniya konstitucionnogo prava zarubezhnyh stran // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. — M.: Institut prava i publichnoj politiki, 2009, № 6 (73). — S. 66—71.
6. Komarova B.B. Juridicheskoe obrazovanie segodnja // Obrazovanie i pravo. 2010. № 3. S. 7—15.
7. Komarova V.V. Reforma obrazovaniya i discipliny gosudarstvenno-pravovoj specializacii // Pravo i zhizn'. — 2012. — № 166 (4). — S. 182—196.
8. Komarova V.V. Recenzija na uchebnik dlja bakalavriata V.E. Chirkina «Konstitucionnoe pravo» // Obrazovanie i pravo. — 2016. — № 2. S.
9. Kutafin O.E. Istochniki konstitucionnogo prava Rossijskoj Federacii. — M., 2002. — S. 53.
10. Morozova S.A. Aktual'nye problemy metodiki prepodavaniya jurisprudencii v vuze // Pravo i obrazovanie. — 2010. — № 6. — S. 40—46.
11. Ovsepjan Zh.I. Krizis i neobhodimost' novogo pod#ema prepodavaniya konstitucionnogo prava v vuzah Rossii // Lex Russica. — 2013. — № 11.
12. Sinjukov V.N. Juridicheskoe obrazovanie v kontekste rossijskoj pravovoj kul'tury // Zhurnal rossijskogo prava. — 2009. — № 7. — S. 31—45.

О перспективах развития уровневого юридического образования

Аннотация. *Статья посвящена исследованию проблем перехода к уровневой системе в области юридического образования. Анализируются вопросы, связанные с обеспечением качества образовательных программ бакалавриата, востребованности выпускников на рынке труда, перспективами развития федеральных государственных образовательных стандартов. Рассматриваются используемые критерии эффективности и качества образовательной деятельности, в т.ч. востребованность выпускников на рынке труда. В статье обозначены основные проблемы формирования содержания образовательных программ бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция; сделан вывод о наличии существенных недостатков при разграничении содержания программ бакалавриата и магистратуры. По мнению автора, в образовательной деятельности не произошел переход от дисциплинарного принципа формирования образовательной программы к компетентностному. В результате, не преодолена отраслевая изолированность, недостаточно внедрены межотраслевые дисциплины, а также происходит дублирование учебного материала. Сформулирован вывод о необходимости поиска новой концепции юридического бакалавриата, основанной на требованиях к профессиональной деятельности юриста.*

Ключевые слова: ФГОС; бакалавриат; юридическое образование; качество образования; практико-ориентированное образование.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.016-021

Несмотря на все многообразие подходов к оценке качества образовательной деятельности, наиболее универсальным и надежным критерием, по-видимому, является профессиональная карьера выпускников. Мировая практика знает множество примеров системного анализа сведений о трудоустройстве выпускников высшей школы, позволяющего сформировать рейтинг образовательных организаций. Например, британское агентство HESA ежегодно с 1994 года собирает данные (в числе других статистических сведений об образовательных организациях) о профессиональной деятельности выпускников в течение

первых 6 месяцев после окончания обучения. Данные включают в себя сведения о содержании полученного образования и трудоустройстве, в т.ч.: анализ причин, по которым выпускник выбрал свое текущее место работы (например, высокая оплата, возможность карьерного роста, получение профессионального опыта и др.); наличие у выпускника предыдущего опыта трудоустройства (работа по выходным, на условиях неполного рабочего дня и т.п.); тип трудоустройства и т.д.

Стартовавший два года назад российский проект¹ мониторинга трудоустройства выпускников основан на анализе информации Пен-

¹ Портал мониторинга трудоустройства выпускников // Минобрнауки РФ. URL: <http://graduate.edu.ru> (дата обращения: 01.04.2016).

© Дорошенко Е. Н., 2017

* *Дорошенко Егор Николаевич* — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

endoroshenko@msal.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

сионного фонда Российской Федерации и позволяет выявить факт наличия хотя бы одного отчисления в ПФР за год, следующий за годом выпуска, а также определить среднюю сумму выплат в отношении выпускников по каждому направлению подготовки (специальности), реализуемому образовательной организацией.

Таким образом, ориентация образовательных программ бакалавриата (как начального уровня высшего образования) на рынок труда и на потребности трудовой деятельности в соответствующей профессиональной области может быть без оговорок признана ключевым критерием оценки уровня развития системы образования в целом, а также востребованности конкретной образовательной организации².

Шесть лет назад в качестве обязательного условия реализации программ бакалавриата российские ФГОСы третьего поколения предусмотрели необходимость тесного сотрудничества между образовательной организацией и работодателем. Совместно должны были определяться виды профессиональной деятельности, к которым готовится обучающийся, формироваться профили подготовки, определяться стратегия по обеспечению качества подготовки выпускников, проводится самообследование по согласованным критериям. Представители работодателей также должны были в качестве экспертов привлекаться к учебному процессу в целях создания условий для максимального приближения программ текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся к условиям их будущей профессиональной деятельности.

Все эти направления сотрудничества вузов и работодателей объединены общей задачей формирования практико-ориентированной системы высшего образования, однако судя по всему, эта задача в настоящее время остается невыполненной. Проводимые социологические опросы показывают, что подавляющее большинство работодателей (более 90 %) отмечают недостаток практических навыков у выпускников высшей школы, да и значительная часть самих выпускников (более 50 %) жалуется

на отсутствие в вузе подготовки к конкретным видам профессиональной деятельности.

Интересно, что на этом фоне заметно падает интерес общества к гуманитарным направлениям подготовки, которые воспринимается более «оторванными» от конкретных профессий. Что же касается отечественного юридического образования, то оно и вовсе кажется находящимся в состоянии системного кризиса: для него характерны низкий процент трудоустройства выпускников (63.6 %) и снижение среднего балла ЕГЭ абитуриентов (особенно на внебюджетном обучении). При этом 30 % вузов в России реализуют образовательные программы в области юриспруденции, а соответствующий контингент студентов превышает 10 % от общей численности всех студентов российских образовательных организаций высшего образования (более 600 тыс. человек).

Почему не сработала «невидимая рука рынка», так успешно регулирующая многие области общественных отношений, связанных с оказанием услуг? Во-первых, реализуя положения ст.43 Конституции РФ, государство предоставляет места для обучения по программам высшего образования за счет бюджета, что формирует значительный сегмент «бесплатного» обучения. Во-вторых, именно повышенный спрос со стороны потребителя на престижные специальности высшего образования, сопутствовавший транзитным процессам в российской экономике 90-х годов, и породил явление, ставшее известным как «торговля дипломами». Оказалось, что высокий спрос на образовательные программы при отсутствии ясных критериев качества обучения порождает лишь имитацию образовательной деятельности и фактический обман потребителя образовательных услуг (который, впрочем, в массе своей и сам «обманываться рад», не желая высокой нагрузки нормального трудоемкого образовательного процесса).

Кстати, это вовсе не специфика российской социально-экономической «сцены». Недавнее исследование трудоустройства, осуществляемого рекрутинговыми агентствами США, продемонстрировало, что работодатели ищут

² Гуртов В. А., Серова Л. М., Степуть И. С., Федорова Е. А., Мороз Д. М. Развитие системы мониторинга трудоустройства выпускников // Высшее образование в России. 2014. № 5. С. 11—23.

выпускников наиболее престижных университетов вовсе не из-за содержания его образовательного «багажа», а из-за тех жестких процедур отбора, которые проходят абитуриенты этих учебных заведений (возможных благодаря высокому конкурсу). Таким образом, студенты ведущих североамериканских вузов, по существу, платят повышенную цену лишь за то, чтобы пройти хорошо работающий сортировочный механизм³. Содержание образовательной программы, качество обучения, образовательный результат — все это, оказывается, интересует кадровое агентство и работодателя в последнюю очередь.

Однако несмотря на известный скепсис в отношении принципиальной возможности измерения эффективности и качества образовательной деятельности, развитие бакалавриата в области юриспруденции (да и в целом бакалавриата как элемента уровневой системы российского образования) может быть основано на стратегии борьбы за образовательный результат. Ядром модернизации становится настройка образовательной программы с точки зрения ее содержания и условий реализации, а остальные направления деятельности государственного регулятора, образовательных организаций и работодателей дополняют и усиливают положительный эффект.

Внедрение уровневой системы образования в сфере юриспруденции изначально встретило сопротивление со стороны значительной части академического и профессионального сообщества. Опасения были, в основном, связаны с выпуском «недоученных» специалистов, которые оказались бы существенно менее квалифицированными по сравнению с выпускниками пятилетнего специалитета. Последний даже сумел «выжить», обретя новую форму в рамках специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности». Однако создавая образовательные программы бакалавриата на базе стандартов третьего поколения, российские вузы ориентировались, прежде всего, на дисциплинарный состав уходящего специалитета, открыв возможность его

сохранения в рамках новых требований ФГОС к срокам получения образования и трудоемкости образовательной программы. Другими словами, комплекс дисциплин специалитета без особых потерь уместился в программе нового юридического бакалавриата.

Так, выпускник программы юридического специалитета 2001-го года имел в приложении к диплому 57 дисциплин (включая дисциплины специализации и специальные семинары). Выпускники программ бакалавриата юридических вузов России в 2016 году также могут похвастаться наличием в приложении к диплому около шестидесяти дисциплин, не считая практик и факультативов.

Следует также учесть, что по ФГОС третьего поколения профессиональный цикл образовательной программы — лишь один из трех циклов, причем в каждом из них предполагается базовая и вариативная части. Такая структура сама по себе создавала условия для широты в определении набора дисциплин, значительное число которых были мягко «рекомендованы» в качестве обязательных в соответствии с примерной основной образовательной программой.

К сегодняшнему дню в российском юридическом бакалавриате доминирует концепция подготовки «специалиста» широкого профиля. С одной стороны, это в какой-то мере позволило уйти от вполне обоснованных обвинений в адрес уровневого образования, касающихся выпуска «недоученных» студентов. А с другой — поставлена под вопрос востребованность юридической магистратуры, которая начинает дублировать содержание предыдущего уровня и невольно разворачивается в сторону абитуриентов, пришедших обучаться юриспруденции по образовательной траектории из совсем «не юридических» направлений подготовки. Цифры неумолимы: в российской юридической магистратуре сейчас получает образование менее 23 тыс. человек — 3 % от общей численности студентов, обучающихся по юридическим направлениям. Кроме того, комплексный учебный план программы бака-

³ The world is going to university // The Economist. URL: <http://www.economist.com/news/leaders/21647285-more-and-more-money-being-spent-higher-education-too-little-known-about-whether-it> (дата обращения: 01.04.2016).

лавриата создает весьма значительную экономическую нагрузку на вуз из-за необходимости соответствующего кадрового, методического и материально-технического обеспечения аудиторной работы.

Видимо, мы стоим в шаге от существенных перемен. Учитывая, что государственный регулятор, судя по всему, окончательно отказывается от установления каких-либо стандартов в отношении дисциплинарной структуры образовательной программы, сокращение количества изучаемых дисциплин видится почти неизбежным уже в краткосрочной перспективе. Но заноса красный карандаш над перечнем дисциплин учебного плана программы бакалавриата, на какой концепции можно основывать принимаемые решения?

Ориентацию на конкретные виды профессиональной деятельности обеспечивают профильные дисциплины, соответствующие направленности образовательной программы. Однако предложить существенно больший сегмент узкоспециализированных дисциплин образовательным организациям будет непросто, т.к. в настоящее время их доля обычно не превышает и 20 % от объема профессионального цикла ООП. Возможно, речь может идти об увеличении объема уже реализуемых профильных учебных дисциплин.

Значительную роль в развитии образовательных программ может сыграть построение учебного плана на основе требований ФГОС к образовательному результату, где первостепенное значение имеют формируемые навыки в конкретных сферах профессиональной деятельности, а дисциплинарная структура ООП является лишь следствием подбора содержания учебной работы под содержание формируемых компетенций. Данный подход имеет значительный реформистский потенциал, т.к. он позволяет решить две существенные проблемы, свойственные «классическому» учебному плану, доставшемуся программам бакалавриата «в наследство» от предыдущего поколения государственных стандартов.

Во-первых, подбор содержания учебных занятий под описание образовательного результата разрушает отраслевую «скорлупу», которая изолирует учебные дисциплины друг от

друга, не позволяя достичь максимальной системности образовательной программы. Практическая работа юриста редко бывает сугубо отраслевой: для решения профессиональных задач, как правило, требуется комплексный подход, предполагающий применение норм различных отраслей права. Сегодня много говорится о пользе междисциплинарного подхода, однако на практике в этом направлении сделано не так уж и много: в основном, речь идет о дополнении ООП новыми комплексными дисциплинами. Однако их удельный вес в образовательной программе остается небольшим, что приводит к сохранению незаполненных пробелов в ее содержании, и оставляет «компетентностный» подход на уровне декларации.

Во-вторых, наличие в учебном плане и комплексных, и «базовых» отраслевых дисциплин неизбежно приводит к массовому дублированию учебного материала, а также к смысловому разрыву однородных профессиональных задач. Например, вопросы, связанные с правом собственности на земельные участки, могут быть включены в содержание: *административного права* (управление агропромышленным комплексом, государственное управление в области экологии и использования природных ресурсов), *гражданского права* (право частной собственности на отдельные объекты, права на земельный участок при продаже находящейся на нем недвижимости и права на недвижимость при продаже земельного участка, наследование земельного участка и др.), *муниципального права* (резервирование земель и изъятие земельных участков для муниципальных нужд, осуществление муниципального земельного контроля), *земельного права* (система прав на земельные участки, возникновение, прекращение и ограничение прав на земельные участки, особенности частной собственности на земельные участки и др.), *дисциплины «Вещные права»* (особенности права собственности на земельные участки), а также *специализированных учебных дисциплин* в области правового регулирования земельно-имущественных отношений.

По всей видимости, федеральные образовательные стандарты нового поколения «3++»

будут предусматривать необходимость корреляции планируемого образовательного результата ООП и требований профессиональных стандартов, которые применяются работодателями при формировании кадровой политики, в управлении персоналом, при организации обучения и аттестации работников, заключении трудовых договоров, разработке должностных инструкций и установлении систем оплаты труда. Однако для юридического образования соответствующие ориентиры пока отсутствуют (профессиональные стандарты не разработаны).

Насколько далеко может зайти модернизация дисциплинарной структуры программ бакалавриата на пути к практико-ориентированному обучению? В какой-то мере ответом на этот вопрос может быть усредненный пример учебного плана образовательных программ бакалавриата ведущих британских юридических университетов, работающих в рамках уровневой системы образования⁴.

Попробуем представить себе *инновационную программу российского юридического бакалавриата*, сформированную не на базе требований ФГОС, а на основе такого примера.

Концепция программы включает знакомые принципы мультидисциплинарности и вариативности методов обучения в рамках лекций, семинаров и коллоквиумов. Миссия программы не сводится к обучению отдельным операциям или практическим действиям (чего иногда опасаются в нашем профессиональном сообществе), а предполагает изучение принципов права и его роли в регулировании отношений между индивидом, обществом и государством, исследование области применения законов, их изменения и поиска правильного решения социальных проблем.

Обучение по этой программе продлится три года. В составе учебного плана двенадцать учебных модулей (дисциплин): по четыре модуля в учебном году. В рамках первого и второго года обучения предусмотрены обязательные (базовые) модули, в т.ч. гражданское

право (вещные права и договорное право), уголовное право, государственное право, теория государства и права, гражданский процесс, и основы права зарубежных стран. Для третьего года требуется осуществить индивидуальный выбор четырех модулей из общего перечня предлагаемых вариантов, однако выбор осуществляется на основе пожелания обучающегося с учетом фактической возможности реализации учебной дисциплины и ее посещения в соответствии с расписанием занятий. Допускается и т.н. «внешний модуль» — дисциплина, заимствованная в программе другой специальности, которая существует в данной образовательной организации. Не все модули являются отраслевыми: возможен выбор комплексного научно-исследовательского модуля (предполагающего написание квалификационного эссе), а также модуля консультационной работы в юридической клинике⁵.

Сравнение образовательной программы с двенадцатью и шестьдесятю дисциплинами (даже при условии отсутствия полного тождества в содержании дисциплин) позволяет сделать вывод о потенциальной возможности отраслевой «разгрузки» российского бакалавриата при параллельном усилении практической составляющей обучения, ориентированной на специфику индивидуальной образовательной траектории обучающегося. Расширение профессионального кругозора, получение исчерпывающих отраслевых знаний, умений и навыков обучающимся может быть осуществлено в таком случае в рамках программ магистратуры и подготовки кадров высшей квалификации при продолжении образования, а также на факультативных занятиях.

Актуальными направлениями модернизации образовательных программ, несомненно, являются развитие новых форм и методик аттестации, наполнение электронной образовательной среды и разработка электронных образовательных ресурсов, усиление международной составляющей ООП, а также полноценная реализация принципа синтеза обучения и исследования.

⁴ См, например, образовательную программу юридического факультета London's Global University // UCL Faculty of Laws. URL: <https://www.laws.ucl.ac.uk> (дата обращения: 01.04.2016).

⁵ См.: Юридическая клиника // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Юридическая клиника в России: опыт, инновации, перспективы». 2014.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гуртов В. А., Серова Л. М., Степуть И. С., Федорова Е. А., Мороз Д. М. Развитие системы мониторинга трудоустройства выпускников // Высшее образование в России. — 2014. — № 5. — С. 11—23.
2. Дорошенко Е. Н. Требования ФГОС ВПО к разработке основной образовательной программы в юридическом вузе // Совершенствование процесса реализации ФГОС ВПО по направлению подготовки «Юриспруденция»: проблемы и перспективы: материалы Межвузовской учебно-методической конференции (23 апреля 2013 года). — 2013. — с.103—110.
3. Юридическая клиника // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Юридическая клиника в России: опыт, инновации, перспективы». — 2014. — 160 с.
4. The world is going to university // The Economist. URL: <http://www.economist.com/news/leaders/21647285-more-and-more-money-being-spent-higher-education-too-little-known-about-whether-it> (дата обращения: 01.04.2016).

Материал поступил в редакцию 10 декабря 2016 г.

PROSPECTS FOR THE TIERED LEGAL EDUCATION DEVELOPMENT

DOROSHENKO Egor Nikolaevich — PhD, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
endoroshenko@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

Review. *The article is devoted to the inquiry into problems of the transition to a tiered system of legal education. The paper examines the issues related to the ensuring the quality of the Bachelor's Programs, the demand for graduates in the labor market, prospects for the development of federal state educational standards. The author addresses criteria of efficiency and quality of educational activities, including the demand for graduates in the labor market, used in practice. The article defines the basic problems of the formation of the content of educational programs for Bachelors within the framework of training program 40.03.01 Jurisprudence; the author concludes that there are significant deficiencies in differentiating the content of Bachelor's and Master's Programs. According to the author, educational activities have not experienced any shift from the disciplinary principle applied to set up an educational program to the competence principle. As a result, the disciplinary isolation has not been overcome; interdisciplinary subjects are insufficiently used, as well as duplication of educational material takes place. The author concludes that there is the need to find a new legal concept for training law Bachelors based on the requirements applied to the professional activity of the lawyer.*

Keywords: *FGOS, Bachelor's Degree Program; legal education; quality of education; practice-oriented education.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gurtov V.A., Serova L.M., Stepus' I.S., Fedorova E.A., Moroz D.M. Razvitie sistemy monitoringa trudoustrojstva vypusknikov // Vysshee obrazovanie v Rossii. — 2014. — № 5. — S. 11—23.
2. Doroshenko E.N. Trebovanija FGOS VPO k razrabotke osnovnoj obrazovatel'noj programmy v juridicheskom vuze // Sovershenstvovanie processa realizacii FGOS VPO po napravleniju podgotovki «Jurisprudencija»: problemy i perspektivy: materialy Mezhvuzovskoj uchebno-metodicheskoj konferencii (23 aprelja 2013 goda). — 2013. — s.103—110.
3. Juridicheskaja klinika // Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Juridicheskaja klinika v Rossii: opyt, innovacii, perspektivy». — 2014. — 160 s.

О роли правовых основ регулирования образовательного процесса и методики преподавания конституционного права

Аннотация. Предметом научного исследования настоящей статьи являются вопросы конституционно-правового закрепления принципов и законодательного регулирования образовательной деятельности на примере преподавания конституционного права.

Автором выполнен сравнительный анализ конституционно-правового закрепления принципов регламентации образовательной деятельности в разных государствах, предложено определение понятия «правовая основа регулирования образовательного процесса».

Анализ законодательства и литературы по теме исследования позволил выявить основные недостатки в правовом регулировании образовательного процесса, проблемы выбора и реализации методов преподавания конституционного права, сформулировать конкретные предложения.

Основной вывод, который сделан по итогам исследования, состоит в том, что федеральное законодательство, регулирующее образовательный процесс, нуждается в дальнейшем совершенствовании. Основным вкладом, который сделан автором в настоящей статье, является раскрытие содержания и роли принципов регулирования образовательной деятельности в Российской Федерации, а также выявление необходимости дальнейшего регулирования федеральным законодателем общественных в указанной сфере в строгом соответствии с правовой основой регулирования образовательного процесса.

Ключевые слова: конституционное право, правовая основа регулирования, методика преподавания, идеологическое многообразие, законность, академические свободы, светскость образования.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.022-028

Удачно заложенный правовой фундамент, правовая основа позволяет не только выстроить стройную систему образовательного процесса, но сделать ее устойчивой, методологически выверенной. Наличие подобной правовой базы особое значение имеет для преподавания конституционного права — ведущей отрасли отечественного права. Правовая основа осуществления указанной деятельности важна здесь как ни для какой другой отрасли права. Не только потому, что может ока-

зывать влияние на содержание ее предмета, методику донесения учебного, фактического, нормативного материала до студентов, магистрантов и аспирантов, но и потому, что само конституционное право существенно влияет на другие отрасли российского права.

Под *правовой основой* регулирования образовательного процесса и методики обучения в современных образовательных организациях Российской Федерации мы понимаем взаимосвязанную совокупность нормативно закреп-

© Осавелюк А. М., 2017

* Осавелюк Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

osaveluk@mail.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

пленных государством принципов и системы источников права в указанной сфере социальных отношений.

Ведущее положение в этом дуэте занимают принципы — конституционные (законодательные) руководящие правовые начала, идеи, которые составляют фундамент формирования, организации и деятельности государственного аппарата, осуществляющего соответствующие полномочия в сфере образования¹. Они подразделяются на системообразующие, устанавливающие порядок формирования государственного аппарата в целом, его структуру и взаимосвязь структурных элементов, и производные, которые определяют порядок осуществления полномочий отдельными органами, а также классификацию государственных органов, осуществляющих соответствующие полномочия в сфере образования². Одним из важнейших свойств указанных принципов является то, что они оказывают существенное влияние на предмет конституционного права как отрасли³.

Одним из принципов, на которых базируется высшее юридическое образование и преподавательская деятельность в Российской Федерации, является закрепленный в ст. 13 Конституции РФ принцип идеологического многообразия. В соответствии с ним в Российской Федерации не только признается свободная конкуренция разных идеологий и их многообразие, но и устанавливается конституционное требование, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

Данный принцип в сфере образования дает возможность преподавателям конституционного права и обучающимся свободно выбирать те или иные научные школы и концепции, идеи и высказывать свои суждения по различным научным концепциям, приводить соответствующие аргументы, подтверждающие высказываемое мнение и т.д. Особое значение указанный принцип имеет для преподавания конституционного права зарубежных стран, которое, как известно, характеризуется различными правовыми семьями, их особенностями. Прежде всего, по видам и месту источников права в системе правового регулирования, научным школам и др.

Вместе с тем по соображениям нравственности, гуманизма и педагогического воспитания подрастающего поколения Конституция России запрещает такую идеологию и научные концепции, применяемые в образовательном процессе, которые направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ч. 5 ст. 13).

Принцип законности. Провозглашение Российской Федерации правовым государством предполагает закрепление в Конституции и законодательстве РФ принципа законности. Он имеет наиболее общий, всеобъемлющий характер. Содержание принципа законности выражается в требовании строгого и полного осуществления предписаний правовых норм

¹ Роль правового фундамента (основы) принципы могут выполнять потому, что по сравнению с иными нормами права они имеют императивный характер, универсальное содержание и наивысшую юридическую силу. Императивный характер принципа означает, что его предписание должно быть исполнено только таким образом, как это установлено соответствующей нормой Конституции. Универсальное содержание означает, что требования принципа распространяют свое руководящее воздействие на всех субъектов правоотношений, на все виды правоотношений и действуют на всей территории государства. Наивысшая юридическая сила принципа позволяет с помощью юридических средств (конституционного контроля, судебного решения и т.п.) добиваться реализации его предписаний в том случае, когда имеется противоречие с любой другой нормой права. Другими словами, в случае таких противоречий всегда будет действовать норма принципа.

² Подробнее см.: Конституционное право России : учебник для студентов вузов / под ред. Б.С. Эбзеева, Е.Н. Хазова, А.С. Прудникова. 7-е изд. перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2015. С. 23—25.

³ См.: Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М. : Юристъ, 2001. С. 43.

всеми субъектами права⁴. Так, ст. 15 Конституции РФ устанавливает высшую юридическую силу и прямое действие положений Конституции на всей территории Российской Федерации. В пункте 2 ст. 15 закрепляется также, что органы государственной власти, местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию России и законы.

Принцип законности нашел закрепление и в других нормах Конституции России, устанавливающей систему органов государственной власти, принципы их организации и деятельности. Обеспечивая реализацию норм права, указанный принцип одновременно содействует воплощению в практике правового регулирования других общих правовых принципов: справедливости, социальной свободы, гуманизма.

Непосредственное отношение к преподавательской деятельности и методике преподавания имеет другой конституционный принцип — *академических свобод*, — закрепленный в ч. 1 ст. 44 Конституции России. В соответствии с ним каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания⁵. В соответствии с указанным принципом для охраны и дальнейшего развития научных открытий и достижений в педагогической деятельности Конституция и законодательство Российской

Федерации установили охрану интеллектуальной собственности.

Содержание конституционно-правового регулирования принципа свободы преподавания имеет сложный характер и заключается не только в защите носителей этой свободы и их прав, которые возникают при ее реализации. Важной составной его частью является адекватное закрепление его в законодательстве⁶. Кроме того, осуществление учебного процесса на высоком профессиональном уровне невозможно в условиях ограничения доступа к информационным источникам, повсеместной цензуры, постоянного вмешательства в интеллектуальную деятельность педагога, отсутствия базы для научной и педагогической деятельности. Немаловажное значение имеет и профессиональные качества самого преподавателя, его умение выбрать правильную методику преподавания⁷ и дать адекватную оценку избранного метода⁸.

Вместе с тем, говоря о правовой составляющей указанного принципа, мы бы не стали, в отличие от некоторых авторов, слишком преувеличивать влияния международного права на содержание свободы преподавания, как составной части принципа академических свобод, так и самого принципа академических свобод. Во-первых, потому, что сами эти авторы признают тот факт, что свобода преподавания имеет множество измерений и характери-

⁴ См., например: Конституционное право России : учебник для студентов вузов / под ред. Б.С. Эбзеева, А.С. Прудникова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2012. С. 235—240.

⁵ Закрепление указанного принципа как свободы творчества и преподавания закреплен также конституциями Федеративной Республики Германия (ст. 5), Королевства Испания (ст. 20), Республики Польша (ст. 73) и др.

⁶ Галузо В. Н., Осавелюк А. М., Эриашвили Н. Д. Образование и воспитание в Российской Федерации: поиск оптимального сочетания // Особенности преподавания юридических дисциплин в современных условиях : сб. материалов круглого стола (27 марта 2015 г., г. Москва) / под общ. ред. О.Д. Жука ; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2015. С. 206—211.

⁷ Фадеев В. И. Исторический метод и проблемы его использования в науке конституционного права // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения». Секция конституционного и муниципального права / отв. ред. В.И. Фадеев, Г.Д. Садовникова. М., 2012. С. 12.

⁸ См., например: Болотова Е. Л. Конституционно-правовое регулирование свободы преподавания // Теория и практика российского конституционализма: сб. докладов научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина, 26 июня 2012 г. / отв. ред. В.И. Фадеев. М. : МГЮА, 2013. С. 331 ; Осавелюк А. М. Методика преподавания юриспруденции в высшей школе : учеб. пособие для магистрантов по направлению «Юриспруденция». 2-е изд. испр. и доп. М. : ТЕИС, 2014. С. 64—76.

стик одним из которых является ее трактовка как культурного права⁹.

Например, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах человека устанавливает: «1. Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на:

- а) участие в культурной жизни;
- б) пользование результатами научного прогресса и их практического применения;
- в) пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, автором которых он является.

2. Меры, которые должны приниматься участвующими в настоящем Пакте государствами для полного осуществления этого права, включают те, которые необходимы для охраны, развития и распространения достижений науки и культуры.

3. Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу, безусловно необходимую для научных исследований и творческой деятельности.

4. Участвующие в настоящем Пакте государства признают пользу, извлекаемую из поощрения и развития международных контактов и сотрудничества в научной и культурной областях» (ст. 15 Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах)¹⁰.

Во-вторых, потому, что Конституция Российской Федерации и закрепленный ею принцип академических свобод (ч. 1 ст. 44) по-прежнему имеют высшую юридическую силу содержание указанного принципа детально раскрывается на основании положений Конституции Российской Федерации российским законодательством, а международные договоры, включая и процитированные положения Пакта на территории Российской Федерации непосредственно не действуют, а требуют ратификации.

В-третьих, потому, что конституции и законодательство зарубежных государств по-разно-

му регулируют указанный вопрос. Например, в одних государствах принцип академической свободы выражен через свободу творчества, науки, научно-технического творчества. Так ст. 51 Конституции Республики Азербайджан установила, что каждый обладает свободой творчества. Свободное осуществление литературно-художественного, научно-технического и других видов творчества гарантируется государством. В соответствии с положениями ст. 40 Конституции Республики Армения каждый имеет право на свободу литературного, художественного, научного и технического творчества, пользование научными достижениями и участие в культурной жизни общества.

В других конституциях указанный принцип сформулирован по-другому, как государственная гарантия. В частности, в ст. 23 Конституции Республики Болгария установлено, что государство создает условия для свободного развития науки, образования и искусств и оказывает им помощь. Оно заботится об охране национального исторического и культурного наследия.

Статья 16 Конституции Греции гарантиям придала иное содержание: искусство и наука, исследование и преподавание свободны; их развитие и распространение являются обязанностью государства. Академические свободы и свобода преподавания не освобождают от долга подчинения Конституции. Образование является важнейшей задачей государства и имеет целью моральное, духовное, профессиональное и физическое воспитание греков, развитие их национального и религиозного сознания и формирование их как свободных и ответственных граждан. Высшее образование дается исключительно учебными заведениями, имеющими статус юридических лиц публичного права и полностью самоуправляемыми. Эти учебные заведения находятся под надзором государства, имеют право на финансовую поддержку с его стороны и функционируют на основе законов об этих заведениях. Слияние и разделение высших учебных заведений может иметь место и вопреки любым

⁹ Болотова Е. Л. Указ. соч.

¹⁰ Международное право : сборник документов / сост. Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. М., 2009. С. 78—86.

противоречащим положениям, как это определено законом. Профессора высших учебных заведений являются государственными чиновниками. Остальной преподавательский персонал вузов также исполняет публичные функции в соответствии с условиями, определенными законом.

Статья 54 Конституции Украины провозглашает указанный принцип с сохранением своих особенностей, в соответствии с которыми гражданам гарантируется свобода литературного, художественного, научного и технического творчества, защита интеллектуальной собственности, их авторских прав, моральных и материальных интересов, возникающих в связи с различными видами интеллектуальной деятельности.

Важное значение для преподавания юриспруденции в высшей школе имеет *принцип светского характера образования* в государственных и муниципальных образовательных учреждениях (ст. 4 ФЗ № 374-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» с изменениями по состоянию от 06.07.2016¹¹). Данный принцип вытекает из конституционного принципа отделения религиозных объединений от государства: «Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» (ст. 14).

Для обеспечения реализации положений указанного принципа на практике ст. 48 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. от 03.07.2016 № 359-ФЗ¹²) запретила педагогическим работникам использовать образовательную деятельность для политической агитации, принуждения обучающихся к принятию политических, религиозных или иных убеждений либо отказу от них, для разжигания социальной, расовой, национальной или религиозной розни, для агитации, пропагандиру-

ющей исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, их отношения к религии, в том числе посредством сообщения обучающимся недостоверных сведений об исторических, о национальных, религиозных и культурных традициях народов, а также для побуждения обучающихся к действиям, противоречащим Конституции Российской Федерации¹³.

При этом в соответствии со ст. 5 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими. Для обеспечения реализации этого права религиозные организации вправе в соответствии со своими уставами и с законодательством Российской Федерации создавать образовательные организации.

Существенную роль в реализации образовательной деятельности в Российской Федерации играет закрепленный в ст. 5 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» принцип гарантированности высшего (в том числе и юридического) образования. В соответствии с указанным принципом право на образование в Российской Федерации гарантируется независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Кроме того, в Российской Федерации гарантируются бесплатность на конкурсной основе высшего образования, если образование данного уровня гражданин получает впервые.

Таким образом, можно констатировать, что принципы, лежащие в основе регулирования образовательного процесса в целом и конституционного права в частности, в совокупности образуют правовую основу, которая позволя-

¹¹ СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4558.

¹² СЗ РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4292.

¹³ СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

ет принимать другие нормативные правовые акты (например, указы Президента России, постановления Правительства РФ), на основе предписаний принципов и нормативных актов, составляющих правовую основу, посредством конкретизации и детализации положений Конституции Российской Федерации и законодательства.

Наличие правовой основы позволяет гражданам и другим субъектам социальных отношений в сфере образования, с учетом прямого

действия Конституции России, ее высшей юридической силы, ссылаясь на соответствующие положения правовых основ защищать свои права на образование. А также добиваться признания не соответствующими Конституции Российской Федерации положений других нормативных правовых актов и реализовывать права на свободу преподавания, получения высшего образования, выбора формы обучения, его бесплатность (в установленных законодательством случаях), и др.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Болотова Е. Л.* Конституционно-правовое регулирование свободы преподавания // Теория и практика российского конституционализма: сб. докладов научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина, 26 июня 2012 г. / отв. ред. В.И. Фадеев. — М.: МГЮА, 2013.
2. *Галузо В. Н., Осавелюк А. М., Эриашвили Н. Д.* Образование и воспитание в Российской Федерации: поиск оптимального сочетания // Особенности преподавания юридических дисциплин в современных условиях: сб. материалов круглого стола (27 марта 2015 г., г. Москва) / под общ. ред. О.Д. Жука; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. — М., 2015. — С. 206 — 211.
3. Конституционное право России : учебник для студентов вузов / под ред. Б.С. Эбзеева, А.С. Прудникова. — 5-е изд. перераб. и доп. — М.: Юнити-Дана, 2012.
4. Конституционное право России : учебник для студентов вузов / под ред. Б.С. Эбзеева, Е.Н. Хазова, А.С. Прудникова. — 7-е изд. перераб. и доп. — М.: Юнити-Дана, 2015.
5. *Кутафин О. Е.* Предмет конституционного права. — М.: Юристъ, 2001.
6. Международное право : сборник документов / сост. Н. Т. Блатова, Г. М. Мелков. — М., 2009.
7. *Осавелюк А. М.* Методика преподавания юриспруденции в высшей школе : учеб. пособие для магистрантов по направлению «Юриспруденция». — 2-е изд. испр. и доп. / А.М. Осавелюк. — М.: ТЕИС, 2014.
8. *Фадеев В. И.* Исторический метод и проблемы его использования в науке конституционного права // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения». Секция конституционного и муниципального права / отв. ред. В.И. Фадеев, Г.Д. Садовникова. — М., 2012.

Материал поступил в редакцию 10 декабря 2016 г.

THE ROLE OF LEGAL FOUNDATIONS OF THE EDUCATIONAL PROCESS REGULATION AND METHODOLOGY OF TEACHING CONSTITUTIONAL LAW

OSAVELYUK *Aleksey Mikhailovich* — Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
osaveluk@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *The subject of a scientific study carried out for the purpose of this paper covers the questions of consolidating principles and legislative regulation of educational activities using the example of teaching constitutional law in the paradigm of constitutional law.*

The author makes a comparative analysis of constitutional law implementation of principles regulating educational activities in different states; he proposed the definition of the concept “the legal basis for the regulation of the educational process.”

The legislation and literature analysis carried out for the purpose of this inquiry revealed major shortcomings in the legal regulation of the educational process, problems of choosing and implementation of methods of teaching constitutional law, and helped to formulate certain proposals.

The main conclusion that is made according to the results of the study is that the federal legislation governing the education process needs to be further improved. The main contribution that is made by the author in this article includes clarification of the content and the role of the principles applied to regulate educational activities in the Russian Federation, as well as identification of the need for further regulation of public relations in this sphere by the Federal legislator in strict accordance with the legal basis of the regulation of the educational process.

Keywords: *constitutional law, legal framework of regulation, training methods, ideological diversity, legitimacy, academic freedoms, secular character of education*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bolotova E.L. Konstitucionno-pravovoe regulirovanie svobody prepodavaniya // Teorija i praktika rossijskogo konstitucionalizma: sb. dokladov nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 75-letiju so dnja rozhdenija akademika O.E. Kutafina, 26 ijunja 2012 g. / otv. red. V.I. Fadeev. — M.: MGJuA, 2013.
2. Galuzo V.N., Osaveljuk A.M., Jeriashvili N.D. Obrazovanie i vospitanie v Rossijskoj Federacii: poisk optimal'nogo sochetanija // Osobennosti prepodavaniya juridicheskikh disciplin v sovremennyh uslovijah: sb. materialov kruglogo stola (27 marta 2015 g., g. Moskva) / pod obshh. red. O.D. Zhuka; Akad. Gen. prokuratury Ros. Federacii. — M., 2015. S. 206 — 211.
3. Konstitucionnoe pravo Rossii. Uchebnik dlja studentov vuzov / Pod red. B.S. Jebzeeva, A.S. Prudnikova. — 5-e izd. pererab. i dop. — M.: JuNITI-DANA, 2012.
4. Konstitucionnoe pravo Rossii. Uchebnik dlja studentov vuzov / Pod red. B.S. Jebzeeva, E.N. Hazova, A.S. Prudnikova. — 7-e izd. pererab. i dop. — M.: JuNITI-DANA, 2015.
5. Kutafin O.E. Predmet konstitucionnogo prava. — M.: Jurist', 2001.
6. Mezhdunarodnoe pravo. Sbornik dokumentov // Sost. N.T. Blatova, G.M. Melkov. M., 2009.
7. Osaveljuk A.M. Metodika prepodavaniya jurisprudencii v vysshej shkole: ucheb. posobie dlja magistrantov po napravleniju «Jurisprudencija». 2-e izd. ispr. i dop. / A.M. Osaveljuk. — M.: TEIS, 2014.
8. Fadeev V.I. Istoricheskij metod i problemy ego ispol'zovanija v nauke konstitucionnogo prava // Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Kutafinskie chtenija». Sekcija konstitucionnogo i municipal'nogo prava / Otv. red. V.I. Fadeev, G.D. Sadovnikova. — M., 2012.

Профессиональная компетентность будущих юристов: теоретический, практический и личностный аспекты

Аннотация. В статье анализируются проблемы подготовки юристов в условиях перехода к компетентностной модели обучения и воспитания. Акцентируется внимание на недопустимости снижения уровня теоретических основ правовых дисциплин в программах подготовки бакалавров. Обосновывается тезис о невозможности познания и оценки реальной юридической действительности, овладения профессиональными навыками юриста без глубоких теоретических знаний прежде всего конституционно-правовой теории.

Автор подчеркивает значимость непосредственного интенсивного интеллектуального взаимодействия преподавателя со студентами, что прежде всего достигается в аудиторных занятиях, проводимых с применением продуктивных технологий, с использованием разнообразных видов творческой профессионально ориентированной работы студентов. Определяются показатели результативности применения продуктивных технологий.

Отмечается трудозатратность использования творческих методик, однако автор формулирует позицию о том, что большая эффективность таких методик в процессе профессиональной подготовки юристов требует от преподавателя самоотверженности, добросовестной подготовки к каждому занятию вне зависимости от опыта педагогической деятельности. Автор считает важным для преподавателя разработку домашних заданий для самостоятельной работы студентов на очередном семинаре. При этом необходимо ориентироваться на своевременное обсуждение актуальных проблем.

Обращается внимание на обязательность воспитательной составляющей процесса образования, ее значимость для будущего юриста.

Ключевые слова: образование, преподавание, юрист, студент, личность, компетенции, профессиональное, продуктивные технологии, знания, умения, навыки.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.029-036

Особенность нашего насыщенного политическими и правовыми событиями времени диктует такие ориентиры в характере образования, которые направлены на свободное развитие личности будущих профессионалов, позволяющее им мобильно дать адекватную оценку этим событиям, сформировать свою позицию по той или иной проблеме

и решить ее качественно, правильно применив законодательство и научную доктрину, восполнив пробелы и другие погрешности нормативных актов. Как известно, развитие личности проявляется в ее социально и профессионально значимых качествах (компетенции¹).

Модернизация российского высшего профессионального образования предполагает

¹ Левитан К. М. Юридическая педагогика : учебник. М. : Норма, 2008. С. 24.

компетентностный подход к обучению и воспитанию, понимаемый как формирование у студентов профессионально значимых и социально необходимых личностных качеств (компетенций) специалиста, среди которых культура системного профессионального мышления, коммуникативная культура, умение работать в команде, толерантность, стремление к самообразованию и саморазвитию, ответственность, организаторские и лидерские качества, устойчивость к постоянным изменениям социальной и природной среды, гибкость и креативность мышления, оптимальный стиль профессионального поведения, умение представлять свои личностные и профессиональные качества, культура здорового образа жизни. Компетентностный подход в подготовке специалистов предполагает не просто трансляцию знаний, умений и навыков от преподавателя к студенту², а формирование у будущих юристов профессиональной компетентности.

Представляется особо значимым в подготовке бакалавров теоретический аспект профессиональной компетентности. Невозможно овладеть профессиональными навыками юриста без глубоких теоретических знаний конституционно-правовой материи. Однако объем лекционных часов по конституционному праву значительно сократился, что справедливо критикуется многими профессорами³. В то же время сместившийся акцент в преподавании с лекций на семинарские занятия требует от преподавателя, ведущего семинары, значительных усилий по выявлению знаний студентов, которые они вынуждены «добывать» самостоятельно и демонстрировать их на практических занятиях.

Как писал известный немецкий юрист-теоретик Р. Иеринг, право не есть простая масса

законов, это нечто совершенно иное. Законы может неюрист также хорошо заучить, как юрист, но чтобы понимать и применять право, для этого недостаточно одного здравого разума, а необходимы еще: 1) приобретаемая лишь многолетними усилиями и упражнениями своеобразная способность воспринимания, особая искусность отвлеченного мышления, юридическая интуиция, воображение; 2) умелость в обращении с юридическими понятиями, способность легкого перевода понятий из области отвлеченного в область конкретного и наоборот, верный глаз, безошибочность при раскрытии правового понятия в данном правовом казусе (юридический диагноз), словом — юридическое искусство. Оба эти условия охватываются понятием «юридическое образование». Оно и есть то, что отличает юриста от профана, а не количество познаний; оно определяет цену юриста, а не степень учености⁴.

Для реализации профессиональных способностей юриста нужны соответствующие юридические знания, умения и навыки. Юридические знания — это результат процесса познания, истинность которого проверяется в ходе практической деятельности. Без знаний невозможен процесс познания и оценки реальной юридической действительности. Как справедливо отмечают ученые, расширение и усложнение задач, стоящих перед юристами, повышенные требования к эффективности их деятельности, повышают роль профессиональных знаний (фундаментальных и специализированных, прикладных). Теоретико-практические знания, являются предпосылками интеллектуальных и практических умений и навыков, обеспечивающих возможность профессионально действовать, получать практические результаты⁵.

² См.: *Борисова Н. В., Кузов В. Б.* Компетентностный подход и современные образовательные технологии в реализации систем обеспечения качества высшего образования. Экспериментальная учебная авторская программа / под науч. ред. Н.А. Селезневой. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006.

³ *Овсепян Ж. И.* Кризис и необходимость нового подъема преподавания конституционного права в вузах России // *Lex Russica*. 2013. № 11. С. 1264.

⁴ Цит. по: *Боруленков Ю. П.* Компетентность субъекта юридического познания // Библиотека криминалиста. 2015. № 1. С. 324.

⁵ См.: *Боруленков Ю. П.* Указ. соч.

В основу учебных материалов положена теория, однако логика стройной системы знаний науки и учебной дисциплины не совпадает с логикой прикладных умений и навыков. В силу этого преподавателю, прежде всего на семинарских занятиях нужно выстраивать логику реальных действий в конкретных правовых ситуациях, направленную на формирование социально активной и адаптирующейся к реалиям жизни личности, приобретение не только теоретических знаний (далеко не все студенты станут учеными), но и овладение профессиональными навыками, опытом практической деятельности. В решении дилеммы «Кого готовить: ученых или ремесленников?», очевидно, следует исходить из уточнения, кого именно готовить — бакалавра, специалиста или магистра, и в соответствии с этим расставлять приоритеты. В отношении бакалавров и специалистов речь должна идти не о получении знаний ради высокой науки (так называемая «знаниевая модель обучения», а о получении «деятельностных знаний» (решать те или иные задачи, излагать, анализировать те или иные соотношения и закономерности, самостоятельно находить информацию, сравнивать те или иные объекты и т.д.)»⁶. Такой профессиональный деятельностно-компетентный подход усматривается в ФГОС ВПО нового поколения, преследующем цель разумного сочетания фундаментального образования и профессионально-прикладной подготовки специалистов, при котором процесс обучения приобретает новый смысл, превращается в процесс учения/научения, т.е. в процесс приобретения знаний, умений, навыков и опыта деятельности со статусом самостоятельной дидактической единицы.

Учеными доказано, что современной тенденцией развития высшего профессионального образования в мире является повышение качества и эффективности не столько через учебные планы, методические рекомендации, количество аудиторных часов, сколько через личность преподавателя, «способного вопло-

щать свои установки, знания, умения и навыки в творческий потенциал учащихся»⁷. Другими словами, именно от преподавателя, его педагогической индивидуальности, способностей к творческому поиску, постоянной рефлексии своей профессиональной деятельности и профессиональному самосовершенствованию зависит степень овладения студентами теоретическими знаниями и профессиональными навыками.

Формирование профессиональной компетентности в свою очередь обуславливает интенсивное организационно-психологическое интеллектуальное взаимодействие преподавателя со студентами. Такое взаимодействие возможно при условии использования преподавателем целой палитры современных образовательных технологий, смещающих акценты на формирование у студентов компетенции, которую можно выразить через понятия «готовность» и «способность» (обучаться самостоятельно, использовать новые идеи и инновации, принимать решения и нести за них ответственность, работать совместно ради достижения цели и пр.)⁸.

В педагогике выделяют репродуктивные и продуктивные технологии.

Репродуктивные технологии предлагают студентам знания в «готовом» виде. Преподаватель при этом не только сообщает знания, но и объясняет их. Студенты сознательно усваивают знания, понимают их и запоминают. Критерием усвоения является правильное воспроизведение (репродукция) знаний. Главное преимущество репродуктивных технологий — экономность. Они обеспечивают возможность передачи значительного объема знаний, умений за минимально короткое время и с небольшими затратами усилий. Вместе с тем репродуктивные методы обучения не позволяют в должной мере развивать самостоятельность и гибкость мышления, формировать у студентов навыки поисковой деятельности, креативность. При чрезмерном применении эти техно-

⁶ URL: <http://www.internet-school.ru/Enc.ashx?item=4046>.

⁷ Левитан К. М. Указ. соч. С. 26.

⁸ Исследователи включают в этот список до 37 видов компетенций (см.: Левитан К. М. Указ. соч. С. 26).

логии ведут к формализации процесса усвоения знаний, а порой и просто к зубрежке.

Продуктивные технологии обучения содержат такие элементы как логическое и интуитивное предвосхищение; выдвижение и проверка гипотез; перебор и оценка вариантов и др. Их стержнем является стимулирование студентов к творчеству в познавательной деятельности. Творческий поисковый характер обучения обусловлен необходимостью самостоятельного добывания и применения знаний студентами, их оценки. Преподаватель вместе со студентами формулирует проблему, разрешению которой посвящается отрезок времени. Знания студентам не сообщаются, они самостоятельно «добывают» их в процессе разрешения (исследования) проблемы, сравнения различных вариантов получаемых ответов. Деятельность преподавателя сводится к оперативному управлению процессом решения проблемных задач. Учебный процесс характеризуется высокой интенсивностью, учение сопровождается повышенным интересом, полученные знания отличаются глубиной, прочностью, действенностью. В процессе продуктивной деятельности студент всегда создает что-то новое по сравнению с усвоенным ранее, т.е. генерирует новую информацию или способ деятельности. Создание нового в поисковой деятельности всегда опирается на предшествующий опыт. Проведение занятий не на уровне информирования (доведение или получение определенной информации), а на уровне управления процессом развития у студентов профессиональных компетенций юриста требует от преподавателя применения адекватных методов обучения, приближающих студентов к профессиональной деятельности.

Это могут быть любые виды творческой профессионально ориентированной самостоятельной работы студентов — мозговой штурм, малые группы, демонстрация, дебаты, мини-конференции, дискуссии, творческие задания, ролевые и деловые игры, комментирование, составление правового заключения и иных документов, имитационное моделирование и т.п. Эти методики приближают студентов к профессиональной деятельности, ориентиру-

ют преподавателей на использование личностно-деятельностного подхода, позволяющего «пропустить учебный материал через сознание». Практически всегда они порождают обмен мнениями, позволяющий глубже вникнуть в проблему, выявить ее различные грани и тем самым полнее понять предмет, дисциплинировав мыслительный процесс. Такие методы стимулируют поиск различных источников информации, последующее осмысление и комментирование добытого материала, проявление плюрализма и недогматичности подходов к его оценке. Помимо закрепления пройденного, работа над проблемными заданиями всегда сопровождается генерацией идей, максимумом мнений студентов. Профессионально ориентированная самостоятельная работа студентов обычно проходит в атмосфере делового заинтересованного общения студентов и преподавателя. Она позволяет моделировать будущую профессиональную деятельность студентов, что придает импульс мотивации выполнения заданий преподавателя. Это вполне соответствует тем профессиональным компетенциям, которые предусмотрены ФГОС ВПО: готовность применять знания в работе с нормативно-правовыми актами; готовность принимать решения и совершать юридические действия в точном соответствии с законом; способность применять нормативные правовые акты, реализовывать нормы права в профессиональной деятельности; способность юридически правильно квалифицировать факты и обстоятельства; способность толковать различные правовые акты; готовность осуществлять правовую экспертизу нормативных правовых актов, давать квалифицированные юридические заключения и консультации; способность разрабатывать юридические документы.

Применяемые преподавателем интерактивные методики способствуют тому, что у студентов концентрируется внимание, развивается наблюдательность, вырабатывается умение спонтанно говорить кратко, доступно, точно передавая свои мысли по заданной теме, а не просто повторяя текст конспекта или учебника. Развиваются коммуникативные навыки, умение не только публично выступать, но и

слушать других и отыскивать в их позиции слабые стороны, ошибки и недостатки в логике рассуждения. В то же время студенты учатся быть толерантными и тактичными, открытыми для восприятия другого мнения, способными ценить свободу личности и уважать индивидуальность, способными делать критическую самооценку, а также разрешать конфликты в коллективе, где они являются партнерами.

Важное значение при проведении занятия с использованием творческих интерактивных методик имеет завершение обмена мнениями позитивом, поскольку студенты, в силу юношеского максимализма, готовы все подвергать негативной оценке; преподавателю необходимо преобразовать их отрицательную энергию в позитивную созидательную.

Безусловно, использование творческих методик весьма трудоемкая технология, но достаточно эффективная, поскольку помогает студентам увидеть проблему в стандартной ситуации, увидеть новые элементы и связи обычного правового явления; перенести ранее усвоенные знания и умения в новую ситуацию; найти оригинальные решения. От преподавателя требуется овладение методическими приемами, во-первых, создания проблемных ситуаций (подвести студентов к противоречию и предложить им самим найти способ его разрешения (сократовский метод); во-вторых, столкновения противоречий практической деятельности; в-третьих, рассмотрения со студентами ситуации с разных позиций (гражданин, суд, юрист); в-четвертых, побуждения студентов делать сравнения, обобщения, соблюдение логики рассуждения и т.п.⁹

Преподавателю необходимо заранее обдумать адекватную той или иной теме методику проведения занятия, его ход, возможные варианты развития событий, критерии оценивания труда студентов, планируемые результаты выполнения заданий и др. Это требует временных затрат; каким бы богатым не был опыт преподавателя, он все равно должен готовиться к каждому занятию, прорабатывать тему с привлечением новейшего законодательства,

судебной практики, научной литературы и отыскивать проблемно-ориентированные ситуации, обдумывать различные модели выхода из них. Преподаватель должен быть готовым ответить на любые вопросы, относящиеся к содержанию занятия.

Всегда продуктивнее, когда семинары предваряются соответствующей подготовкой студентов, включающей в себя знакомство со специальной литературой, нормативными актами и судебными решениями. Преподаватель должен заранее нацелить студентов на это, дать им домашние задания для самостоятельной работы на следующем семинаре, подбирая их таким образом, чтобы на их основе можно было обсудить наиболее важные профессионально значимые проблемы очередной темы. Необходимо тщательно продумать вопросы с тем, чтобы охватить по возможности все важные аспекты темы. Важно при этом мотивировать учебное задание (продемонстрировать студентам как это задание будет способствовать выработке у них профессиональных компетенций), в силу того, что современные студенты значительно хуже мотивированные, чем предыдущие поколения студентов.

Проведение занятия с использованием творческих методик требует от преподавателя существенной мобилизации организаторских способностей и высокого уровня педагогической квалификации, стимулирующей активную познавательную деятельность студентов и продуктивный ход занятия. Немаловажное значение имеет тактика стиля преподавания, способствующего созданию атмосферы творчества; это стиль взаимоотношений равноправных партнеров, когда преподаватель доброжелателен по отношению к студентам, не мешает им высказывать свое мнение, не перебивает, спокойно и терпеливо выслушивает. Занятие проходит в атмосфере научного сотрудничества с ориентацией студентов на коллективную мыслительную деятельность. Данный стиль преподавания отличается не воздействием субъекта на субъект, а образовательным взаимодействием субъектов обра-

⁹ Левитан К. М. Указ. соч. С. 249.

зовательного процесса, в результате которого изменяются как обучающиеся, так и обучаемый. Это диалогическое взаимодействие, согласующее разные способы мировосприятия и миропонимания и ведущее к личностным преобразованиям и новообразованиям¹⁰. И, кроме того, позволяющее на занятии реализовать все функции преподавательской деятельности — обучающую, воспитательную, организаторскую, исследовательскую.

Таким образом, умелое применение творческих интерактивных методов обучения всегда приносит педагогический эффект, позволяет преподавателю увидеть личность в каждом студенте, позиционирующем себя как юриста и демонстрирующем свой индивидуальный прогресс.

Справедливости ради необходимо отметить недостаточную разработанность педагогических средств и условий, повышающих эффективность такого творческого процесса обучения, а также «научно-методического обеспечения для организации творческой деятельности обучающихся и педагогического инструментария для оценивания результатов этой деятельности»¹¹.

Особенностью юридического образования является непереносное воспитание личности будущего юриста, формирование политических убеждений и мнений, представлений студентов о том, какое место они занимают в обществе, какова роль их профессии. Преподавателю необходимо учитывать аксиологический аспект профессиональной компетентности, обращаясь к общемировоззренческим, общеметодологическим, социально-политическим, нравственно-эстетическим и эстетическим

проблемам государства и права. Как верно отмечают ученые, «знания, умения и навыки, составляющие рутинную, чисто исполнительскую сторону профессиональной деятельности, успешно формируются и актуализируются только при личностном принятии и осознании большого общественного значения соответствующих целей, что определяет формирование высокой ответственности, инициативы, готовности к творчеству»¹².

Однако в последние годы значение этой составляющей процесса образования снижено. По мнению Т.Ю. Кулаповой, переходя на болонскую систему, правовое образование в Российской Федерации поставленных целей не достигает ввиду отсутствия теоретического и гуманитарного наполнения юридического обучения, и перестает выполнять свою традиционную роль¹³. Традиционно юридическое образование было научно-образовательным, оно заключало в себе мировоззренческое отражение правовой культуры общества, являлось показателем господствующих в обществе и признаваемых на уровне государственно-правовой политики нравственно-этических стандартов, моральных ценностей, без учета которых подготовка высококлассных юристов невозможна¹⁴. На наш взгляд, в современных условиях коренной переоценки ценностей, распространения правового нигилизма, неважного отношения к государственным институтам, важно ориентировать студентов в процессе преподавания конституционного права не только на освоение знаний, но и на формирование гражданской позиции¹⁵, усвоение патриотических и гуманистических мировоззренческих установок.

¹⁰ Левитан К. М. Указ. соч. С. 361.

¹¹ Терехова Г. В. Творческие задания как средство развития креативных способностей школьников в учебном процессе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2002.

¹² Боруленков Ю. П. Указ. соч.

¹³ Кулапова Т. Ю. Внутригосударственный и международный правовой опыт: проблемы интеграции и адаптации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 57.

¹⁴ Боруленков Ю. П. Указ. соч.

¹⁵ См. подробнее: Мнацаканян Э. Г. Формирование гражданской позиции будущих юристов в образовательном пространстве вуза // Государство и право в XXI веке. 2014. № 2. С. 38.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Борисова Н. В., Кузов В. Б. Компетентностный подход и современные образовательные технологии в реализации систем обеспечения качества высшего образования. Экспериментальная учебная авторская программа / под науч. ред. Н.А. Селезневой. — М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006.
2. Боруленков Ю. П. Компетентность субъекта юридического познания // Библиотека криминалиста. — 2015. — № 1.
3. Кулапова Т. Ю. Внутригосударственный и международный правовой опыт: проблемы интеграции и адаптации : дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2014.
4. Левитан К. М. Юридическая педагогика : учебник. — М. : Норма, 2008.
5. Овсепян Ж. И. Кризис и необходимость нового подъема преподавания конституционного права в вузах России // Lex Russica. — 2013. — № 11.
6. Терехова Г. В. Творческие задания как средство развития креативных способностей школьников в учебном процессе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Екатеринбург, 2002.

Материал поступил в редакцию 10 декабря 2016 г.

PROFESSIONAL COMPETENCE OF FUTURE LAWYERS: THEORETICAL, PRACTICAL AND PERSONAL ASPECTS

NARUTTO Svetlana Vasilevna — Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
svetanarutto@yandex.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *The article analyses problems of training lawyers in the context of the transition to a competency model of training and education. The author focuses attention on inadmissibility of reducing the level of theoretical foundations of legal disciplines in training Bachelors. The author substantiates the thesis concerning impossibility of cognition and evaluation of legal reality, mastering the skills of a lawyer without deep theoretical knowledge of the constitutional law theory initially.*

The author emphasizes the importance of direct intense intellectual interactions of a professor with students, which is primarily achieved during auditory lessons held with the use of productive technologies, various kinds of creative profession-oriented work of students. The author identifies productive technologies performance efficiency indicators.

Using creative methods is labor-consuming; however, the author formulates a position that the effectiveness of using such techniques during training of lawyers requires teacher's dedication, good preparation for each lesson regardless of teaching experience. The author believes that it is important for the teacher to elaborate home assignments to develop independent work of students for the next seminar. To this end, it is necessary to focus on the timely discussion of current problems.

Attention is drawn to the mandatory nature of an educational component of training, its relevance for the future lawyer.

Keywords: *education, teaching, lawyer, student, personality, competence, professional, productive technologies, knowledge, skills.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Borisova N.V., Kuzov V.B. Kompetentnostnyj podhod i sovremennye obrazovatel'nye tehnologii v realizacii sistem obespechenija kachestva vysshego obrazovanija. Jeksperimental'naja uchebnaja avtorskaja programma / Pod nauch. red. N.A. Seleznevoj — M.: Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, 2006.

2. Borulenkov Ju.P. Kompetentnost' sub#ekta juridicheskogo poznanija // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. 2015. № 1.
3. Kularova T.Ju. Vnutrigosudarstvennyj i mezhdunarodnyj pravovoj opyt: problemy integracii i adaptacii: Dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2014.
4. Levitan K.M. Juridicheskaja pedagogika: Uchebnik. M.: Norma, 2008.
5. Ovsepjan Zh.I. Krizis i neobhodimost' novogo pod#ema prepodavanija konstitucionnogo prava v vuzah Rossii // Lex Russica. 2013. № 11.
6. Terehova G.V. Tvorcheskie zadanija kak sredstvo razvitija kreativnyh sposobnostej shkol'nikov v uchebnom processe: Avtoref. dis... kand. ped. nauk. Ekaterinburg, 2002.

Г. Д. Садовникова*

Особенности преподавания дисциплин государственно-правового цикла с применением интерактивной методики

Аннотация. В статье показаны особенности преподавания учебных дисциплин государственно-правового цикла. Особое внимание уделяется применению интерактивных методов обучения в преподавании конституционного права. Автор считает, что данные особенности обусловлены, прежде всего, публично-правовым характером учебной дисциплины, сложностью предмета познания, идеологическо-патриотической и политической направленностью. Фундаментальный характер дисциплин государственно-правового цикла предопределяет усвоение базовых норм, ценностей и категорий, имеющих определяющее значение для отраслевых учебных дисциплин. Современные стандарты высшего профессионального образования требуют обязательного использования интерактивных методов в учебном процессе высших учебных заведений. В условиях нарастающих глобализационных и информационных вызовов включение в модель российского юридического образования интерактивных методов обучения как необходимого элемента образовательных технологий становится неизбежным. Необходимо также учитывать, что переход на болонскую систему привел к общему сокращению часов аудиторных занятий для студентов бакалавриата. В этих условиях необходим поиск оптимальных методов обучения в условиях ограниченности времени общения преподавателя со студентами в аудитории. Одна из главных задач современного вуза — найти оптимальное соотношение «старого» и «нового», традиционного и инновационного и поддерживать его.

Сохраняя конечную цель и основное содержание образовательного процесса, интерактивное обучение несколько изменяет привычные транслирующие формы на диалоговые, основанные на взаимопонимании и взаимодействии.

Показаны общие модели интерактивных занятий и особенности их проведения по дисциплинам государственно-правового цикла.

Ключевые слова: интерактивные методы обучения, образовательная деятельность, технологии, традиционные формы, инновации, дискуссии, умение, навыки, творчество, взаимодействие.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.037-044

Особенности преподавания учебных дисциплин государственно-правового цикла обусловлены, прежде всего, их публично-правовым характером, сложностью предмета познания, идеологическо-патриотической и политической направленностью. Закрепление в Конституции РФ нормы о том, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной не означает деидеологизации конституционного

© Садовникова Г. Д., 2017

* Садовникова Галина Дмитриевна — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ

sadovnikovag@inbox.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

права, муниципального права, конституционного судебного процесса. В базовых отношениях, регулируемых нормами конституционного права выражается, как отмечала Е.И. Козлова, «прежде всего качественная характеристика государства: суверенитет, форма правления, форма государственного устройства, субъекты государственной власти и способы ее реализации, т.е. *общие основы функционирования всей политической системы общества*»¹. Идеологией проникнуто само содержание Конституции — основного источника конституционного права — это идеология демократии, правового государства, высшей ценности человека, его прав и свобод, независимости судебной власти, самостоятельности местного самоуправления. Фундаментальный характер дисциплин государственно-правового цикла предопределяет усвоение базовых норм, ценностей и категорий, имеющих определяющее значение для отраслевых учебных дисциплин. Эти незыблемые конституционные ценности преподаватель интерпретирует в своих лекциях теоретической направленности, но не менее важно как для усвоения основных понятий, категорий и источников дисциплин государственно-правового цикла, так и форм их практической реализации, суметь так подать материал студентам, чтобы они стали соучастниками процесса обучения, вели с преподавателем заинтересованный диалог.

В современной методической литературе отмечается, что в вузовском преподавании «главная трудность, с нашей точки зрения, заключается в сложившихся и укоренившихся в образовательной практике стереотипах преподавания. Абсолютное большинство преподавателей, начиная свою деятельность в вузе, не руководствуется современными достижениями наук об образовании, а воспроизводит те подходы, при помощи которых учили их

самих. Методический арсенал таких преподавателей ограничивается скудным набором однообразных форм и методов работы: те же «информационные» лекции, те же семинары, те же экзаменационные билеты, те же приемы и манеры»². Большое сомнение вызывает утверждение авторов, что таких преподавателей в современном вузе «абсолютное большинство», но проблему недостаточности применения инновационных методик следует признать безоговорочно.

Современные стандарты высшего профессионального образования требуют обязательного использования интерактивных методов в учебном процессе высших учебных заведений. В условиях нарастающих глобализационных и информационных вызовов включение в модель российского юридического образования интерактивных методов обучения как необходимого элемента образовательных технологий становится неизбежным. Необходимо также учитывать, что переход на болонскую систему привел к общему сокращению часов аудиторных занятий для студентов бакалавриата. В этих условиях необходим поиск оптимальных методов обучения в условиях ограниченности времени общения преподавателя со студентами в аудитории. Самым сложным представляется определение верного для каждой отдельно взятой категории студентов соотношения традиционных и инновационных методов, к которым относят интерактивную методику.

Интерактивное обучение (*inter* — «взаимный», *act* — «действовать») основано на коммуникациях, диалоговых формах взаимодействия участников образовательного процесса, в ходе которого у обучающихся формируются навыки совместной деятельности. Это метод, при котором, по В.К. Дьяченко, «все обучают каждого и каждый обучает всех»³. Интерактивное обучение становится более привле-

¹ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России : учебник. 4-е изд, перераб. и доп. М. : ТК Велби, Проспект, 2006. С. 7.

² Методика преподавания в высшей школе : учеб.-практич. пособие / В. И. Блинов, В. Г. Виненко, И. С. Сергеев. М. : Юрайт, 2014. С. 8.

³ Дьяченко Виталий Кузьмич (1923—2008) — российский педагог и психолог. Кандидат педагогических наук, профессор, академик, действительный член Международной педагогической академии, современный теоретик коллективного способа обучения.

кательным и комфортным для современных студентов, поскольку оно дает возможность проявить свой интеллектуальный потенциал, активно поучаствовать в процессе обучения. В итоге материал вызывает больше интереса, воспринимается более полно и лучше усваивается. Как справедливо отмечает В.А. Казакова «Интерактивное обучение выполняет сразу несколько функций. Во-первых, активное, а не пассивное восприятие информации концентрирует внимание, заставляет не отвлекаться от мысли преподавателя, во-вторых, вносит в занятия некоторый соревновательный, игровой элемент, давая возможность наиболее сообразительным и творческим студентам выделиться из общей массы, реализовать свои престижные амбиции, в-третьих, постоянное обращение к нормативной базе формирует необходимый навык пользования первоисточником, облегчает переход с ним на ты⁴.

Интерактивные модели обучения предусматривают творческие задания, моделирование различных ситуаций, требующих применения правовых норм (кейс-метод), деловые ролевые игры, совместное обсуждение и решение проблем путем дискуссий, сократические диалоги и многое другое. При этом преподаватель должен строить занятие таким образом, чтобы, с одной стороны, не доминировать в аудитории, подавляя активность студентов, с другой — не утратить контроль над ситуацией, чтобы обсуждение не ушло далеко от тематики изучаемого предмета. В идеале создается такая среда образовательного общения, которая характеризуется открытостью, взаимодействием участников, равноправием их аргументов, накоплением совместного знания, возможностью взаимной оценки и взаимоконтроля.

Сохраняя конечную цель и основное содержание образовательного процесса, интерактивное обучение несколько изменяет привычные транслирующие формы на диалоговые, основанные на взаимопонимании и взаимодействии. При этом ведущие вузы страны, в том числе Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) за много лет успешной работы совер-

шенствовали традиционные методики образования, постепенно внедряя и новые. Изменение требований к преподаванию в высшей школе произошло не вдруг, оно обусловлено социально-экономическим развитием общества. Одна из главных задач современного вуза — найти оптимальное соотношение «старого и нового», традиционного и инновационного и поддерживать его.

Толчок к инновациям дал переход на уровневую систему образования (бакалавриат — магистратура), но еще задолго до этого в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) аудитории оснащались техническими средствами обучения, создавался банк видеолекций, обустроивались компьютерные классы, приобретались информационные ресурсы, для преподавателей разрабатывались соответствующие программы переподготовки, реформировалась организационная структура образовательного процесса, приветствовались новые обучающие методики. На заседаниях кафедры конституционного и муниципального права РФ, к примеру, нередко обсуждалась методика проведения занятий с элементами, которые сейчас называют интерактивными. Так, уже много лет назад (после принятия закона о гражданстве РСФСР 1991 года) профессор Е.И. Козлова посвящала часть лекции о российском гражданстве обсуждению оснований приобретения гражданства случайно выбранными из потока студентами. На вопрос лектора: «По какому основанию Вы лично являетесь российским гражданином?» все добросовестно записавшие со слов лектора положения нового закона об основаниях приобретения гражданства отвечали: «Потому что родился в России» или «Потому что родители — граждане». Путем наводящих вопросов: «Вы родились позже февраля 1991 года?» и других лектор подводила их к правильному ответу, что к ним применимо другое содержащееся в законе (ныне утратившем силу) основание — признание гражданства. Сейчас бы мы назвали такую лекцию интерактивной. В данном примере она способствовала верному пониманию только что усвоенного материала.

⁴ Казакова В. А. Методика преподавания уголовно-правовых дисциплин // Юридическое образование и наука. 2012. № 4. С. 32—35.

ла. Профессорско-преподавательский состав кафедры и сейчас применяет некоторые рекомендованные Е.И. Козловой приемы: например, на семинарских занятиях по основам конституционного строя обсуждение со студентами предполагаемых наименований первых шестнадцати статей Конституции РФ (основы конституционного строя). Понятно, что формулируя название статьи, студент пытается уловить основной ее смысл, квинтэссенцию, лучше запоминает содержание.

В течение многих лет в МГЮА нарабатывались традиции высокопрофессионального обучения, и Олегу Емельяновичу Кутафину с коллегами — единомышленниками удавалось нащупать ту грань разумного баланса между традициями и инновациями, которая необходима для подготовки высокопрофессиональных юристов. При этом сохраняются и традиционные академические лекции. Но если когда-то они были единственной формой вербального получения информации, а студенты могли располагать конспектами лекций и библиотекой, то сейчас все имеют электронные устройства, информационные базы данных, причем количество необходимой информации неуклонно возрастает. В этих условиях лекции, в которых излагается содержание законов, не интересуют студентов, тем более что в условиях, когда правовые акты быстро меняются, и польза от таких занятий невелика. Представляется важным усвоить некие общие базовые категории, принципы, главные конституционные ценности, особенно в дисциплинах государственно-правового цикла, чтобы быть готовыми ориентироваться в действующем законодательстве и практике в каждый конкретный момент времени.

Преподавание в современных условиях, — отмечают специалисты в сфере педагогики и методики преподавания, — не столько процесс передачи информации, сколько организационная помощь студенту в ведении своей учебной деятельности. А преподавателю современного вуза необходимо сосредоточиться на формировании готовности применять знания и уме-

ния в различных реальных условиях, в самых разнообразных профессиональных ситуациях⁵.

Студенты, в хорошем смысле избалованные обилием информационных ресурсов, не всегда готовы слушать полтора часа академическую лекцию, не включающую интерактивных элементов, не иллюстрированную слайдами, не содержащую обращений к аудитории, фрагментов диалога.

В преподавании государственно-правовых дисциплин применяются как общие модели интерактивных занятий, так и присущие только данному циклу методики.

К общим моделям интерактивных занятий можно отнести такие, как:

- организация тематических занятий в разных формах: круглых столов, научных мини-конференций, пресс-конференций; брифингов, интервью;
- просмотр и совместное обсуждение учебных фильмов;
- моделирование (например, модель заседания Конституционного Суда РФ, судебного процесса суда общей юрисдикции по рассмотрению заявления о ликвидации политической партии, голосования на избирательном участке, заседания избирательной комиссии по рассмотрению избирательного спора, пленарного заседания Государственной Думы);
- организация временных творческих коллективов для работы над проектом (например, проектом закона);
- организация дискуссий;
- интерактивная экскурсия;
- использование кейс-технологий;
- проведение видеоконференций с участием студентов других вузов;
- мозговой штурм;
- дебаты;
- фокус-группа;
- деловые ролевые игры;
- Case-study (анализ конкретных, практических ситуаций);
- тренинги.

Особенности проведения интерактивных занятий по дисциплинам государственно-правового цикла могут состоять в следующем:

⁵ Методика преподавания в высшей школе. С. 9.

— выбор государственно-правовой тематики для круглых столов, научных мини-конференций, пресс-конференций, например: круглые столы: «Конституционно-правовые средства борьбы с экстремизмом»; «Уроки избирательных кампаний и проблемы борьбы с нарушениями избирательного законодательства»; «Антикоррупционная составляющая муниципального права», деловая игра в форме пресс-конференции Председателя ЦИК России, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и т.п.;

— организация временного творческого студенческого коллектива для работы над проектом закона, целесообразность принятия которого широко обсуждается, например: «Об общественном участии»; «О лоббизме»; «Об аутсёрсинге»;

— экскурсии в Совет Федерации, Государственную Думу, Московскую городскую Думу, в Аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, в ЦИК России;

— проведение видеоконференций со студентами других вузов по заданной тематике, например «Гарантии прав и свобод человека в России и зарубежных странах»;

— моделирование проведения дебатов кандидатов в депутаты Государственной Думы от различных политических партий;

— создание фокус-группы для обсуждения проблем реализации законодательства о беженцах и вынужденных переселенцах;

— ролевые деловые игры, например: «Принятие закона в Государственной Думе Федерального Собрания РФ»; «Заседание профильного комитета Государственной Думы по обсуждению поступивших поправок к законопроекту»; «Проведение общественных слушаний по принятию устава муниципального образования»;

— Case-study — совместный поиск возможных решений конкретных жизненных ситуаций (например, из практикумов по конституционному и муниципальному праву), не имеющих, как правило, однозначного решения.

Интерактивное обучение как специфическая форма организации познавательной деятельности подразумевает вполне конкретные и прогнозируемые цели, в том числе развитие интеллектуальных способностей студентов, самостоятельности мышления, критичности ума; быстроты и прочности усвоения учебного материала, глубокого проникновения в сущность изучаемых явлений; развитие творческого потенциала — способности к видению проблемы, оригинальности, гибкости, диалектичности, творческого воображения, генерирования идей, способности к самостоятельной поисковой деятельности; эффективности применения профессиональных знаний, умений и навыков в реальной юридической практике.

Применение интерактивных методов в ряде случаев позволяет больше внимания уделить рассмотрению вопросов, которые «выпадают» из поля зрения обучающихся при рассмотрении более общих тем. Так, профессор С.И. Некрасов, предлагая в преподавании конституционного права более рационально сгруппировать темы, относящиеся к территориальной организации публичной власти, справедливо полагает, что в таком случае достаточное отражение найдут «многие вопросы организации публичной власти в территориальных пространствах, не являющихся территориями публично-правовых образований, — правовая природа федеральных и иных специальных, административно-управленческих округов, административно-территориальных единиц с особым статусом, особых экономических зон, природных территорий, инвестиционно-внедренческих территорий («площадок»), экономических макрорегионов, кочевых народов и общин и т.п.»⁶. Не имея возможности выделить достаточное количество часов для изучения этих безусловно интересных вопросов в традиционных формах, преподаватель может использовать, например, технологии работы в малых группах: студенческая группа разбивается на 5-6 малых групп (команд), которые во время семинарского занятия в течение опре-

⁶ Некрасов С. И. Территориальная организация публичной власти: проблемы содержания и преподавания в системе высшего юридического образования // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 5. С. 25—26.

деленного отрезка времени (к примеру, 20 минут) готовят презентацию об особенностях конституционно-правового статуса одной из территорий, не являющихся публично-правовыми образованиями (по указанию преподавателя и в соответствии с предложенным преподавателем примерным планом). Затем каждая команда представляет свою презентацию аудитории (не более 10 минут), отвечает на вопросы студентов из других команд. Самую интересную презентацию выбирают сами студенты путем голосования. Такая форма проведения занятий способствует не только приобретению новых знаний, но и прививает навыки работы в команде, выполнения поставленной задачи в короткий промежуток времени, привлекательной подачи материала.

Целесообразность применения интерактивных форм обучения в преподавании учебных дисциплин для подготовки магистров признают авторы учебника «Территория в публичном праве»⁷, предлагая, в частности, использование традиционных академических и интерактивных методов обучения. В числе интерактивных авторами предлагаются: лекция-презентация, мозговой штурм, работа в малых группах, творческие задания, ролевая игра, тестирование, вопрос — вопрос, вопрос — ответ, демонстрация, вопросы для дискуссии, в том числе:

— Возможно ли создание Русской республики?

— Нужна ли унификация субъектов РФ?

— Что демократичнее — федерация или унитарное государство?

Такие занятия призваны пробуждать интерес к проблемам территориальной организации государства, приобщать студентов к культуре публичной научной дискуссии, знакомить с этическими правилами проведения дискуссий. Эти же вопросы можно использовать при проведении «сократического диалога», модель которого преподаватель должен планировать заранее. При правильном направлении дискуссии студенты научатся не только говорить, но и слушать друг друга, кратко и в то же время ярко и образно формулировать свою мысль,

подбирать нужные аргументы. Без сомнения, такое занятие принесет больше пользы, чем пересказ учебника или закона.

Достоин широкого применения в преподавании юридических дисциплин государственно-правового цикла такой метод, как творческое проблемное задание. В отличие от традиционных творческие проблемные задания по определению не сводятся к простому воспроизведению информации, а требуют от участников, как преподавателей, так и студентов, творческого подхода. Фабулы заданий, как правило, строятся так, что решение не предполагает единственно возможного верного варианта. Студент должен рассуждать, какую норму следует применить, при каких условиях возможно то или иное решение. В качестве примеров можно предложить студентам составить экспертное заключение по поступившей в Конституционный Суд РФ (уставной суд субъекта РФ) жалобе гражданина в порядке ч. 4 ст. 125 Конституции РФ или составить такую жалобу; подготовить предложение о внесении поправок в тот или иной закон; написать проект решения суда по поступившему заявлению уполномоченного органа о ликвидации политической партии, регионального отделения партии, общественного объединения; составить жалобу Уполномоченному по правам человека. Выполнение такого задания может моделировать будущую профессиональную деятельность.

Эффективным представляется сочетание в преподавании учебных дисциплин государственно-правового цикла различных методов.

Соотношение традиционных методов с интерактивными, равно, как и сочетание различных интерактивных методов, в течение одного занятия, обуславливается видом занятия, его тематикой, спецификой аудитории и целым рядом других факторов. Учесть эти факторы и выбрать оптимальную методику преподавания представляется не менее важной задачей преподавателя, чем, собственно, передача багажа знаний, то есть важно не только «что передается», но и «как передается».

⁷ Территория в публичном праве / И.А. Алебастрова, И.А. Исаев, С.В. Нарутто и др. М. : Норма, Инфра-М, 2013. 320 с.

Таким образом, интерактивное обучение — это обучение, которое:

- основано на взаимодействии;
- опирается на опыт реальной жизни, в том числе на судебную практику;
- включает свободный обмен мнениями среди студентов и между студентами и преподавателями, уважительное отношение ко всем предлагаемым аргументам и точкам зрения;
- содержит критический анализ организационных и системных причин возникновения проблем и предложения по их решению.

В качестве одной из проблем реализации форм интерактивного обучения в вузе отмечается необходимость защиты авторских прав на обучающие ресурсы. Например, преподаватель, готовясь к занятиям, составляет подборки судебной практики по определенным темам, подборки позиций Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека, выбирая наиболее характерные отрывки из решений. Подавая студентам проект устава муниципального образования для деловой игры в форме общественных слушаний по принятию устава, преподаватель обдумывает и включает туда заведомо противоречащие закону положения (например, о том, что изменения в устав вносит единолично мэр

города) для того, чтобы студенты их нашли и дали критическую оценку. К лекциям готовятся слайды с текстовыми пояснениями. Все это представляет собой авторские методические материалы. Должны ли они передаваться кафедре, чтобы ими могли пользоваться другие преподаватели? Видимо, сам преподаватель должен решать, какие материалы передавать в общее пользование. Возможно, следует активнее использовать институт депонирования. Кроме того, подготовка материалов к интерактивным занятиям — непростой труд. Представляется целесообразным учитывать его в индивидуальном рейтинге преподавателя, добавлять за него часы, включить в перечень критериев при очередном прохождении преподавателем конкурса.

В любом случае, применение интерактивных инновационных методов заслуживает всяческого поощрения и распространения. Главная цель интерактивного обучения состоит не только в том, чтобы дать знания, умения и навыки, но и в том, чтобы привить самостоятельное, критическое мышление, создать основу для работы по самостоятельному решению проблем на практике высокопрофессиональными выпускниками юридических вузов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Территория в публичном праве / И.А. Алебастрова, И.А. Исаев, С.В. Нарутто и др. — М. : Норма, Инфра-М, 2013. — 320 с.
2. Методика преподавания в высшей школе : учеб.-практич. пособие / В. И. Блинов, В. Г. Виненко, И. С. Сергеев. — М. : Юрайт, 2014. — 315 с.
3. Джамангараев Е. С. Особенности и место интерактивных методов обучения в учебном процессе // Образование. — 2009. — № 4.
4. Жук А. И., Кошель Н. Н. Активные методы обучения в системе повышения квалификации педагогов. — Минск : АБЕРСЭВ, 2004.
5. Дьяченко В. К. Сотрудничество в обучении. — М. : Просвещение, 1991.
6. Казакова В. А. Методика преподавания уголовно-правовых дисциплин // Юридическое образование и наука. — 2012. — № 4. — С. 32—35.
7. Кувшинова С. А. Современные образовательные технологии : сборник статей и методических материалов / НОУ «Институт современного образования». — Калининград, 2007.
8. Некрасов С. И. Территориальная организация публичной власти: проблемы содержания и преподавания в системе высшего юридического образования // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 5. — С. 25—26.

Материал поступил в редакцию 10 декабря 2016 г.

PECULIARITIES OF TEACHING SUBJECTS OF THE STATE LAW COURSE USING INTERACTIVE TECHNIQUES

SADOVNIKOVA Galina Dmitrievna — Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
sadovnikovag@inbox.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

Review. *The article demonstrates peculiarities of teaching subjects of the state law course. Special attention is given to the use of interactive teaching methods in teaching constitutional law. The author believes that these features are caused, first and foremost, by the public nature of an academic subject, the complexity of the subject of cognition, its ideological-patriotic and political character. The fundamental nature of the subjects of the state law course predetermines the acquisition of basic norms, values and categories crucial for the subjects in question. Modern higher vocational education standards require the use of interactive methods in the teaching process of higher educational institutions. In the face of increasing globalization and information challenges, implementation of interactive teaching methods in Russian model of legal education is inevitable as it constitutes a necessary element of educational technology. It should also be borne in mind that the transition to the Bologna system led to an overall reduction in teaching hours for the students of Bachelor's Programs. In these circumstances, it is necessary to search for the most effective learning methods with limited time of student-professor communication in the classroom. One of the main tasks of a modern university is to find the best balance between "the old and the new", traditional and innovative, and maintain it.*

Keeping in mind the ultimate goal and the main content of the educational process, interactive training change, to some extent, conventional communicating forms into dialog forms based on mutual understanding and cooperation.

The paper demonstrates common models of interactive classes and their peculiarities in teaching subjects of the state law course.

Keywords: *interactive teaching methods, educational activities, technology, conventional forms, innovation, discussions, skills, creativity, interaction.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Territorija v publicnom prave / I.A. Alebastrova, I.A. Isaev, S.V. Narutto i dr. M.: Norma, Infra-M, 2013. 320 s.
2. Metodika prepodavanja v vysšej škole : ucheb.-praktič. posobie / V. I. Blinov, V. G. Vinenko, I. S. Sergeev. — M. : Izdatel'stvo Jurajt, 2014. — 315 s. — Serija : Progressivnyj kurs.
3. Džhamangaraev E.S. Osobennosti i mesto interaktivnyh metodov obučeniya v uchebnom processe. «Obrazovanie» nauchno-pedagogičeskij žurnal № 4, 2009.
4. Žhuk A.I. Koshel' N.N. Aktivnye metody obučeniya v sisteme povyšeniya kvalifikacii pedagogov. — Minsk, AVERSJev, 2004.
5. D'jachenko V.K. Sotrudničestvo v obučenii. — M.: Prosveshhenie, 1991.
6. Kazakova V.A. Metodika prepodavanja ugolovno-pravovyh disciplin // Juridicheskoe obrazovanie i nauka. 2012. № 4. S. 32—35.
7. Kuvshinova S.A. Sovremennye obrazovatel'nye tehnologii: Sbornik statej i metodicheskikh materialov/NOU «Institut sovremennogo obrazovanija». — Kalinigrad, 2007.
8. Nekrasov S.I. Territorial'naja organizacija publicnoj vlasti: problemy soderžanija i prepodavanja v sisteme vysshego juridicheskogo obrazovanija // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2013. № 5. S. 25—26.

С. С. Заикин*

Внедрение новых образовательных технологий в процесс обучения юристов: анализ и подготовка законопроектов, law-and-film

Аннотация. Предлагаемая читателю статья носит методологический характер. В ней описываются особенности практического применения новых образовательных технологий, таких, как использование в качестве контрольных работ экспертных заключений на проекты законов, написание курсовых работ в форме проектов законов, наконец, использование различных вариаций технологии law-and-film.

Работа состоит из трех основных частей, помимо введения и заключения. В первой части даются рекомендации относительно подготовки, проведения и оценки контрольной работы в форме экспертного заключения на законопроекты, разъясняются цели подобных контрольных работ. Вторая часть посвящена особенностям научного руководства студентами, выбравшими в качестве курсовой работы подготовку проекта федерального закона, федерального конституционного закона либо закона о поправке к Конституции, причем особое внимание уделяется принципам обоснованности и соразмерности. Наконец, в третьей части приводятся различные примеры использования технологии law-and-film и цели их применения — от анализа художественного либо документального фильма на предмет соответствия законодательству о защите детей от информации, приносящей вред их здоровью и развитию до написания эссе и курсовых работ на основе просмотренных произведений кинематографического искусства.

Ключевые слова: новые образовательные технологии, практикоориентированный подход, курсовые работы, контрольные работы, экспертное заключение, проект закона, law-and-film.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.045-056

Введение

Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки «Юриспруденция» требует от обучающихся, помимо прочего, владеть следующими профессиональными компетенциями — способность разрабатывать нормативные правовые акты в соответствии с профилем профессиональной деятельности (ПК-1), способность применять нормативные правовые акты, реализовывать нормы материального и процессуального пра-

ва в профессиональной деятельности (ПК-5), владение навыками подготовки юридических документов (ПК-7). Педагогический опыт автора показывает, что наибольший интерес у студентов в процессе обучения вызывают как раз нестандартные задания практического характера, которые во многом и направлены на формирование указанных выше навыков.

На страницах данного материала хотелось бы поделиться опытом внедрения в образовательный процесс нескольких новых техно-

© Заикин С. С., 2017

* Заикин Сергей Сергеевич — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

msal_kpr@msal.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

логий обучения. Во-первых, это проведение контрольных работ в форме экспертных заключений на законы и законопроекты — методика, самостоятельно разработанная автором, впрочем, с уверенностью можно говорить, что коллеги и в других высших учебных заведениях успешно ее применяют. Как известно, если несколько человек смогли сформулировать одновременно или даже находясь на большом временном расстоянии друг от друга одну и ту же идею, этот факт как раз и означает актуальность, необходимость и значимость данной идеи. Во-вторых, речь пойдет о курсовых работах в форме законопроекта, эта технология достаточно логично вытекает из первой. Наконец, в-третьих представляется важным включение в учебный процесс в высших учебных заведениях юридического профиля различных вариантов использования технологии law-and-film.

1. Контрольные работы в форме экспертных заключений на законопроекты

На первом практическом занятии по курсу «Конституционное право» учащимся следует разъяснить цели проведения контрольных работ в форме экспертных заключений на законы и законопроекты и те навыки, которые они смогут приобрести благодаря их выполнению. Подобные работы можно назвать решениями Конституционного Суда наоборот — законодатель, в роли которого, по сути, и выступают студенты, должен уметь предвидеть последствия принятия того или иного законодательного шага, соблюдать баланс между интересами различным социальным и экономическим групп. Все это, в конечном счете, свидетельствует о максимальной степени соответствия закона Конституции. Необходимо объяснить учащимся, что законодательный акт должен быть результатом компромисса, взвешивания различных позиций, проявлением договорной культуры и глубокого анализа ситуации. Соответственно, в процессе подготовки и написания контрольных работ в виде экспертных заключений на законы и законопроекты студенты должны учиться формировать и аргументированно отстаивать свою позицию (при этом она может, безусловно, совпадать с

высказываемыми точками зрения органов власти, их оппонентов, независимых экспертов, СМИ и т.д.), взвешенности и всестороннему исследованию поставленной проблемы, предлагать и оценивать альтернативные способы ее решения. При этом студенты также усваивают привычку уважительно, но с необходимой критичностью относиться к противоположной точке зрения, понимать системность и комплексность общественно-политических и социально-экономических процессов, происходящих в государстве.

Такую контрольную работу лучше всего писать от руки, так как при этом поддерживается развитая в средней школе мелкая моторика пальцев. Учащимся задается три вопроса — «Оцените общую концепцию законопроекта/закона», «Оцените юридическую технику законопроекта/закона Конституции РФ», «Оцените соответствие законопроекта/закона Конституции РФ». При написании самой первой контрольной работы формулировку третьего вопроса необходимо изменить на «Оцените соответствие законопроекта/закона основам конституционного строя». Если законопроект или закон объемный, нужно перед началом контрольной работы предупредить учащихся, чтобы они выбирали для анализа и оценки лишь наиболее важные с их точки зрения положения законопроекта либо закона. Опять-таки в зависимости от объема материала необходимо предоставить его студентам в электронном виде за две недели или месяц до контрольной работы. Вне зависимости от того, законопроект или уже принятый закон является предметом контрольной работы, помимо его текста, предоставляется пояснительная записка и все документы, прилагаемые к законопроекту согласно ст. 105 Регламента Государственной Думы, а также дополнительные материалы по усмотрению преподавателя. Кроме того, преподаватель должен попросить учащихся самостоятельно искать дополнительные материалы и ознакомиться с ними. При этом, если закон «по пути» от первого до второго претерпел существенные изменения, изменилась даже его концепция из-за внесенных и принятых поправок, то необходимо либо выслать студентам соответ-

ствующую таблицу поправок, либо попросить их ознакомиться с ней самостоятельно. Для ознакомления и освежения в памяти знаний, полученных в рамках изучения курса «Теория государства и права» студентам на первом практическом занятии дается установка ознакомиться с соответствующими научными работами, например, с книгой Т.А. Васильевой «Как написать закон», кандидатской диссертацией А.Ю. Царева «Концепция закона в законодательстве Российской Федерации» и т.п.

Результаты контрольной работы оцениваются максимум в 10 баллов — по 3 балла за каждый вопрос и еще 1 балл за аккуратность оформления. Необходимо объяснить учащимся, что аккуратность оформления контрольной работы также представляет собой подготовку к их будущей практической деятельности, так как строгое соблюдение требований к оформлению документов является очень важным элементом юридической профессии. Студенты должны при написании работы соблюдать структуру — в итоге должны быть четко видны три части, по количеству вопросов, абзацы, когда начинается новая мысль. Если они используют, помимо текста закона или законопроекта другие источники, они должны делать такие же сноски, как и в курсовых работах, рефератах и эссе. Перед началом работы также нужно акцентировать их внимание на том, чтобы они пытались распределить свое время так, чтобы на каждый вопрос потратить примерно равное время — около 30 минут. Наконец, необходимо предупредить их, чтобы они не пересказывали в первом вопросе пояснительную записку, а излагали концепцию своими словами и самостоятельно ее оценивали.

Не следует думать, что студенты-первокурсники не смогут справиться с кажущейся столь сложной задачей. В практике автора статьи встречались примеры, когда студенты, впервые писавшие подобные прообразы экспертных заключений, получали достаточно высокие оценки — 8 баллов из 10, а во второй раз улучшали свои результаты. Так что, как и любая форма контроля, экспертные заключения являются показателем прежде всего уровня подготовки, способностей и мышления кон-

кретного студента, одновременно они обладают большим потенциалом к дифференциации студентов по их навыкам и уровню развития. Более того, к моменту начала изучения учебного курса «Конституционное право» в МГЮА студентами уже освоены базовые категории теории государства и права, в частности, что такое юридическая техника, какие существуют виды правовых норм по способу закрепления, способу их конструирования. Следовательно, опираясь на полученные знания, интуицию и формирующееся правовое мышление, они вполне способны выполнить поставленную перед ними задачу. Более того, восприятие сложности задачи позволяет студентам повысить собственную самооценку.

После подведения итогов контрольной работы обязательно нужно обсудить их со студентами, указать на ошибки, на то, что они не заметили.

Определенным препятствием для формирования навыка написания экспертного заключения, а, в свою очередь, и навыков юридической аргументации является то, что в МГЮА учебный курс «Конституционное право» разделен на две половины летними каникулами, и за это время студенты могут потерять приобретенные умения. Но таковы требования учебного плана, поэтому желательно проводить подобные контрольные работы в течение учебного курса четыре раза: после изучения тем «Конституционное право в системе российского права», «Конституция Российской Федерации и ее развитие», «Основы конституционного строя Российской Федерации», затем после изучения блока тем, посвященных правовому статусу личности, особенностям содержания и реализации право и свобод человека и гражданина, после изучения правового статуса высших органов государственной власти и после темы «Законодательный процесс», и, наконец, в самом конце курса. Самая первая контрольная работа может быть посвящена анализу законопроектов о Конституционном Собрании — их существует достаточное количество для того, чтобы разбить работу на несколько вариантов. Подобный подход не только позволяет студентам ознакомиться с различными

точками зрения на данный конституционный институт, но и дает им возможность воспринять ценность и важной повышенной правовой защиты конституционных положений, закрепляющих процедуру пересмотра Конституции, а также порассуждать на тему смысла и содержания народного представительства. Для контрольной работы в самом конце курса можно предложить для оценки законы о поправках к Конституции 2014 года, упразднившие Высший Арбитражный Суд РФ и изменившие механизм взаимоотношений Президента и органов прокуратуры, и закрепившие институт представителей Российской Федерации в Совете Федерации, назначаемых Президентом РФ. Поскольку студенты уже знакомы с компетенцией высших органов государственной власти, спецификой общественно-политической системы Российской Федерации, а также имеют опыт в написании подобных контрольных работ, вряд ли итоговая контрольная работа будет составлять для них трудности. Более того, они фактически при подготовке к ней смогут повторить основные моменты всего учебного курса.

Разумеется, что при этом необходимо, чтобы после окончания весеннего семестра у учебной группы не менялся преподаватель, ведущий практические занятия в осеннем семестре.

Наиболее подходящими для подобной контрольной работы являются законы либо законопроекты, по которым в обществе не сложилось единое мнение — студентам в этом случае легче приводить и отстаивать различные аргументы. Несомненно, что при этом они должны проработать большой объем дополнительного материала, причем не только юридического характера. Например, при анализе Федерального закона от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», называемого также «Законом Димы Яковлева», студентам нуж-

но проанализировать, помимо прочего, выступления общественно-политических деятелей, высказывавшихся как за, так и против принятия данного закона, статистику усыновления несовершеннолетних в зарубежные страны, в том числе в США, в том числе несовершеннолетних с тяжелыми и хроническими заболеваниями, статистику по погибшим в результате действий усыновителей несовершеннолетних граждан Российской Федерации и имеющую в открытом доступе информацию о фактических обстоятельствах этих случаев, содержание Соглашения между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей 2011 года и т.д.

Для контрольной работы также необходимо стараться подбирать такие законы либо законопроекты, которые имеют междисциплинарный характер. Например, для учащихся уголовно-правовой специализации можно предложить проанализировать законопроект о введении института уголовной ответственности юридических лиц¹. При этом, конечно, преподавателю не следует загонять себя в рамки специализации. Так, приведенный выше законопроект может быть рассмотрен в любых группах. Точно так же можно предложить для анализа студентам Федеральный закон от 23 мая 2015 г. № 133-ФЗ, который внес изменения не только в Гражданский кодекс РФ, но и в Федеральный закон «О политических партиях». Таким образом студентам дается возможность как продемонстрировать навыки междисциплинарного подхода, так и почувствовать комплексный характер законодательства. Кроме этого, данный закон упразднил такой способ создания политической партии как преобразование в политическую партию общероссийского общественного объединения или организации, при этом в пояснительной записке никак не объяснялись причины и цели такого шага². Это дает студентам возможность продемонстрировать навыки аргументации и формиро-

¹ URL: <http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=750443-6> (дата обращения: 17 декабря 2016 г.).

² URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(ViewDoc\)?OpenAgent&work/dz.nsf/ByID&21503FAE747C74C643257E1C002FCFA4](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?OpenAgent&work/dz.nsf/ByID&21503FAE747C74C643257E1C002FCFA4) (дата обращения: 17 декабря 2016 г.).

вания своей собственной позиции, учета мнения оппонента и просчета противоположных аргументов.

Третьим фактором, имеющим значение для выбора материалов для контрольной работы, является актуальность законов либо законопроектов. Они могут или даже уже затрагивают права и законные интересы учащихся, например, законопроекты об облегчении долгового бремени лиц, взявших ипотеку в иностранной валюте, либо комплекс законодательных актов, в той или иной степени регулирующих правоотношения в сети «Интернет»: закрепляющих статус блогера, вводящих требование о хранении персональных данных пользователей исключительно на территории Российской Федерации и т.д.

Необходимо отметить, что подобные контрольные работы могут проводиться и в рамках преподавания конституционного права зарубежных стран. Поскольку данный учебный курс в настоящее время сокращен, и его необходимо изучать достаточно интенсивно, то наиболее целесообразным представляется проводить ее на предпоследнем занятии, дабы у самого преподавателя была возможность проверить работы перед оглашением итоговых оценок. Однако контрольная работа приобретает несколько модифицированный вид.

В качестве примера можно привести Закон США 2004 года «О нерожденных жертвах преступлений», криминализовавший на федеральном уровне умышленные либо неосторожные действия, приводящие к гибели нерожденного ребенка или нанесения ему увечий, при этом действие этого закона не распространяется на мать нерожденного ребенка³. Как известно, уголовное законодательство Российской Федерации не признает данное деяние преступлением. На сравнении двух подходов вполне можно основывать один из вопросов контрольной работы, сформулировав его, например, следующим образом: «Возможна ли имплементация норм данного закона в Российской Федерации?» Это стимулирует у студентов выработку навыков сравнительно-правово-

го анализа. Другие вопросы к подобной контрольной работе могут быть сформулированы так: «Соответствует ли данный Закон конституционно значимым целям?», «Соответствует ли Закон Конституции США?». Конечно, полученные ответы могут расходиться со взглядами, выраженными в доктрине и практике конституционного и уголовного права США, но в данном случае, как уже говорилось выше, важно научить студента аргументированно излагать и обосновывать свою позицию. Подготовка к подобной контрольной работе будет способствовать расширению кругозора студентов — они смогут узнать о причинах принятия Закона, решениях Верховного суда США, касающихся данной области уголовного права. Наконец, данный пример может помочь студентам уяснить некоторые особенности американской модели федерализма в сфере уголовного права, федеральной юрисдикции и юрисдикции штатов. Разумеется, подобная контрольная работа может быть дана в любых учебных группах, а не только в тех, студенты которых избрали уголовно-правовую специализацию.

Исходя из анкетирования, проводимого автором каждый раз в конце изучения учебного курса, студенты в целом положительно воспринимают полученный опыт написания подобных экспертных заключений, отмечают новизну и оригинальность подобного подхода к обучению. Пожалуй, единственным недостатком они считают малое количество времени, выделяемое на контрольную работу. Однако эту проблему можно решить путем закрепления в учебном расписании сдвоенных практических занятий.

Исходя из всего изложенного выше, можно вполне обоснованно рекомендовать данную форму контрольных работ не только для иных преподавателей конституционного права, но и для других учебных дисциплин.

2. Разработка законопроектов как вид курсовой работы

Программа курса «Конституционное право», преподаваемого в Университете имени

³ Unborn Victims of Violence Act of 2004 (Public Law 108—212). Title 18 of the United States Code. §1841. Title 10 of the United States Code. §919a.

О.Е. Кутафина, предусматривает подобные задания для обучающихся, однако лишь в качестве одного из элементов подготовки к обычному практическому занятию: студентам предлагается составить проект закона о поправке к Конституции РФ, пояснительную записку к проекту федерального закона⁴. При этом эти задания не дифференцируются исходя из реальных способностей и интереса к предмету конкретных студентов. Между тем подготовка законопроекта, пускай даже и в рамках учебного процесса, не говоря о реальном законодательстве — трудоемкий процесс, требующий усердия, терпения, получения и осмысления большого количества информации. В связи с этим целесообразно заключить весь процесс создания проекта закона и сопровождающих его документов в рамки курсовой работы. Подобную возможность предусматривает, в частности, программа учебного курса «Конституционное право» в НИУ ВШЭ, согласно которой студенты в качестве курсовой работы могут представить новую редакцию (или концепцию) Закона о противодействии экстремизму либо проект законодательного регулирования правового статуса Президента РФ⁵.

Преподавателям не следует бояться того, что в качестве курсовых работ им придется проверять 30 законопроектов. Обычно за подобные задания в связи с их сложностью берутся только хорошо успевающие студенты, обладающие активной жизненной позицией, стремящиеся каким-либо образом отреагировать на различные тенденции развития или регресса институтов общества и государства, а таких, разумеется, меньшинство. Возникающий же в этом случае соблазн большинства студентов написать законопроект, состоящий в исключении из какого-либо законодательного

акта одного или двух слов, охлаждается строгими требованиями к концепции законопроекта, выраженной в пояснительной записке, объяснениями преподавателя, что законы не пишутся «просто так», за каждым минимальным изменением, например, за чуть ли не ежегодным обновлением даты полной утраты силы Закона РСФСР 1991 года «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации»⁶, стоит большая подготовительная работа, анализ социально-экономических показателей, общественно-политической ситуации. Поэтому в данном случае не может идти речь о получении высокой оценки за курсовую работу без приложения серьезных усилий со стороны студента. Более того, простота предлагаемого законопроекта в определенных случаях должна быть обратно пропорциональна оценке за курсовую работу.

Не следует ограничивать студента в выборе тематики будущего законопроекта, хотя ясно, что на 1-м курсе обучения они будут стремиться разработать проект, посвященный изученным институтам конституционного права, так как это единственная читаемая на этом уровне отраслевая дисциплина. Студенты 2-го курса имеют более широкие возможности для применения междисциплинарного подхода в узком смысле, предлагая дополнения и изменения гражданского, уголовного или административного законодательства, а, может быть, и тех отраслей, которые пока ими еще не изучены. Обучающийся должен самостоятельно решить, что его волнует, что он хочет изменить в той отрасли законодательства, с которой он связывает в дальнейшем большую часть своей деятельности или же в тех законодательных актах, которые «просто» затрагивают его и его близких в повседневной жизни. В то же время

⁴ URL: <http://msal.ru/upload/medialibrary/e3b/rpud-konstitutsionnoe-pravo.pdf> (дата обращения: 17 декабря 2016 г.).

⁵ URL: <https://pravo.hse.ru/data/2016/02/26/1082462485/1%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE.pdf> (дата обращения: 17 декабря 2016 г.).

⁶ См.: п. 1 ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2004 № 189-ФЗ (в ред. от 29.02.2016) «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 15.

Изменением даты полной утраты силы Закона РСФСР «О приватизации жилищного фонда...» продлевается возможность бесплатной приватизации жилых помещений гражданами.

следует давать студентам общее направление на то, чтобы их законодательные предложения способствовали ликвидации пробелов в праве.

Важно отметить, что преподавателям не нужно бояться того, что в процессе подготовки проекта закона окажется, что в какой-то сфере студенты обладают большим объемом знаний. Наоборот, это дает возможность старшим коллегам узнать что-то новое и интересное у младших коллег, ведь высшее образование — это процесс взаимного обучения и обмена информацией.

Использование подобного рода формы курсовых работ позволяет выработать у обучающихся навыки междисциплинарного анализа как в широком, так и в узком смысле. Студент видит, сколько усилий ему необходимо приложить для того, чтобы обосновать то или иное законодательное предложение — изучить социально-экономические тенденции, общественно-политическую обстановку, данные статистического учета и социологических, политологических и демографических исследований, зарубежный опыт. Одновременно необходимо дать ему понять, что предлагаемое им изменение, дополнение или отмена какой-либо нормы или целого акта может повлечь за собой цепочку соответствующих изменений других актов, причем эти «вторичные» изменения могут быть достаточно серьезными. Это покажет студенту системный характер законодательства, что свидетельствует о важности междисциплинарного подхода, и в то же время научит его относиться к изменениям законодательства взвешенно и с определенной долей осторожности. Кроме того, с одной стороны, подготовка законопроекта в качестве курсовой работы позволяет повысить интерес и уважение студента к институтам представительной демократии, труду парламентариев, которые, что греха таить, в значительной степени сейчас дискредитированы самими парламентариями: резкими и эпатажными заявлениями, спешкой при подготовке и принятии законодательных актов, имеющих важнейшее государственное и общественное значение. С другой стороны, такая курсовая работа помогает выработать критическое отношение к законодательству,

умение находить и анализировать пробелы в праве, нечеткие формулировки и определения, отсылочные нормы, а также интерпретировать эти пробелы и формулировки различными способами. Наконец, подготовка проекта закона дает студенту моральное удовлетворение — он становится равным субъектам законодательного процесса, может предлагать различные законодательные инициативы, как и они. Впрочем, в принципе не стоит рассматривать студентов как маленьких детей, ведь от минимального возраста, который позволяет стать депутатом Государственной Думы, их отделяет всего 3-4 года.

При подготовке курсовой работы в форме проекта закона студентам необходимо рекомендовать соответствующие научные работы, например, уже упоминавшиеся сочинения Т.А. Васильевой и А.Ю. Царева. Также нужно пояснить им, что оформление текста законопроекта должно соответствовать требованиям Методических рекомендаций по юридико-техническому оформлению законопроектов, направленных письмом Аппарата Государственной Думы от 18 ноября 2003 года № вн2-18/490. Что касается подготовки концепции законопроекта, то здесь необходимо руководствоваться положениями постановления Правительства РФ от 2 августа 2001 г. № 576 «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов». Составлению пояснительной записки в целом и концепции законопроекта в частности необходимо уделить такое же пристальное внимание, как и разработке самих правовых норм. Идея законопроекта должна быть обсуждена со студентом заранее, дабы имелась возможность определить, насколько вообще предлагаемая им концепция регулирования приемлема и необходима. В случае отрицательного решения у студента должно оставаться время на подготовку курсовой работы в обычном виде.

После одобрения идеи законопроекта со студентом должно быть налажено максимально тесное взаимодействие. При обсуждении содержания пояснительной записки должно быть обращено внимание, что именно в ней максимально подробно обосновываются цели

и задачи законопроекта, метод регулирования, приводятся причины принятия, подкрепленные фактическими и статистическими данными, полученными путем использования аппарата других сфер общественной жизни. Необходимо указывать студенту на возможные слабые места обоснования и формулировок закона, которые затем могут быть использованы оппонентами закона при подготовке обращения в Конституционный Суд РФ. В частности, если студент предлагает введение ограничения прав и свобод граждан или их объединений в какой-либо сфере, необходимо подвести его к такой концепции данного ограничения и таким формулировкам норм, которые бы максимально соответствовали принципу соразмерности (пропорциональности). Ведение постоянной дискуссии со студентом, демонстрация ему альтернативных способов решения правовой задачи позволяет выработать у него навыки формирования, аргументирования и отстаивания собственной позиции.

Разумеется, нельзя предусмотреть все тонкости регулирования общественных отношений. Поэтому даже если в окончательном варианте и остаются неучтенными в незначительной мере интересы каких-либо участников правоотношений или некоторые сомнения относительно соразмерности предложенных мер, не следует снижать оценку. Это необходимо сделать лишь в том случае, если студент предлагает, а затем в ходе работы над законопроектом настаивает на регулировании, существенно нарушающим права и свободы граждан и объединений и непропорционально и, главное, необоснованно отдающим превосходство одной конституционной ценности над другой.

Приобретенные при подготовке подобной курсовой работы практические навыки могут

быть полезны студенту как в стенах высшего учебного заведения⁷, так и во всех сферах его будущей профессиональной деятельности. Закон призван быть сосредоточением всего правового и социального опыта в конкретной сфере, но точно также и курсовая работа является суммой накопленных студентом знаний и практического либо житейского опыта, помноженных на свои представления о регулировании и понимание правовых процессов. Осознание этого позволяет воспитать профессионала, любящего свою деятельность по-настоящему, а, значит, готового признавать недостатки и исправлять их.

3. Вариативность технологии law-and-film в процессе обучения российских студентов

Зарубежные образовательные технологии в сфере юриспруденции обладают большим разнообразием, в частности, в последнее время популярность набирает междисциплинарное направление law-and-film, в рамках которого обучающие получают навык вычленения и анализа правовых проблем именно в художественных фильмах⁸. Данное направление в Российской Федерации практически не используется, между тем оно обладает значительным обучающим потенциалом. Возможны и различные вариации его применения, а также разработка новых методик в его рамках. В частности как элемент практикоориентированного обучения художественные и документальные фильмы могут быть использованы в самых различных целях. Ниже пойдет речь о некоторых способах их применения в рамках преподавания конституционного права России и конституционного права зарубежных стран.

Наиболее просто способ использования художественных и документальных фильмов — обсуждение с их помощью конституци-

⁷ В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на базе Центра правового мониторинга профессорско-преподавательским составом (экспертами Центра) с привлечением аспирантов и студентов, которые проходят специальный отбор, осуществляется работа по мониторингу важнейших законопроектов, действующего законодательства и правоприменительной практики, осуществляется экспертное сопровождение законотворческой и правоприменительной деятельности.

⁸ Объяснение концепции law-and-film, а также конкретные примеры см.: Kamir O. Why "Law-and-Film" and What Does it Actually Means? A Perspective // Continuum: Journal of Media & Cultural Studies Vol. 19. No. 2. June 2005. Pp. 255—278.

онно-правовых проблем реализации свободы творчества, присвоения знаков информационной продукции. Перед соответствующим занятием по курсу «Конституционное право» студентам предлагается ознакомиться с содержанием Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», обратив особое внимание на критерии, которые предложены законодателем для отнесения той или иной информации к категориям, указанным в данном акте. После этого студенты, просматривая фильмы либо их фрагменты, с одной стороны, выступают в роли экспертов и пытаются присвоить каждому из них соответствующий рейтинг, с другой стороны, оценивают адекватность и достаточность законодательных критериев. Подобное задание приобретает для студентов 1-го курса особую актуальность, так как они сами недавно были несовершеннолетними либо имеют несовершеннолетних братьев и сестер.

В качестве практических примеров в данном случае необходимо подобрать неоднозначные произведения кино- и анимационного искусства, которые сочетают в себе как полезную информацию, так и информацию, отнесенную законодателем к информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей либо смысл которых выявить достаточно сложно. В качестве последнего примера может выступить мультипликационный фильм Ивана Максимова 1989 года «Туда и обратно»⁹, который допускает крайне широкую трактовку происходящего на экране, при этом настоящий смысл произведения может остаться невыясненным. Необходимо дать возможность студентам порассуждать над вопросом, насколько смысл произведения и его ясность влияет на его восприятие и, соответственно, отнесение

его к той или иной категории информационной продукции.

Примерами неоднозначных произведений можно считать американский документальный фильм 1959 года *Signal 30*¹⁰ и австралийский фильм 1978 года *Hospitals Don't Burn Down*¹¹, снятый в жанре так называемой «докудрамы» и получивший премию кинофестиваля в Корке за самый лучший короткометражный фильм, а также остававшийся в течение 25 лет самым продаваемым австралийским фильмом, касающимся проблем безопасности на производстве¹². Первый рассказывает о последствиях несоблюдения правил дорожного движения с помощью показа снятых на профессиональную кинокамеру последствий реальных дорожно-транспортных происшествий, в том числе повреждений транспортных средств и зачастую смертельных травм их участников. В конце фильма ведущий говорит, что им не хотелось снимать и показывать данные кадры, однако как еще сильнее убедить водителей в необходимости аккуратного и ответственного вождения. Данный фильм был снят по заказу Управления дорожно-постовой службы полиции штата Огайо некоммерческой организацией *Highway Safety Foundation*. Студентам необходимо пояснить, что в течение 1960—1980-х годов данный фильм был обязателен к показу во всех американских автошколах, а в 1968 году, во многом под влиянием этого фильма, законодательно была закреплена обязанность автопроизводителей оборудовать автомобили ремнями безопасности¹³. Таким образом, несмотря на возможное маркирование данного фильма студентами как «18+», он выполнил важную социальную функцию.

Фильм «*Hospitals Don't Burn Down*» с помощью средств игрового кино демонстрирует типичные причины (курение, отсутствие контроля за запирающими устройствами мусоро-

⁹ URL: https://www.youtube.com/watch?v=qbar3nsf0_U (дата обращения: 17 декабря 2016 г.).

¹⁰ URL: https://www.youtube.com/watch?v=_VKOoenqbOk (дата обращения: 17 декабря 2016 г.).

¹¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YXaqN5pCl3Q> (дата обращения: 17 декабря 2016 г.).

¹² URL: http://www.ithaca.com/entertainment/article_9ef34ff8-2f44-11e2-b924-001a4bcf887a.html (дата обращения: 17 декабря 2016 г.).

¹³ URL: <http://www.bbc.com/autos/story/20150116-turning-points-the-gruesome-film-that-made-cars-safer> (дата обращения: 17 декабря 2016 г.).

проводов, захламленность подвальных помещений и т.д.), развитие и последствия пожара в крупной больнице, при этом акцентируется внимание на правильных и неправильных действиях персонала медучреждения. Данный фильм демонстрируется в качестве учебного для медицинских работников, по нему разработаны подробные методические указания, на какие моменты необходимо обращать внимание зрителей¹⁴. В картине показаны реальные последствия смерти от ожогов, а также от отравления угарным газом. И так, как и в случае с Signal 30, с одной стороны, демонстрируются реальные последствия насильственной смерти от травм, ожогов, асфиксии, с другой стороны, этот фильм тоже выполняет социальную функцию. Сложность классификации данной картины придает также то, что по сюжету медработники спасают группу детей-пациентов, инструктируя, как им необходимо себя вести. Одна девочка из группы бросается назад, в огонь, в попытке найти забытую игрушку. Этот поступок стоит жизни одному из главных героев — медбрату Джону, — вернувшемуся за девочкой и старавшемуся вывести ее из пламени. Несмотря на то что формально данный фильм также может подпадать под категорию «18+», как поступить с его образовательной составляющей, в частности с эпизодом с группой детей?

Оба фильма, как и ожидалось, вызвали оживленную дискуссию среди студентов, причем не только относительно маркировки информационной продукции, но и в принципе об их содержании. Отмечалось, что такие фильмы необходимы для показа и могут действительно служить целям повышения уровня ответственности личности, в то же время мнения обучающихся разошлись относительно возможности использования в них реальных и реалистичных последствий смерти в результате дорожно-транспортного происшествия и пожара. Одна из обучающихся заявила, что если бы она посмотрела Signal 30 дома, то фильм действительно заставил бы ее задуматься о том, аккуратно ли она водит. Напротив, если бы этот фильм был показан ей в автошколе,

то, скорее всего, он бы сильно повлиял на ее дальнейшее желание получить водительское удостоверение.

Просмотр и изучение данных фильмов возможен и в рамках учебного курса «Конституционное право зарубежных стран», при этом студентам нужно дать задание сравнить законодательное регулирование вопросов маркировки информационной продукции в Российской Федерации и добровольных систем маркировки информационной продукции в зарубежных государствах, таких, как система рейтингов Американской киноассоциации, канадские CHVRS и Maritime Film Classification Board и т.д.

Второй способ использования фильмов в процессе изучения дисциплин государственно-правового цикла — собственно law-and-film — может быть рассмотрен на примере советского художественного телефильма «Чисто английское убийство» 1974 года — замечательной экранизации одноименного романа Сирила Хэйра. Поскольку фильм двухсерийный, целесообразно продемонстрировать обучающимся сначала первую серию, и после этого попросить их попытаться определить, кто из героев фильма преступник и какие конституционно-правовые мотивы им двигали, предварительно изучив соответствующие акты о Палате лордов. На следующем занятии, после просмотра второй серии, необходимо в ходе дискуссии выяснить, поняли ли обучающиеся мотивы преступника и кто он. Напомним, что преступница, используя знание законодательства о Палате лордов, пыталась обеспечить место министра финансов своему мужу за счет того, что действующий министр автоматически стал бы пэром в результате совершенного ею убийства, но потерял бы пост в правительстве. В ходе дискуссии необходимо также обсудить со студентами, насколько режиссеру и актерам удалось показать особенности британского конституционного законодательства и не допустили ли они ошибок.

Наконец, третий способ является, пожалуй, наиболее оригинальным. В 2016 году на экраны вышли два анимационных фильма —

¹⁴ URL: <http://www.marcom.com.au/Sguides/FA/88FAHB.pdf> (дата обращения: 17 декабря 2016 г.).

«Зверополис» и «Сердитые птички в кино». Несмотря на то что их цели на первый взгляд кажутся сугубо развлекательными, они поднимают серьезные социально-правовые темы, показывают различные аспекты социальных конфликтов, конфликтов ценностей различных обществ и цивилизаций. Поэтому при изучении учебного курса «Конституционное право зарубежных стран» возможно дать задание студентам в качестве реферата или курсовой работы разработать конституцию либо устав Зверополиса (все зависит от того, как студенты рассматривают этот город — как карликовое государство — в фильме есть свидетельства, что существуют и сельские местности вокруг него, или как субъект федерации в составе крупного государства¹⁵), или конституцию Острова птиц или Острова свиней. Подобное задание позволит студентам посмотреть на эти достаточно успешные в коммерческом отношении мультфильмы, расширить свой кругозор (для подготовки задания им необходимо будет ознакомиться с конституциями карликовых государств — Монако, Сан-Марино, небольших островных государств Тихого океана, конституционными актами монархий Персидского залива), проявить творчество и фантазию, одновременно соблюдая отраженные в мультфильмах фактические обстоятельства и условия.

Разумеется, что приведенными выше вариантами использование технологии law-and-film не исчерпывается. В частности, фильм 2013 года «The Last Stand» (в российском прокате — «Возвращение героя») можно использовать как учебное пособие по конституционному праву зарубежных стран, дав студентам задание попытаться определить, какие нормы федерального уголовного права США, закрепленные в Титуле 18 Свода законов, и уголовного права штата Аризона применимы к действиям главного антагониста картины — наркобарона Габриэля Кортеса, и к какому наказанию он может быть приговорен. Это позволит обучающимся почувствовать особенности амери-

канского федерализма. Также для обсуждения проблем свободы творчества рекомендуется давать студентам задания в виде эссе по советскому фильму 1986 года «Письма мертвого человека» и британскому мультфильму «Когда дует ветер» того же года, поднимающих вопросы бессмысленности ядерной войны, ее во многом случайного характера и влияния на дальнейшую судьбу человечества.

Заключение

Несомненно, что применение подобных технологий идет на пользу как преподавателям, так и студентам, так как способствует их диалогу, у студентов появляется интерес к изучению тем, которые являются проблемными, что развивает их самостоятельное мышление. Пожалуй, самой большой проблемой в их имплементации в учебный процесс является сокращение аудиторных часов.

Стоит сказать несколько слов о положительном опыте автора при применении описанных технологий. В частности, под его руководством студентка успешно подготовила и защитила на оценку «отлично» курсовую работу в форме проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» и в Федеральный закон «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», в котором сформулировала критерии, которые, по ее мнению, должны применяться к кандидатам в представители Российской Федерации в Совете Федерации, а также описала процедуру назначения Президентом РФ данных представителей. Хотелось бы напомнить, что в реальности такой закон не то, что не принят, даже отсутствуют какие-либо проекты по данному вопросу, внесенные в Государственную Думу. Между тем принятие данного закона просто необходимо в силу прямого указания соответствующих

¹⁵ Необходимо пояснить студентам, что такие случаи бывают не только в Российской Федерации, например, в ФРГ города Берлин, Гамбург и Бремен обладают статусом земель.

конституционных норм, появившихся в 2014 году¹⁶. Также успешным были подготовка и защита курсовой работы в виде проекта федерального закона «О просвещении среди заключенных» другим студентом. Наконец, две студентки при составлении своих вариантов конституции Зверополиса предприняли крайне интересную попытку сочетать в них конституционные тексты России и различных аме-

риканских штатов, и хотя их работы не были лишены недостатков, в них чувствовалось настоящее желание и увлечение предметом.

Нет сомнений, что описанные выше технологии в силу их практикоориентированности подлежат более широкому внедрению в учебный процесс при преподавании всех учебных дисциплин по юридической специальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Kamir O. Why “Law-and-Film” and What Does it Actually Means? A Perspective // Continuum: Journal of Media & Cultural Studies. — Vol. 19. — No. 2. — June 2005. — P. 255—278.

Материал поступил в редакцию 19 декабря 2016 г.

INTRODUCTION OF NEW EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF TRAINING LAWYERS: ANALYSIS AND PREPARATION OF LEGISLATION, THE LAW-AND-FILM TECHNIQUE

ZAIKIN Sergey Sergeevich — Ph.D., Lecturer of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
msal_kpr@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *The article is of methodological nature. It describes the features of practical application of new educational technologies, such as drafting expert opinions concerning draft laws as a performance assessment method, writing coursework in the form of draft laws, and, finally, using different variations of “law-and-film» methodology.*

In addition to the introduction and conclusion, the work consists of three main parts. The first part provides guidance regarding preparation, conduct and evaluation of a performance assessment quiz in the form of expert opinions on draft laws, explains the goals of such quizzes. The second part deals with peculiarities of scientific supervision over the students who choose to elaborate a draft federal law, Federal Constitutional law or Constitution Amendment Act as a year paper, with special attention being paid to the principles of reasonableness and proportionality. Finally, the third part describes various examples of “law-and-film” technique, and the purposes of their application -- starting with the analysis of a feature or documentary film with regard to its compliance with legislation on protection of children from information causing harm to their health and development to writing essays and year papers based on watched works of cinematic art.

Keywords: *new educational technologies, practice-oriented approach, year papers, performance assessment quizzes, expert opinion, draft law, the law-and-film technique.*

¹⁶ Закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4202.

А. А. Миерхольд*

Анализ как ядро учебного процесса и неотъемлемая составляющая современного образования

Аннотация. В представленной статье рассматривается одна из существенных проблем, связанных с влиянием технического прогресса, развитием сети Интернет и использованием электронных ресурсов на способность анализировать изучаемый материал как абитуриентов, так и студентов. Автор пишет о необходимости применения разных методик преподавания для развития способности у студентов анализировать, положительных и негативных аспектах данных методик, влияющих на анализ полученного материала.

Ключевые слова: проблемы современного образования, аналитическое мышление, методика преподавания, теоретический и практический подходы к обучению, электронные ресурсы, формы проведения занятий.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.057-060

Методика и подход к преподаванию изучаемых в высшей школе дисциплин, (здесь автор, безусловно обращается к юридическим дисциплинам, хотя рассматриваемая проблема касается любых сфер образования) должны совершенствоваться как в силу технического прогресса, серьезным образом, влияющего на учебный процесс, так и в силу эволюции науки.

Любой метод преподавания, используемый в юридическом вузе, каждая методика должна преследовать главную, по мнению автора, цель обучения — побудить обучающегося думать, анализировать, делать выводы.

В свое время в рамках практических (семинарских) занятий было принято использование преимущественно одной формы проверки знаний обучающихся — опроса студентов по заданным вопросам темы семинарского занятия. Безусловно, в рамках опроса представляется

возможным направить группу на размышления по рассматриваемой теме и анализ изученной информации, поставив проблему в вопросе. Но, как мы видим, в условиях технических достижений современного мира, позволяющих мгновенно получать необходимую информацию, студенты предпочитают или же считают ненужным использовать свой собственный потенциал, ошибочно полагая, что могут найти ответ на любой поставленный вопрос.

Первым шагом к процессу обучения в высшем учебном заведении, как правило, являются вступительные испытания, и уже на этом этапе хотелось бы видеть думающего абитуриента. В одном из своих интервью в 2007 году О.Е. Кутафин отмечал, что «Мы стараемся менять постоянно предметы и экзамены, потому что ЕГЭ для нас неприемлем¹». Таким образом необходимо дать абитуриенту продемонстри-

¹ Кутафин О. Е. Чтить закон, невзирая на лица // Юрист вуза. 2007. № 9. С. 13.

© Миерхольд А. А., 2017

* Миерхольд Анастасия Александровна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

aakazakova@msal.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

рывать не только полученные им знания, но и способность проанализировать задание и выстроить ответ должным образом. Ни для кого не секрет, что задания, составленные для Единого Государственного Экзамена, не способствуют аналитическому мышлению.

Возвращаясь к проблеме использования электронных ресурсов, еще несколько лет назад, не доступных в рамках учебного процесса, и технических средств обучения, которые привлекают как профессорско-преподавательский корпус высших учебных заведений, так и их студентов, имеет смысл обратить внимание и на положительные аспекты их применения в целях развития способности студентов к аналитическому и прагматическому мышлению.

В 2006 году О. Е. Кутафин заметил, что «в юридическом образовании происходят значительные изменения: мы перешли от гусиного пера к компьютерам. И смысл этих изменений в том, чтобы облегчить нам собственную работу и — что особенно важно — получение информации».

Пять веков тому назад получить информацию было гораздо сложнее, чем сегодня. Сегодня нам не нужно идти в библиотеку. Сегодня мы можем получить информацию, не выходя из дома, через Интернет. Это величайшее достижение. Это должно быть непременно внедрено в юридическое образование². Несомненно, нельзя не согласиться с Олегом Емельяновичем что, электронные ресурсы значительно упрощают получение информации, хотя работа в библиотеке даст свои результаты, благодаря своеобразной атмосфере и общением с «живой» книгой, которое принесет намного больше пользы, нежели электронный ресурс, ведь книга не дает сразу ответа на поставленный вопрос — придется проанализировать всю информацию и выделить нужное.

Несмотря на вышесказанное, следует стремиться к направлять студентов именно к получению информации для последующего анализа и построения решений той или иной проблемы, поставленной преподавателем или в будущем работодателем. Нужно исключить из

учебного процесса возможность бездумного обращения студентов к информации, выдаваемой сетью Интернет.

Причем это нужно сделать на всех этапах процесса обучения и во всех формах, например, при написании курсовой работы или магистерской диссертации, при проведении промежуточной или государственной итоговой аттестации и других.

Что касается извлечения пользы от обращения к ресурсам сети Интернет, то хотелось бы отметить следующее. Во-первых, безусловную ценность представляют справочно-правовые системы, которые содержат базу нормативно-правовых актов и других документов, применяемых на практике юристами и используемых студентами в рамках самостоятельной работы при подготовке к любым формам обучения и контроля. Использование указанных ресурсов предусматривается при проведении Итогового государственного экзамена практической направленности, содержание которого предполагает решение казусов в области выбранного студентом профиля. Во-вторых, информация, размещенная на официальных сайтах органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, органов местного самоуправления, политических партий, других учреждений и организаций, также необходима при изучении определенных институтов отраслей права. В-третьих, в сети Интернет можно найти информацию о литературе, изучаемой при подготовке, и многое другое.

Студент должен уметь искать информацию в сети Интернет в быстром режиме, а преподавателю на практических занятиях необходимо ставить частично задачи, для решения которых требуется быстрый поиск информации (в первоочередном порядке, преподаватели кафедр правовой информатики), в так называемых стрессовых условиях, что впоследствии может пригодиться на практике юристу любого профиля.

С другой стороны, преподаватели при составлении казусов для государственной итоговой

² Кутафин О. Е. Наша задача — поддержать законность в стране // Юридический мир. 2006. № 12 (120). С. 16.

вой аттестации и практикумов, при подготовке к практическим занятиям или разработке и написании учебных пособий также не обходятся без данных справочно-правовых систем, без информации о структуре того или иного органа законодательной, исполнительной или судебной властей и всего массива информации, получаемой из сети Интернет.

Стоит сказать еще об одной составляющей электронных ресурсов, используемой как на лекционных, так и на практических занятиях — презентациях. Нас интересует, прежде всего, участие студентов в подготовке презентаций, составление которых не просто развивает способность аналитического мышления, правильной подачи изученного материала, но и умение выступать. Бесспорно, такая форма работы на семинарах способствует реализации одной из основных задач обучения помимо получения знаний студентами — научиться думать, анализировать, размышлять и как следствие применять полученные знания на практике.

Здесь же следует обратиться к вопросу применения интерактивных методов в ключевых моментах развития у студентов аналитического и прагматического мышления. Реализация заявленной цели при использовании интерактивных методов преподавания, пожалуй самая простая задача для преподавателя. Такие формы работы на практических занятиях как круглый стол, мозговой штурм, деловая игра, case-study (решение казусов) или же мастер-класс, сами по себе располагают к мыслительному процессу, к анализу ситуации, к разработке решений. В некотором роде можно отнести их к новым со-

временным формам проведения семинарских занятий и, иногда, лекционных, хотя решение задач применялось и раньше, в частности, заочная форма включала в себя контрольные работы, состоящие из задач.

Совмещение практического и теоретического подходов в учебном процессе, также располагает студентов при подготовке к занятиям или прохождении, прежде всего, производственно-квалификационной практики, делать акцент на аналитическом аспекте изучения материала. Этому способствует внедрение встроенной в учебный процесс практики, в рамках которой предусмотрено чтение лекций представителями работодателя, разработка проектов документов, по результатам практики подготовка отчетных материалов о ее прохождении.

Нельзя утверждать, что весь профессорско-преподавательский состав перешел на использование новых современных методов обучения, реализация которых непосредственно подразумевает анализ всего объема знаний и информации, получаемых в процессе обучения. В связи с этим заметим, что в настоящее время в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) созданы необходимые условия для приобретения преподавателями интерактивных методов обучения студентов посредством курсов повышения квалификации.

В заключении заметим, что на наш взгляд, наилучшим вариантом является сочетание ранее применяемых и новых инновационных методик, в том числе, при проведении промежуточной и государственной итоговой аттестации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кутафин О. Е. Чтить закон, невзирая на лица // Юрист вуза. — 2007. — № 9. — С. 12—14.
2. Кутафин О. Е. Наша задача — поддержать законность в стране // Юридический мир. — 2006. — № 12 (120). — С. 14—25.

Материал поступил в редакцию 10 декабря 2016 г.

ANALYSIS AS THE CORE OF THE LEARNING PROCESS AND AN INTEGRAL PART OF MODERN EDUCATION

MEYERHOLD Anastasiya Aleksandrovna — PhD, Senior Lecturer of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

aakazakova@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *In the article the author considers one of the major problems related to the impact of technological progress, development of the Internet and using electronic resources on the ability to analyze materials studied by both applicants seeking admission to the university and students. The author writes about the need to use different teaching methods for the development of students' ability to analyze positive and negative aspects of those techniques that affect the analysis of the received material.*

Keywords: *problems of modern education, analytical thinking, teaching methodology, theoretical and practical approaches to learning, electronic resources, forms of lessons.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kutafin O.E. Chtit' zakon, nevziraja na lica // Jurist vuza. 2007. № 9. S. 12—14.
2. Kutafin O.E. Nasha zadacha — podderzhat' zakonnost' v strane // Juridicheskij mir. 2006. № 12 (120). S. 14—25.

О. Н. Булаков*, А. А. Жумабаева**

Общественность в сфере образовательной и просветительской деятельности

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем демократизации в системе образования. Демократизация образовательного процесса, по мнению авторов, возможна посредством расширения участия самоуправляющихся ассоциаций и общественных объединений. Анализируются вопросы, связанные с обеспечением участия общественных объединений в сфере образовательной и просветительской деятельности. Проведенный анализ Уставов советов муниципальных образований позволил авторам выделить формы образовательной и просветительской деятельности; предложена классификация на общие и особенные. Сделан вывод о значимости и перспективности деятельности союзов, ассоциаций муниципальных образований субъектов Российской Федерации в просветительской деятельности, направленной на повышение правосознания и активности жителей муниципальных образований в решении вопросов местного значения.

Ключевые слова: образование, просветительская деятельность, общественные объединения, формы просветительской и образовательной деятельности.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.061-066

Реализация конституционного права на образование в современной России проходит сложно и не всегда однозначно. С 1 сентября 2013 г. в Российской Федерации начал действовать новый Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹.

Этот законодательный акт предлагает качественно новое правовое регулирование общественных отношений в сфере образования. Он соответствует современным требованиям, предъявляемым к уровню и качеству образования, а также международным договорен-

ностям России. В нем обозначены принципиально важные направления модернизации российского образования, совершенствования правовой основы функционирования системы образования, гарантии прав на образование субъектов образовательных отношений, значительно уточнен категориальный аппарат законодательства об образовании. Прямо и косвенно устанавливаются принципы образовательной деятельности — адаптируемости, единства образовательного пространства, демократизации².

¹ СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

² Комарова В. В. Современное образование глазами конституционалиста: вопросы нормативного оформления и сущностного наполнения // Профессиональное образование: модернизационные аспекты: коллективная монография: в 9 т. / под науч. ред. О. П. Чигишевой. Ростов н/Д, 2014. С. 6—35.

© Булаков О. Н., Жумабаева А. А., 2017

* Булаков Олег Николаевич — доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), филиал «Домодедово»
info@dom-rsuh.ru

142000, Россия, Московская обл., г. Домодедово, Каширское ш., 4, корп. 2

** Жумабаева Алия Аманбаевна — аспирантка Института государства и права РАН

igpran@igpran.ru

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Вместе с тем, «действующий Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» не позволяет создать эффективное и функционально полное образовательное законодательство, не решает многих старых образовательных проблем. На наш взгляд, сегодня необходимо принятие именно образовательного кодекса. Кодификация образовательного права позволила бы устранить противоречия, возникающие между актами образовательного законодательства и актами иных «смежных» отраслей законодательства (гражданским, административным, трудовым, финансовым и т. д.); привести федеральные, региональные (субъектов Федерации) и местные (муниципальные) источники образовательного права в соответствие с конституционными принципами разграничения властных полномочий между Российской Федерацией, ее субъектами и органами местного самоуправления; усовершенствовать юридическую технику нормативно-правового регулирования в сфере образовательных отношений и устранить возможные будущие правовые коллизии в данной сфере»³.

Одним из направлений развития сферы образования, по мнению авторов, может стать развитие в обозначенной сфере самоуправляющихся ассоциаций — органов самоуправления обучающихся, профессиональных ассоциаций профессорско-преподавательского состава⁴; организаций общественного управления образования с представительством в них различных слоев населения; с целью демократизации — использование потенциала общественных объединений в образовательном и просветительском процессах (авторы рассматривают понятие «просветительский процесс» и «образовательный процесс» как

соотношение общего и частного; первое поглощает второе).

С точки зрения авторов, демократизация образовательного процесса возможна посредством расширения участия самоуправляющихся ассоциаций и общественных объединений.

Самые разные общественные объединения в Уставах закрепляют свои цели и права в сфере образования и просветительства. Например, 24 февраля 2000 г. был создан Союз юристов России. Данная организация образована для решения таких задач, как «... воспитание юристов в духе неукоснительного соблюдения положений закона, норм профессиональной этики; ... содействие укреплению связи между юридической наукой, образованием и практикой»⁵. Как отмечал О.Е. Кутафин, «Союз юристов России проводит серьезную работу по укреплению юридического сообщества, по совершенствованию правосознания населения. проводит серьезную работу по укреплению юридического сообщества, по совершенствованию правосознания населения»⁶.

Министерство образования и науки России в 2015 году разработало Методические рекомендации по развитию государственно-общественного управления образованием в субъектах Российской Федерации, адресованные специалистам органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих государственное управление в сфере образования, и органов местного самоуправления, осуществляющих управление в сфере образования. Рекомендации направлены на обеспечение развития общественного участия в управлении образованием и повышение эффективности работы органов государствен-

³ Булаков О. Н., Пономарева Ю. Ю. Перспективы реализации правового регулирования отношений в сфере образования в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 3 (15). С. 62—68.

⁴ Фатов И. С. Органы самоуправления обучающихся и администрация в образовательной организации высшего профессионального образования как правовая модель социального партнерства // Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве : материалы международной научно-практической конференции / под общей редакцией Т. А. Сошниковой. 2015. С. 77—82.

⁵ Кутафин О. Е. Союз юристов России и вопросы единства юридического сообщества // Законодательство и экономика. 2004. № 9. С. 11—13.

⁶ Кутафин О. Е. Союз юристов России и вопросы единства юридического сообщества. С. 11—13.

но-общественного управления образованием в современных условиях⁷.

Однако в упомянутых актах пробельным можно назвать регулирование двух названных выше направлений: организаций общественного управления образования с представительством в них различных слоев населения, а также использование потенциала общественных объединений в образовательном и просветительском процессах.

Общеизвестно, что общественные объединения вправе участвовать в реализации государственных и муниципальных просветительских программ, принимаемых органами публичной власти различных уровней, вправе осуществлять собственную просветительскую деятельность на основании действующего законодательства, уставов и программ.

Просветительская деятельность реализуется во многих плоскостях общественной жизни через совокупность разных видов деятельности. В деятельности общественных объединений, по мнению И.С. Фатова, просветительство выступает как одна из функций (несмотря на отсутствие прямого законодательного закрепления), имеет целевой характер и осуществляется путем использования в качестве средств различных видов деятельности (информирование, популяризация, пропаганда, критика и др.) и форм⁸. По его мнению, просветительская функция общественных объединений заключается в обеспечении своей аудитории (членов и участников, сподвижников) информацией, в которой получают отражение новые и не освоенные аудиторией продукты социальной, общественной, политической жизни. Общественным объединением анализируются сферы общественной жизни в широком смысле, в рамках уставной деятельности с точки зрения соответствия гуманистическим тенденциям общественного развития и приоритетов, потребностей целевой аудитории.

Действительно, в соответствии с действующим законодательством, общественные объ-

единения вправе свободно распространять информацию о своей деятельности; учреждать средства массовой информации и осуществлять издательскую деятельность (для юридических лиц). К формам просветительской деятельности можно отнести не только учреждение средств массовой информации, выпуск популярной литературы, агитации и других доступных наглядных средств, выпуск учебных пособий и издание научно-популярной литературы, размещение наружной рекламы, проведение конкурсов, учреждение специальных премий, но иные мероприятия, направленные на выполнение образовательной, информационной, разъяснительной и консультативной функций в рамках просветительской программы, проводимых с целью содействия активному и компетентному участию граждан в различных сферах жизнедеятельности общества.

Отметим, что новый институт гражданского общества — советы муниципальных образований, будучи представителями интересов муниципальных образований в органах публичной власти, выполняют функции, которые, по мнению авторов, требуют проведения просветительских мероприятий, участия в образовательной деятельности.

Как правило, в Уставах советов муниципальных образований (далее также — СМО) закрепляется право учреждать средства массовой информации для опубликования муниципальных правовых актов, обсуждения проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения, доведения до сведения жителей муниципальных образований официальной информации о социально-экономическом, культурном развитии муниципальных образований, межмуниципальном сотрудничестве и иной официальной информации (Курской, Нижегородской, Новгородской областях).

Анализ уставов СМО различных субъектов показал наличие разнообразных формы просветительской деятельности и участия в образовательной деятельности, которые ус-

⁷ Министерство образования и науки России. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/6560/файл/5611/41d58c34bbc915e49ec5.pdf> (дата обращения: 10.01.2017).

⁸ Фатов И. С. Просветительская деятельность общественных объединений в Российской Федерации (организационно-правовой аспект) // Право и государство: теория и практика. 2013. № 7 (103). С. 44—49.

ловно можно классифицировать на общие и особенные.

Так, к формам просветительской деятельности можно отнести:

содействие в реализации гражданами права на местное самоуправление — Уставы СМО Московской (п. 2.1.1)⁹, Саратовской (п. 2.2)¹⁰, Смоленской (п. 2.3.3)¹¹ областей и Республик Коми (п. 2.6)¹², Марий-Эл (п. 2.1)¹³ закрепляют их в качестве цели своей деятельности;

повышение гражданской активности (Устава СМО Томской области п.2.3.5);

участие в развитии гражданского общества — в Московской (п. 2.3.6), Смоленской (п. 2.3.4), Ульяновской (п. 2.2.16)¹⁴, Томской (п. 2.3.5)¹⁵, Псковской (п. 2.3)¹⁶ областях.

В Уставах СМО Новгородской, Нижегородской, Курской областей установлено, что СМО соответствующих субъектов федерации осуществляют организацию и проведение конкурсов на звание лучшего муниципального образования, на звание лучшего главы муниципального образования, лучшего главы местной администрации, лучшего муниципального служащего по соответствующим номинациям.

К участию в образовательной деятельности можно отнести нормы Устава Ассоциации «Совет муниципальных образований Курской области» (утв. III Съездом Совета МО Курской области 19.12.2007 в ред. от 22.12.2010) закрепляющие, что СМО содействует подготовке и переподготовке кадров муниципальных служащих и выборных лиц местного самоуправ-

ления муниципальных образований Курской области. Аналогичные положения, закрепляющие общую форму участия в образовательной деятельности есть в Уставе СМО Новгородской, Саратовской областях.

В Саратовской области «Устав Ассоциации «Совет муниципальных образований Саратовской области» (принят на учредительном собрании 20.04.2006 в ред. от 13.03.2013) закрепляет следующие формы участия в образовательной деятельности:

методическая помощь муниципальным образованиям по вопросам организации и деятельности местного самоуправления и межмуниципального сотрудничества;

участие в развитии системы подготовки кадров для органов местного самоуправления. Отметим, что в большинстве актов, регулирующих правовой статус СМО, используется иная, более узкая формулировка «содействует подготовке и переподготовке».

Устав Ассоциации «Совет муниципальных образований Нижегородской области» (утв. решением съезда муниципальных образований Нижегородской области 18.11.2011) закрепляет, что Совет для достижения поставленных целей деятельности и решения задач:

организует и проводит различные мероприятия, в том числе семинары, конференции, иные мероприятия по обмену опытом работы органов местного самоуправления муниципальных образований Нижегородской области (3.1.3);

⁹ Устав Совета муниципальных образований Московской области. URL: http://www.sovetmo.ru/data/upload/Устав_2012.-20121029014648.doc

¹⁰ Устав Совета муниципальных образований Саратовской области. URL: <http://old.smosar.sarmo.ru/images/2014%20год/документы/УСТАВ.docx> (дата обращения: 10.01.2017).

¹¹ Устав Совета муниципальных образований Смоленской области. URL: <http://smo.admin-smolensk.ru/o-sovete/ustav/> (дата обращения: 10.01.2017).

¹² Устав Совета муниципальных образований Республики Коми. URL: <http://smo11.ru/images/docs/ustav/ustav.doc> (дата обращения: 10.01.2017).

¹³ Устав Совета муниципальных образований Республики Марий Эл. URL: <http://mari-el.gov.ru/smo/DocLib/УСТАВ.rtf> (дата обращения: 10.01.2017).

¹⁴ Устав Совета муниципальных образований Ульяновской области. URL: <http://acmoul.ru/> (дата обращения: 10.01.2017).

¹⁵ Устав Совета муниципальных образований Томской области. URL: http://smo-tomsk.ru/files/Dokumenty/Ustav_v_novoj_redakcii.doc (дата обращения: 10.01.2017).

¹⁶ Устав Совета муниципальных образований Псковской области. URL: <http://amopsk.ru/about/documents> (дата обращения: 10.01.2017).

содействует внедрению новых форм и методов управления с использованием достижений науки, техники и информационных технологий, распространяет передовой опыт работы органов местного самоуправления в Нижегородской области (3.1.10).

В Новгородской и Курской областях Советы проводят научно-методическую работу по изучению актуальных вопросов развития местного самоуправления и отраслей муниципального хозяйства, в том числе с привлечением ученых и специалистов.

Устав Ассоциации «Совет муниципальных образований Новгородской области» (утв. Решением Учредительного съезда муниципальных образований Новгородской области от 28.04.2006 в ред. от 16.12.2009) закрепляет, что ассоциация осуществляет обмен опытом работы членов Ассоциации в различных областях сотрудничества, организует проведение конференций, семинаров, совещаний, «круглых столов», деловых встреч по актуальным вопросам развития местного самоуправления (2.3.10).

Отметим, что участие общественности в лице общественных объединений и самоорганизации обучающихся способствует реализации международных и заявленных в нацио-

нальном законодательстве об образовании принципов — адаптируемости, единства образовательного пространства¹⁷. В отношении участия Советов муниципальных образований в образовательной и просветительской деятельности, по мнению авторов, требуется расширение и унификация выделенных форм.

В заключении отметим, что образовательная деятельность осуществляется в интересах человека, общества и государства. Это означает, что образовательный процесс направлен на обеспечение реализации публичного интереса. Формирование социально активной и профессионально подготовленной личности есть один из основных публичных интересов, реализуемых в рамках образовательной деятельности, и участие общественности, институтов гражданского общества в этом процессе сегодня имеют определенные перспективы. По мнению авторов, значимость деятельности союзов, ассоциаций муниципальных образований субъектов Российской Федерации в просветительской деятельности, направленной на повышение правосознания и активности жителей муниципальных образований в решении вопросов местного значения сегодня очевидна и подлежит расширению и активизации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Булаков О. Н., Пономарева Ю. Ю. Перспективы реализации правового регулирования отношений в сфере образования в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. — 2014. — № 3 (15). — С. 62—68.
2. Комарова В. В. Современное образование глазами конституционалиста: вопросы нормативного оформления и сущностного наполнения // Профессиональное образование: модернизационные аспекты : коллективная монография : в 9 т. / под науч. ред. О. П. Чигишевой. — Ростов н/Д, 2014. — С. 6—35.
3. Кутафин О. Е. Союз юристов России и вопросы единства юридического сообщества // Законодательство и экономика. — 2004. — № 9. — С. 11—13.
4. Фатов И. С. Органы самоуправления обучающихся и администрация в образовательной организации высшего профессионального образования как правовая модель социального партнерства // Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве : Материалы международной научно-практической конференции / под общ. ред. Т. А. Сошниковой. — 2015. — С. 77—82.
5. Фатов И. С. Просветительская деятельность общественных объединений в Российской Федерации (организационно-правовой аспект) // Право и государство: теория и практика. — 2013. — № 7 (103). — С. 44—49.

Материал поступил в редакцию 10 января 2017 г.

¹⁷ Комарова В. В. Современное образование глазами конституционалиста: вопросы нормативного оформления и сущностного наполнения. С. 6—35.

THE PUBLIC IN THE FIELD OF EDUCATIONAL AND ENLIGHTENING ACTIVITIES

BULAKOV Oleg Nikolayevich — Doctor of Law, Professor of the Department of State Law Disciplines at the Russian State Humanitarian University (RGGU), “Domodedovo” Branch

info@dom-rsuh.ru

142000, Russia, Moskovskaya oblast, Domodedovo, Kashirskoye Shosse, 4 korp.2

ZHUMABAYEVA Aliya Amanbaevna — Postgraduate Student at the Institute of the State and Law of the Russian Academy of Sciences

igpran@igpran.ru

119019, Russia, Moscow, ul. Znamianka, d.10

***Review.** The article is devoted to the problems of democratization in the education system. Democratization of the educational process, according to the authors, is possible by means of increased participation of self-governing associations and public unions. The authors examine issues related to the participation of public associations in the field of educational and enlightening activities. The analysis of the charters of municipal councils has allowed the authors to highlight the forms of educational and enlightening activities; they also propose their classification into general and special forms. The authors draw a conclusion according to which activities of unions, associations of municipalities of constituent entities of the Russian Federation in educational activities aimed at raising legal consciousness and activity of residents of municipalities in addressing the issues of local importance are very significant and important.*

Keywords: education, enlightening activities, public associations, forms of education and educational activities

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bulakov O.N., Ponomareva Ju.Ju. Perspektivy realizacii pravovogo regulirovaniya otnoshenij v sfere obrazovaniya v Rossijskoj Federacii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Juridicheskie nauki. 2014. № 3 (15). S. 62—68.
2. Komarova V.V. Sovremennoe obrazovanie glazami konstitucionalista: voprosy normativnogo oformlenija i sushhnostnogo napolnenija // V knige: Professional'noe obrazovanie: modernizacionnye aspekty. Kollektivnaja monografija: v 9-ti tomah. pod nauchnoj redakciej O. P. Chigishevoj. Rostov-na-Donu, 2014. S. 6—35.
3. Kutafin O.E. Sojuz juristov Rossii i voprosy edinstva juridicheskogo soobshhestva // Zakonodatel'stvo i jekonomika. — 2004. — № 9. — S. 11—13.
4. Fatov I.S. Organy samoupravlenija obuchajushhihsja i administracija v obrazovatel'noj organizacii vysshego professional'nogo obrazovaniya kak pravovaja model' social'nogo partnerstva // V sbornike: Social'naja spravedlivost' i gumanizm v sovremennom gosudarstve i prave Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pod obshhej redakciej T. A. Soshnikovoj. 2015. S. 77—82.
5. Fatov I.S. Prosvetitel'skaja dejatel'nost' obshhestvennyh ob#edinenij v Rossijskoj Federacii (organizacionno-pravovoj aspekt) // Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. 2013. № 7 (103). S. 44—49.

А. М. Будаев*

Конституционное право как основа перспективных междисциплинарных исследований

Аннотация. На современном этапе развития конституционного права междисциплинарные исследования становятся одним из перспективных направлений учебной и научной работы. Существующая в структуре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) кафедра конституционного и муниципального права успешно развивает такое новое направления междисциплинарных исследований, как конституционные основы энергетического права. В рамках этой работы кафедрой конституционного и муниципального права подготовлены рабочая программа и учебное пособие, планируется к защите диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Обобщается опыт личного участия преподавателей кафедры в проведении научных и учебных мероприятий совместно с кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Ключевые слова: конституционное право, Конституция РФ, федеральное законодательство, законодательство субъектов РФ, энергетическое право, междисциплинарные исследования, кафедра конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.067-071

В системе юридических знаний конституционное право является базовой юридической наукой. По сравнению с другими отраслями права, предмет данной отрасли имеет существенные особенности. Они выражаются прежде всего в том, что конституционное право регулирует отношения, складывающиеся практически во всех сферах жизнедеятельности государства и общества: политической, экономической, социальной, духовной и др. В связи с этим при изучении курса конституционного права России нужно постоянно учитывать его фундаментальный характер, широкий

диапазон связей не только с философскими и политологическими учениями, но и с отраслевыми юридическими науками, отечественной и зарубежной конституционной практикой¹.

Особая роль конституционного права, на наш взгляд, возрастает именно на современном этапе социально-экономического развития России, когда в условиях динамично меняющейся внешнеполитической конъюнктуры перед нашей страной возникает необходимость поиска новых путей развития, обеспечивающих сохранение статуса одной из ведущих мировых держав. Ключевой задачей в этой

¹ Трусов Н. А. Конституционное право России: о дисциплине и об актуальных проблемах преподавания // Актуальные вопросы преподавания конституционного права : сборник материалов Всероссийской конференции преподавателей конституционного права, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации, 27 июня 2013 г., Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) / отв. ред. С.М. Шахрай, В.И. Фадеев. М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2013. С. 114.

© Будаев А. М., 2017

* Будаев Андрей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ambudaev@msal.ru

125993, россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

сфере является развитие фундаментальной науки, в том числе юриспруденции, которая содействует выработке рекомендаций, направленных на создание оптимальной системы публичного управления, повышения уровня благосостояния граждан России.

В свою очередь, ведущая роль конституционного права заключается в том, что оно становится основой перспективных междисциплинарных исследований. Одним из данных направлений в настоящее время является взаимодействие конституционного и энергетического права. В рамках данного исследования хотелось бы обобщить определенный опыт, накопленный кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), и предложить новые, перспективные идеи.

Знакомство автора настоящей публикации с кафедрой энергетического права МГЮА произошло в октябре 2014 г., когда в Университете состоялось очередное заседание студенческого научного форума по энергетическому праву. Тема прошедшего заседания получила название «Правовое регулирование в области использования атомной энергии». В ходе научного мероприятия были обсуждены вопросы, касающиеся особенностей правового положения Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом», особенностей правового режима плавучих атомных электростанций, правового регулирования в области использования атомной энергии по законодательству зарубежных стран и др.

На данном заседании был заслушан доклад и представителя кафедры конституционного и муниципального права на тему «Города атомной отрасли: история создания и перспективы развития»². При подготовке выступления, а за-

тем и печатной публикации, представлялось необходимым провести анализ существующих городов атомной отрасли именно с позиций конституционного права. В связи с этим были даны конституционные характеристики ведущих административных и научных центров в сфере атомной энергетики Москвы и Санкт-Петербурга как субъектов РФ — городов федерального значения; городов-спутников АЭС — Соснового Бора и Удомли как муниципальных образований, расположенных в непосредственной близости от ядерных энергетических объектов.

Следующим этапом сотрудничества в рамках проводимых в Университете междисциплинарных исследований стала Научно-практическая конференция «Развитие правового регулирования отношений в области использования атомной энергии в Российской Федерации: гармонизация российского и международного ядерного права», которая состоялась в декабре 2015 г. На данной конференции состоялось выступление с докладом на тему «Правовое обеспечение радиационной безопасности на муниципальном уровне: вопросы теории и практики»³. Работа над данным выступлением потребовала углубленного изучения таких нормативных правовых актов, регулирующих вопросы муниципального строительства и полномочий органов местного самоуправления в сфере радиационной безопасности, как Федеральные законы «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 г.⁴, «О радиационной безопасности населения» 1996 г.⁵, Закона Мурманской области «О радиационной безопасности населения на территории Мурманской области» 2009 г.⁶, вблизи муниципального образования которой — г. Полярные Зори — рас-

² Будаев А. М. Города атомной отрасли: история создания и перспективы развития // Правовой энергетический форум. 2014. № 4. С. 26—30.

³ Будаев А. М. Правовое обеспечение радиационной безопасности на муниципальном уровне: вопросы теории и практики // Правовой энергетический форум. 2016. № 3. С. 33—36.

⁴ Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

⁵ Федеральный закон от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 141.

⁶ Закон Мурманской области от 15 июня 2009 г. № 1113-01-ЗМО «О радиационной безопасности населения на территории Мурманской области» // Ведомости Мурманской областной Думы. 2009. № 98. С. 33—36.

положена Кольская АЭС, и ряда иных муниципальных правовых актов.

В настоящее время в рамках междисциплинарного сотрудничества планируется издание коллективной монографии, посвященной правовым аспектам использования атомной энергии, где указанные результаты проведенных исследований будут изложены в виде параграфов соответствующей главы.

Отдельно в данной публикации хотелось бы осветить те результаты и достижения, которые имеются в целом у кафедры конституционного и муниципального права в рамках рассматриваемой темы. В феврале 2016 г. в структуре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) образован Институт современного прикладного права, который осуществляет подготовку юристов для правового сопровождения ключевых отраслей государственной деятельности и экономики России. Одним из направлений подготовки является подготовка по программе «Юрист в сфере энергетики». Для методического обеспечения учебного процесса известными учеными-конституционалистами — В.И. Фадеевым, В.В. Комаровой, Н.Б. Пастуховой — была разработана рабочая программа учебной дисциплины «Конституционно-правовые основы энергетического права»⁷. Целями освоения данной учебной дисциплины является формирование у студентов целостного представления и комплексных знаний о понятии и структуре конституционно-правовых основ энергетического права, а также практических умений и навыков по применению конституционно-правовых

актов, регулирующих общественные отношения в сфере энергетики.

Междисциплинарное взаимодействие включает в себя не только разработку учебно-методических материалов, но и подготовку научных кадров. На кафедре подготовлена и планируется к защите диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук О.С. Масловой на тему «Конституцион-

но-правовые основы безопасности в сфере энергетики».

Знаковым событием в рамках проводимых исследований и всей научной деятельности в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) стала Научно-практическая конференция «Юридическое образование в России: история и современность (к 85-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА))», в рамках которой прошло заседание Круглого стола «Конституционно-правовое обеспечение энергетического суверенитета».

На круглом столе состоялась презентация учебного пособия «Конституционные основы энергетического права»⁸, в котором рассмотрены вопросы теории и практики реализации конституционных основ в сфере энергетики. Особое внимание уделено конституционным основам государственной энергетической политики и правового регулирования сферы энергетики. Дана характеристика компетенции органов государственной и муниципальной власти в топливно-энергетической сфере. Представлены конституционные основы контроля публичной властью и общественного контроля, юридической ответственности в сфере энергетики.

В ходе работы круглого стола были заслушаны выступления, состоялась предметная дискуссия. По тематике проводимого исследования участникам был представлен доклад на тему «Конституционно-правовое обеспечение энергетического суверенитета (из истории вопроса)», в рамках которого было предложено авторское определение энергетического суверенитета, под которым следует понимать характеристику (свойство) современного высокоразвитого демократического государства, производящего или потребляющего энергоресурсы, позволяющее данному государству самостоятельно определять рынки сбыта производимых (добываемых) энергоресурсов по приемлемой цене либо устанавливать стоимость закупаемых энергоресурсов, исходя из

⁷ Фадеев В. И., Комарова В. В., Пастухова Н. Б. Конституционно-правовые основы энергетического права : рабочая программа. М., 2015. 35 с.

⁸ Комарова В. В., Пастухова Н. Б., Садовникова Г. Д., Фадеев В. И. Конституционные основы энергетического права : учебное пособие / под ред. В.В. Комаровой. М. : Кнорус, 2016. 180 с.

собственных интересов с учетом долгосрочного социально-экономического развития. В конце выступления был озвучен ряд предложений, в том числе определяющих задачи, стоящие перед юридическим сообществом в энергетической сфере.

Подводя итог проведенному исследованию, сформулируем основные выводы.

1. Конституционное право на современном этапе развития юридического образования и науки занимает, безусловно, ведущее место среди отраслевых дисциплин. Оно не только участвует в формировании мировоззрения выпускника юридического вуза, его правосознания, правовой культуры и мышления, но и с

учетом современной действительности становится основой для проведения перспективных междисциплинарных исследований.

2. Выбор направления научного исследования, несомненно, деятельность сугубо индивидуальная, зависящая от внутренних интересов самого ученого. В то же время разрабатываемые темы должны быть связаны с объективной реальностью. Полагаем, что сейчас наиболее востребованы те направления, которые могут содействовать формированию облика Российской Федерации как одной из ведущих мировых держав, в том числе дальнейшая разработка конституционно-правовых аспектов энергетической сферы в нашей стране.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Будаев А. М. Города атомной отрасли: история создания и перспективы развития // Правовой энергетический форум. — 2014. — № 4. — С. 26—30.
2. Будаев А. М. Правовое обеспечение радиационной безопасности на муниципальном уровне: вопросы теории и практики // Правовой энергетический форум. — 2016. — № 3. — С. 33—36.
3. Комарова В. В., Пастухова Н. Б., Садовникова Г. Д., Фадеев В. И. Конституционные основы энергетического права : учебное пособие / под ред. В.В. Комаровой. — М. : Кнорус, 2016. — 180 с.
4. Трусов Н. А. Конституционное право России: о дисциплине и об актуальных проблемах преподавания // Актуальные вопросы преподавания конституционного права : сборник материалов Всероссийской конференции преподавателей конституционного права, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации, 27 июня 2013 г., Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) / отв. ред. С.М. Шахрай, В.И. Фадеев. — М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2013. — 264 с.
5. Фадеев В. И., Комарова В. В., Пастухова Н. Б. Конституционно-правовые основы энергетического права: рабочая программа. — М., 2015. — 35 с.

Материал поступил в редакцию 10 декабря 2016 г.

CONSTITUTIONAL LAW AS THE BASIS FOR ADVANCED INTERDISCIPLINARY STUDIES

BUDAEV Andrey Mikhaylovich — PhD, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ambudaev@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *At the present stage of development of constitutional law, interdisciplinary research is becoming one of the most promising areas of academic and scientific work. The Department of Constitutional and Municipal Law included into the structure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) successfully develops such new directions of interdisciplinary research as constitutional foundations of energy law. As the part of this work the Department of Constitutional and Municipal Law has elaborated a curriculum and tutorials, it is scheduled to defend the dissertation for the scientific degree of PhD. The author summarizes the experience of personal participation of lecturers in scientific and educational activities in collaboration with the Department of Energy Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).*

Keywords: *constitutional law, the Constitution of the Russian Federation, federal laws, laws of the constituent entities of the Russian Federation, energy law, interdisciplinary studies, Department of Constitutional and Municipal Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Budaev A.M. Goroda atomnoj otrasli: istorija sozdaniya i perspektivy razvitija // Pravovoj jenergeticheskij forum. — 2014. — № 4. — S. 26—30.
2. Budaev A.M. Pravovoe obespechenie radiacionnoj bezopasnosti na municipal'nom urovne: voprosy teorii i praktiki // Pravovoj jenergeticheskij forum. — 2016. — № 3. — S. 33—36.
3. Komarova V.V., Pastuhova N.B., Sadovnikova G.D., Fadeev V.I. Konstitucionnye osnovy jenergeticheskogo prava : uchebnoe posobie / pod red. V.V. Komarovo. — M.: KNORUS, 2016. — 180 s.
4. Trusov N.A. Konstitucionnoe pravo Rossii: o discipline i ob aktual'nyh problemah prepodavaniya. «V»: Shahrjaj S.M., Fadeev V.I. Aktual'nye voprosy prepodavaniya konstitucionnogo prava: sbornik materialov Vserossijskoj konferencii prepodavatelej konstitucionnogo prava, posvjashhennoj 20-letiju Konstitucii Rossijskoj Federacii, 27 ijunja 2013 g., Moskovskij gosudarstvennyj juridicheskij universitet imeni O.E. Kutafina (MGJuA) / otv. red. S.M. Shahrjaj, V.I. Fadeev. — M.: Universitet imeni O.E. Kutafina (MGJuA), 2013. — 264 s.
5. Fadeev V.I., Komarova V.V., Pastuhova N.B. Konstitucionno-pravovye osnovy jenergeticheskogo prava: rabochaja programma. — M., 2015. — 35 s.

Н. Б. Пастухова*

Опыт преподавания учебной дисциплины «Конституционно-правовые основы энергетического права» в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности и актуальные подходы к преподаванию новых отраслей правовой науки на основании положительного опыта, накопленного в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), где в 2010 году был создан Институт энергетического права (в настоящее время — Институт современного прикладного права), первое и единственное на тот момент учебное заведение в Москве и в России, деятельность которого направлена на подготовку специалистов-юристов именно для энергетической отрасли.

Проведен анализ инновационной системы обучения, разработанной для преподавания учебной дисциплины «Конституционно-правовые основы энергетического права» в соответствии с действующим законодательством и учебно-методической литературой.

В статье излагаются специфические характеристики учебного курса «Конституционно-правовые основы энергетического права», который сформирован таким образом, чтобы в процессе изучения данной дисциплины студент овладел и базовыми знаниями в области конституционного права, и дополнительными, необходимыми для юриста в сфере энергетики. Результаты обучения студентов Института во многом определяются приобретаемыми выпускником компетенциями, его способностью применять знания, умения и личные качества в соответствии с задачами профессиональной деятельности.

Ключевые слова: энергетический сектор, конституционные основы, функционирование ТЭК, рынок труда, методика преподавания, образовательные стандарты, квалифицированные кадры.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.072-075

Жизнь каждого человека невозможно представить без тепла и света, без электричества и энергетики, которые являются не только прекрасными поэтически-ми и романтическими образами, но и составляют прочную основу экономики нашего государства, обеспечивая развитие производства и рост благосостояния населения России. По-

этому не случайно, что эти вечные ценности сегодня приобретают особое практическое значение.

Не вызывает сомнений, что Российская Федерация является крупнейшей мировой энергетической державой, и поэтому проблемы развития ТЭК, проведение взвешенной государственной политики, направленной на улуч-

© Пастухова Н. Б., 2017

* Пастухова Надежда Борисовна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), директор Института современного прикладного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

nbpastuhova@msal.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

шение ситуации в данной отрасли, являются очень серьезными задачами.

Лидерами нашего государства, руководством органов государственной власти и местного самоуправления, учеными и практиками, представителями крупнейших российских и международных предприятий и компаний энергетического сектора неоднократно подчеркивалась необходимость модернизации всех отраслей ТЭК.

Безусловно, этот процесс должен быть связан с заменой оборудования, развитием энергобережения и повышением энергоэффективности. Но следует отметить, что не менее важной гарантией перехода на новый современный уровень функционирования ТЭК в России, является развитие интеллектуального потенциала, и главным образом это касается подготовки квалифицированных юридических кадров, которых так не хватает сегодня в отрасли ТЭК.

Положительный опыт подобной деятельности накоплен в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), где в 2010 году был создан Институт энергетического права (в настоящее время — Институт современного прикладного права), первое и единственное на тот момент учебное заведение в Москве и в России, деятельность которого направлена на подготовку специалистов-юристов именно для энергетической отрасли.

Создание нового учебного структурного подразделения — Института энергетического права в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) во многом было предопределено научным потенциалом нашего вуза, а также готовностью руководства вуза и профессорско-преподавательского состава оперативно реагировать и осуществлять качественную подготовку выпускников, исходя из возникающих сегодня условий, задач и потребностей на рынке труда.

Олег Емельянович Кутафин — выдающийся ученый—государствовед очень много сделал не только для развития фундаментальной науки конституционного права, но и для развития и конституционализации различных отраслей российского права. Поэтому, с полной уверенностью можно отметить, что возникновение в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

новых востребованных научных направлений было и его детищем.

Ведущие специалисты кафедры конституционного и муниципального права по инициативе д.ю.н., профессора В.И. Фадеева, который являлся в то время руководителем кафедры, откликнулись и с энтузиазмом взялись за разработку и методическое обеспечение нового курса. Был сформирован коллектив авторов, подготовлены проект предложений и программа новой учебной дисциплины, которая получила название «Конституционно-правовые основы энергетического права».

Все Институты Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), несмотря на присущую им профильность, обеспечивают фундаментальную подготовку в области права. Студенты Института современного прикладного права, начиная с первого курса, наряду с фундаментальной теоретической подготовкой в области юриспруденции, изучают специальные дисциплины, например «Энергетическая стратегия РФ», «Правовое регулирование обеспечение энергетической безопасности», «Правовое обеспечение топливно-энергетического комплекса» и многие другие. Дисциплина «Конституционные основы энергетического права» была включена в учебный план Института и преподается в 5 семестре.

Учебный процесс в рамках курса «Конституционно-правовые основы энергетического права» строится по новейшим программам и методикам, разработанным ведущими специалистами кафедры конституционного и муниципального права в соответствии с государственными образовательными стандартами.

Закрепление теоретических знаний, приобретение практических навыков студентов в процессе освоения данной дисциплины осуществляется в процессе прохождения практики в законодательных органах РФ, федеральных органах власти, осуществляющих руководство в области энергетики, в российских и зарубежных энергетических компаниях.

Учебная дисциплина «Конституционно-правовые основы энергетического права», реализуемая в Институте представляет собой систему обучения, разработанную в соответствии с

действующим законодательством и учебно-методической литературой, а также с учетом основных требований работодателей. Поскольку Конституционно-правовые основы энергетического права являются формирующимся конституционно-правовым институтом, возникает необходимость в подготовке студентов на высоком уровне владения законодательством и практическими навыками и компетенциями.

В рамках изучения данного курса, студенты получают возможность применить основные знания, полученные ими по предмету «Конституционное право», а также проанализировать закрепленные в Конституции РФ положения, регламентирующие сферу энергетики.

Учебный курс «Конституционно-правовые основы энергетического права» сформирован таким образом, что цель и характеристика профессиональной деятельности выпускника при успешном его освоении полностью соответствует высоким требованиям, предъявляемым к юристу в сфере энергетики.

Главная задача, для решения которой был создан новый учебный курс, заключается в качественной подготовке конкурентоспособных, толерантных и компетентных профессионалов, обладающих высоким уровнем правовой культуры и правосознания, фундаментальными знаниями в области нормотворческой, правоохранительной, правоприменительной и консультативной деятельности, востребованной государством и обществом.

Результаты обучения студентов Института во многом определяются приобретаемыми выпускником компетенциями, то есть его способностью применять знания, умения и личные качества в соответствии с задачами профессиональной деятельности. И в этом также дисциплина «Конституционно-правовые основы энергетического права» абсолютно необходима будущим специалистам юристам в сфере энергетики.

Структура нового учебного курса очень логична. Последовательность изучения тем учебной дисциплины, позволяет студентам подроб-

но рассмотреть теоретические основы, а затем применить полученные знания на практике посредством творческих заданий, работ в группах или рассмотрения кейсов. Наличие различных форм проверки обучающихся также позволяет выявить определенные пробелы в знаниях и разобрать все спорные вопросы в рамках практических занятий.

Неоднократно учеными-правоведами, юристами и специалистами в области ТЭК отмечалось, что основная проблема энергетического права России заключается в отсутствии четкого законодательного регулирования, на настоящий момент существует также острая нехватка публикаций и учебно — методической базы по рассматриваемой теме. В связи с этим интеграция в учебный план Института современного прикладного права такой актуальной, практически-значимой, базирующейся на глубоком фундаментальном изучении Основного закона Российской Федерации дисциплины является серьезным шагом вперед не только в образовательной сфере, но и решением важной государственной задачи.

В настоящее время на рынке труда ощущается острая нехватка квалифицированных профессионалов-юристов, обладающих правовыми знаниями в области энергетики. Можно с полной уверенностью утверждать, что юристы с полученными в ходе освоения курса «Конституционно-правовые основы энергетического права» компетенциями, будут востребованы на рынке труда, поскольку студенты получают как фундаментальные знания в области правоведения, так и имеют возможность изучать подобные специальные учебные дисциплины.

Конституционное право всегда было и остается базой, основополагающей правовой наукой, составляющей базу и фундамент для развития других отраслей российского права, а также для появления новых, инновационных, востребованных государством и обществом учебных направлений и программ, таких как «Конституционно-правовые основы энергетического права».

Материал поступил в редакцию 10 декабря 2016 г.

EXPERIENCE IN TEACHING THE ACADEMIC SUBJECT “CONSTITUTIONAL LAW FRAMEWORK OF ENERGY LAW” AT THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

PASTUKHOVA Nadezhda Borisovna — Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Director of the Institute of Contemporary Applied Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
nbpastuhova@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *The article discusses the features and current approaches to teaching new branches of jurisprudence based on positive experience gained at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), where in 2010 the Institute of Energy Law (now the Institute of Contemporary Applied Law) was founded -- the first and only educational institution at that time in Moscow and in Russia that focused on training professional lawyers for the energy industry.*

The paper carries out an analysis of an innovative learning system developed for teaching “Constitutional and Legal Framework of Energy Law” in accordance with current legislation and recommendations of the educational-methodical literature.

The article outlines specific characteristics of the training course “Constitutional and Legal Framework of Energy Law” formed in such a way that in the process of studying this subject the student masters both basic knowledge in the field of constitutional law and additional knowledge necessary for a lawyer in the sphere of energy. The education results of the students of the Institute are largely determined by the competences, students’ abilities to apply that knowledge, skills and personal qualities acquired by students in accordance with the objectives of professional activity.

Keywords: *energy sector, constitutional framework, functioning of the FEC, labor market, teaching methodology, educational standards, qualified staff.*

Предмет отрасли российского конституционного (государственного) права (к вопросу о преемственности в научных исследованиях и учебном процессе)

Аннотация. В ряду юридических категорий, которые имеют важное значение в обособлении отраслей российского права, особое место занимает предмет. При этом предмет отрасли права выступает в качестве объекта исследования соответствующей отраслевой юридической науки и отраслевой юридической дисциплины.

Конституционное (государственное) право России как отрасль права имеет также свой предмет регулирования (определенный круг общественных отношений), вокруг которого в советский и постсоветский периоды не стихают дискуссии в научных и преподавательских кругах. При всех особенностях государственной идеологии на каждом из этапов развития российского государства и своеобразии авторских мнений можно обнаружить определенную преемственность в понимании сущности, структуры, содержания и значения предмета российского конституционного (государственного) права. В частности, преемственность наблюдается, во-первых, в восприятии категоричного понимания исследуемого явления (утвердилась категория «предмет конституционного (государственного) права» как совокупность однородных, взаимосвязанных общественных отношений, подлежащих регулированию нормами конституционного (государственного) права); во-вторых, в выделении базовых общественных отношений и конкретных, узко формируемых общественных отношений, регулируемых нормами конституционного (государственного) права; в-третьих, в структурировании регулируемых общественных отношений по группам с ориентацией на структуру российской конституции; в-четвертых, в содержании отдельных групп общественных отношений, составляющих предмет конституционного (государственного) права России советского и постсоветского периодов; в-пятых, в установлении и обосновании ведущей роли конституционного (государственного) права в ряду иных отраслей российского права, прежде всего в силу своеобразия регулируемых общественных отношений. Выявление некоторой преемственности предмета конституционного (государственного) права советского и постсоветского периодов отнюдь не отрицает наполнение предмета правового регулирования новым содержанием на основе обновленной системы общественных ценностей, обновленной системы теории и практики российского конституционализма.

Ключевые слова: конституционное право, предмет, советское, постсоветское, преемственность, исследование, учебный процесс, основные черты, новеллы.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.076-086

© Невинский В. В., 2017

* Невинский Валерий Валентинович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

msal_kpr@msal.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Предмет отрасли права как объект исследования в юридической науке и изучения в учебном процессе. В программе подготовки бакалавров и магистрантов по направлению «юриспруденция» важная роль отводится базовым теоретико-правовым категориям, составляющим своеобразный остов общеправовых, отраслевых и межотраслевых учебных дисциплин. В ряду таких категорий особое место занимает «предмет»: предмет отрасли права, предмет отраслевой юридической науки, предмет отраслевой юридической дисциплины. В триедином значении отраслевого предмета центральное положение занимает предмет собственно отрасли российского права (определенной совокупности юридических норм), который выступает как важнейший объект исследования в отечественной юридической науке и изучения в учебном процессе. При этом предмет отрасли права является важнейшим критерием обособления соответствующей отрасли права в системе иных отраслей права, а также индивидуализации соответствующей отрасли юридической науки и отраслевой учебной дисциплины. Одновременно его содержание предопределяет место конкретной отрасли права в системе отраслей права России. Это имеет прямое отношение к предмету конституционного (государственного) права России, обуславливающего ведущую роль этой отрасли права и в советский и в постсоветский периоды истории Российского государства.

Предмет конституционного (государственного) права как неотъемлемая часть характеристики ведущей отрасли российского права. Развитие отечественной конституционно-правовой теории и практики в постсоветский период на основе обновленных общественных ценностей, принципов устройства российского общества и государства позволяет увидеть основные черты произошедших изменений. Одновременно на этом фоне, через призму критической оценки советского социалистического строительства, вживления новых институтов социально-экономической и государственно-правовой систем в российское общество и государство, можно выявить и со-

храняющуюся преемственность в определении сущности, содержания и значения отдельных правовых явлений. В ряду таких явлений могут быть и общественные отношения, регулируемые нормами конституционного (государственного) права как отрасли права Российской Федерации, то есть составляющие предмет этой отрасли права.

Начиная с первых десятилетий существования советской власти в России (в Союзе ССР, в который Россия входила), исследователи-юристы неизменно уделяли важное внимание понятию, сущности, структуре, содержанию и роли предмета конституционного (государственного) права как отрасли права. Ориентируясь прежде всего на существующую в конкретно-исторический период государственную идеологию и подчиненную ей практику государственного строительства, исследователи нередко обращались и к теоретическим изысканиям российских государствоведов дореволюционного периода, зарубежных государствоведов в части характеристики предмета отрасли конституционного (государственного) права.

Особую ценность в связи с рассматриваемым вопросом имеют взгляды на предмет конституционного (государственного) права тех исследователей, преподавателей, которые формировали и разъясняли конституционно-правовую доктрину и в советский, и в постсоветский периоды развития юридической науки. Круг ключевых вопросов, по которым формировались различные взгляды на предмет конституционного (государственного) права, затрагивал само смысловое обозначение регулируемых общественных отношений (предмет или объект); определялся степенью ориентации на сущность, структуру и содержание конституции, представлением о соотношении гражданского общества и (политического) государства, расстановкой приоритетов в системе общественных и, соответственно, конституционных, ценностей, в том числе культивированием в обществе то идеи «конституционного государства», подчиненного основному закону — конституции, признающего связанность государства, его органов правом, правами и

свободами человека, то идеи «начальствующего государства», связанного лишь собственными предписаниями, «дарующего» человеку, его семье, народу права и свободы. Вместе с тем через толщу различных, порой взаимоисключающих, конституционно-правовых установок и государственно-правовой практики просматривается определенная преемственность в понимании и оценке упомянутых вопросов.

«Предмет» и «объект» отрасли российского конституционного (государственного) права: к соотношению понятий. В современной российской науке конституционного (государственного) права устоялось определенное представление о «предмете» и «объекте» отрасли права. Категория «предмет» есть результат доктринального конструирования прежде всего в недрах молодой советской общей теории права в 1920—1940-х годах, вычленившей регулируемые нормами права общественные отношения между людьми по поводу объектов материального и нематериального мира¹. Однако регулируемые общественные отношения иногда именовались в советский период не предметом, а объектом правового регулирования. Соответственно это относилось и к регулированию общественных отношений нормами советского государственного права. Например, известный советский государствовед А.И. Лепешкин именовал соответствующие общественные отношения то объектом, то предметом регулирования². Оригинальной в тот период была точка зрения В.А. Рянжина, который рассматривал предмет советского «конституционного» права как совокупность «функции» и «объекта» конституционного права. При этом «объектом советского конституционного права являются определенные общественные отношения, а функцией — регулирование. Предмет отрасли права составляет регулирование определенного круга общественных отношений»³.

Доминирующей же точкой зрения в советский и постсоветский периоды стало признание в качестве предмета конституционного (государственного) права определенного круга общественных отношений, а в качестве объекта — явлений, вокруг которых возникают отношения между людьми (человек, общество и государство; конституционный строй; государственная власть; органы государственной власти и пр.).

При этом в советский и в постсоветский периоды выделяются некоторые «комплексные объекты» воздействия норм настоящей отрасли права. В частности, известный конституционалист советского и постсоветского периодов С.А. Авакьян называет четыре таких комплексных объекта: во-первых, «существование и жизнедеятельность общества как социального и политического организма» (конституционное право устанавливает «основы существования и жизнедеятельности общества»); во-вторых, «государство, его характер, главные сущностные признаки, а также устройство (государственное устройство)»; в-третьих, исходные начала статуса личности в обществе и государстве; основные права, свободы и обязанности человека и гражданина, участника любых политических, экономических и социальных отношений; в-четвертых, процесс осуществления власти народа в России в трех ее формах — «государственной власти, общественной власти и власти местного самоуправления»⁴. Очевидно, что наименование и сущностное выражение предмета и объекта конституционного (государственного) права советского и постсоветского периодов преимущественно совпадает, что подтверждает определенную их преемственность.

Важное значение в вопросе о преемственности предмета конституционного (государственного) права имеет выявление схожих черт содержания регулируемых обще-

¹ См.: Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940. С. 282—283; Теория государства и права / под ред. А.И. Денисова. М., 1967, С. 3—4, 214.

² См.: Лепешкин А. И. Курс советского государственного права : в 2 т. Т. 1. М., 1961. С. 13—14.

³ Советское конституционное право / под ред. С.И. Русиновой и В.А. Рянжина. Л., 1975. С. 3.

⁴ Авакьян С. А. Конституционное права России : учебный курс : учебное пособие : в 2 т. Т. 1. М., 2014. С. 23—33.

ственных отношений. Этому процессу может содействовать взгляд на систему общественных отношений с точки зрения бытовавшего понятия предмета в широком и узком значении; тесной привязки к структуре и содержанию Конституции России; восприятия ценностного соотношения интересов личности, общества и государства; ранжирования общественных отношений по их уровню (объему). Нельзя не отметить, что и в советской юридической науке, несмотря на идеологическое культивирование единомыслия в рамках господствовавшего марксистско-ленинского учения о государстве и праве, существовали различные взгляды на содержание и пределы предмета советского конституционного (государственного) права. Они были обусловлены в значительной мере происходившими изменениями в государственном строительстве, субъективным исследовательским восприятием таких изменений, в том числе на основе имеющихся знаний в области отечественного и зарубежного конституционного (государственного) права.

О понятии предмета конституционного (государственного) права в узком и широком значении. Необычный для нашего времени взгляд на узкое и широкое понимание предмета советского государственного права высказал на 1 Всесоюзном совещании по вопросам науки государства и права (1938 г.) академик А.Я. Вышинский. По его мнению, в узком значении советское государственное право (соответственно — предмет) включает общественный и государственный строй данного общества, систему общественных и государственных учреждений, принципы их взаимоотношений, объем их обязанностей и прав, методы их деятельности, различного рода публично-правовые институты, определяющие права и обязанности граждан как в их отношениях к обществу и государству, так и в отношениях друг к другу⁵. В широком значении оно представляет собой совокупность норм советского государственного права и норм всех иных отраслей совет-

ского права. Соответственно предмет государственного права составляют общественные отношения, регулируемые нормами различных отраслей права. Несмотря на то что подобный подход к понятию советского государственного права и, соответственно, его предмета не был поддержан советскими государствоведами, и в последующем А.Я. Вышинский сам отказался от него, определенную ценность представляло содержание предмета государственного права в узком его значении: в нем были заложены ориентиры содержания предмета государственного права (основы общественного и государственного строя, система и принципы взаимоотношений органов публичной власти, основы правового статуса личности).

Предмет конституционного (государственного) права под углом зрения ценностного соотношения интересов личности, общества и государства. Советский и постсоветский периоды в установлении ценностного ряда в отрасли и науке конституционного (государственного) права России в соотношении интересов личности, общества и государства в известной степени разнятся. В советский период в качестве предмета настоящей отрасли права преимущественно прежде всего выдвигаются общественные отношения, возникающие (изменяющиеся и прекращающиеся) в сфере организации и осуществления государственной власти (С.А. Голунский, С.С. Кравчук, И.Д. Левин, М.С. Строгович, С.С. Студеникин и др.). В первом советском учебнике по Теории государства и права (1940 г.) отмечалось: «Советское государственное право состоит из правовых норм, выражающих и закрепляющих общественное и государственное устройство СССР, союзных и автономных республик, организацию, функции и принципы деятельности советского государства и его органов»⁶. В этот же период (1939 г.) академик И.П. Трайнин, акцентируя внимание на то, что советское государственное право устанавливает основы (принципы) в восьми базовых для существования государства, го-

⁵ См.: Хрестоматия по конституционному праву : учебное пособие. Том 1: История, теория и методология конституционного права. Учение о конституции / сост. д. ю. н. проф. Н. А. Богданова и Д. Г. Шустров. СПб., 2012. С. 326.

⁶ Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940. С. 294.

сударственной власти группах общественных отношений, основным правам граждан СССР (вместе с ролью «руководящей коммунистической партии») отводит лишь седьмое место⁷.

Наиболее последовательный сторонник этой точки зрения С.С. Кравчук выделял четыре группы общественных отношений: 1) отношения, в которых одной из сторон выступает советский народ непосредственно в лице Советского государства или Советское государство в целом, а другой стороной — государственные органы или государственные образования; 2) отношения, возникающие в процессе закрепления государственно-территориального устройства, Союза ССР, союзных республик в составе Союза ССР; 3) отношения, возникающие в области закрепления системы, принципов организации, компетенции и порядка деятельности государственных органов; 4) отношения, возникающие в процессе взаимодействия государственных органов, общественных организаций и отдельных граждан с избирательными комиссиями, избирателей и избираемых ими депутатами Советов. Правовой статус граждан был тесно вплетен в осуществление государственной власти: государственно-правовые нормы, закрепляющие основы правового положения граждан в государстве, регулируют общественные отношения, составляющие основы участия граждан в осуществлении государственной власти⁸. Приоритет государства и его органов перед правами и свободами личности выражался в первичном, эпохальном значении суверенитета, полновластия народа через систему Советов и других государственных органов, которые от имени советского государства предоставляют личности (гражданам) основные права и свободы, одновременно обязуясь «обеспечить их реальность» (С.С. Кравчук).

Однако многие исследователи советского периода, отводя в содержании предмета советского государственного права первое место общественным отношениям, возникающим в

области организации государства, государственной власти, выделяли в самостоятельные группы общественные отношения, возникающие в области организации общества (экономического, социального, общественно-политического устройства) и положения личности в обществе и государстве. Уже с 30-х годов высказывалось мнение о том, что объектами воздействия норм государственного права являются устройство общества (экономическая, социальная и внегосударственная часть политической системы); устройство государства (система, функции и компетенция представительных и иных государственных органов, избирательное право и иные формы непосредственного участия граждан в осуществлении государственной власти, народовластия); положение личности во взаимоотношениях с государством (принципы взаимоотношений, права, обязанности и ответственность личности)⁹.

В позднесоветский период структура и содержание предмета советского государственного права определенным образом модернизировались, ориентируясь главным образом на структуру и содержание Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. Это видно, в частности, на примере структурирования содержания предмета государственного права В.С. Основиним. Он выделял общественные отношения, возникавшие в процессе закрепления: 1) основ общественного строя и политики СССР; 2) основ правового положения граждан; 3) национально-государственного и административно-территориального устройства Советского государства; 4) системы органов государства, основных принципов их организации и деятельности¹⁰. Подобное структурирование содержания предмета советского государственного права было результатом происшедших изменений в теории и практике отечественного конституционного (государственного) права. Во-первых, личность, ее права и обязанности занимают приоритетное место в соотно-

⁷ См.: Хрестоматия по конституционному праву. Том 1. С. 245—247.

⁸ См.: Хрестоматия по конституционному праву. Том 1. С. 278.

⁹ См.: Хрестоматия по конституционному праву. Том 1. С. 245—247, 296, 301—306.

¹⁰ См.: Советское государственное право / отв. ред. Е.И. Козлова. М., 1983. С. 20—21.

шении с государством, что, в известной мере, формально было обусловлено признанием концепции прав человека, провозглашенной Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (30 июля — 1 августа 1975 г.), подписанному главами 33 государств Европы, включая СССР, а также США и Канады. Во-вторых, признанием условной организационно-функциональной обособленности общества от государства, что стимулировалось внутренней политикой на развитие общественной инициативы, а также упомянутым и иными признаваемыми Советским Союзом (в т. ч. Россией) международными правовыми актами в области прав человека. Намечившаяся тенденция на раскрытие содержание предмета конституционного (государственного) права через систему общественных отношений, возникающих в области установления основ положения личности в обществе и государстве, устройства общества (основ общественного строя) и устройства государства (основ государственного строя), нашла дальнейшее развитие с начала 90-х годов 20 в. в условиях обновления теории и практики российского конституционализма, стержнем которых стала Конституция Российской Федерации 1993 г.

В частности, в работах Е.И. Козловой, как и многих других исследователей постсоветского периода, ключевое место в содержании предмета российского конституционного права отводится: во-первых, общественным отношениям, возникающим в области регулирования основ устройства общества (основ экономического, социального и культурного устройства); во-вторых, общественным отношениям, возникающим в области определения основ взаимоотношения человека с обществом и государством, основных прав, свобод и гарантий их реализации, основных обязанностей и ответственности человека и гражданина; в-третьих, общественным отношениям, возникающим в области определения соотношения Российской Федерации и ее субъектов, установления

основ организации государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации. Особый акцент делается на то, что посредством регулируемых нормами конституционного права общественных отношений «обеспечивается организационное и функциональное единство общества как целостной социальной системы...»¹¹.

В связи с приведенной точкой зрения Е.И. Козловой необходимо обратить внимание на взгляды, в значительной мере солидаризирующиеся с ней в части ранжирования групп общественных отношений соответственно ценностным предпочтениям (общество, человек, государство) и в некоторой степени отличающиеся от этой позиции. Например, Е.И. Колюшин адекватно приведенной позиции выделяет общественные отношения, возникающие при установлении основ общественного строя, статуса человека и гражданина, организации и деятельности государства и государственной власти¹². Ряд исследователей не признает в качестве неотъемлемой части предмета российского конституционного права систему общественных отношений, возникающих в сфере устройства общества, отдельных его институтов и процессов (М.В. Баглай, А.Е. Козлов, В.Г. Стрекозов и др.). В частности, М.В. Баглай, выделяя в качестве предмета российского конституционного права две группы общественных отношений — в области охраны прав и свобод человека и гражданина (отношения между человеком и государством) и в области устройства государства и государственной власти (властеотношения), одновременно отрицает возможность условного обособления в качестве предмета конституционного права общественных отношений, возникающих в процессе учреждения и функционирования отдельных институтов общества, закрепления основ устройства общества, взаимоотношения с ним человека. По его мнению, регулирование основ устройства общества, общественного строя является данью традиции советского то-

¹¹ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России : учебник. М., 1998. С. 7—8.

¹² См.: Колюшин Е. И. Конституционное (государственное) право России : курс лекций. М., 1999. С. 6—7.

талитаризма, когда признавалось руководство обществом со стороны государства¹³. Не вдаваясь глубоко в полемику, следует заметить, что одним из стратегических ориентиров гуманизации и демократизации конституционного строя России начала 90-х годов 20 в., в том числе отраженном в идеях провозглашенных конституционных прав и свобод личности, было признание определенной автономии гражданского общества (деятельности общественных объединений, культовых объединений, средств массовой информации, гражданских инициатив, товаропроизводителей и пр.). Формально-юридически и научно это выражалось в применении категорий «гражданское общество» и «государство», «общественный строй» и «государственный строй». В известной мере, такой подход базировался либо на новом прочтении ранее признанных Россией международных правовых актов, либо на восприятии новых международных правовых актов, устанавливающих определенные стандарты гуманистического и демократического общества и государства. Отказ от регламентации нормами конституционного права (и иных отраслей права) общественных отношений, составляющих основы устройства «гражданского общества» (общества), синхронно может вести и к непризнанию концепции правового государства (как парного гражданскому обществу явления); сужению сферы диспозитивных отношений в личной, экономической, социальной и культурной жизни человека и его семьи; возврату к идеологии государственного права, которое в отечественной правовой культуре отводило во взаимоотношения государства и человека первенствующее место государству, производящему, распределяющему, контролирующему и распоряжающемуся всеми ресурсами народа, страны. Сам смысл конституционного права будет сведен к его узкому пониманию как совокупности норм Конституции России, конституционных законов и возможно иных источников конституционного характера.

Обусловленность преемственности предмета конституционного (государственного) права России ранжированием общественных отношений по объему их регулирования. Со времени становления советской науки конституционного (государственного) права акцентировалось внимание на основополагающей, базовой роли общественных отношений и регулирующих их норм. Так, в 50-х годах В.Ф. Коток высказал мнение о том, что предмет советского государственного права составляют общественные отношения, определяющие основные черты социально-экономической системы и политической организации общества («основы» — В.Н.) и выражающие суверенитет народа и советских наций. Суть такого понятия виделась в регулировании не какой-либо одной стороны общественных отношений или каких-либо отдельных процессов общественного развития, а «главных сторон и процессов общественной и государственной жизни СССР». Вместе с тем В.Ф. Коток признавал, что одни общественные «отношения охватываются исключительно нормами государственного права», а другие «закрепляются им лишь в своих основных, наиболее существенных чертах»¹⁴. Приведенная точка зрения первоначально подвергалась критике в силу широты охвата круга общественных отношений. Однако в последующем, особенно после принятия Конституции СССР 1977 г., включавшей первый раздел «Основы общественного строя и политики» об основах (основополагающих конституционных принципах) политической и экономической систем Союза ССР, она получила распространение. Эта точка зрения очерчивала базовые векторы содержания общественных отношений, регулируемых конституционным (государственным) правом вообще и конституционным (государственным) правом России в частности. Продолжила свою жизнь она и после принятия Конституции Российской Федерации 1993 г., но уже на ином витке российской конституционно-правовой истории.

¹³ См.: Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник. М., 1999. С. 5.

¹⁴ Хрестоматия по конституционному праву : учебное пособие. Том 1. С. 296, 298.

В этой связи примечательна позиция Е.И. Козловой, высказанная в начальный постсоветский период. Согласно ее мнению, государственное право регулирует общественные отношения, складывающиеся во всех сферах жизнедеятельности общества: политической, экономической, социальной и пр. Но «...его нормы регулируют лишь определенный слой отношений в этих сферах. К его предмету относятся те отношения, которые можно назвать базовыми, основополагающими в каждой из таких сфер»¹⁵. Позднее Е. И. Козлова конкретизировала настоящее положение. В частности, она указала, что в одних сферах жизни общества речь идет лишь об «основополагающих отношениях», то есть тех, которые определяют содержание всех остальных отношений в соответствующей сфере, а в других — о «более широком комплексе общественных отношений», служащих «основой формирования всех других общественных отношений»¹⁶.

С высказанным мнением Е.И. Козловой, в известной мере, перекликается позиция авторитетного исследователя С.А. Авакьяна. В частности, он относит к предмету отечественного конституционного права общественные отношения, возникающие в процессе установления и развития «основ существования и жизнедеятельности общества»; основополагающих, «главных сущностных признаков» государства, включая его «территориальную организацию»; «исходных начал» статуса личности в обществе и государстве, включая основные права, свободы и обязанности человека и гражданина; основ «осуществления власти народа в Российской Федерации, то есть публичной власти в трех ее формах — государственной власти, общественной власти и власти местного самоуправления», а также «комплексного», все-

объемлющего воздействия на определенные объекты конституционного права¹⁷.

В фундаментальном исследовании известного конституционалиста О.Е. Кутафина «Предмет конституционного права» (2001г.) отмечается, что с существующими взглядами на предмет конституционного права «полностью согласиться нельзя»¹⁸. По его мнению, все общественные отношения, составляющие предмет конституционного права, следует разделить на две группы: первая — общественные отношения, которые регулируются нормами конституционного права непосредственно и в полном объеме («обязательный атрибут» предмета регулирования); вторая — общественные отношения, которые имеют характер «основополагающих», определяющих «содержание остальных отношений» в отдельных сферах жизни общества («необязательный атрибут» предмета регулирования, становящийся таковым лишь «тогда, когда в этом заинтересовано государство»)¹⁹. К «обязательному атрибуту» предмета конституционного права, например, относятся общественные отношения, возникающие в процессе осуществления государственной власти Президентом РФ, законодательными (представительными) органами государственной власти Федерации и ее субъектов, а также непосредственно народом при проведении референдумов и свободных выборов. Они «образуют фундамент отрасли государственной власти, являются базовыми, основополагающими для этой сложной системы». К «необязательному атрибуту» предмета конституционного права могут быть отнесены, например, «отношения, определяющие основы правового статуса человека и гражданина, систему государственной власти и т.д.»²⁰. Можно, конечно же, дискутировать по вопросу об оригинальности подхода исследователя. Но в

¹⁵ Государственное право Российской Федерации / под ред. О.Е. Кутафина. М., 1996. С. 4.

¹⁶ Конституционное право / отв. ред. В.И. Фадеев. М., 2013. С. 18.

¹⁷ См.: Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс : учеб. пособие: в 2 т. Т. 1. М., 2014. С. 23—33.

¹⁸ Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 23.

¹⁹ Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. С. 23, 25.

²⁰ Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. С. 25.

чем эта точка зрения звучит убедительно, так это в том, что, во-первых, предмет конституционного права составляют общественные отношения, которые «непосредственно и полностью» подвергаются регулированию нормами конституционного права, и общественные отношения, которые регулируются как универсальные, основополагающие для жизнедеятельности отдельного человека, общества и государства общественные отношения либо как основополагающие общественные отношения для отдельных сегментов положения личности в обществе и государстве, устройства общества и государства; во-вторых, круг общественных отношений, составляющих предмет конституционного (государственного) права, является достаточно подвижным в зависимости от конкретно-исторической ситуации в России (как и в других государствах), может иметь различную ценностную структуру содержания и формально-юридическую оболочку встраивания в российскую правовую систему в ряду предмета регулирования иных отраслей права. Рефреном звучит мысль О.Е. Кутафина о том, что в предмет конституционного права современной России входят общественные отношения, определяющие основы конституционного строя России, основы правового положения человека и гражданина, основные принципы системы органов государственной власти, а также органов местного самоуправления²¹. Это позволяет увидеть не только важность общественных отношений, регулируемых нормами конституционного права, как критерия условного обособления настоящей отрасли права от иных отраслей российского права, но и ведущую и системообразующую роль конституционного права в системе российского права.

Проведенный анализ взглядов отечественных исследователей государствоведов (конституционалистов) на предмет конституционного (государственного) права как отрасли российского права позволяет говорить об определенной преемственности в восприятии его сущности, содержания и значения в советский и постсоветский периоды. Во-первых, эта

преемственность наблюдается в восприятии категорийного понимания исследуемого явления: утвердилась категория «предмет конституционного (государственного) права» как совокупность определенных общественных отношений, регулируемых нормами конституционного (государственного) права. Во-вторых, прослеживается преемственность в понимании сущности общественных отношений, с одной стороны, как «базовых», «основополагающих» отношений, а с другой стороны, как конкретных общественных отношений, характеризующихся всеобъемлющим или детальным (подробным) регулированием исключительно нормами конституционного (государственного) права. В-третьих, известная преемственность заметна в структурировании содержания отдельных групп общественных отношений, составляющих предмет конституционного (государственного) права: отношения, возникающие в области установления и развития основ конституционного строя (основополагающих целей, ценностей и принципов устройства общества и государства); отношения, возникающие в области установления положения человека и гражданина в обществе и государстве (посредством регулирования прав, свобод, обязанностей и ответственности человека и гражданина и аналогичных проявлений со стороны общества и государства); отношения, возникающие в области установления и развития основ общественного строя (основ экономических, социальных, культурных и общественно-политических отношений); отношения, возникающие в области установления основных начал организации государственно-территориального устройства (федеративного и административно-территориального устройства) России; отношения, возникающие в области организации и осуществления государственной власти в Федерации и ее субъектах посредством органов государственной власти (прежде всего, законодательной (представительной) власти) и прямых форм народовластия; отношения, формирующиеся в области установления основных начал организации и функцио-

²¹ См.: Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. С. 25—26.

нирования местного самоуправления в России в различных его формах; отношения, формирующиеся в иных определяющих для функционирования конституционного правопорядка сферах (установление порядка принятия, изменения и пересмотра российской конституции, учредительных актов субъектов Российской Федерации; установление официальных символов российского государства (герб, флаг, гимн, столица и т.п.). В-четвертых, очевидным является сохранение преемственности в оценке значения сущности и содержания предмета конституционно-правового регулирования как системообразующего начала в формировании и развитии общественных отношений, регулируемых нормами различных отраслей права.

Постановка вопроса об определенной преемственности в определении сущности, содер-

жания и значения предмета конституционного (государственного) права как отрасли российского права отнюдь не отрицает новелл конца 20-начала 21 вв. в конституционно-правовой истории России, в том числе и в сущности, и в структуре, и в содержании общественных отношений, составляющих предмет современного российского конституционного права. Вместе с тем и то, и другое предполагает не просто связь времен, а целостность восприятия практикой государственно-правового развития, юридической наукой и системой подготовки юристов высшей квалификации одной из базовых сфер правового регулирования — конституционно-правового регулирования с ее достижениями, недостатками и перспективами на будущее.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс : учебное пособие: в 2 т. — Т. 1. — М. : Норма: Инфра-М, 2014.
2. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник. — М. : Норма: Инфра-М, 1999.
3. Галунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. — М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940.
4. Государственное право Российской Федерации / под ред. О. Е. Кутафина. — М. : Юрид. лит., 1996.
5. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. — М. : Юрид. лит., 1998.
6. Колюшин Е. И. Конституционное (государственное) право России: Курс лекций. — М. : Изд-во Московского университета, 1999.
7. Конституционное право / отв. ред. В.И. Фадеев. — М. : Проспект, 2013.
8. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. — М. : Юристъ, 2001.
9. Лепешкин А. И. Курс советского государственного права. В двух томах. — Т.1. — М. : Юрид. лит., 1961.
10. Советское государственное право / отв. ред. Е.И. Козлова. — М. : Юрид. лит., 1983.
11. Советское конституционное право / под ред. С.И. Русиновой и В.А. Рянжина. — Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1975.
12. Теория государства и права / под ред. А.И. Денисова. — М. : Изд-во Московского университета, 1967.
13. Хрестоматия по конституционному праву : учебное пособие. Том 1: История, теория и методология конституционного права. Учение о конституции / сост. д. ю. н., проф. Н.А. Богданова и Д.Г. Шустров. — СПб.: Алет Пресс, 2012.

Материал поступил в редакцию 10 декабря 2016 г.

**THE SUBJECT OF RUSSIAN CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
(CONTINUITY IN SCIENTIFIC STUDIES AND EDUCATIONAL PROCESS)**

NEVINSKIY Valeriy Valentinovich — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
msal_kpr@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *Among legal categories that are important to distinguish branches of Russian law a special place is occupied by the category “subject”. Meanwhile the subject of a branch of law acts as an object of study of a relevant sectoral legal science and legal discipline.*

Constitutional (state) law of Russia as a branch of law also has its own scope of regulation (a certain range of public relations) that have been subjected to constant debates in scientific and academic circles during the Soviet and post-Soviet periods. With all peculiarities of a state ideology at each stage of the development of the Russian State and uniqueness of author’s opinions, we can detect certain continuity in understanding the essence, structure, content and value of the subject of the Russian constitutional (state) law. In particular, the continuity is observed, firstly, in the perception of categorical understanding the phenomenon to be researched (a category “the subject of constitutional (state) law” established itself as a combination of homogeneous, coherent public relations subject to regulation by means of constitutional (state) law norms); secondly, in identifying basic public relations and specific, narrowly formed public relations regulated by the rules of the constitutional (state) law; thirdly, in structuring regulated social relations into groups with a focus on the structure of the Russian Constitution; fourthly, the content of individual groups of social relations that form the subject of the constitutional (state) law of Russia of the Soviet and post-Soviet periods; fifthly, in establishing and justifying the leading role of the constitutional (state) law in a number of other areas of Russian law, primarily because of uniqueness of regulated social relations. The author determining some continuity of the subject of the constitutional (state) law of the Soviet and post-Soviet periods does not deny supplementing of the subject of legal regulation by a new content on the basis of an updated system of social values, an upgraded system of the theory and practice of Russian constitutionalism.

Keywords: *constitutional law, subject, Soviet, post-Soviet, continuity, study, educational process, main features, amendments.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avak'jan S.A. Konstitucionnoe pravo Rossii. Uchebnyj kurs: uchebnoe posobie: v 2-h t. T. 1. — M.: Norma: INFRA-M, 2014.
2. Baglaj M.V. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii. Uchebnik. -M.: Norma: INFRA-M, 1999.
3. Galunskij S.A., Strogovich M.S. Teorija gosudarstva i prava. — M.: Jurid. izd-vo NKJu SSSR, 1940.
4. Gosudarstvennoe pravo Rossijskoj Federacii / pod red. O.E. Kutafina. — M.: Jurid. lit., 1996.
5. Kozlova E.I., Kutafin O.E. Konstitucionnoe pravo Rossii. — M.: Jurid. lit., 1998.
6. Koljushin E.I. Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo Rossii: Kurs lekcij. — M.: izd-vo Moskovskogo universiteta, 1999.
7. Konstitucionnoe pravo / otv. red. V.I. Fadeev. — M.: Prospekt, 2013.
8. Kutafin O.E. Predmet konstitucionnogo prava. — M.: Jurist#, 2001.
9. Lepeshkin A.I. Kurs sovetskogo gosudarstvennogo prava. V dvuh tomah. T.1.-M.: Jurid. lit., 1961.
10. Sovetskoe gosudarstvennoe pravo / otv. red. E.I. Kozlova. — M.: Jurid. lit., 1983.
11. Sovetskoe konstitucionnoe pravo / pod red. S.I. Rusinovoij i V.A. Rjanzhina. — L.: izd-vo Leningradskogo universiteta, 1975.
12. Teorija gosudarstva i prava / pod red. A.I. Denisova. — M.: izd-vo Moskovskogo universiteta, 1967.
13. Hrestomatija po konstitucionnomu pravu. Uchebnoe posobie. Tom 1: Istorija, teorija i metodologija konstitucionnogo prava. Uchenie o konstitucii / Sost. d.j.u.n., prof. N.A. Bogdanova i D.G. Shustrov. — SPb.: Izdatel'skij Dom «Alef Press», 2012.

Е. В. Коврякова*

Право на образование: конституционная регламентация и политическая практика в России и за рубежом

Аннотация. В статье автор приходит к выводу о соответствии системы образования системе управления обществом и государством в целом. Так, право на образование в социалистических странах, в которых провозглашается единство власти, основано на единстве науки, образования, воспитания и направлено на интеграцию народа. При этом само образование до сих пор продолжает демонстрировать свою эффективность и высокое качество. Либеральная система образования, напротив, является закрытой, предоставляя возможность воспользоваться данным «социальным лифтом» только обеспеченным лицам. Наличие базового, фундаментального образования для широких масс, позволяющего адекватно воспринимать действительность, не предусматривается. В этой связи вследствие нарастания внешних и внутренних угроз западная модель образования вряд ли подходит нашей стране. Реформирование образования в России должно осуществляться, прежде всего, с учетом ее общенациональных интересов, исторических, этнонациональных и других особенностей.

Ключевые слова: право на образование, система образования, доступ к информации, социализм, либерализм, единство и разделение властей.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.087-094

Несомненно, уровень образования населения, помимо всего прочего, влияет на возможность реализации гражданами политических прав, на отбор наиболее достойных для участия в управлении обществом и государством, от чего, в конечном счете, зависит успех демократических реформ¹. В настоящей статье речь пойдет о праве на образование (включая высшее) в странах с разными идеологическими основами.

Социалистический подход основан на постулате, что коллектив и общество имеют приоритет по отношению к человеку, т.к. последний может реализовать свои права и выполнить обязанности только в определенном сообществе людей. Данный подход в современной

западной политико-юридической литературе критикуется, т.к. считается, что в социалистическом государстве политические права и свободы нарушаются, а образование предоставляется только в рамках разрешенной властями государственной идеологии (Куба, Вьетнам, Китай, Северная Корея). Тем не менее право на образование одновременно рассматривается и как обязанность, исполнению которой способствует государство (т.е. образование является всеобщим в отличие от западной модели «двух коридоров» — для элиты и массы). Исходя из этого в современных социалистических странах образование, включая высшее, является бесплатным, а студенты, успешно сдавшие экзамены, получают стипендии. Кроме того,

¹ См.: Начинаем и... выигрываем? // Олег Кутафин. Первый по праву. М. : Прогресс ПК, 2011. С. 441.

© Коврякова Е. В., 2017

* Коврякова Елена Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ekovr@inbox.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

провозглашается единство науки, образования и воспитания. Так, согласно статье 46 Конституции КНР граждане Китайской Народной Республики имеют право на образование и обязаны учиться, а в части 1 статьи 19 Конституции сказано, что государство поднимает научно-культурный уровень всего народа, тем самым подчеркивается обязанность государства предоставить всем гражданам равное право на образование, включая высшее. В соответствии со статьей 24 государство также распространяет высокие идеалы, нравственное и культурное воспитание, выступает за общественную мораль, для которой характерна любовь к Родине, народу, труду, науке, социализму.

По мнению известного советского и российского ученого С.Г. Кара-Мурзы в СССР принцип единой общеобразовательной школы позволил провести индустриализацию, победить в войне, стать великой державой, компенсировав значительное отставание от Запада в уровне экономического и технологического развития². Необходимо отметить, что в XXI веке данная модель образования также продолжает демонстрировать свои эффективность и высокое качество. Так, согласно даже западным зарубежным рейтингам социалистическая Куба в 2010 году заняла следующее после Швеции 20-е место в мире по уровню образования, обогнав Данию и Австрию³, несмотря на существенное отставание по многим экономическим параметрам. Кроме того, уникальная система образования в СССР, предоставлявшая хорошее базовое образование, сочетающая очное и заочное обучение без отрыва от производства, в отличие от либерально-демократических стран, по сути, выступала в роли «социального лифта», когда вчерашний рабочий после получения соответствующего образования мог занять руководящие посты.

Единая советская система образования является отражением иерархической системы,

замкнутой на один центр управления, которым являются советы. В этой системе действует принцип единства власти, что означает осуществление советами законодательных и исполнительных функций в рамках социалистической идеологии, опирающейся, как правило, на нравственные основы. Местное самоуправление понимается как осуществление полномочий местными органами государственной власти и их тесное взаимодействие с избравшим населением, т.е. оно не отделено от государственной власти. В целом ранее такая система действовала в СССР, НРБ, ГДР, МНР и др. В настоящее время это характерно, например, для КНР и Кубы.

К сожалению, в современной России данная модель единой общеобразовательной школы, которая являлась институтом, консолидирующим общество, была разрушена⁴. В итоге за нашим социумом перестала стоять идея жизни как роста, как увеличения собственного потенциала и потенциала окружающих, т.е. идея совершенствования. Сегодня даже у тех, кто получил и получает второе высшее образование нет ощущения, что это поможет занять им лучшие позиции на рынке труда, что они будут востребованы в качестве специалистов⁵.

Кроме того, позволить высшее образование (т.е. реализовать право на образование, закрепленное в статье 43 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении) могут себе в настоящее время только довольно обеспеченные лица. Связано это с тем, что стипендия (если она есть, ведь большая часть студентов в России сегодня — «платники») явно не обеспечит им прожиточный минимум, куда помимо прочего должны включаться расходы на проезд, питание, учебную литературу, а также жилье.

² См.: Кара-Мурза С. Г. Российское обществоведение: становление, методология, кризис. М.: Алгоритм, 2016. С. 131.

³ См.: The Worlds Best Countries // The Newsweek <http://www.newsweek.com/feature/2010/the-world-s-best-countries.html> (дата обращения: 14.05.2014).

⁴ См.: Кара-Мурза С. Г. Указ. соч. С. 131.

⁵ См.: Дубин Б. Портрет поколения: хачу машину, квартиру и дачу // Новая газета. 2010. 28 июня. С. 2—3.

Несомненно, сложившаяся ситуация противоречит статье 7 Конституции, в соответствии с которой «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». В свою очередь свободное развитие человека невозможно без обеспечения его жизни соответствующими экономическими, политическими и духовными условиями⁶, причем доступ к получению качественного образования играет в данном случае далеко не последнюю роль.

Как известно, **западный либерально-индивидуалистический подход**, присущий, например, США и Великобритании, исходит из приоритета личности над обществом и государством, особое внимание уделяя естественным, неотчуждаемым правам человека (в основном личным) и политическим правам и свободам в ущерб социально-экономическим правам. Поэтому в законодательстве обычно говорится только об определенной степени обязательного и бесплатного образования, которое гарантируется созданием государственных и муниципальных школ, на конституционный уровень право на образование поднимается далеко не во всех странах. Например, в Конституции США, Основном Законе ФРГ такое право не закреплено.

Школы (как государственные, так и муниципальные) являются бесплатными, однако качество полученного образования в государственных и частных школах является различным (в частных школах оно значительно выше, но и учеба в них довольно дорогая). Например, в США вплоть до принятия в 2003 году федерального закона, меняющего систему государст-

венного школьного образования в этой стране, зачастую в государственных сельских школах один преподаватель мог вести биологию, химию, физику, физкультуру и даже пение. С указанного года для ведения уроков преподавателю необходимо наличие соответствующего диплома по каждому из предметов⁷. Высшее образование в странах, использующих либерально-индивидуалистический подход, также может быть государственным и частным. При этом государственных стипендий нет, правда есть благотворительные фонды, которые могут эти стипендии выделять⁸.

Таким образом, уровень полученного образования в этих странах зависит от наличия денежных средств, которыми располагает то или иное лицо. Это закрытая система образования, которая предоставляет возможность воспользоваться «социальным лифтом» только обеспеченным лицам. По оценкам зарубежных экспертов по уровню возможности оплаты высшего образования по состоянию на 2005 докризисный год США имели 20 баллов из 100 возможных⁹, по уровню образования эта страна в 2010 году заняла 26 место в мире¹⁰. В связи с этим многие авторы полагают, что западная школа, выработанная в ходе Великой Французской революции, — это школа двух коридоров (один для производства «элиты», другой — для массы)¹¹. Наличие базового, фундаментального образования для широких масс, позволяющего адекватно воспринимать действительность, не предусматривается.

Причем, наличие так называемого всеобщего общественного невежества в Соединенных Штатах признает даже знаменитый «американский ястреб» Збигнев Бжезинский, назы-

⁶ См.: Чиркин В. Е. Социальное государство: единство индикаторов экономики, политики и права // Российская государственность в начале XXI века: тенденции, проблемы, перспективы : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конференции «Государство, право, управление — 2008». Часть I / отв. ред. С.И. Некрасов. М. : Государственный университет управления, 2008. С. 12.

⁷ См.: Шестаков Е. Читать, писать и даже петь // Известия. 2003. 2 июля.

⁸ См.: Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: Инфра-М, 2010. С. 96—97.

⁹ Цит. по: Карпенко О. М., Бершадская М. Д. Рейтинг стран по доступности высшего образования // Экономика образования. 2008. № 2. С. 4—23.

¹⁰ См.: The worlds best countries.

¹¹ См., например: Кара-Мурза С. Г. Угрозы России. Точка невозврата. М. : Эксмо: Алгоритм, 2012. С. 29.

вая в качестве одного из уязвимых мест США очень слабые познания американского населения в основах географии, текущих событиях и даже ключевых вехах мировой истории, что усугубляется отсутствием информативной, доступной широким массам подачи международных новостей, которые представляют собой только специальные репортажи о сенсациях и крупных катастрофах. В итоге население легко поддается паническим настроениям, нагнетаемым журналистами, особенно после теракта, что создает политическую конъюнктуру, «падкую на экстремистские упрощения, лоббируемые заинтересованными сторонами, и неспособную взглянуть на заведомо усложнившуюся после “холодной войны” глобальную обстановку с разных точек зрения»¹². Подобное всеобщее невежество, широко поддерживаемое государством, является прямым нарушением права на достоверную информацию и серьезно искажает механизм как прямой, так и представительной демократии. Не случайно законодательство о свободе информации, принятое в США и в большинстве европейских стран, не решает задачу обеспечения свободы информации в полном объеме, а только регулирует взаимодействие государственных органов и граждан по поводу доступа к информации¹³.

Кроме того, уровень образования и ряда высокопоставленных лиц, вряд ли окончивших муниципальные образовательные учреждения, в США вызывает серьезные опасения. В этой связи необходимо упомянуть бывшего Президента США Дж. Буша-мл. или официального представителя Государственного департамента Джен Псаки, чьи высказывания давно разлетелись на цитаты.

Таким образом, если одной из основных целей советских республик является объединение народа под лозунгом любви к Родине, народу, труду, науке, то в либерально-демократических странах — управлять мышлением элиты и разделять народ. Поэтому не случайно сетевой системе управления соответствует ли-

беральная модель образования. Такая система прямо противоположна по своим характеристикам иерархическому управлению. Прежде всего, это заключается в наличии не одного, а нескольких центров управления как по горизонтали, так и по вертикали (по горизонтали — разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, а на практике еще и лоббистские организации; по вертикали — разграничение предметов ведения на федеральном, региональном и местном уровнях), а также в отсутствии четкой идеологической или религиозной основы у государства, ясных нравственных основ, а по сути — кризис нравственности с параллельно складывающейся на глобальном уровне системой материалистического мирового порядка.

В 90-е годы XX века иерархическая система советов в России была демонтирована. Конституция Российской Федерации 1993 года окончательно закрепила сетевое управление, характерное для так называемого буржуазно-демократического устройства. Социалистическая идеология была заменена на либерально-демократическую: провозглашение в Конституции плюрализма идеологий, разделения властей, приоритета личных прав и свобод, отделение органов местного самоуправления от органов государственной власти и т.д. В результате появились несколько центров управления, что было связано с разделением властей не только по вертикали, но и по горизонтали. Помимо этого, появился и еще один центр управления — экономическая власть в связи с закреплением в конституции права частной собственности (ст. 35), которая стала определять направление деятельности политической власти, не руководствуясь нравственными ориентирами (в соответствии со ст. 13, ч. 1 Конституции закреплялось идеологическое многообразие). При этом экономическая власть была замкнута на внешние центры управления: Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирную торговую органи-

¹² См.: *Бжезинский, З.* Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / пер. с англ. М. Десятовой. М.: Астрель, 2012. С. 80—82.

¹³ См.: *Информационное право: актуальные проблемы теории и практики: колл. монография / под общ. ред. И.Л. Бачило.* М.: Юрайт, 2009. С. 58, 151.

зацию и т.д., что фактически являлось утратой государственного суверенитета. Отсюда — резкое снижение роли представительных органов в российском обществе, как и в других странах со сходной системой управления (прежде всего восточно-европейских).

Тенденции интернационализации и глобализации в зарубежных странах, в том числе в государствах, придерживающихся западного либерального подхода, проявляются в самых различных сферах, в том числе и в сфере образования. Согласно части 2 статьи 35 Конституции Грузии 1995 года (в ред. от 27 декабря 2006 г.) государство должно обеспечить гармонизацию национальной образовательной системы в рамках международного образовательного пространства. Хотя в действующую Конституцию Российской Федерации 1993 года подобные изменения не внесены, тем не менее реформа образования в России в последние десятилетия также проводилась именно в рамках либерально-индивидуалистического подхода, что было обусловлено переходом нашей страны на сетевую систему управления, предполагающей дезинтеграцию общества.

В итоге претерпела изменение и сама система образования в нашей стране, несмотря на то, что высшее образование в России всегда было устроено иначе, нежели чем на Западе, т.к. наши вузы «производили» специфический тип специалиста — российскую интеллигенцию, а социальный уклад и организация науки были адекватны культуре и государственности нашей страны. В свою очередь переход к Болонской системе, требующей изменения социального уклада вуза и программ обучения, по мнению С.Г. Кара-Мурзы, означает смену культурного генотипа образованного слоя России,

что может повлечь глубокую деформацию общества и потерю культурной независимости¹⁴, не говоря уже о том, что общество и власть, отделенные от грамотной, достоверной и взвешенной информации о самих себе в условиях информационного общества XXI века неизбежно будут проигрывать геополитическим оппонентам¹⁵. Падение уровня образования в нашей стране подтверждает и международная статистика. Правопреемница СССР, некогда имевшего одну из лучших систем образования в мире, Российская Федерация, в 2002 году еще занимала 7-е место, в 2005 году по оценке Всемирного банка уступила свои позиции уже четырем странам, разделив 11—13-е места с Великобританией и Швецией¹⁶. В 2010 году позиция России по оценке издания *Newsweek* опустилась еще ниже, оказавшись на 31-м месте в мире¹⁷.

Несколько слов хотелось бы сказать и **о реформировании юридического образования** в нашей стране в силу того, что, как отмечает судья Конституционного Суда РФ Н.С. Бондарь, состояние подготовки юридических кадров — проблема конституционной безопасности, причем безопасность в одинаковой степени касается как общества и государства, так и каждой личности. Следует признать, что большинство как практиков, так и теоретиков выступают против перехода к двухуровневой системе подготовки кадров «бакалавр — магистр», т.к. произошел отказ от фундаментальной системы подготовки юридических кадров на основе единства науки, образования и воспитания и перехода к потребительской идеологии юридических «образовательных услуг»¹⁸. И это несмотря на то, далеко не во всех вполне благополучных зарубежных странах

¹⁴ См.: Кара-Мурза С. Г. Угрозы России. Точка невозврата. М.: Эксмо: Алгоритм, 2012. С. 30.

¹⁵ См.: Сергеев А. Кризис экспертного сообщества: где выход? // Кавказский геополитический клуб. URL: <http://www.kavkazgeoclub.ru/content/krizis-ekspertnogo-soobshchestva-gde-vyход> (дата обращения: 10.12.2016).

¹⁶ Цит. по: Карпенко О. М., Бершадская М. Д., Вознесенская Ю. А. Показатели уровня образования населения в странах мира: анализ данных международной статистики // Социология образования. 2008. № 6. С. 4—20.

¹⁷ См.: The Worlds Best Countries.

¹⁸ См.: Бондарь Н. С. Реформированию юридического образования — конституционные ориентиры (тезисы выступления) // Актуальные вопросы преподавания конституционного права: сборник матери-

студенты довольны существующей системой образования. Например, в ФРГ авторы одного из опросов, опубликованных в журнале «Менеджер» и основанных на ответах семисот юристов, занятых в экономическом секторе и государственном управлении, отмечали, что ни экономисты, ни инженеры не были так недовольны качеством своего образования, как юристы. Они считают, что выпускники сильны далеко не во всех основных отраслях права, техника их аргументации выглядит слабой, а уровень далек от социальной компетенции и не соответствует потребностям международных связей. Выпускникам не достает способности искать альтернативы чисто правовым, догматическим решениям. Существенный разрыв между требованиями работодателей и возможностями выпускников фиксировался по таким направлениям, как: достаточность владения юридической рабочей техникой; решение отдельных случаев, казусов; всесторонность правовых знаний; способность находить альтернативные решения; техника аргументирования и убеждения; международный опыт, знание языков, экономики и др.¹⁹

В результате проведенных реформ многие фундаментальные дисциплины, задача которых как раз и состояла в восполнении пробелов, описанных выше, оказались вычеркнутыми из списка обязательных в России. Например, такая дисциплина как Конституционное (государственное) право зарубежных стран оказалось практически невостребованной в результате изменения в Федеральном стандарте по направлению и специальности «Юриспруденция» для бакалавров наименования дисциплины «Конституционное право Российской Федерации» путем исключения последних двух слов. Одновременно предмет «Конституционное право зарубежных стран» перестал быть обязательным в учебном пла-

не для бакалавров и магистров, а в тех вузах, в которых все-таки остался, был подвергнут серьезному сокращению (как минимум в два раза) и перенесен с третьего курса на второй, что также не способствовало усвоению студентами названной дисциплины. В связи с этим, как отмечает один из крупнейших теоретиков конституционного (государственного) права, профессор В.Е. Чиркин, произошел отход от принципов широты юридического образования, что всегда было присуще России, а также от сравнительного подхода (что дает практике возможность отбирать юридические конструкции с учетом конкретных условий страны)²⁰. Кроме того, преподаватели, читающие данный курс, были вынуждены перейти на преподавание других дисциплин, что равносильно постепенной дисквалификации по тому предмету, по которому они являются специалистами.

В то же время, как справедливо замечает судья Конституционного Суда РФ К.В. Арановский, общее сравнительное правоведение довольно непросто подать в удобном виде для развернутого преподавания виде (особенно, если это преподавание ведется для студентов первого курса, совершенно в теоретическом плане для этого не подготовленных. — Е. К.). Получается, что иностранное государственное право нечем заменить даже при поддержке сравнительно-правовой методологии. Однако о важности конституционного права зарубежных стран можно судить хотя по тому, что, например, Конституционный Суд России, принимая около тридцати итоговых решений в год, обработал за предшествующие годы более двухсот обширных обобщений иностранного права, не говоря о другом сравнительно-правовом материале, который, видимо, действительно востребован, если к нему так основательно обращается практическая конституционная юстиция. Кроме того, огромную

алов Всероссийской конференции преподавателей конституционного права, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации, 27 июня 2013 г., Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) / отв. ред. С.М. Шахрай, В.И. Фадеев. М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2013. С. 40 — 41.

¹⁹ См.: Жалинский А., Рёрихт А. Введение в немецкое право. М. : Спарк, 2001. С. 93—94.

²⁰ См.: Чиркин В. Е. О некоторых вопросах схемы учебной дисциплины «Конституционное право» (тезисы выступления) // Актуальные вопросы преподавания конституционного права. С. 63.

роль играет так называемая коммуникативная функция конституционного права зарубежных стран, т.к. непросвещенное вхождение в международную правовую систему слишком рискованно, чтобы оставить ее без научного и профессионального обеспечения, а также прогностическая функция науки иностранного права²¹. Таким образом, «прикладной, образовательный, коммуникативный, прогностический и попутные эффекты науки сравнительного государственного права и длительный, успешный опыт ее преподавания впечатляют, но, видимо, не всех, если ее смещают на университетскую периферию. Инерция прежнего развития и сохранившиеся очаги относительного благополучия делают упадок не слишком заметным; есть специалисты, готовые исследовать и преподавать иностранное государственное право, доступна и довольно разнообразна литература, еще не забыты имена, учебники, монографии. Но инерция имеет предел»²². В этой связи, на

наш взгляд, следует поддержать инициативу Ректора МГУ имени М.В. Ломоносова В. А. Садовниченко о возвращении пятилетнего обучения в вузах, который назвал ошибкой переход на Болонскую систему высшего образования (обучение в течение четырех лет в бакалавриате и два года в магистратуре). По его мнению, в ходе такого обучения предмет изучения становится очень общим. «Я считаю, что мы должны учить пять лет, шесть лет, как сделали ведущие западные университеты», — подчеркнул В. Садовнический²³ (т.е. столько, сколько необходимо для подготовки квалифицированного специалиста. — Е. К.). Кроме того, реформирование образования должно осуществляться, прежде всего, с учетом общенациональных интересов России, ее исторических, этнонациональных и других особенностей. Только в этом случае система образования будет способствовать созданию возможностей для успешного решения круга стоящих перед нашей страной задач.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные вопросы преподавания конституционного права : сборник материалов Всероссийской конференции преподавателей конституционного права, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации, 27 июня 2013 г., Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) / отв. ред. С.М. Шахрай, В.И. Фадеев. — М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2013. — 264 с.
2. *Бжезинский З.* Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / пер. с англ. М. Десятовой. — М. : Астрель, 2012. — 285 с.
3. *Жалинский А., Рёрихт А.* Введение в немецкое право. — М. : Спарк, 2001. — 767 с.
4. *Кара-Мурза С. Г.* Российское обществоведение: становление, методология, кризис. — М. : Алгоритм, 2016.
5. *Кара-Мурза С. Г.* Угрозы России. Точка невозврата. — М. : Эксмо: Алгоритм, 2012. — 464 с.
6. Начинаем и... выигрываем? // Олег Кутафин. Первый по праву. — М. : Прогресс РК, 2011. — С. 440—445.
7. Российская государственность в начале XXI века: тенденции, проблемы, перспективы : материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции «Государство, право, управление — 2008». Часть I / отв. ред. С. И. Некрасов. М. : Государственный университет управления, 2008. — 272 с.
8. *Чиркин В. Е.* Конституционное право зарубежных стран : учебник. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма: Инфра-М, 2010. — 528 с.

Материал поступил в редакцию 10 декабря 2016 г.

²¹ Более подробно см.: *Арановский К. В.* О понятии и об объеме иностранного государственного или конституционного права, а также о современных условиях его изучения и преподавания // Актуальные вопросы преподавания конституционного права. С. 45—47.

²² *Арановский К. В.* Указ. соч. С. 47—48.

²³ См.: Ректор МГУ предложил вернуться к пятилетнему обучению в вузах // [Новости@mail.ru](https://news.mail.ru/society/28045657/?frommail=1). URL: <https://news.mail.ru/society/28045657/?frommail=1> (дата обращения: 07.12.2016).

THE RIGHT TO EDUCATION: CONSTITUTIONAL REGULATION AND POLITICAL PRACTICE IN RUSSIA AND ABROAD

KOVRYAKOVA Elena Vladimirovna — PhD, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ekovr@inbox.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *In the article, the author concludes that the system of education complies with the system of governing the society and the State as a whole. Thus, the right to education in socialist countries where the unity of power is proclaimed is based on the unity of science, education and up-bringing is aimed at integrating people. To this end, education still continues to demonstrate its effectiveness and high quality. A liberal education system, by contrast, is closed and allows only wealthy people take advantage of this “social elevator.” The masses are not provided with an available basic, fundamental education allowing perceiving reality adequately. In this regard, due to the rise of internal and external threats to the Western model of education is hardly suitable for our country. Education in Russia should be reformed, above all, in the light of its national interests, historical, ethnic and other peculiarities.*

Keywords: *right to education, educational system, access to information, socialism, liberalism, unity and separation of powers.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aktual'nye voprosy prepodavaniya konstitucionnogo prava: sbornik materialov Vserossijskoj konferencii prepodavatelej konstitucionnogo prava, posvjashhennoj 20-letiju Konstitucii Rossijskoj Federacii, 27 ijunja 2013 g., Moskovskij gosudarstvennyj juridicheskij universitet imeni O.E. Kutafina (MGJuA)/ otv. red. S.M. Shahraj, V.I. Fadeev. M.: Universitet imeni O.E. Kutafina (MGJuA), 2013. — 264 s.
2. Bzhezinskij, Zbignev. Strategicheskij vzgljad: Amerika i global'nyj krizis/ Zbignev Bzhezinskij; per. s angl. M. Desjatovoj. M.: Astrel', 2012. — 285 s.
3. Zhalinskij A., Rjoriht A. Vvedenie v nemeckoe pravo. M.: Spark, 2001. — 767 s.
4. Kara-Murza S.G. Rossijskoe obshhestvovedenie: stanovlenie, metodologija, krizis. M.: OOO «TD Algoritm», 2016. Kara-Murza S.G. Ugrozy Rossii. Tochka nevozvrata. M.: Jeksmo: Algoritm, 2012. — 464 s.
5. Nachinaem i... vyigryvaem?/ Oleg Kutafin. Pervyj po pravu. M.: Progress RK, 2011. — S. 440 — 445.
6. Rossijskaja gosudarstvennost' v nachale XXI veka: tendencii, problemy, perspektivy: Materialy VIII-j Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii «Gosudarstvo, pravo, upravlenie — 2008». Chast' I./ Otv. red. S.I. Nekrasov. M.: Gosudarstvennyj universitet upravlenija, 2008. — 272 s.
7. Chirkin V.E. Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran: uchebnik. 6-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: IN-FRA-M, 2010. — 528 s.

Канадская модель юридического образования: позитивный опыт для России

Аннотация. В настоящей статье рассматривается организация юридического образования в Канаде, выявляются ее особенности. Среди них: отсутствие единых стандартов юридического образования; многоуровневая система условий и тестов, необходимых для поступления на юридические факультеты в виде опыта учебы, уровень успеваемости в предыдущем вузе, наличие логического мышления и др.; система «кредитов» за каждую учебную дисциплину, позволяющая студентам выбирать их самостоятельно; запрет поступления в магистратуру по юридическим специальностям, без наличия базового юридического образования; система оценки знаний студентов, обеспечивающая учет их успеваемости во время всего периода обучения; сочетание теоретического и практического обучения, приоритет конституционного права среди других дисциплин, ориентация на изучение примеров реальной защиты прав граждан; диалоговая система обучения, где преподаватель прежде всего стимулирует интерес к знаниям, работу мысли и формированию аргументов; введение системы допуска к профессии, где приобретаются навыки практической работы; сертификация квалификации юристов. Указанные особенности, по мнению автора, позитивным образом сказываются на качестве юридического образования в Канаде, в связи с чем целесообразно рассмотреть возможность их применения в России.

Ключевые слова: юридическое образование, практико-ориентированное обучение, конституционное право, система сертификации квалификации юристов, Канада.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.095-103

Канадская система высшего образования во многом унаследовала черты британской системы образования. При этом особенности геополитического характера, мультикультурализм, сосуществование двух правовых систем — континентального и общего права, а также наличие двух официальных языков: английского и французского, обусловили особенности канадской системы юридического образования.

В Канаде юриспруденция и медицина относятся к категории «профессионального образования», что означает повышенные требования к абитуриентам. В частности, для того чтобы поступить на юридический факультет, необхо-

димо в течение трех лет пройти курс в университете и получить степень бакалавра по любой другой специальности либо успешно прослушать определенное количество часов по программе, ведущей к получению данной степени. Следующим важным условием является успеваемость абитуриента в этом Вузe. Средний бал (Grade Point Average) не должен быть менее 4,3 балла. Третье условие — Law School Admission Test. Это задания, которые призваны протестировать логическое мышление и понимание прочитанного текста абитуриентом. Четвертым условием является знание языка обучения, которое должно быть подтверждено

© Кабышев С. В., 2017

* Кабышев Сергей Владимирович — кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Россия)

svkabyshv@gmail.com

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

высоким результатом Test of English as a Foreign Language.

Для оценки кандидатов применяется индекс поступления. Индекс, как правило, включает сочетание академических характеристик и баллов, набранных по системе вышеуказанных тестов. Формула выведения индекса индивидуальна для каждого университета.

В Канаде нет федеральных стандартов преподавания общих для всех юридических школ (их всего 22), поэтому учебное заведение, а они есть в каждой из 10 провинций, свободны в выборе учебных программ. Например, в провинции Квебек находится несколько крупных университетов, имеющих юридические факультеты, где образование ведется на французском языке. В городе Квебеке расположен старейший в Северной Америке франкоязычный вуз (основан в 1663 г.) — Университет Лаваль. Здесь учились премьер-министры Канады — Брайан Малруни и Жан Кретьен. Хорошие юридические школы есть в университетах Монреала и Шербука. На юридических факультетах, расположенных в других провинциях Канады: Osgoode Hall Law School (г. Торонто, провинция Онтарио), Queen's University (г. Кингстон, провинция Онтарио), University of Calgary (г. Калгари, провинция Альберта), University of British Columbia (г. Ванкувер, провинция Британская Колумбия), обучение производится на английском языке. Объясняется это тем, что ответственность за допуск к юридической профессии в Канаде лежит на провинциальных правовых обществах. Специфика каждой провинции, отличающаяся своеобразием экономики и культуры, действительно предполагает разный спрос на юристов.

Провинциальные правовые общества осуществляют контроль за качеством юридических услуг населению через этические и профессиональные стандарты. Для того чтобы получить степень бакалавра права (Bachelor of laws — LLB) или доктора права (JD), в канадских юридических школах требуется, как правило, пройти трехгодичный очный курс обучения.

В двух университетах — Оттавском, расположенном в столице Канады, и McGill University, находящемся в г. Монреале, преподавание осуществляется на двух официальных языках Канады. Это обусловлено тем, что данные университеты входят в Национальную программу образования и обучение там рассчитано на четыре года, и ориентировано на подготовку кадров для государственной службы. При этом в этих двух юридических школах имеются программы обучения только на английском языке.

В последние годы спрос на юридическое образование в Канаде удерживался на высоком уровне, от 5 000 до 7 000 кандидатов претендовали на 2 350 мест на первых курсах юридических школ Канады.

В большинстве юридических школ действуют программы, способствующие расширению представительства этнических меньшинств в профессии. Многие школы имеют программы академической поддержки для представителей этнических меньшинств и других групп абитуриентов.

Лица, чья родословная восходит к коренным жителям, могут подать заявление на участие в Программе изучения права для коренных жителей (Program of Legal Studies for Native Persons). Эта программа позволяет коренным жителям Канады получить предварительную подготовку, изучая юридические материалы на очных летних курсах Университета провинции Саскачеван (University of Saskatchewan).

Стоимость юридического образования в Канаде становится все более высокой. В 2014—2015 гг. плата за обучение в канадских юридических школах составила от 6 000 до 30 000 долл. в год¹. Многие школы взимают различную плату с канадских граждан и иностранных студентов. В зависимости от географического положения школы и стиля жизни студента расходы на жилье и другие расходы на жизнь требуют еще от 10 000 до 22 000 долл. за академический год.

Студенты имеют возможность пользоваться финансовой помощью. Большинство средств поступает через программы займов, спонсиру-

¹ Law school in Canada: what will it cost? // URL: <http://www.macleans.ca/education/university/law-school-in-canada-what-will-it-cost/> (дата обращения: 1 ноября 2016 г.).

емые федеральным правительством. Студенты-канадцы и получившие статус иммигрантов могут обратиться к властям провинций, где они проживают, с просьбой предоставить заём в рамках Программы студенческих займов (Canada Student Loan Plan). В большинстве провинций также можно получить безвозмездные стипендии или займы, которые, однако, не покрывают всех расходов на обучение.

Канадская модель юридического образования основана на индивидуальном выборе студентов изучаемых дисциплин. Каждый студент во время учебы должен набрать определенное количество зачетных единиц или «кредитов» для перехода на следующий курс.

Так, в университете Квинс конституционное право читается на первом курсе в объеме 104 часов и имеет восемь зачетных баллов, на юридическом факультете университета Йорк — 80 часов и шесть зачетных единиц. Это максимальное количество «кредитов» по сравнению с другими дисциплинами обеспечивает обязательность конституционного права для студентов.

Среди дисциплин, имеющих высокие «зачетные» баллы: уголовное право и судопроизводство, гражданское право и процесс, административное и налоговое право. В каждом юридическом факультете эта базовая программа дополняется факультативными курсами: международное право; экологическое право; коллизионное право и т.д.

Каждый учебный курс завершается экзаменом. Окончательная оценка представляет собой комбинацию из нескольких баллов: во-первых, за самостоятельные эссе, подготовленные по актуальным темам курса, как правило, их должно быть не менее двух; во-вторых, за тест в середине семестра и в третьих; собственно, за экзамен, проводящийся также в письменной форме. Каждое эссе составля-

ет — 15 %, тест — 30 %, экзамен — 40 % окончательной оценки. В эссе необходимо продемонстрировать самостоятельный подход к рассмотрению темы, выработать собственную концепцию и аргументировать ее. Использование шпаргалок на экзаменах строго запрещено, и студент, уличенный в этом нарушении, немедленно исключается из университета без права апелляции. Моральный кодекс университетов трактует использование шпаргалок, как «нечестную игру», позволяющую недобросовестным студентам добиться преимуществ перед своими сокурсниками.

Первоначально, обучение в юридических школах, основанных на преподавании общего права, базировалось на применении «кейс-метода» (метод анализа конкретной ситуации или «кейса»). Метод подразумевает детальное изучение некоторого числа судебных решений, касающихся той или иной правовой ситуации.

После Второй мировой войны использование метода кейсов, по меньшей мере по окончании первого курса обучения, подверглось критике на том основании, что он не является продуктивным и дает искаженное представление о том, как действует закон. При изучении кейсов законодательство, как правило игнорируется, несмотря на то, что его абсолютно главенствующая роль теперь признается. Упор был перенесен на решение проблем и составление юридических текстов, а также больше на публичное право, чем на частное. После патриации канадской Конституции в 1982 г.² и включения в Конституционный акт Хартии прав и свобод³, наступила новая эра в жизни всех канадцев, цель которой премьер-министр Канады Пьер Эллиот Трюдо, сформулировал следующим образом: «создание общества, в котором все люди разделяют две главных ценности — свободу и равенство: где все равны

² «Patriation» — букв. смысл — «Возвращение на родину», означало принятие новой формулы изменения Конституции Канады, ликвидировавшей зависимость от Великобритании (даже символическую), в соответствии с которой канадцы обладают всей полнотой власти изменять Конституцию Канады.

³ The Constitution Act, 1982. Schedule B to the Canada Act 1982 (UK), 1982, c. 11. URL: [https://www.canlii.org/en/ca/laws/stat/schedule-b-to-the-canada-act-1982-uk-1982-c-11.html](https://www.canlii.org/en/ca/laws/stat/schedule-b-to-the-canada-act-1982-uk-1982-c-11/latest/schedule-b-to-the-canada-act-1982-uk-1982-c-11.html) (дата обращения: 1 ноября 2016 г.).

между собой и имеют одинаковые права, вытекающие из свободы»⁴.

Хартия прав и свобод заменила ранее действовавший Билль о правах 1960 г., не имевший силы конституционного закона. Она придала закрепленным в ней правам и свободам высшую юридическую силу по сравнению с другими правами и свободами, в ней не указанными. Несомненным достоинством Хартии явилось закрепление равенства всех перед законом и запрещение дискриминации по признакам расы, национального или этнического происхождения, цвета кожи, религии, пола, возраста, умственных и физических недостатков (ст. 15). Хартия провозгласила официальными английский и французский языки, придав им равный статус.

Принятие Хартии обусловило стратегическую цель правовой политики в Канаде — гармонизацию канадской правовой системы в целях отражения особенностей различных источников права в федеральном законодательстве⁵. В 1985 году были приняты Законы о ревизии и консолидации действующего канадского законодательства и правилах его толкования⁶. В 1988 году принят Закон об официальных языках Канады⁷, и федеральное правительство начало разработку своих законопроектов одновременно двумя разработчиками — франкоязычным юристом (обычно специалистом по континентальному праву) и англоязычным юристом (специалистом по общему праву), чтобы конечный результат учитывал обе системы права. В 1993 году Министерство юстиции Канады одобрило концепцию применения Гражданского кодекса Квебека в деятельности федерального правительства. В 1995 году Министерство юстиции Канады одобрило руководство по разработке законодательных актов. Основная его цель — обеспечение максималь-

но полного отражения в каждой языковой версии закона и подзаконного акта обеих систем права. В 2001 году в Канаде был принят первый федеральный закон «О гармонизации гражданского законодательства», в 2004 году второй и в 2011 году третий⁸.

Задача гармонизации — приведение в сбалансированное состояние всего массива законодательных актов, позволяющее его рассматривать как единое функционально эффективное правовое образование. Все источники права (прецеденты, доктрины англо-американского права, законы Великобритании и Франции и т.п.), которые раньше применялись в Канаде, подлежали пересмотру на предмет их соответствия канадской Хартии прав и свобод. Хартия выступает организующим ядром всей правовой системы Канады, обеспечивая согласованность ее элементов на основе закрепленных в ней ценностей.

Необходимость обеспечения отмеченных задач вызвала изменения и в учебных курсах канадских школ права, где все больше внимания стало уделяться быстро растущему числу случаев интерпретации канадской Хартии прав и свобод. Еще одной тенденцией является рост междисциплинарных курсов, изучающих соотношение права экономикой, историей, психологией, социологией и т.п. Были введены курсы, рассматривающие причины и пути решения острых социальных проблем, касающиеся права и бедности, прав женщин, гражданских свобод. В последние годы оказались востребованы вопросы сравнительного правоведения.

Большое внимание на юридических факультетах канадских университетов уделяется вопросам овладения студентами навыками, необходимыми для практики: составление документов, подготовка юридических заключений, участие в судебных заседаниях и т.п.

⁴ Joseph Philippe Pierre Yves Elliott Trudeau. Memoirs. Toronto: McClelland & Stewart, 1993.

⁵ Policy on Legislative Bijuralism. URL: <http://www.justice.gc.ca/eng/cs/sj/harmonization/bijurillex/policies-politiques.html> (дата обращения: 1 ноября 2016 г.).

⁶ Legislation Revision and Consolidation Act. 1985; Interpretation Act. 1985. URL: <http://canlii.ca/t/k5qp> (дата обращения: 1 ноября 2016 г.).

⁷ Official Languages Act. 1988. URL: <http://canlii.ca/t/khkc> (дата обращения: 1 ноября 2016 г.).

⁸ Federal Law — Civil Law Harmonization Act // URL: <http://canlii.ca/t/51zdm> (дата обращения: 1 ноября 2016 г.).

Для юриста очень важно умение читать, анализировать и аргументировать на основе текстов, так как именно в текстах «аккумулируется право», а эти умения для юридической аргументации нужны, как кислород для дыхания, говорил Жан Карбонье⁹.

Так, одна из лучших юридических школ Канады, Университет McGill, предлагает своим студентам курс по юридическим текстам, который требует от студентов изучения различных документов и овладения навыкам по их подготовке. При этом основная задача состоит в том, чтобы научить студентов находить обоснованные и прагматичные решения сложных проблем и споров, используя ошибки в юридических документах. Многие вопросы юридической техники изучаются в рамках базовых курсов по гражданскому праву и процессу.

В университете провинции Нью-Брансвик, расположенном в г. Фредериктон, в рамках изучения гражданского права значительное время уделяется вопросам техники составления контрактов, которые обсуждаются всеми студентами на семинарах.

В Оттавском Университете на факультете права (Отделение общего права) предлагается курс по разработке законодательства (CML3155), имеющий три зачетных балла. Курс ведет профессор Рут Салливан, которая более 40 лет работала в Министерстве юстиции Канады в отделе законопроектных работ и является признанным авторитетом в этой сфере¹⁰.

Университет Альберты предлагает курс «Законодательный процесс и разработка законодательства» (Law 599:A13). Курс рассчитан на углубленное ознакомление слушателей с разработкой, процедурой принятия и толкованием законодательства. Первая часть курса знакомит с ролью и процедурой рассмотрения законопроектов законодательными собраниями, полномочиями парламентов при выполнении ими своих функций, применение парламентских привилегий. Следующая часть курса по-

священа методике, применяемой судами для толкования законов. Слушателям преподают основы разработки законодательства, структуру законодательства с особым вниманием на практике провинции Альберта. Изучаются обычаи и деловые обыкновения, сложившиеся в парламентской работе. Курс представляет собой комбинацию лекций, семинаров, практикумов¹¹.

Роль преподавателя заключается в том, чтобы пробуждать интерес к знаниям и стимулировать работу мысли. В том или ином случае, он может задать вопросы, помогающие более глубоко проникнуть в представленные факты, установить, какие правовые принципы были применены при вынесении решения, проанализировать ход принятия решения. Действуя таким образом, преподаватель побуждает студентов обсуждать конкретный случай с другими студентами, отличать его от подобных, но не применимых в данных обстоятельствах прецедентов. Для того чтобы студент отстаивал свою аргументацию, преподаватель может занять противоположную позицию. Поскольку в рамках такого процесса основное бремя изучения предмета ложится на студента, обсуждения в классе могут стать и волнующими, и требующими большого напряжения ума.

«Право вырабатывается в атмосфере борьбы мнений, диалектической оппозиции, аргументации в различных направлениях. Искусство делать различия, столь характерное для схоластической аргументации, является также основой юридической аргументации. Усилия юристов, всех уровней и на протяжении всей истории права, были направлены на достижение согласия между методами правовой аргументации и правосудием, или, хотя бы, на достижение приемлемости решений для общества», — писал ведущий теоретик аргументации XX века Хаим Перельман¹².

Следовательно, настоящей задачей юридического факультета, по мнению профессора

⁹ Carbonnier J. Flexible droit, Textes pour une sociologie du droit sans requier. L.G.D.J. Paris, 1979. P. 61—65.

¹⁰ University of Ottawa. URL: <http://www.uottawa.ca> (дата обращения: 11 ноября 2016 г.).

¹¹ University of Alberta. URL: <http://www.ualberta.ca> (дата обращения: 11 ноября 2016 г.).

¹² Perelman C. Logique juridique, nouvelle rhétorique. 2ème éd. Dalloz 1979.

Родерика Макдональда, долгое время преподававшего в университете МакГил, является привитие студентам навыков и умения вести юридическую аргументацию. Это возможно путем усвоения фундаментальных принципов права и через анализ текстов законов и судебных решений, в которых они реализуются¹³.

Юридическое образование в Канаде предполагает сочетание теоретического и практического обучения. Примером тому является функционирование юридических клиник и разнообразных профильных практически-ориентированных программ. Основная цель юридического клинического образования заключается в приобретении студентами практических навыков в процессе предоставления юридической помощи малоимущим гражданам. В юридических клиниках студенты под руководством преподавателей и адвокатов применяют на практике полученные в университете знания.

Для того чтобы иметь возможность заниматься юридической практикой, правовые общества всех провинций требуют, чтобы кандидат имел степень бакалавра или доктора права и прошел стажировку у члена правового общества.

Стажировка обычно подразумевает работу на полную ставку за небольшое вознаграждение клерком в юридической фирме, в суде, или правовом департаменте государственного учреждения или корпорации.

Продолжительность стажировки составляет от девяти месяцев до одного года, в зависимости от провинции. Затем провинциальные правовые общества проводят специализированные учебные курсы, которые могут быть от трех до шести месяцев. Данные курсы направлены на подготовку к конкурсу по замещению конкретной специальности — адвоката, юриста в коммерческой компании и нотариуса. По окончании программы обучения проводится оценка, призванная гарантировать, что новый член юридического сообщества обладает знаниями, умениями и установками, необходимыми для юристов, начинающих свою профессиональную деятельность.

Правовая специализация была предметом серьезных споров по всей Канаде, начиная с конца 1960-х годов, что привело к введению системы аккредитации специализированных областей юридической профессии в провинции Онтарио в 1986 г.

Введение аккредитации по различным направлениям было постепенным. Так, специализация по гражданскому и уголовному праву была введена в июне 1987 г., по семейному праву — в октябре 1989 г., иммиграционному законодательству — в ноябре 1991 г., праву интеллектуальной собственности — в апреле 1992 г., патентное и авторское право, а также трудовое право — в 1993 г., в области банкротства и несостоятельности и экологического права — в 1999 г.

Были установлены дополнительные критерии, которым должны отвечать претенденты на аккредитацию в области уголовного права по сравнению с другими. Среди них: стаж работы не менее семи лет и экзамен по профессиональной этике, а также письменный экзамен по специализации. Так, в провинции Альберта адвокаты могут рекламировать не более двух областей деятельности. При этом они должны дать письменное обязательство секретарю правового общества, что не будут практиковать в других областях. За аккредитацию установлены следующие сборы: \$ 160,50 — вступительный взнос; \$ 374,50 — административный сбор (оплачивается по аккредитации), а также \$ 107,00 — годовая плата за членство в правовом обществе провинции.

Аккредитация длится пять лет. Повторная аккредитация может быть обеспечена, если он того пожелает. Заявка на повторную аккредитацию оцениваются таким же образом, как и первая.

Для судьи установлены повышенные требования:

- кандидат в судьи должен быть практикующим юристом не менее 10 лет, чтобы претендовать на место судьи в провинциальном суде;
- кандидаты в судьи должны быть гражданами Канады и владеть одним из государст-

¹³ Macdonald R.A. Still law and still learning // Canadian Journal of Law and Society. 2003, № 18. P. 5—31.

венных языков Канады. В Квебеке обязательен французский язык, а на федеральном уровне необходимо знание двух государственных языков.

Кандидат в судьи подает письменное заявление в специальную комиссию по рассмотрению кандидатур на занятие должности судьи. Например, комиссия провинции Онтарио состоит из двух действующих судей, семи представителей общественности и трех членов юридического сообщества. На федеральном уровне комиссия по рассмотрению кандидатур на должность судьи Верховного Суда состоит из судей, адвокатов, правительственных чиновников и представителей общественности. Комиссии дают рекомендацию тому, кто принимает решение о представлении на должность: министр юстиции провинции для провинциальных судов и министр юстиции федерального правительства Канады для судей Верховного суда. Кандидаты в судьи проходят процедуру вопросов в соответствующих парламентах, после чего в случае одобрения их кандидатур назначаются на должность премьер-министром.

Здесь уместно привести пример, когда у такой комиссии были сомнения по кандидатуре судьи и ее решение не было единодушным.

Закон о Верховном Суде Канады в ст. 5 и 6 установил требования к кандидатам на должность судьи Верховного Суда Канады, среди которых, в том числе правило, что трое из девяти обязательно должны быть действующими судьями Апелляционного Суда или Верховного Суда провинции Квебек либо членами коллегии адвокатов этой провинции¹⁴.

Сомнения комиссии были в том, что кандидатура Марка Надона на момент назначения этим требованиям не соответствовала, хотя раньше он и был судьей Федерального апелляционного суда и работал адвокатом в провинции Квебек. Последние же 20 лет он применял общее право, а за эти годы произошло существенное изменение системы гражданского права, действующей в провинции Квебек.

Тем не менее 30 сентября 2013 г. премьер-министр Канады объявил о выдвижении кандидатуры Марк Надона в Верховный Суд Канады. 3 октября 2013 г. приказом в Совете генерал-губернатора Канады Надон был назначен судьей Верховного Суда Канады вместо Мориса Фиша, достигшего предельного возраста 75 лет, который был назначен как представитель провинции Квебек. Надон был приведен к присяге в качестве члена Суда 7 октября 2013 г.

В тот же день это назначение было оспорено. Через шесть месяцев, 23 марта 2014 г., шестью голосами против одного, Верховный Суд Канады постановил, что только действующие судьи и адвокаты могут быть членами Верховного Суда Канады¹⁵.

Аргументация Суда основывалась на том, что основной целью установления правила представительства Квебека в Верховном Суде было обеспечение компетентного рассмотрения споров специалистами как общего, так и гражданского права. Надон же не только более 20 лет не работал в провинции Квебек, но и никаким образом не повышал свою квалификацию в сфере гражданского права.

В рамках данной статьи обратим внимание на те особенности канадской модели юридического образования, которые, по моему убеждению, целесообразно использовать в России.

Во-первых, установление обязательности университетского образования, даже незаконченного, предполагающего определенную моральную зрелость человека в выборе юридической профессии. В советской России существовало необходимое условие для поступления в юридические институты в виде двухлетнего стажа практической работы или службы в армии. На наш взгляд, к этому стоит вернуться, поскольку мы имеем немало примеров, когда молодые люди оказываются неготовыми к реализации своей социальной роли.

Качество юридического образования определяется не только суммой знаний и навыков,

¹⁴ Supreme Court Act, 1985, P. 26 // URL: <https://zoupio.lexum.com/calegis/rsc-1985-c-s-26-en#fragment/sec6> (дата обращения: 12 октября 2016 г.).

¹⁵ Reference re Supreme Court Act, P. 5—6 // URL: <http://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/13544/index.do> (дата обращения: 14 октября 2016 г.).

но и уровнем культуры. Дело в том, что осознанность выбора юридической профессии предполагает программирование на служение обществу в этой роли. Личные и корыстные интересы здесь нивелируются многочисленными социальными связями, которые выполняют функцию корпоративного и общественного контроля.

Во-вторых, в Канаде невозможно продолжить обучение на втором уровне юридического образования при отсутствии базового юридического образования. На своем опыте преподавания в юридической магистратуре убедился, что таким магистрантам трудно освоить программу без знания азбучных истин. Поэтому считаю необходимым этот канадский опыт применить в России.

В-третьих, следует обратить внимание на усиление практико-ориентированного обучения. Например, конституционное право в России надо преподавать не как «голую» теорию, а как дисциплину, от усвоения которой зависит эффективность защиты всех прав граждан.

Самым первым и обязательным элементом процесса разработки проекта нормативного в Канаде является оценка его основных положений на соответствие Хартии прав и свобод, являющейся составной частью канадской конституции. Каждый участник нормотворческого процесса, заполняет специальную таблицу, в которой отмечает свое мнение по вопросам проекта. Если есть несоответствие конституционным положениям, все другие позиции таблицы могут не заполняться, пока не снимутся противоречия. Обращение к конституционным актам является необходимым условием психологической настройки на конституционный по-

рядок уже с процесса обучения в юридической школе.

Конституционное право в России и Канаде не призвано регулировать общественные отношения в обществе детально и исчерпывающим образом. Однако именно конституционные принципы в случае пробельности отраслевых норм и их противоречия, дают возможность восстановить нарушенные права. В Канаде фактически происходит обучение практическим навыкам применения конституционного права в конкретной сфере юридической практики, чего, к сожалению, нет у нас.

В-четвертых, заслуживает внимания система оценки знаний студентов, представляющая собой комбинацию из баллов за эссе, тесты за все время обучения, что снижает зависимость от необъективности лотереи выбора билета на экзамене.

В-пятых, важным элементом в процессе юридического образования в Канаде является процедура допуска к профессии. Профессиональная подготовка юристов не зависит только от учебного заведения, необходима и обратная связь с работодателями, и полноценное сотрудничество, которое в Канаде обеспечивает система сертификации, оценки квалификации юристов, организуемая провинциальными правовыми обществами.

Следует признать, что в России в этом направлении приняты соответствующие меры, связанные с повышением роли Ассоциации юристов России, взаимодействием с работодателями, новыми государственными стандартами в системе юридического образования и т.п.

Однако в условиях глобальной конкуренции, чтобы ее не проиграть, необходимо учитывать положительный опыт и других стран.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Joseph Philippe Pierre Yves Elliott Trudeau*. Memoirs.— Toronto : McClelland & Stewart, 1993. — 343 p.
2. *Perelman C.* Logique juridique, nouvelle rhétorique. — 2ème éd. — Dalloz, 1979. — 202 p.
3. *Macdonald R.A.* Still law and still learning // Canadian Journal of Law and Society. — 2003. — № 18. — P. 5—31.
4. *Carbonnier J.* Flexible droit, Textes pour une sociologie du droit sans requier. L.G.D.J. — Paris, 1979. — 496 p.

Материал поступил в редакцию 10 декабря 2016 г.

THE CANADIAN MODEL OF LEGAL EDUCATION: A POSITIVE EXPERIENCE FOR RUSSIA

KABYSHEV Sergey Vladimirovich

Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

svkabyshev@gmail.com

125993, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

Review. *This article discusses organization of legal education in Canada, identifies its peculiarities. Among them: lack of uniform standards of legal education; a multilevel system of conditions and tests required for admission to law schools as learning experiences, attainment in previous university, logical thinking, etc.; the system of “credits” for each academic subject allowing students to choose them independently; ban on entering the Master’s program without basic legal education; a system of students’ performance evaluating keeping a record of their performance during the entire period of training; the combination of theoretical and practical training, priority of constitutional law among other subjects, the focus on studying examples of genuine protection of the rights of citizens; an interactive training system where the professor primarily stimulates interest in knowledge, the work of thought and the formation of arguments; the introduction of a system of admission to the profession where skills of practical work are acquired; certification of legal qualification. These features, according to the author, have a positive impact on the quality of legal education in Canada; therefore, it is advisable to consider the possibility of their application in Russia.*

Keywords: *legal education, practice-oriented training, constitutional law, legal profession, qualification and certification system, Canada.*

Глоссарии в российском законодательстве: тенденции и перспективы

Аннотация. В статье рассматривается история появления в зарубежной и российской законодательной практике такого юридико-технического приема, как составление отдельной статьи-глоссария. Исследуются современные тенденции в области статей-глоссариев и качества их составления в российском законодательстве, в том числе такие как: применение системы понятий только «в целях настоящего закона»; увеличение объемов статей-глоссариев; инфляция правовой терминологии; усложнение понятий, определяемых в глоссариях; явление удвоения понятия; введение в статьи-глоссарии неинформативных определений; изменение юридико-технических приемов толкования определений с использованием современных информационных технологий. На основе проведенного анализа прогнозируются три возможных сценария дальнейшего развития ситуации в сфере использования статей-глоссариев. Предлагается научная концепция совершенствования статей-глоссариев в российском законодательстве.

Ключевые слова: глоссарии, инфляция права, правовая терминология, правовые понятия, основные понятия, развитие российского законодательства.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.104-115

История развития понятийно-категориального аппарата есть история развития всей юридической науки, история прогресса правовой мысли¹. По мнению исследователей, правовые понятия и юридические конструкции представляют собой «сгустки знаний человечества о государственно-правовых явлениях общественной жизни. Они несут в себе больше те-

оретической энергии по сравнению с другими правовыми средствами, элементами, деталями правовой нормы, потому что в них заключена концентрированная энергия о реальной действительности»². Значение качественной юридической терминологии и ее грамотного нормативного оформления трудно переоценить — это и обеспечение единства понимания

¹ С.В. Кузнецов однажды заметил: «логика — это скучная наука, ее очень сложно применять. Но прочитаем Рене Декарта, он пишет: “Определите понятия и вы избавите мир от доброй половины его заблуждений”» (См.: Правовой классификатор и правовой тезаурус в законотворчестве и юридической практике: материалы работы Экспертно-консультативного совета по проблемам систематизации и кодификации законодательства при Председателе Государственной Думы / сост. В.Б. Исаков и др. М., Екатеринбург: Издательский отдел Управления делами Государственной Думы; Изд-во Гуманитарного университета, 1998. С. 179).

² Кашанина Т. В. Структура права: монография. М.: Проспект, 2012. С. 80.

© Головина А. А., 2017

* Головина Анна Александровна — кандидат юридических наук, научный сотрудник отдела теории законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
aagolovina@mail.ru

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34

неоднородных правовых явлений³; и развитие системы права, в которой понятийно-категориальный аппарат является составной частью системообразующего ядра внутрискруктурных образований, таких как отрасли права; и повышение юридико-технического качества и эффективности законодательства в целом.

На протяжении веков наиболее значимые понятия находили свое закрепление в законодательстве, причем прослеживается тенденция — от единичного закрепления отдельных терминов в том разделе акта, с которым термин связан предметно (этот юридико-технический прием был господствующим на протяжении почти всей правовой истории человечества — он характерен и для римского права, и для права эпох Средневековья и Нового времени) до введения в законодательные акты самостоятельных статей-глоссариев (сравнительно новое юридико-техническое «изобретение», являющееся продуктом Новейшего времени).

При этом под **статьей-глоссарием** мы предлагаем понимать *статью, представляющую собой словарь, в котором определяются основные понятия, используемые в законе*. Иными словами, статья-глоссарий — это статья, содержащая перечень дефиниций⁴.

Например, уже в Институциях Гая (II в н.э.) определяется ряд понятий, которые характеризуют систему источников права: «закон есть то, что народ римский одобрил и постановил; плебейское решение есть то, что плебеи одобрили и постановили» (пункт 3 книги I), «сенатское постановление есть то, что сенат повелевает

и устанавливает» (пункт 4), «указы императора есть то, что постановил император или декретом, или эдиктом, или рескриптом» (пункт 5) «эдикты суть постановления и предписания тех должностных лиц, которые имеют право их издавать» (пункт 6), «ответы правоведов — это мнения и суждения юристов, которым позволено было устанавливать и творить право» (пункт 7)⁵. Дигесты Юстиниана давали определения публичного и частного права — «публичное право, которое (относится) к положению римского государства, частное, которое (относится) к пользе отдельных лиц», естественного права (*jus naturale*) — «это то, которому природа научила все живое: ибо это право присуще не только человеческому роду, но и всем животным, которые рождаются на земле и в море, и птицам», права народов (*jus gentium*) — «это то, которым пользуются народы человечества» и т.д.⁶

Тем не менее в правовой литературе справедливо отмечено «осторожное отношение римской юриспруденции к юридическим обобщениям. Поэтому в римских юридических источниках так сдержанно использовался такой прием логики, как формулирование определений. ...Юрист Яволен сформулировал знаменитое правило, сохраняющее актуальность и для современного права: «любое определение в праве гражданском опасно, ибо ведь мало случаев, когда оно не может быть опрокинуто»⁷. Относительно этих и иных памятников права, в которых можно встретить некоторые определения, следует вести речь скорее о

³ Как отмечает Ю.А. Тихомиров, «точное, поддающееся правильной оценке значение нормативных понятий и юридических терминов имеет первостепенное значение для сравнительного правоведения. Ведь оно имеет дело с неоднородными правовыми явлениями, в основе которых нередко лежат разные научные и иные взгляды, идеи, концепции. Несовпадение юридических терминов затрудняет подчас адекватное понимание и сопоставление правовых явлений, которые «описываются» с их помощью» (Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996. С. 32).

⁴ По определению Т.В. Кашаниной, «дефиниция — это краткое определение какого-либо понятия, отражающее существенные (качественные) признаки явления, предмета (Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. М. : Эксмо, 2007. С. 171).

⁵ Из Институций Гая // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. М. : Юристъ, 2004. С. 89—90.

⁶ Дигесты или Пандекты // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. С. 131—132.

⁷ Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. д.ю.н., проф. Н.А. Власенко. М. : Юриспруденция, 2010. С. 23

нормативном закреплении доктринально разработанных юридических понятий, элементов научного понятийно-категориального инструментария, чем об оформленном глоссарии.

Эта же тенденция сохранилась и в Средневековье, и в Новое время. В средневековых памятниках права определения юридических понятий встречаются довольно редко. Например, «Саксонское зеркало» (1-я половина XIII в.) устанавливало: «что бы человек ни оставил после себя из своего имущества, называется наследством»⁸. Такие важнейшие памятники права Нового времени, как Гражданский кодекс Наполеона 1894 г. и Германское гражданское уложение 1896 г., также не содержали отдельной статьи-глоссария. Как и прежде, законы Нового времени лишь в некоторых случаях закрепляли отдельные определения, как правило, в предметно связанной структурной единице текста. Так, Гражданский кодекс Наполеона устанавливал, что «несовершеннолетним является лицо того или другого пола, которое еще не достигло 21 года», «собственность есть право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом, с тем, чтобы пользование не являлось таким, которое запрещено законами или регламентами»⁹. Французский Торговый кодекс 1807 г., правда, уже имел некий прообраз Общей части («Книга I «О торговле вообще»), в которой устанавливал, например, что «купцы это лица, профессией которых является вершение торговых сделок»¹⁰.

Не было отдельных глоссариев и в памятниках русского права на протяжении практически всей его истории (например, в Русской правде, Псковской судной грамоте, судебниках, Соборном уложении 1649 года и т.д.). Разъяснения отдельных терминов встречаются в законода-

тельстве петровского времени в связи с необходимостью разъяснения некоторых заимствованных иностранных терминов. Так, «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1715 г. устанавливает¹¹: «процес есть дело судимое, через который случающыяся тяжбные дела основательным представлением и их обстоятельством дел обретенных доказов явны сочиняются, и потом от судей, по изобретению оных притчин, решение чинится», «салф кондукт есть явная грамота, которая от вышняго начальства земли преступления ради ушедшему (когда оно поимать не мочно) дается»¹². Закреплялись этим актом и определения русских терминов («челобитчик», «ответчик», «обыкновенныя телесныя наказания»), но, по общему правилу — в той главе, к которой относились по смыслу, но никак не в отдельной статье.

Тот же принцип сохранялся и в более поздних актах, в том числе вошедших в Свод законов Российской Империи. Так, в пункте 15 Свода законов о состояниях (издание 1899 г.), включенного в Том IX Свода законов Российской Империи, давалось следующее определение дворянства: «дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами: чем, обращая самую службу в заслугу, приобрели потомству своему нарицание благородное. Благородными разумеются все те, кои или от предков благородных рождены, или Монархами сим достоинством пожалованы»¹³.

В развернутых, масштабных статьях-глоссариях не было настоятельной необходимости до тех пор, пока разрастание правового массива вследствие принципиального усложнения государственной, экономической и обществен-

⁸ Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. С. 285.

⁹ Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. С. 184, 192.

¹⁰ Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. С. 246.

¹¹ Орфография источника сохранена.

¹² *Титов Ю. П.* Хрестоматия по истории государства и права России. 2-е изд. М.: Проспект, 2005. С. 147, 148.

¹³ См. полный текст Свода законов Российской империи, размещенный в рамках проекта «Классика российского права» компанией «Консультант Плюс» // URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/205/2.html> (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

ной жизни не сделало такие глоссарии непременно инструментом обеспечения единообразия толкования законодательства и преодоления коллизий. Перманентное усложнение законодательства по мере развития социума, переход к технократическому праву¹⁴ привели к тому, что без законодательно установленных определений затруднилось понимание законов, даже профессионалы-юристы стали нуждаться в разъяснении того, что понимает законодатель под тем или иным специфическим термином (очевидно, что Русская правда или Псковская судная грамота, написанные языком, понятным для любого современника, не нуждались в дополнительном разъяснении понятий¹⁵).

Таким образом, статьи-глоссарии как юридико-технический прием — продукт развития законодательных технологий Новейшего времени, причем, прежде всего, в американской правовой культуре. Например, уже американский Закон о гарантиях при продаже товаров широкого потребления 1975 года включал специально выделенный параграф 2301 «Терминология, используемая в Законе», где давались определения следующих понятий: «товары широкого потребления», «комиссия», «потребитель», «коммерсант», «прямо выраженной гарантия», «подразумеваемая гаран-

тия», «договор по обслуживанию», «разумное и необходимое поддержание в рабочем состоянии», «средство», «замена», «возврат покупной суммы»¹⁶. Уголовный кодекс штата Нью-Йорк 1967 года устанавливал в параграфах-глоссариях определения таких понятий, как «действие», «добровольное действие», «бездействие», «поведение», «действовать», «виновное психическое состояние», «намеренно», «осознанно или заведомо», «неосторожно», «преступная небрежность»¹⁷.

В российской законодательной практике распространение статей-глоссариев относится к 90-м годам XX века, что связано, возможно, с заимствованием некоторых аспектов западной правовой традиции не только в юридической науке, но и в законодательной технике. Достаточно показательны в связи с этим сопоставление содержания кодифицированных законодательных актов, принятых на протяжении различных этапов российской истории. Так, из 30 проанализированных нами советских кодексов, принятых в 1920—80-х гг., ни один не содержал статьи-глоссария. Первый кодекс, включавший такую статью — это Таможенный кодекс СССР 1991 г.¹⁸ (статья 13 «Термины, используемые в настоящем Кодексе», в которой, например, содержались определения понятий «таможня, таможенный орган СССР», «транзит

¹⁴ В.И. Лафитский считает, что «современное право западных стран, в том числе России, становится все более технократическим. Тексты правовых актов все чаще напоминают техническую документацию, и в результате за ворохом деталей трудно рассмотреть их основную цель. ...Современные законодательные акты в основном обращаются не к обществу и личности, а к органам власти либо к их представителям. Соответственно иным становится их язык — технически сложным, насыщенным специальными терминами. Его понимают только специалисты. Остальные не могут разобрать суть изложенного им» (Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права. Том 2. М.: Статут, 2011. С. 408—409).

¹⁵ Исследователи отмечают, что «в западноевропейских странах (Германии, Франции и особенно Англии) юридический язык — совокупность понятий, терминов, которыми выражаются правовые нормы, этот язык был понятен лишь специалистам. В России же язык права не был столь отвлеченным, узкоспециальным, а по существу приближался к быденному, народному языку» (см.: Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. д.ю.н., проф. Н.А. Власенко. М.: Юриспруденция, 2010. С. 41).

¹⁶ Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / под редакцией К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. М.: Юрист, 2004. С. 427—428.

¹⁷ Там же. С. 461—462.

¹⁸ Утвержден Верховным Советом СССР 26 марта 1991 г. № 2052-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 17. Ст. 484.

Утратил силу на территории Российской Федерации в связи с принятием постановления Верховного Совета РФ от 18 июня 1993 г. № 5223-1 «О введении в действие Таможенного кодекса Российской Федерации».

через территорию СССР», «декларант», «предметы», «вещи», «валюта и ценности», «наследственное имущество» и др.).

Для сравнения: по состоянию на 1 июня 2016 года из 21 кодекса, действующего в современной российской системе законодательства, статьи-гlossарии включены в содержание 7 кодексов (Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ¹⁹, часть 1 Налогового кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ²⁰, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ²¹, Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ²², Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ²³, Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ²⁴, Таможенный кодекс Таможенного союза 2009 г.²⁵). Помимо кодексов, собственные статьи-гlossарии сегодня имеют многие федеральные законы (образовательное законодательство; законодательство об основах охраны здоровья граждан; о физической культуре и спорте; о связи; о безопасности дорожного движения; о наркотических средствах и психотропных веществах; о банках и банковской деятельности; о контрактной системе в сфере

закупок для государственных и муниципальных нужд; избирательное законодательство и законодательство о референдуме и т.д.). Следовательно, объединение определений основных понятий в отдельной статье-гlossарии — общепризнанный на сегодня в российском законодательстве юридико-технический прием структурирования правовой материи.

Исследование текстов статей-гlossариев в современном российском законодательстве позволяет выявить следующие основные тенденции в данной сфере.

1. *Применение системы понятий, как правило, только «в целях настоящего закона»,* что влечет атомизацию, фрагментацию правового регулирования, нарушение единой понятийно-категориальной системы координат. При этом подчас возникают ситуации, когда одно и то же понятие, которое может иметь ключевое значение для той или иной сферы правоотношений, получает разные определения в целом ряде законов. Примером может служить понятие «культурные ценности», которое для целей разных законов определяется по-разному, что в некоторой степени ставит под сомнение терминологическое единство законодательства о культуре²⁶.

¹⁹ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

²⁰ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

²¹ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

²² СЗ РФ. 2001. № 11. Ст. 1001.

²³ СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 16.

²⁴ СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

²⁵ Приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17 // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6615.

²⁶ Например, разные определения названного понятия содержатся в статьях-гlossариях следующих законов:

а) Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утверждены Верховным Советом Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 19.11.1992. № 46. Ст. 2615;

б) Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // Российская газета. 1996. 4 июня;

в) Федеральный закон от 15 апреля 1998 г. № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Российская газета. 1998. 21 апр.;

г) Закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // Российская газета. 1993. 15 мая. (см. статью 6 этого Закона).

2. *Увеличение объемов статей-глоссариев.* Несмотря на то что имеются и примеры сокращения глоссариев (так, из Бюджетного кодекса Российской Федерации были исключены определения понятий «государственный внебюджетный фонд», «субвенция», «субсидия», «государственный или муниципальный заем»²⁷), общей тенденцией, отражающей инфляцию правовой материи, является перманентное увеличение их объемов. Например, в Градостроительный кодекс Российской Федерации за 2011—2014 гг. было введено 14 новых понятий. Характерен и пример с Налоговым кодексом Российской Федерации (частью первой), в котором наличия одной статьи-глоссария законодателю показалось недостаточным. В 2013 году в этот кодекс, помимо имевшейся статьи 11 «Институты, понятия и термины, используемые в настоящем Кодексе», была введена еще одна статья-глоссарий — статья 11¹ «Понятия и термины, используемые при налогообложении добычи углеводородного сырья»²⁸.

3. *Инфляция правовой терминологии,* которая проявляется в тенденции к замене существенных терминов описательными. Особенностью русского языка, которая находит (в известной степени) отражение и в русском юридическом языке, является его образность. При этом такие емкие термины, как «ученик», «школа», «детский сад» и т.д. формируют у толкующего закон гражданина вполне конкретный образ

определяемого понятия, который не противоречит задачам однозначности нормативного регулирования. Переход же к западному, сугубо рационалистическому типу мышления в правовой сфере приводит к тому, что юридические термины начинают создаваться по типу «конструктора» — путем «нанизывания» один на другой описательных терминов.

В результате простая и понятная рядовому гражданину «школа» становится «общеобразовательной организацией», «детский сад» — «дошкольной образовательной организацией», «аспирантура» — «подготовкой научно-педагогических кадров», «школьная программа» — «образовательной программой начального общего, основного общего и (или) среднего общего образования» и т.д.

4. *Усложнение понятий, определяемых в глоссариях.* Нередко в статьи-глоссарии даже социально значимых законов, которые априори должны быть рассчитаны на широкую аудиторию, вводятся такие искусственно сконструированные, «неживые» термины, как «профилактика обстоятельств, обуславливающих нуждаемость в социальном обслуживании»²⁹ или «лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»³⁰. А также термины, малопонятные для гражданина, не обладающего специальными знаниями, такие, как «государственная управляющая компания средствами выплатного резерва»³¹ или

²⁷ См.: Федеральный закон от 26 апреля 2007 г. № 63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» // Российская газета. 2007. 28 апр.

²⁸ См.: Федеральный закон от 30 сентября 2013 г. № 268-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с осуществлением мер налогового и таможенно-тарифного стимулирования деятельности по добыче углеводородного сырья на континентальном шельфе Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 4 окт.

²⁹ См.: статья-глоссарий (статью 3) Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 30 дек.

³⁰ См.: статья-глоссарий (статью 1) Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Российская газета. 1996. 27 дек.

³¹ См.: статья-глоссарий (статью 3) Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации» // Российская газета. 2002. 30 июля.

«инклюзивное образование»³². Это отражает общую тенденцию усложнения современного юридического языка до уровня, при котором его понимание доступно в полной мере лишь профессионалу, причем нередко — профессионалу в сфере правового регулирования конкретной отрасли законодательства.

Следствием всего изложенного становится то, что дореволюционные юристы, обозначали как «темнота закона» — его неясность, непонятность читающему. Здесь не лишне вспомнить, что в советском государстве официально провозглашался, наоборот, принцип доступности языка законов гражданам. В Постановлении Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР от 29 июля 1929 года говорилось о необходимости «особенно обратить внимание на то, чтобы законы излагались понятным для широких трудящихся масс языком»³³. Совет народных комиссаров СССР в Декрете от 6 февраля 1925 года подчеркивал: «Признать необходимым установление строжайшего наблюдения за более понятным для крестьянских масс изложением законов»³⁴. Эти правила действительно соблюдались³⁵, но постепенно практика законодательства стала отходить от них все дальше и дальше.

5. *Явление «удвоения понятия»*, при котором в одном термине объединяются и одновременно определяются два понятия (например «гарантии избирательных прав и права на участие в референдуме»³⁶, «административные правонарушения и преступления»³⁷).

6. *Введение в статьи-гlossарии неинформативных определений* и терминов, которые по существу представляют собой сокращения, используемые в тексте закона. Согласно научным правилам формулирования определений, оно должно отражать основные, сущностные признаки определяемого понятия. С этой точки зрения не являются определениями понятий такие подпункты статей-гlossариев, как: «30) таможенные органы — таможенные органы государств — членов таможенного союза»³⁸ или «бюллетень — избирательный бюллетень, бюллетень для голосования на референдуме», «ГАС «Выборы» — Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Выборы»», «комиссия — избирательная комиссия, комиссия референдума»³⁹.

7. *Изменение юридико-технических приемов толкования определений с использованием современных информационных технологий*. В частности, в связи с введением в российское законодательство термина «опасное во-

³² См.: статья-гlossарий (статья 2) Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 31 дек.

³³ Цит. по: Головин А. Г. Эволюция системы избирательного законодательства в Российской Федерации: тенденции и перспективы. М. : Московское бюро по правам человека, Academia, 2008. С. 110.

³⁴ СУ РСФСР. 1925. № 9. Ст. 64—65. Цит. по: Головин А. Г. Указ.соч. С. 110.

³⁵ Не случайно В.В. Лазарев в 1974 году писал: «Уровень законодательной техники в Советском государстве достаточно высок, чтобы избежать большинства известных праву недостатков. У нас фактически отсутствует так называемая «абсолютная темнота» норм, которая ввиду неустранимой толкованием двусмысленности делает нормативное предписание неосуществимым» (Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М. : Юридическая литература, 1974. С. 25).

³⁶ См.: подпункт 11 статьи 2 (статья-гlossария) Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2002. 15 июня.

³⁷ См.: пункт 2 части 1 статьи 4 (статья-гlossария) Таможенного кодекса Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17 // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6615).

³⁸ См.: статья 4 (статья-гlossарий) Таможенного кодекса Таможенного союза.

³⁹ См.: статья 2 (статья-гlossарий) Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

ждение»⁴⁰, понятие опасного вождения было не только нормативно закреплено⁴¹, но и конкретизировано на специальном интернет-сайте Правительственной комиссии по обеспечению безопасности дорожного движения *опасноевождение.рф*. На этом сайте размещены видеоролики и анимация, иллюстрирующие шесть видов опасного вождения, причем обозначаемых не при помощи юридических терминов, а при помощи устоявшейся обыденной терминологии («шашки», «нервяки», «торопыги», «грядки», «воспитатели», «упертый»).

Выявленные тенденции позволяют спрогнозировать дальнейшее развитие российского законодательства по трем возможным сценариям.

1. *Атомизационный сценарий* предполагает возможное углубление атомизации российского законодательства (дальнейшее расхождение значений различных терминов в целях конкретных нормативных правовых актов). При этом не исключено усугубление инфляции правовой материи (понятия становятся все более громоздкими, трудными в практическом употреблении, запоминании, понимании простыми гражданами, загроможденными различными отглагольными существительными). Этот сценарий связан с риском углубления разрыва в понятийно-категориальном аппарате различных отраслей законодательства, а соответственно, и отраслей права, а также с риском препятствий для формирования единого научного понятийно-категориального аппарата юриспруденции (через механизмы обратной связи науки и практики).

2. *Консервативный сценарий*. Предполагает сохранение имеющихся противоречивых тенденций — качество глоссариев и закрепляемых в них определений напрямую зависит

от качества и уровня юридической техники конкретного нормативного правового акта, а значит, неравномерно в массиве всей системы законодательства. В некоторых актах, прежде всего кодифицированных, сохраняется довольно высокий уровень глоссариев. В других, например в некоторых отраслевых законах, — сравнительно более низкий уровень систематизированности и юридической техники составления глоссариев, сохранение неинформативных понятий и т.д. Этот сценарий представляется наиболее вероятным.

3. *Систематизационный сценарий*. Предполагает совершенствование и систематизацию законодательной терминологии, подготовку общеправового глоссария, устранение неинформативных определений, стремление к разработке общих определений, а не только определений «в целях настоящего закона», большую стабильность в определениях и редкую их корректировку законодателем. Этот сценарий представляется наиболее желательным в интересах эффективности и системного развития российского законодательства.

В связи с изложенным, оптимальная концепция развития глоссариев в российском законодательстве и правовой науке может включать следующие аспекты.

1. Доктринальная разработка общего, единого глоссария юридической терминологии, который может быть использован для всех отраслей российского законодательства (своего рода «кодификация юридических понятий»⁴²). Подобный глоссарий востребован как для потребностей развития науки, так и для обеспечения интересов нормотворческой деятельности, обеспечения единства законодательной практики, предупреждения юридических коллизий: а) в рамках различных отраслей законо-

⁴⁰ См.: постановление Правительства Российской Федерации от 30 мая 2016 г. № 477 «О внесении изменения в правила дорожного движения Российской Федерации» // Российская газета. 2016. № 118.

См. также: Баршев В. Опасен по определению // Российская газета. 2016. 15 мая.

⁴¹ См. пункт 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Совета Министров — Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О правилах дорожного движения» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 47. Ст. 4531.

⁴² Неофициальная систематизация большого количества понятий, используемых в различных отраслях российского законодательства, осуществлена, к примеру, в справочной правовой системе «Консультант-Плюс», в разделе «Словарь финансовых и юридических терминов».

дательства; б) в законах и подзаконных актах; в) в федеральном законодательстве и законодательстве субъектов Российской Федерации; г) в рамках правового пространства Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Союза независимых государств (СНГ), иных объединений, в которые входит Россия.

2. С учетом исторических тенденций следует сохранить как важный юридико-технический прием объединение основных определений в отдельную статью-гlossарий законодательного акта, особенно в случае его насыщенности профессиональной терминологией. Согласимся с мнением А.С. Пиголкина о том, что «чем большему числу понятий будут даваться законодательные дефиниции, тем меньше будет ошибок и недоразумений на практике»⁴³. Тем не менее при формулировании понятий необходимы сбалансированность и соблюдение оптимальной границы между правовой определенностью и правовой неопределенностью⁴⁴, поскольку последняя позволяет оставить на практике необходимое поле усмотрения, избежать излишней «заурегулированности» общественных отношений. Иными словами, не все понятия нуждаются в законодательном определении.

3. С теоретической точки зрения целесообразно исключение из статей-гlossариев неинформативных определений, в которых не определяется значение понятий, а лишь даются термины для обозначения используемых в тексте сокращений. В том случае, если задачи практического удобства диктуют сохранение таких сокращений, было бы более верным вынесение терминов-сокращений в отдельную статью за пределами статьи-гlossария.

4. В заголовках статей-гlossариев в настоящее время отсутствует единообразие — указывается, что в них содержатся «термины», «понятия», «определения» и даже «институты», причем нередко сразу несколько таких обозначений объединено в одном названии (например, статья 11 Налогового кодекса Российской Федерации обозначена как «Институты, понятия и термины, используемые в настоящем Кодексе»). Тем самым в заголовках статей допускается логическая ошибка «деления не по одному основанию», поскольку понятие уже предполагает обозначающий его термин. Как отмечают исследователи, «нельзя отождествлять юридические термины с правовыми понятиями, что, по сути дела, иногда делается в литературе. Понятие в строгом смысле этого слова есть «логически оформленная общая мысль о классе предметов, явлений; идея чего-нибудь» или, если сказать иначе, «такое единичное или общее представление, при помощи которого мы мысленно рассматриваем одни лишь существенные признаки объекта». Правовое же понятие можно определить как данного рода представление юридического порядка. Таким образом, как нетрудно увидеть, понятие является категорией логики. Что касается термина, то он относится к числу категорий лингвистики. Назначение этого слова в том, чтобы дать наименование соответствующему понятию»⁴⁵. Кроме того, по справедливому замечанию Г.Т. Чернобеля, термины «объясняются, разъясняются, но не определяются»⁴⁶. Исходя из этого, целесообразно унифицировать наименования статей-гlossариев, например «Основные понятия»⁴⁷.

5. Дальнейшее совершенствование механизмов закрепления гlossариев в законода-

⁴³ Проблемы правотворчества субъектов Российской Федерации / отв. ред. А.С. Пиголкин. М., 1998. С. 108.

⁴⁴ Например, Н.А. Власенко отмечает, что правовая определенность в некоторых случаях может рассматриваться и как позитивное свойство права (Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании : монография. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ: Инфра-М, 2015. С. 69).

⁴⁵ Деревнин А. А. Юридические термины в праве // Академический юридический журнал. 2001. № 4.

⁴⁶ Законодательная техника / под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000. С. 82.

⁴⁷ Как это сделано, например, в наименовании статьи 3 «Основные понятия» Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (Российская газета. 2001. 13 марта. № 50—51).

тельных актах может заключаться в том, чтобы объемные глоссарии переносить в приложение к закону. Например, такой подход применительно к избирательному законодательству предлагает А.Г. Головин. По его мнению, «при сохранении тенденций к расширению круга понятий, определения которым даются в глоссарии и, соответственно, к увеличению объема указанной статьи, можно будет предложить, в целях облегчения самой нормативной части законодательного акта помещать глоссарий в самостоятельном приложении к закону. Его юридическая сила от этого не пострадает, так как ...юридическая сила приложений и законодательного акта, к которому они относятся, одинакова»⁴⁸.

6. Совершенствование законодательного закрепления глоссариев юридических терминов необходимо дополнять доктринальной систематизацией юридических понятий и изданием научных работ в данной сфере (словарей юридической терминологии, монографий, посвященных исследованию юридической терминологии, в том числе по отдельным отраслям⁴⁹ и т.д.).

Принятие системных мер по развитию правовых глоссариев окажет позитивное влияние не только на качество российских законов и внутреннюю согласованность системы законодательства, но и на дальнейшее развитие понятийно-категориального аппарата юридической науки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баршев В. Опасен по определению // Российская газета. — 2016. — 15 мая.
2. Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании. Монография. — М. : ИЗИСП при Правительстве РФ; Инфра-М, 2015.
3. Глоссарий юридических терминов по антикоррупционной тематике: словарь-справочник / сост. Н.А. Власенко, А.М. Цирин, Е.И. Спектор [и др.]. — М. : ИЗИСП при Правительстве РФ : Инфра-М, 2016.
4. Головин А. Г. Эволюция системы избирательного законодательства в Российской Федерации: тенденции и перспективы. — М. : Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008.
5. Деревнин А. А. Юридические термины в праве // Академический юридический журнал. — 2001. — № 4.
6. Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. д.ю.н., проф. Н.А. Власенко. — М. : Юриспруденция, 2010.
7. Законодательная техника / под ред. Ю.А. Тихомирова. — М., 2000.
8. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. — М. : Эксмо, 2007.
9. Кашанина Т. В. Структура права : монография. — М. : Проспект, 2012.
10. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. — М. : Юридическая литература, 1974.
11. Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права. — Том 2. — М. : Статут, 2011.
12. Правовой классификатор и правовой тезаурус в законотворчестве и юридической практике : материалы работы Экспертно-консультативного совета по проблемам систематизации и кодификации законодательства при Председателе Государственной Думы / сост. В.Б. Исаков и др. — М., Екатеринбург: Издательский отдел Управления делами Государственной Думы; Изд-во Гуманитарного университета, 1998.

⁴⁸ Головин А. Г. Эволюция системы избирательного законодательства в Российской Федерации: тенденции и перспективы. М. : Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008. С. 117.

⁴⁹ В качестве примеров можно назвать: Чиркин В. Е. Конституционная терминология: Монография. М. : Норма, Инфра-М, 2013; Глоссарий юридических терминов по антикоррупционной тематике: словарь-справочник / сост. Н.А. Власенко, А.М. Цирин, Е.И. Спектор [и др.]. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ : Инфра-М, 2016.

13. Проблемы правотворчества субъектов Российской Федерации / отв. ред. А.С. Пиголкин. — М., 1998.
14. Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России. — 2-е изд. — М. : Проспект, 2005.
15. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. — М., 1996.
16. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. — М. : Юристъ, 2004.
17. Чиркин В. Е. Конституционная терминология: Монография. — М. : Норма, Инфра-М, 2013.

Материал поступил в редакцию 07 июня 2016 г.

GLOSSARIES IN RUSSIAN LEGISLATION: TENDENCIES AND PERSPECTIVES

GOLOVINA Anna Aleksandrovna — PhD, Researcher at the Department of the Theory of Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (IZISP)
 aagolovina@mail.ru
 117218, Russia, Moscow, ul. Bolshaya Cheryomushkinskaya, 34.

Review. *This article deals with the history of foreign and Russian legislative practice of applying such a legal-technical method as a separate article-glossary. The author examines current trends in the field of using articles-glossaries and the quality of their compilation in the Russian legislation including: application of the system of concepts only "for the purposes of this Act"; increase in volumes of articles-glossaries; inflation of legal terminology; increasing complexity of the concepts defined in the glossary; a phenomenon of "doubling the concepts," introduction to articles-glossaries non-informative definitions; change of legal interpretation of definitions by means of using information technologies. On the basis of the analysis, the author anticipates three possible scenarios for the further development of the situation in the sphere of using articles-glossaries. The author proposes a scientific concept of improving articles-glossaries in Russian legislation.*

Keywords: *Glossary, inflation of law, legal terminology, legal concepts, basic concepts, development of Russian legislation.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Barshev V. Opasen po opredeleniju // Rossijskaja gazeta. 2016. 15 maja. № 6971.
2. Vlasenko N.A. Razumnost' i opredelennost' v pravovom regulirovanii. Monografija. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: INFRA-M, 2015.
3. Glossarij juridicheskikh terminov po antikorrupcionnoj tematike: slovar'-spravochnik / sost. N.A. Vlasenko, A.M. Cirin, E.I. Spektor [i dr.]. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii : INFRA-M, 2016.
4. Golovin A.G. Jevoljucija sistemy izbiratel'nogo zakonodatel'stva v Rossijskoj Federacii: tendencii i perspektivy. M.: Moskovskoe bjuro po pravam cheloveka, «Academia», 2008.
5. Derevnin A.A. Juridicheskie terminy v prave // Akademicheskij juridicheskij zhurnal. 2001. № 4.
6. Doktrinal'nye osnovy juridicheskoi tehniki / отв. ред. d.ju.n., prof. N.A. Vlasenko. M.: ID «Jurisprudencija», 2010.
7. Zakonodatel'naja tehnika / Pod red. Ju.A. Tihomirova. M., 2000.
8. Kashanina T.V. Juridicheskaja tehnika: uchebnik. M.: Jeksmo, 2007.
9. Kashanina T.V. Struktura prava. Monografija. M.: Prospekt, 2012.
10. Lazarev V.V. Probely v prave i puti ih ustraneniya. M.: Juridicheskaja literatura, 1974.
11. Lafitskij V.I. Sravnitel'noe pravovedenie v obrazah prava. Tom 2. M.: Statut, 2011.

12. Pravovoj klassifikator i pravovoj tezaurus v zakonotvorchestve i juridicheskoj praktike. Materialy raboty Jekspertno-konsul'tativnogo soveta po problemam sistematizacii i kodifikacii zakonodatel'stva pri Predsedatele Gosudarstvennoj Dumy / sost. V.B. Isakov i dr. M., Ekaterinburg: Izdatel'skij otdel Upravlenija delami Gosudarstvennoj Dumy; Izd-vo Gumanitarnogo universiteta, 1998.
13. Problemy pravotvorchestva sub#ektov Rossijskoj Federacii / Otv. red. A.S. Pigolkin. M., 1998.
14. Titov Ju.P. Hrestomatija po istorii gosudarstva i prava Rossii. 2-e izd. M.: Prospekt, 2005.
15. Tihomirov Ju.A. Kurs sravnitel'nogo pravovedenija. M., 1996.
16. Hrestomatija po vseobshhej istorii gosudarstva i prava / pod redakciej K.I. Batyra i E.V. Polikarpovoj. M.: Jurist#, 2004.
17. Chirkin V.E. Konstitucionnaja terminologija: Monografija. M.: Norma, Infra-M, 2013.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

В. Е. Чиркин*

О порядке принятия федерального закона в России (верна ли формулировка ч. 1 ст. 105 Конституции РФ?)

***Аннотация.** В статье рассматривается порядок принятия законов в России и в мире. После революционной ликвидации абсолютных монархий в демократических странах мира утвердились тезисы: законы государства принимаются не монархом, а парламентом, а парламент — единственный законодательный орган (о законах субъектов федераций и некоторых территориальных автономий тогда речь не шла). Эти положения закреплены во многих конституциях, обосновывается в научных исследованиях, присутствуют в учебниках. В XVIII—XIX вв., когда к конституции включались такие положения, существовали двухпалатные парламенты. Однопалатные появились позже. В России парламент двухпалатный, но формулировка такова, что положение о принятии закона как будто сведено к одной палате. Часть 1 ст. 105 Конституции РФ устанавливает, что федеральные законы принимает Государственная Дума. На наш взгляд, ни общее положение о парламенте, ни норма российской Конституции о Государственной Думе не отражают всей сложности процесса принятия закона в государстве в изменившихся условиях нашего времени. Текст, принятый парламентом как закон, на деле может не стать им, если его не подпишет глава государства, а тексту, принятому только Государственной Думой, может угрожать еще и вето другой палаты, которое может быть не преодолено. В отдельных зарубежных странах (например, в США), немало случаев, когда законы, принятые парламентом, так и не стали ими, а остались принятыми парламентом законопроектами, поскольку парламент не преодолел вето главы государства. Во Франции, Италии других странах были случаи, когда Сенат не подтверждал тексты законопроектов, принятые нижней палатой, и они не стали законами. В России Совет Федерации также отклонял тексты, принятые Государственной Думой, и они принимались только после согласительной комиссии. Поэтому не всегда сам парламент (и тем более одна палата — Государственная Дума в России) окончательно решает, станет ли его (ее) текст законом. Необходимо уточнить конституционные формулировки о реализации конституционного права принимать законы, и не только в российской Конституции, но и в конституциях других стран мира в современных условиях. В статье говорится лишь о законах государства (помимо них есть законы субъектов федераций и иногда — территориальных автономных образований) и о роли палат парламента и главы государства при принятии закона. Вопросы регламентарного и делегированного законодательства, а также издание законов чрезвычайными органами (военными, революционные советами и другими) в работе*

© Чиркин В. Е., 2017

* Чиркин Вениамин Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ

vechirkin@yandex.ru

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

не рассматриваются. Не говорится и о других органах, принимающих законы в некоторых странах (например, Великая джирга в Афганистане или Народный консультативный конгресс в Индонезии).

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, зарубежные конституции, принятие закона, Государственная Дума, Совет Федерации, Президент Российской Федерации.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.116-125

Терминология, относящаяся к процедуре принятия закона (в Конституции РФ она используется с некоторыми особенностями), имеет вековой опыт, и, казалось бы, вряд ли что-то может ее поколебать. Давно утвердилось общее положение, что в современных условиях законы государства в подавляющем большинстве стран принимает парламент (существуют также законы субъектов федераций и некоторых автономных образований, мы их не рассматриваем). Однако, на наш взгляд, в привычной терминологии есть свои неточности, порожденные и традицией парламентской эйфории прошлого, и недостаточным учетом порядка отношений высших органов государства, а они изменились в условиях нашего времени. Отношения «верхней» и «нижней» палат, их отношения с главой государства совсем не те, что были в монархических Великобритании, Франции или Германии, когда формировались соответствующие конституционно-правовые институты.

Речь идет не о фактических отношениях разных высших органов государства, отношениях в них представителей политических партий, степени их реального влияния на принятие того или иного конкретного закона. Они неодинаковы в разных странах. В статье рассматриваются не фактические отношения, а юридические нормы самих конституций и возможные процедуры их осуществления, предусмотренные конституциями.

При более тщательном юридическом анализе оказывается, что некоторые общепринятые формулировки конституций (не только в России) несовершенно и требуют уточнения. Это относится в определенной мере к положениям о принятии закона государства. Сказанное ниже относится главным образом к президентской республике, а также к новой

форме — президентско-парламентарной республике, появившейся после Второй мировой войны. Такой формой является и республика в России.

В парламентской республике (например, Италия), в дуалистической монархии (Марокко), и тем более в полуабсолютной монархии (Саудовская Аравия), где нет парламента, отношения высших органов государства являются несколько или совсем иными, но представленные ниже выводы и предлагаемые формулировки с соответствующими уточнениями иногда относятся и к другим формам правления.

Большинство современных конституций устанавливает, что «законы принимает парламент», что «парламент — единственный законодательный орган». Это общеизвестные важнейшие демократические положения, включение которых в конституции стало следствием свержения монархического абсолютизма. Конституция РФ устанавливает, что «федеральные законы принимаются Государственной Думой» (ч. 1 ст. 105). Такая формулировка — тоже результат преодоления тоталитаризма, хотя выбор названия для одной из палат парламента (слово «Дума» в названии), возможно, был не самым удачным (об этом подробнее говорится ниже).

Общие формулировки о роли парламента утвердились в конституциях и науке, они демократичны. Однако за такими тезисами, имеющими высокую степень обобщения, в тех же конституциях следуют нормы, которые так развивают и уточняют их, что изменяют некоторые стороны их содержания. В результате оказывается, что текст, принятый парламентом, еще не закон, а парламент — не единственный орган в процессе принятия закона. Есть ситуации (о них — ниже), в которых парламент в конечном счете не является органом, окончательно ре-

шающим быть или не быть закону... А если так, то можно ли сказать в общей формулировке, что законы принимает только парламент?

Текст принятый парламентом (Государственной Думой в России), уже как закон (так сказано в ст. 195 Конституции РФ), может не стать им и иногда действительно не становится законом. Так бывало и в России в 90-е годы, и бывает в других странах. Текст, принятый в одной палате, не станет законом, если не преодолет вето другой палаты при двухпалатном парламенте, он не будет законом без подписи главы государства (пусть возможность того и другого в некоторых странах невелика, но она есть). Броские формулировки, названные выше, хороши, но всей сложности принятия закона они не учитывают, а возможные варианты этого нужно учесть в общеутвердительном суждении конституций. Нужны также более точные формулировки, относящиеся к характеру текстов, принимаемых палатами в процессе законодательства. Только тогда характеристика принятия закона будет полной и точной.

Сделать это непросто. Такая попытка может быть воспринята как посягательство на демократические ценности парламентаризма, хотя речь идет лишь об уточнении формулировок. Тем не менее попытаться сделать это можно и, видимо, нужно. Правовые формулировки должны точнее отражать реалии.

Один из результатов буржуазно-демократических революций XVII—XVIII вв. в Европе состоял в том, что законы стали приниматься не монархом, а избранными представителями народа — парламентом. Это впервые было записано в Конституции США 1787 г., которая лишила британского монарха права законодательствовать в отношении объединившихся североамериканских штатов. Принятие закона парламентом изначально толковалось как осуществление законодательства народом через его избранных представителей. При этом, однако, нужно учесть, что понятие парламента в разных странах неодинаково. Во Франции, Италии, других республиканских странах Европы глава государства (президент) не входит в по-

нятие парламента, но в Великобритании парламент это тройственное учреждение: монарх и две палаты. В этом случае сложности в содержании конституционных формулировок о принятии закона могут усугубляться (так оно и есть в Великобритании, поскольку формулировка А. Дайси о суверенитете парламента, считающаяся важнейшим конституционным положением, не соответствует формулировке введения любого британского закона, который в присутствии парламентариев провозглашает от своего имени монарх), но при подобном подходе формулировки могут быть и упрощены.

Правда, очень долго формулировка о народе не отражала действительное положение вещей по разным причинам, в том числе потому, что избирательное право в нижнюю палату парламента было крайне ограниченным, существовал имущественный ценз, половина избирателей — женщины даже в передовых государствах получили избирательные права только после Первой мировой войны (например, в Великобритании и США), во Франции — после Второй мировой войны, а верхняя палата парламента во многих странах долго не избиралась (она и теперь не избирается в Великобритании, Германии). Тем не менее принцип «законы принимаются не монархом, а народом», вошел в конституции. Он толкуется так, что только народ в лице своих избранных представителей, а также путем референдума (но не во всех странах) вправе принимать законы государства.

Длительное время, в том числе и для придания значительности (особенно в Великобритании и некоторых других странах с влиянием англосаксонского права)¹, процедура в парламенте была очень формализованной и длительной. С течением времени это положение было в конституциях и регламентах палат частично подправлено, отражая действительные потребности и реалии нашего времени, замещая ускорением длительный законодательный процесс в парламенте. Сказанное не означает, что не нужно соблюдать форму процедур или в спешке принимать законы (что бывает). Но

¹ В таких странах нередко не было и иногда нет ограничений для продолжительности речей в верхней палате парламенте.

при сохранении прежних положительных традиций возникают новые формы законодательного и квазизаконодательного процесса, многократно ускоряющие его.

Мы иногда проходим мимо таких новых явлений в законодательстве, которые нам не очень нравятся, но хорошо это или плохо, однако даже в демократических странах необходимые правовые акты, имеющие силу закона (иногда это «декрет-законы»), могут приниматься вне времени сессий парламента (а в иных странах и во время сессий) не парламентом (или не всем парламентом), а иначе. Парламент перегружен. Поэтому в некоторых странах создаются «мини-парламенты» или «мини-палаты» (секции, решающие комиссии, делегатуры) на основе пропорционально уменьшенного (в пять-десять раз) представительства партий в палатах (в зарубежных странах верхняя палата тоже имеет партийный состав). Такие органы принимают менее существенные законы, которые по протесту десятой части их членов могут быть пересмотрены «большим парламентом» (палатой).

Почти во всех странах (кроме государств мусульманского фундаментализма и некоторых других) существуют так называемые регламентарное и делегированное законодательство². Сам процесс принятия таких актов протекает без участия парламента. Делегированное законодательство есть и в России, оно признано Конституционным Судом РФ в нескольких его решениях. Регламентарное законодательство существует фактически, ибо не всегда просто четко разграничить нормативные сферы закона и исполнительной власти, особенно, если глава государства относится не к исполнительной власти, а занимает особое положение (например, в президентско-парламентарной республике).

Однако и при таком законодательстве (регламентарном, делегированном) парламент

имеет или должен иметь решающую роль, ибо он устанавливает срок делегирования законодательных полномочий, а акты регламентарной власти и делегированного законодательства утверждаются (должны утверждаться) парламентом, иначе теряют силу. Поэтому, на наш взгляд, ничего страшного в делегированном и регламентарном законодательстве нет, если оно обусловлено объективной необходимостью и протекает под регулярным контролем демократического парламента. Такой порядок применяется в демократических странах и при правильном использовании конституционных полномочий угрозы парламентаризму не несет.

С давних времен идет и другое принципиальное положение демократических конституций, относящееся к законодательству: «парламент — единственный законодательный орган государства» (в субъектах федерации, а иногда и в территориальных автономиях существуют свои местные законодательные органы по вопросам предметов ведения и полномочий этих публично-правовых образований). Некоторые конституции, принятые сравнительно недавно, тоже содержат это положение. Например, ч. 3 ст. 56 Конституции Румынии 1991 г устанавливает, что парламент — «единственная законодательная власть страны».

Однако даже в унитарных государствах это положение не совсем точно. Законы могут приниматься также референдумом (что много раз было в Италии, Франции, в федеративной Швейцарии). В 2016 году на референдуме в Италии был отклонен закон об изменении конституции, которое отстаивало правительство.

Еще одно положение — «законы принимаются нижней палатой парламента» — появилось в конституциях сравнительно недавно в связи с падением роли верхней палаты в двухпалатном парламенте в большинстве стран³. В какой-то мере это имело место и ра-

² В соответствии с конституциями такое право имеет президент республики, но он должен принять такой акт в присутствии Совета министров (правительства), что предполагает согласие правительства с актом.

³ Но, например, в Италии или США закон не может быть принят одной палатой, палата не может применить право вето в отношении текста, принятого иной палатой, а другая палата — преодолеть его. В таких странах закон должен быть принят обеими палатами (или закона не будет).

нее. Нижняя палата давно получила право преодолеть вето верхней палаты. Однако ранее в конституциях не говорилось, что закон принимается одной палатой. Это новое положение в какой-то мере отражало процессы демократизации, ибо верхняя палата нередко формировалась недемократическими способами и была более правой. Рассматриваемое положение вряд ли можно считать достижением науки конституционного права. В настоящее время некоторые конституции устанавливают, что законы принимаются нижней палатой, а верхняя лишь одобряет (не одобряет) их (например, ч. 1, 2, 2а и 3 ст. 77 Основного Закона ФРГ 1949 г.)⁴. Мы некритически восприняли это положение, хотя немцы в последующем исправили текст, несколько усилив роль верхней палаты.

Как говорилось, ч. 1 ст. 105 Конституции РФ устанавливает, что федеральные законы принимаются Государственной Думой. Далее Конституция гласит: «Принятые Государственной Думой федеральные законы передаются на рассмотрение Совета Федерации» (ч. 3 ст. 105 Конституции РФ). Некоторые из них (это зависит от содержания закона, его важности) могут не рассматриваться Советом Федерации (как и немецким Бундесратом). Если Совет Федерации принял решение не рассматривать текст, поступивший из Думы (она всегда первой рассматривает законопроект), верхняя палата как бы исключается из дальнейшего законодательного процесса (процесса принятия закона), и уже не парламент принимает законы, а одна из его палат. Об этом Конституция РФ говорит прямо в ч.1 ст.105. В других конституциях это иногда подразумевается.

На деле, в России практика пошла по пути участия Совета Федерации в принятии всех законопроектов, он одобряет или не одобряет их, и это, на наш взгляд, верно, а соответствующие нормы ч.4 ст.105 и ст.106 Конституции РФ нуждаются в уточнениях.

Кроме того, даже когда конституция устанавливает, что законы принимаются всем парламентом и что двухпалатный парламент (т.е. обе палаты) — единственный законодатель-

ный орган, закон в соответствии с текстом той же конституции (например, ст.24 и 45 Конституции Франции 1958 г.) может быть принят одной (нижней) палатой, которая преодолевает несогласие (право вето) верхней. Поэтому общие формулировки зарубежных конституций тоже отражают неточности терминологии. Получается, например, что закон может быть принят не всем французским парламентом (хотя это утверждается в конституции), а его одной палатой. Неточно в данном контексте и слово «принятие».

В России, как и в Германии в отношении Бундесрата, Конституция РФ не говорит, что Совет Федерации принимает закон (в отличие от Думы). Он только одобряет (не одобряет) «принятые Государственно Думой федеральные законы» (ст. 106). Заметим, что речь везде идет об уже принятых Думой законах. А если Совет Федерации не одобрит принятый Думой текст (применит свое вето)? Тогда «принятого закона» на деле нет. Дума может не согласиться с вето Совета Федерации и преодолеет его 2/3 голосов. А если вето Совета Федерации не будет преодолено Думой (не найдется 2/3 голосов депутатов Думы для преодоления вето Совета Федерации)? Тогда закона тоже нет и, возможно, не будет. А ведь мы уже сказали, что согласно ч.1 ст.105. ч.3 ст.105, ст.106 Конституции РФ он уже принят. Получается юридическое и фактическое несоответствие.

На практике верхняя палата иногда отвергает текст, принятый нижней палатой. Во Франции и многих других странах были факты, когда Сенат не подтверждал тексты законопроектов, принятые нижней палатой, и они не стали законами. В России Совет Федерации также отклонял тексты, принятые Государственной Думой, и они принимались обеими палатами только после созыва согласительной комиссии (в одном случае в 2000 г. Дума отказалась от согласительной комиссии с Советом Федерации и преодолела его вето на принятый Думой текст о праве Президента РФ освободить от должности губернаторов и иных глав субъектов РФ более, чем двумя третями голосов). В

⁴ Бундесрат (верхняя палата) в теории конституционного права ФРГ иногда не считается особой палатой парламента.

этом случае законопроект (ст. 195 Конституции РФ говорит «принятый закон») идет на подпись Президенту РФ только от имени Думы (а не обеих палат).

Таким образом, первоначальный текст, принятый Думой, независимо от того, было или нет вето Совета Федерации, рассматривался он там детально или нет, после такого вето шел согласительную комиссию или преодолевал вето Совета Федерации 2/3 голосов, всегда направлялся сначала в Совет Федерации, чтобы стать законом. Он стал ближе к закону после согласительной комиссии или преодоления вето, но и тогда еще не стал им. На самом деле, текст принятый Думой, это вообще не закон. Ему до закона предстоит еще два пути — однажды (без вето) или дважды (после согласительной комиссии) в Совет Федерации и затем к Президенту РФ. Общая формулировка ч. 1 ст. 105 Конституции РФ не учитывает этого. Она не точна.

Допустим, что Дума преодолела вето Совета Федерации и приняла текст. Является ли такой текст уже «принятым законом»?

Если закон, как утверждает ч. 1 ст. 105 Конституции РФ, уже принят Думой, независимо от того, получил, не получил и получит ли реальное или подразумеваемое одобрение другой палаты (поскольку по Конституции РФ Совет Федерации вправе рассматривать не все тексты, поступившие из Думы) или вето Совета Федерации преодолено Государственной Думой (такое крайне редко, но бывало), текст направляется главе государства для подписания. Часть 1 ст. 107 Конституции РФ гласит: «Принятый федеральный закон (только Государственной Думой или обеими палатами, — В.Ч.) в течение пяти дней направляется Президенту Российской Федерации для подписания и обнародования».

Таким образом, с одной стороны, мы констатируем в Конституции РФ, что закон уже есть, принят («принятый закон»), и глава государства из дальнейшего создания закона как бы исключается остается только подпись и обнародование. Часть 2 ст. 107 Конституции РФ в общей форме устанавливает, что Президент РФ подписывает любой федеральный закон (уже закон в российской терминологии), в том числе в определенном случае (при преодолении президентского вето парламентом) и тот текст, с которым он лично не согласен. Таковы законодательство и практика подавляющего большинства стран (кроме некоторых монархий); главы государства подписывают закон при преодолении их вето⁵.

Но президент, в том числе в России, имеет право вето. Он может не подписать текст, первоначально представленный ему парламентом. В США это бывает часто. В 1789—2010 гг. из 1 405 официальных (не «карманных»⁶) вето президента США преодолено всего 110 — менее 1/12 от общего количества⁵. Указанное происходит в связи с тем, что не набирается 2/3 голосов в каждой палате конгресса, необходимых для преодоления президентского вето. Таким образом, многие тексты, принятые обеими палатами парламента как законы, не стали ими.

В России также возможна ситуация, когда Президент РФ может использовать вето (что предусмотрено Конституцией РФ). Президентское вето преодолевается 2/3 голосов отдельно в Государственной Думе и Совете Федерации. А если такого большинства не соберут? А ведь мы уже заранее сказали согласно ст. 105 Конституцией РФ, закон считается принятым Думой.

В период 1993—1999 гг. президент Б.Н. Ельцин использовал право вето в отношении почти 30 % всех текстов, принятых парламен-

⁵ В некоторых странах, в частности в государствах Латинской Америки, закон наряду с президентом иногда подписывают и некоторые другие высшие должностные лица.

⁶ «Карманное вето» — прием, когда до окончания сессии Конгресса остается менее 10 дней, а у Президента США по Конституции США имеется 10 дней для подписания закона. Он тянет время, не отклоняя и не подписывая закон в течение 10 дней (как бы кладет его в карман), лишая Конгресс возможности применить преодоление вето президента. «Карманных вето» в истории США (1789—2010 гг.) было немало — 1 067 (см.: Gicquel J., Gicquel J.-E. Droit constitutionnel et institutions politiques. 25-e ed. P., 2011. P. 300).

том (273 раза)⁷. Многие из этих текстов не стали законами. В то время имели место и факты преодоления президентского вето парламентом. Президент РФ В.В. Путин использовал право вето редко (с 2012 по 2016 г. не применял), но в 2016 г. отклонил два текста, принятых парламентом (поправки в предыдущие законы). Если парламент не преодолеет вето президента (а его можно преодолеть также путем создания согласительной комиссии парламента и президента, после чего парламент примет согласованный текст и его подпишет президент), то закона (законов) не будет⁸. Общая формулировка о том, кто принимает законы, должна учитывать и такой вариант. Однако ст.105 Конституции РФ его не учитывает.

В России есть также своя специфическая проблема. В некоторых странах при опубликовании закона ставится дата принятия закона парламентом или дата подписи его от имени парламента. В России дата закона и его номер ставятся тогда, когда закон подпишет Президент РФ. Это и есть точная дата принятия закона (а не законопроекта). До этого закона (без номера и даты) по существу нет. Поэтому и с данной точки зрения вряд ли можно сказать, что законы в России принимаются Государственной Думой, хотя в начале каждого закона и говорится, что он принят Думой и уже одобрен Советом Федерации. Таким образом, и в оформлении конкретных законов в России есть определенные несоответствия.

На пути окончательного принятия закона может быть еще референдум. В России такой практики нет, но, например, в Италии на референдуме отклонено много текстов (законов) принятых парламентом (например, в 2016 г. в Италии на референдуме отклонен закон о реформе конституции).

Для преодоления многочисленных названных выше несогласованностей конституционных формулировок о принятии закона можно

изобретать новые, очень длинные формулировки с указанием всех вариантов (в таком перечне что-то, возможно, будет упущено). Вряд ли это продуктивный путь. На наш взгляд, решить названные проблемы можно более простым и легким способом, введя в конституции современное понятие структуры парламента, которое по существу сложилось на практике в условиях президентской, президентско-парламентарной и парламентарно-президентской республик (а это подавляющая часть всех республик мира, «собственно парламентарных» республик совсем немного). На наш взгляд, проблему просто решить закреплением иного определения парламента, которое соответствует практике.

Определение парламента в некоторых конституциях исключительно как законодательного органа слишком узко. Парламент — не только законодательный орган — он обладает также другими важными полномочиями. В современных условиях может встать вопрос о комплексном верховном руководстве государством со стороны парламента, главы государства и правительства, как это и имеет место во многих странах. Такая формулировка больше соответствует принципам демократии в управлении государством и дает возможность более точно определить место каждого из этих трех органов в единой системе.

Современное определение парламента должно отражать новые факторы в условиях названных форм правления. При двухпалатной системе парламента оно может звучать примерно так: «законы принимает парламент, состоящий из его палат (названия палат конкретно в данном государстве) и главы государства (президента)». В монархических странах при безвластном или властвующем монархе соответствующие государства подбирают формулировку сами, она использована уже

⁷ URL: http://elementary_law.academic.ru/28/%D0%92%D0%B5%D1%82%D0%BE_%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8

⁸ Фактов преодоления президентского вето В.В. Путина путем повторного голосования в парламенте с получением 2/3 голосов не было.

в науке (не в конституционных документах) Великобритании.

Такой подход к структуре парламента не нов. Он зародился еще в англосаксонском праве, когда в течение веков парламент неуклонно и настойчиво ограничивал роль монарха и в итоге лишил его всякого влияния на государственные дела. Такая ситуация не годится для современных президентско-парламентарных и парламентарно-президентских республик, где роль президента значительна (иногда более значительна, чем роль отдельно взятой палаты парламента), но британская формулировка может быть учтена в формах, соответствующих управлению в современном республиканском государстве. Она будет иметь совсем иное содержание.

Названная комбинированная структура (а она фактически есть при некоторых формах правления) будет представлять не безвластного короля с лордами и премьер-министром, который с министрами в своем кабинете по существу решает вопросы законодательства (он — лидер партии, которая имеет большинство в Палате общин или его, как правило, поддерживает большинство в палате). Трехединое понятие парламента приобретет новое содержание, соответствующее условиям современных форм правления.

Как упоминалось, при определенных формах правления (парламентарной республике, парламентарной монархии) реальная роль главы государства при принятии закона невелика, но при всех формах правления он обязательно подписывает закон. Для права подпись — это существенный элемент. Это тоже учитывает предлагаемая формулировка. В тех странах, где создатели конституций предпочитают в формулировке отразить несущественную реальную роль главы государства при принятии закона, в тексте конституции возможно указание: «глава государства подписывает закон при контрастигнатуре (подписи на тексте) председателя или иных уполномоченных представителей правительства». Такая практика тоже существует.

Выше говорилось, что формулировка «принятый Государственной Думой закон» не точна. Но такой официальный и очень важный текст, проходящий дальнейшие стадии, существует. Как его обозначить? Возможны разные варианты. Наиболее удачной представляется формулировка: «законопроект, принятый Государственной Думой». На наш взгляд, подобная формулировка⁹ должна сопровождать иные стадии вплоть до подписи главы государства. При такой подписи принятые законопроекты становятся законами. На наш взгляд, такие формулировки совсем не умаляют роль парламента

Его роль сказывается не в формулировках, а в его реальной деятельности и значении в государстве, в квалификации его состава и в действительном умении в ходе деловых дискуссий, а не импозантных речей или искусственных инициатив, решать принципиальные вопросы развития страны.

И последнее. О названии той палаты, которая по ст. 105 Конституции РФ принимает законы — Государственной Думы. В пылу справедливой народной борьбы против авторитаризма мы иногда игнорировали некоторые важнейшие положительные стороны советского, к сожалению, авторитарного, строя. Указывались экономические данные царской империи в 1913 г., забывая, что $\frac{3}{4}$ населения было неграмотно, не было ни всеобщего государственного образования, ни здравоохранения, ни пенсий. Мы испугались слова «совет» (хотя так называются сейчас органы местного самоуправления в Великобритании, Франции, других странах). Для названия одной из палат парламента мы использовали словосочетание «Государственная Дума».

В царской России были избраны четыре состава Государственной Думы. Это был шаг к конституционной монархии. Две первые Думы просуществовали только месяцы и были распущены царем по требованию правительства, две другие действовали годы. Они принимали законопроекты, утверждаемые (не утверждаемые) царем. Наиболее результативной была

⁹ Учитывая современные реалии, формулировка «законопроект, принятый Государственной Думой и Советом Федерации» также может существовать, причем Думу целесообразно указать на первом месте.

III Дума, принявшая 2197 законопроекта, несколько усовершенствованных законодательство, но принципиальных вопросов, стоящих перед страной, она не решала. Над ней, кроме царя, стоял еще Государственный совет.

Название — Дума не было случайным. Государственная Дума была призвана обдумывать проекты законов и принимать их как проекты. Основные законы 1906 г, положившие начало Думе (вместе с царским Манифестом 1905 г.) устанавливали, что «императору ... принадлежит верховная самодержавная власть», пови-

новаться его власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает (ст.4). Статья 9 гласила, что император «утверждает законы и без его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения». Таким образом, словосочетание «Государственная Дума» является не лучшим наследием прошлого.

В статье поставлены некоторые дискуссионные вопросы. Правильный ответ на них может быть достигнут только коллективными усилиями.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Gicquel J., Gicquel J.-E. Droit constitutionnel et institutions politiques. — 25-e ed. — P., 2011.

Материал поступил в редакцию 28 декабря 2016 г.

THE PROCEDURE OF ENACTING A FEDERAL LAW IN RUSSIA (IS THE WORDING OF PARAGRAPH 1 ARTICLE 105 OF THE RF CONSTITUTION CORRECT?)

CHIRKIN Veniamin Evgenevich — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Institute of the State and Law of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Honored Science Worker of the RF, Honored Lawyer of the Russian Federation

119019, Russia, Moscow, ul. Znamianka, d.10
vechirkin@yandex.ru

Review. *The article describes the procedure of enacting laws in Russia and in the world. After revolutionary liquidation of absolute monarchies in democratic countries of the world the following theses have established: laws of the state are passed by the Parliament, not by a monarch, and the Parliament is the only legislative body (laws of constituent entities of the Federation and some territorial autonomies then were not discussed). These provisions are enshrined in many national constitutions, are justified in scientific inquiries, and are given in textbooks. In XVIII-XIX centuries, when Constitutions included such provisions, there existed bicameral parliaments. Unicameral parliaments appeared later. In Russia Parliament is bicameral, but the wording is such that the provision regulating enactment of a law is applied only to one chamber. Part 1 Article 105 of the Constitution provides that federal laws are passed by the State Duma. In our view, neither general position with regard to Parliament nor the rule of the Russian Constitution concerning the State Duma reflected the complexity of the process of passing laws in the State in changed circumstances of our time. The text adopted by Parliament as a law, in fact, may not become a law if it is not signed by the head of the State, and the text adopted by the State Duma may remain under the threat of being vetoed, which can be not overridden. In some foreign countries (for example, in the United States), there are many cases when laws passed by Parliament had not, in fact, become laws, but remained as draft laws adopted by the Parliament because the Parliament failed to overcome the veto of the President. In France, Italy and other countries there were cases when the Senate did not confirm the texts of draft laws adopted by the lower House, and they did not become laws. In Russia the Federation Council also rejected texts adopted by the State Duma, and they were adopted only after being approved by the Conciliation Commission. Therefore, not always Parliament itself (and one Chamber — the State Duma in Russia — decides it even more rarely) finally decides whether its text will become a law. There is a need to clarify constitutional wordings with regard to exercise of the constitutional right to pass laws, and not only in the Russian Constitution,*

but also in the constitutions of other countries of the world under contemporary conditions. The article deals exclusively with the laws of the State (in addition to them there are laws of constituent entities of the Federation and, sometimes, territorial autonomous entities) and with the role of Houses of Parliament and the Head of the State in passing laws. Regulatory issues and problems of delegated legislation, as well as promulgation of laws by emergency authorities (military, revolutionary councils, etc.) are not considered within the framework of this article. Also, the author does not dwell on law-making bodies in some other countries (for example, the Grand Jirga in Afghanistan or the People's Consultative Assembly in Indonesia).

Keywords: *Constitution of the Russian Federation, foreign Constitutions, adoption of the law, State Duma, Federation Council, President of the Russian Federation.*

А. В. Кротов*

Проблемы конституционализации права на частную жизнь в России в условиях глобализации

Аннотация. В предлагаемой статье рассматривается влияние процессов глобализации на содержание права на частную жизнь. Автором отмечается, что конституционализацию права на частную жизнь возможно производить путем корректировки содержания конституционного права на частную жизнь, модифицируя конституционное негативное право в сложносоставное право, включающее в себя как позитивные так и негативные права. Особую роль занимает в данном случае конституционное правосудие, которое позволит произвести такую корректировку без изменения текста самой конституции.

Ключевые слова: глобализация, право на частную жизнь, конституционное правосудие, негативные и позитивные права.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.126-131

Российская Федерация является полноценным участником глобализационного процесса, как указал Президент РФ В. В. Путин: «за текущими проблемами нельзя упускать основные тенденции глобального развития. Стремительно меняются контуры мировой экономики, формируются новые торговые блоки, происходят радикальные изменения в сфере технологий. И в то же время Россия — это часть глобального мира, который стремительно меняется»¹.

Глобализация, тем более в области права, подразумевает под собой проведение политико-правовой модернизации, однако такая модернизация, во многом испытывающая влияние чуждых российскому обществу идей и принципов, не должна приводить к отторжению национальных конституционных ценностей.

Отмечая несомненно ценностные стороны глобализации, нельзя обратить внимание на все усиливающиеся попытки ряда государств, занимающих доминирующие экономико-политические позиции в мировом сообществе, осуществить подмену фундаментальных глобализационных принципов, общепризнанных международным сообществом прав и свобод, фактически принудительной вестернизацией, насаждением чуждых российскому обществу догм, что со временем может привести к искоренению культурной самобытности, гибели государства.

Ориентиры российского общества во многом не аутентичны задачам и целям западных государств, хотя и не являются абсолютными антагонистами.

Как справедливо пишет Н. М. Добрынин, в отклике на монографию Председателя Консти-

¹ Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию, 3 декабря 2015 года // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/50864> (дата обращения: 27 июля 2016 г.).

© Кротов А. В., 2017

* Кротов Андрей Владиславович — кандидат юридических наук докторант Южного федерального университета РФ

pravonnov@yandex.ru

344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

туционного Суда РФ В. Д. Зорькина, «сегодня у России, в рамках избранной ею более двух десятилетий назад траектории правового развития может быть лишь один верный и исторически оправданный путь: это путь постепенной, планомерной и методичной политико-правовой модернизации, путь, исключая любые ревизионистские настроения, и в то же время учитывающий потребности общества в обеспечении в конкретно-исторических условиях баланса конституционных ценностей»².

В современных условиях функционирования государства, гражданского общества, одной из важнейших задач является сохранение государственного суверенитета, отторжения насильственно насаждаемых российскому обществу целей и принципов, ведущих к деструктивному влиянию на государственные институты, при этом такая деятельность не может быть абстрагирована от влияния глобализационных факторов.

Базисом проводимой правовой модернизации, несомненно является Конституция РФ, обладающая рядом уникальных характеристик, позволяющих найти баланс комбинации власти и свободы.

Построение в России правового, социального государства, обеспечивающего соблюдение общепризнанных в мировом сообществе прав и свобод граждан, возможно только при условии развития законодательства в строгом соответствии с положениями конституции, что приводит нас к необходимости изучения феномена конституционализации.

Необходимо отметить, что конституционализация несомненно связана с генезисом глобализационных процессов, основой которых

являются общепризнанные, отраженные в том числе и в Конституции России, права и свободы человека и гражданина.

Исследованию конституцилизации посвящены работы различных авторов.

Например, М. С. Матейкович в качестве конституционализации понимает усиление роли Конституции в качестве базы развития отдельных отраслей права, всестороннее укрепление взаимосвязей конституционных и отраслевых норм, контроль действующего правового регулирования через механизмы конституционного правосудия³, И. А. Кравец и В. А. Кочетков предлагают под конституционализацией понимать закрепление правовой нормы в качестве конституционной, по сути осуществление юридизации общественных отношений⁴⁵.

Достаточно интересны труды В. И. Крусса, посвященные проблемам конституционализации. Под конституциализацией автором понимается «перманентный процесс качественно надлежащего объективирования и оформления национальной правовой материи во всех конституционно признанных и допустимых для нее первичных (спекулятивно-умозрительных) и вторичных (материально-письменных) формах. Конституционализация на уровне позитивного конституционного (в широком смысле) права и его вторичной (законодательной) формы обеспечивается аутентичным правотворчеством органа конституционной юстиции, а на уровне юридической практики — конституционным правосудием в широком смысле, т.е. правоприменительной деятельностью судов и судей как публично-властным разрешением конкретных дел на основе конституционного правопонимания и в рамках конституционной дискреции»⁶.

² Добрынин Н. М. К вопросу о политико-правовой модернизации в государстве: правовая онтология и размышления автора по прочтении монографии проф. В.Д. Зорькина *Цивилизация права и развитие России* // Государство и право. 2015. № 8. С. 27

³ Матейкович М. С. «Конституционализация» уголовного процесса // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 2. С. 29.

⁴ Кравец И. А. *Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики)* : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 8.

⁵ Кочетков А. В. Конституционализация государственной молодежной политики в России // Закон и право. 2009. № 9. С. 11.

⁶ Кресс В. И. Конституционализация правосудия и конституционно-правовые пределы непосредственной демократии в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 12.

По мнению В. И. Крусса, феномен конституализации связан с прямым действием Конституции РФ и особыми свойствами правовых норм, или положений в широком смысле, как действующих совместно с нормами отраслевого законодательства и оказывающими на них свое влияние⁷.

Весомый вклад в разработку проблематики конституционализации внес Н. С. Бондарь. Конституционализация рассматривается им в качестве одного из инструментов модернизации российской государственности, которая предполагает последовательное решение задач по совершенствованию, обновлению и повышению эффективности всех основных институтов (государства) на основе системной реализации конституционных ценностей, норм и принципов организации и функционирования всех ветвей государственной власти, соответственно модернизация российской государственности является проблемой конституционной, имея в виду, что решение связанных с этим задач должно происходить на основе последовательного и неуклонного развертывания в правовой системе и общественной практике ценностно-нормативного потенциала Конституции РФ⁸.

Подчеркивая значимость конституционного правосудия в процессе конституционализации, Н. С. Бондарь совершенно верно указывает, что решения Конституционного Суда РФ представляют своего рода конституционно-праксиологическую основу общественного развития. При этом происходит и обратное влияние профильного (в частности, социально-экономического) развития общества на конституционную систему государственности и ее отдельные институты, на всю систему демократической организации политической власти⁹.

Делая попытку исследования конституционализации права на частную жизнь, несомненно требуется обратить внимание на специфику данного права, соединяющего в себе частные и публичные правовые начала, во многом подверженного влиянию международных норм, решений наднациональных и национальных судебных органов, активного воздействия на частную жизнь социальных норм, что позволяет сделать вывод о рассмотрении конституционализации в ее широком смысле¹⁰.

В последнее время в правовом регулировании частной жизни произошли значительные изменения, связанные как с эволюционированием технического прогресса, так и переосмыслением роли человека в обществе, темпоральным превалированием ценностей индивидуума над интересами общества, государства.

Право быть забытым (в сети Интернет), право на создание семьи и общение с членами семьи, право стать родителем, а также ряд иных прав в настоящее время — часть сложносоставного права на частную жизнь.

Состав вышеперечисленных прав коррелирует с целью частной жизни — индивидуализации субъекта, в том числе коллективного (членов семьи).

Исходя из декларируемых целей частной жизни, частная жизнь — это деятельность человека или группы лиц, составляющих семью (субъекта права на частную жизнь), зависящая от созданной ими системы ценностей, ограниченная действующими в обществе нормами морали и права, экономическими факторами, направленная на создание психической и физической индивидуализации.

Правильность предложенного определения частной жизни подтверждается в том числе толкованием права на частную жизнь содержащегося в Постановлении Европейского суда

⁷ Крусс В. И. Понятие, актуальность и формы конституционализации права // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2012. Выпуск 31. С. 104.

⁸ Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционализация прокурорского надзора в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 14.

⁹ Бондарь Н. С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ). М. : Викор-Медиа, 2006. С. 147.

¹⁰ Капицын В. М. Символьный контекст конституционализации национальных интересов // Ars Administrandi. 2011. № 3. С. 8.

по правам человека от 13.01.2015, где указано следующее «Правоприменительная практика Европейского Суда постоянно расширяла пределы личной жизни по смыслу статьи 8 Конвенции. Исходя из недавних постановлений можно предположить, что защита личной жизни должна отождествляться с общей свободой принятия решений в персональных или личных вопросах. Следовательно, понятие «личной жизни» постепенно трансформируется в общую свободу действий»¹¹, современными научными разработками в области правового регулирования частной жизни.

Корректирование содержания права на частную жизнь произошло не сиюминутно, это результат как стремительного развития технологий (сеть интернет, мобильная связь и пр.), так и эволюционирование системы прав и свобод человека, доминирование прав индивидуума над интересами государства, общества.

Предлагаемое определение права на частную жизнь, требует определенной модификации положений ст. 23 Конституции РФ, которая под правом на частную жизнь закрепляет явно выраженное негативное право.

В данном случае мы наблюдаем обратное влияние развития общественных отношений, отраслевого законодательства, норм международного права, на содержание конституционных норм, определенную корректировку конституционной системы.

Темпорально происходит изменение содержания статьи 23 Конституции РФ, негативное конституционное право на частную жизнь претерпевает существенные изменения, преобразовываясь в сложносоставное право, гарантирующее личности целый спектр позитивных и негативных прав в области частной жизни.

Конечно такое влияние не однопланово.

Уделим внимание конституционному правосудию, проанализировав ряд судебных ак-

тов Конституционного Суда РФ, относящихся к регулированию права на частную жизнь.

В соответствии с Определением Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-0 «Право на неприкосновенность частной жизни (ст. 23, ч. 1, Конституции Российской Федерации) означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. В понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит не противоправный характер»¹².

Рассматривая указанное Определение необходимо отметить, что неприкосновенность безусловно является одним из атрибутов частной жизни, как впрочем и личности, однако такой признак отнюдь не доминирует в праве на частную жизнь.

Нельзя возводить обособление в абсолюте, частная жизнь субъекта в таком случае будет ассоциироваться с определенной последовательностью действий по изоляции человека от общества, созданию алькова служащего отстранению индивидуума от окружающей его действительности.

В области частной жизни не менее важно, по сравнению с обеспечением неприкосновенности, создавать условия, в том числе и со стороны государства, которые позволят человеку построить свой собственный мир, семью, в конечном итоге, индивидуализироваться.

Представляются также спорными содержащиеся в Определении Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-0 выводы о том, что синергетика права на неприкосновенность частной жизни выражается в возможности осуществления контроля за определенными ви-

¹¹ Постановление ЕСПЧ от 13.01.2015 (жалоба № 61243/08) по делу «Элберте (ELBERTE) против Латвийской Республики» // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 3 (15).

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 № 248-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54736/ (дата обращения: 27 июля 2016 г.).

дами информации, что позволяет фактически ассоциировать право на неприкосновенность частной жизни и информационные права (статья 29 Конституции РФ).

К сожалению, Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 33-П также не внесло изменений в толкование положений статьи 23 Конституции РФ, данное ранее Конституционным Судом России¹³.

Как видно содержания норм различных отраслей как российского, так и международного права, в том числе положений гражданского, информационного, интернет права, информация отражает характеристики частной жизни личности (как и собственно, отражает свойства любого объекта), однако не является ее сущностью.

Мы являемся свидетелями процесса, когда фактически сформировавшаяся и в принципе

работоспособная и апробированная в обществе структура сложносоставного конституционного права на частную жизнь, подвергается корректировки в рамках конституционного правосудия, однако такую корректировку нельзя признать правильной.

Отождествление права на частную жизнь с правом на информацию, влечет за собой практически исключение частной жизни из сферы правового регулирования, нарушение прав граждан в области частной жизни.

Представляется необходимым посредством конституционного правосудия, право на частную жизнь трактовать в качестве права, целью которого является индивидуализация субъектов, произвести трансформацию негативного конституционного права на частную жизнь в сложносоставное право, включающего в себя как позитивные так и негативные права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционализация прокурорского надзора в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Конституционное и муниципальное право. — 2015. — № 5. — С. 9—23.
2. Бондарь Н. С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ). — М. : Викор-Медиа, 2006. — 223 с.
3. Добрынин Н. М. К вопросу о политико-правовой модернизации в государстве: правовая онтология и размышления автора по прочтении монографии проф. В.Д. Зорькина Цивилизация права и развитие России // Государство и право. — 2015. — № 8. — С. 23—31.
4. Капицын В. М. Символьный контекст конституционализации национальных интересов // Ars Administrandi. — 2011. — № 3. — С. 5—19.
5. Кочетков А. В. Конституционализация государственной молодежной политики в России // Закон и право. — 2009. — № 9. — С. 10—13.
6. Кравец И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2002. — 52 с.
7. Крусс В. И. Конституционализация правосудия и конституционно-правовые пределы непосредственной демократии в Российской Федерации // Российский юридический журнал. — 2013. — № 3. — С. 10—18.
8. Крусс В. И. Понятие, актуальность и формы конституционализации права // Вестник ТвГУ. Серия «Право». — 2012. — Выпуск 31. — С. 104—119.
9. Матейкович М. С. «Конституционализация» уголовного процесса // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 2. С. 25—29.

Материал поступил в редакцию 27 июля 2016 г.

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других» // URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/678374/#ixzz3v425POa1> (дата обращения: 27 июля 2016 г.).

THE PROBLEM OF CONSTITUTIONALIZATION OF THE RIGHT TO PRIVACY IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

KROTOV Andrey Vladimirovich — PhD in Law, Doctoral Candidate at Southern Federal University
pravonov@yandex.ru
344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42.

Review. *The proposed article discusses the impact of globalization processes on the content of the right to privacy. The author notes that constitutionalization of the right to privacy is possible by adjusting the content of the constitutional right to privacy, modifying the constitutional negative right into a multicomponent right, which includes both positive and negative rights. Constitutional justice takes a special place in this case, which would allow such adjustments without changing the wording of the Constitution itself.*

Keywords: *globalization, the right to privacy, constitutional justice, the negative and positive rights.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bondar' N.S., Dzhagarjan A.A. Konstitucionalizacija prokurorskogo nadzora v Rossijskoj Federacii: problemy teorii i praktiki // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2015. № 5. S. 9—23.
2. Bondar' N. S. Konstitucionalizacija social'no-jekonomicheskogo razvitija rossijskoj gosudarstvennosti (v kontekste reshenij Konstitucionnogo Suda RF) / Bondar' N.S. — M.: Vikor-Media, 2006. — 223 c.
3. Dobrynin N. M. K voprosu o politiko-pravovoj modernizacii v gosudarstve: pravovaja ontologija i razmyshlenija avtora po prochtenii monografii prof. V.D. Zor'kina Civilizacija prava i razvitie Rossii/ Gosudarstvo i pravo. 2015. № 8. s. 23—31.
4. Kapicyн V. M. Simvol'nyj kontekst konstitucionalizacii nacional'nyh interesov / Ars Administrandi. 2011. № 3. S. 5—19
5. Kochetkov A. V. Konstitualizacija gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v Rossii / Zakon i pravo. 2009. № 9. s. 10—13.
6. Kravec I. A. Formirovanie rossijskogo konstitucionalizma (problemy teorii i praktiki). Avtoref. diss...doktor. jurid. nauk. Ekaterinburg. 2002. 52 s.
7. Kruss V. I. Konstitucionalizacija pravosudija i konstitucionno-pravovye predely neposredstvennoj demokratii v Rossijskoj Federacii / Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2013. № 3. s. 10—18.
8. Kruss V. I. Ponjatie, aktual'nost' i formy konstitucionalizacii prava. / V. I. Kruss. Vestnik TvGU. Serija «Pravo». 2012. Vypusk 31. s. 104—119.
9. Matejkovich M. S. «Konstitucionalizacija» ugolovnogo processa / Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 2. s. 25—29.

Национальная платежная система как гарант стабильности и защиты национальной экономики

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы денежного обращения на примере развития института национальной платежной системы, появившегося с принятием Закона о национальной платежной системе в 2011 году. Проанализированы положения стратегии развития национальной платежной системы, задачи и цели ее принятия. Дана оценка развивающейся платежной системы Мир и представлены ее международные аналоги. Целью настоящего исследования является анализ действующего российского законодательства на предмет совершенствования национальной системы платежных карт.

Ключевые слова: национальная платежная система, платежная карта Мир, национальная платежная система платежных карт, финансовая политика, денежное обращение.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.132-143

Появлению национальной системы платежных карт старт был дан принятием Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»¹ (далее — Закон о платежной системе).

Некоторыми авторами отмечается, что «появление относительно нового для российского финансового права институт «правовое регулирование национальной платежной системы» связано с принятием специального законодательства, регулирующего данную сферу денежного обращения в Российской Федерации»². К числу специального законодательства, безусловно, можно отнести указанный выше Закон о платежной системе, а также ряд других нормативных правовых актов, речь о которых пойдет ниже.

Так, в силу ст. 3 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке

Российской Федерации (Банке России)»³ (далее — Закон о Банке России) одной из целей деятельности Банка России признается обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы.

В свою очередь, под национальной платежной системой (далее — национальная платежная система или НПС) в соответствии со ст. 3 Закона о платежной системе понимается совокупность операторов по переводу денежных средств (включая операторов электронных денежных средств), банковских платежных агентов (субагентов), платежных агентов, организаций федеральной почтовой связи при оказании ими платежных услуг в соответствии с законодательством Российской Федерации, операторов платежных систем, операторов услуг платежной инфраструктуры (субъекты национальной платежной системы).

¹ СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

² Правовое регулирование денежного обращения (Денежное право) : монография / Н.М. Артемов, И.Б. Лагутин, А.А. Ситник, М.Н. Урда. М. : Норма: Инфра-М, 2016. С. 44.

³ СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

© Арзуманова Л. Л., 2017

* Арзуманова Лана Львовна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

llarzmanova@msal.ru

125993, Россия, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Можно согласиться с высказыванием о том, что «определяющим с точки зрения понимания сущности национальной платежной системы является соотношение этого понятия с понятием «платежная система». В случае анализа рассматриваемых понятий с применением исключительно логического и понятийного аппарата есть возможность впасть в заблуждение и определить национальную платежную систему как платежную систему в национальном масштабе. Подобный вывод, по мнению некоторых ученых, нельзя исключить при применении аналогии с понятием «международная платежная система» (например, Visa или MasterCard)⁴.

Следует отметить, что после принятия Закона о национальной платежной системе были изданы некоторые акты Банка России, в которых получили регулирование отдельные вопросы национальной платежной системы на территории российского государства. В частности, указание Банка России от 25 июля 2014 г. № 3342-У «О требованиях к информационным технологиям, используемым операторами услуг платежной инфраструктуры, для целей признания платежной системы национально значимой платежной системой», Положение о порядке осуществления надзора за соблюдением не являющимися кредитными организациями операторами платежных систем, операторами услуг платежной инфраструктуры требований Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», принятых в соответствии с ним нормативных актов Банка России (утв. Банком России 9 июня 2011 г. № 381-П) и др.

Согласно Закону о национальной платежной системе, национальная платежная система России включает регулирование порядка:

- оказания платежных услуг;

- осуществление перевода денежных средств, в том числе, по требованию получателя средств;

- осуществления перевода электронных денежных средств, включая при осуществлении перевода электронных денежных средств.

Ввиду того, что международные платежные системы Visa и MasterCard прекратили обслуживание карт АКБ «Россия» и «Собинбанк» в марте 2014 г. в связи с введением правительством США санкций, то порядка 220 тыс. российских граждан⁵ не могли воспользоваться своими электронными средствами платежа. Именно сформировавшаяся ситуация и привела к возобновлению дискуссий о построении национальной платежной системы, которая была бы способна стать независимой от иностранных юрисдикций. Предлагается «данную проблему разделить на два отдельных вопроса: обеспечение бесперебойности платежных услуг и создание суверенной национальной платежной системы»⁶.

Финансовая политика любого государства реализуется благодаря функционирования национальной платежной системы, которая обеспечивает эффективное развитие централизованных и децентрализованных денежных потоков.

Так, по мнению Е. В. Хазовой, финансовая политика реализуется в следующих направлениях в рамках функционирования национальной платежной системы:

- денежно-кредитная политика;
- бюджетная политика;
- налоговая политика;
- валютная политика⁷.

В научной литературе можно встретить следующие определения такой категории, как национальная платежная система:

- «единство принципов построения и исторически сложившейся совокупности институ-

⁴ Правовое регулирование денежного обращения (Денежное право). С. 44.

⁵ См.: *Алешкина Т., Терновская Т.* Санкции Visa и MasterCard уже затронули сотни тысяч россиян // РБК Daily. 2014. 22 мар.

⁶ См.: *Достов В. Л., Шуст П. М.* Анализ страновых подходов к национальным платежным системам и их применимость в условиях России // Банковское право. 2014. № 3. С. 10.

⁷ См.: *Хазова Е. В.* Концепция национальной платежной системы как форма взаимодействия элементов финансовой системы Российской Федерации // Финансовое право. 2014. № 1. С. 43—47.

тов, инструментов, правил и процедур, используемых для перевода денежных средств с целью урегулирования платежных обязательств участников экономического оборота»⁸;

— «система взаимоотношений субъектов экономики, которая в соответствии с определенными принципами построения и процедурами обеспечивает инфраструктуру перевода денежных средств от одного экономического субъекта к другому»⁹.

Законодательное закрепление получило определение национальной платежной системы в международном документе 2006 г. Базельского комитета по платежным и расчетным системам международных расчетов «Общее руководство по развитию национальной платежной системы», в котором элементами национальной платежной системы признаются:

— платежные инструменты, используемые для инициирования и перевода денежных средств со счетов плательщиков на счета получателей в финансовых учреждениях;

— платежные инфраструктуры операционных, клиринговых и расчетных систем, а также их операторов;

— финансовые учреждения, предоставляющие счета для осуществления платежей, платежные инструменты и услуги потребителям, а также предприятия и организации, являющиеся операторами сетей операционных, клиринговых и расчетных услуг по платежам;

— нормативные правовые акты, стандарты, правила и процедуры, установленные компетентными органами, которые определяют и регулируют механизм перевода платежей и порядок функционирования рынков платежных услуг¹⁰.

Более того, Советом директоров Банка России 15 марта 2013 г. была одобрена Стратегия развития национальной платежной системы¹¹ (далее — Стратегия развития НПС), в которой

получили закрепление основные направления развития национальной платежной системы. В соответствии с п. 1 Стратегии развития НПС, национальная платежная система играет ключевую роль в экономике страны, обеспечивая перевод денежных средств, в том числе при реализации единой государственной денежно-кредитной политики.

Целью развития национальной платежной системы является обеспечение эффективного и надежного функционирования субъектов НПС для удовлетворения текущих и перспективных потребностей национальной экономики в платежных услугах, в том числе для реализации денежно-кредитной политики, обеспечения финансовой стабильности, повышения качества, доступности и безопасности платежных услуг (п. 4 Стратегии развития НПС).

В Стратегии развития НПС провозглашены следующие направления развития национальной платежной системы:

а) совершенствование регулирования и правоприменения в НПС;

б) развитие платежных услуг;

в) развитие платежных систем и платежной инфраструктуры;

г) повышение консультативной и координирующей роли Банка России в НПС;

д) развитие национальной и международной интеграции.

По задумке авторов стратегии НПС будет способствовать:

— широкому внедрению инновационных платежных технологий, в том числе предполагающих применение бесконтактных платежных карт, мобильных устройств, а также технологических и иных решений, расширяющих географию оказания платежных услуг и снижающих их стоимость для населения и хозяйствующих субъектов, в частности посредством

⁸ Савинская Н. А. и др. Национальная платежная система России: проблемы и перспективы развития / под ред. Н.А. Савинской, Г.Н. Белоглазовой. СПб., 2011. С. 6.

⁹ Карташов А. В. Национальная платежная система: оценка эффективности механизма правового регулирования // Банковское право. 2012. № 2. С. 51.

¹⁰ См.: Хазова Е. В. Концепция национальной платежной системы как форма взаимодействия элементов финансовой системы Российской Федерации // Финансовое право. 2014. № 1. С. 43—47.

¹¹ Протокол № 4 // Вестник Банка России. 2013. № 19.

предоставления им дистанционного доступа к платежным услугам;

— расширению сферы применения электронных средств платежа, в частности, для осуществления оплаты государственных и муниципальных услуг;

— повышению безопасности использования электронных средств платежа, включая противодействие мошенническим операциям и снижение рисков нарушения защиты информации при осуществлении переводов денежных средств;

— повышению доступности для населения и хозяйствующих субъектов информации об условиях оказания платежных услуг, в том числе о тарифах на платежные услуги;

— совершенствованию защиты прав потребителей банковских, в том числе платежных, услуг, включая поддержку развития в Российской Федерации института внесудебного урегулирования споров между участниками рынка платежных услуг и потребителями платежных услуг;

— повышению финансовой грамотности населения в части пользования платежными услугами;

— содействию созданию единой национальной инфраструктуры, обеспечивающей обмен платежными и иными финансовыми сообщениями в НПС;

— содействию эффективному взаимодействию заинтересованных органов государственной власти Российской Федерации и операторов услуг платежной инфраструктуры в целях расширения возможностей совершения в безналичном порядке платежей, направляемых в бюджет физическими лицами, а также получения денежных средств по бюджетным обязательствам (включая заработную плату, пенсии, стипендии);

— поддержке экономически значимых инициатив субъектов НПС по продвижению платежных услуг, оказываемых российскими платежными системами за пределами Российской Федерации;

— участию в реализации мероприятий по созданию международного финансового центра в Российской Федерации в части формиро-

вания платежной инфраструктуры, а также деятельности по включению российского рубля в число расчетных валют системы «Непрерывного взаимосвязанного расчета» (Continuous Linked Settlement — CLS), осуществляющей глобальные расчеты по валютным сделкам.

Стратегия развития НПС была принята в 2013 г., т.е. до событий 2014 г., ввиду чего она ориентирована на международные инструменты платежной деятельности, в то время как большая часть операций, осуществляемых посредством применения банковских карт на территории Российской Федерации являются внутрисударственными и для их реализации не требуется прибегать к помощи международных платежных систем.

Ряд авторов выделяют задачи, стоящие перед государством и обществом при переходе на использование национальной платежной системы:

«1) обеспечить национальную безопасность внутрисударственной платежной системы от внешнего воздействия, включая отсутствие утечки информации об операциях граждан Российской Федерации через международные платежные системы;

2) использовать доход от пользования НПС внутри государства, а не платить за пользование международными платежными системами иностранным компаниям;

3) укрепить доверие к НПС Российской Федерации у граждан Российской Федерации и последующий экспорт НПС Российской Федерации в другие страны: вначале в рамках Евразийского экономического союза, затем СНГ, а потом и в другие государства»¹².

Важно, чтобы реализуя поставленные задачи государство помнило о том, что национальная платежная система должна, в первую очередь, ориентироваться на нужды граждан России, тем самым, оправдывая как свое название, так и благие намерения и цели, которые ставились законодателем при ее создании.

В свою очередь, Банк России реализуя собственную платежную систему, составляющую основу национальной платежной системы, посредством которой реализуется денежно-кредитная и бюджетная политика в Российской

¹² Правовое регулирование денежного обращения (Денежное право). С. 44.

Федерации, наделен соответствующими полномочиями в сфере надзора и наблюдения за платежной системой в целях поддержания ее стабильности и развития.

При этом, под надзором национальной платежной системы понимается деятельность Банка России по контролю за соблюдением операторами по переводу денежных средств, являющимися кредитными организациями, операторами платежных систем, операторами услуг платежной инфраструктуры требований Федерального закона и принимаемых в соответствии с ним нормативных актов Банка России, а наблюдение рассматривается как деятельность Банка России по совершенствованию операторами по переводу денежных средств, операторами платежных систем, операторами услуг платежной инфраструктуры, другими субъектами национальной платежной системы своей деятельности и оказываемых ими услуг, а также по развитию платежных систем, платежной инфраструктуры на основе рекомендаций Банка России (п.п. 2 и 5 ст. 31 Закона о платежной системе).

Платежная система Банка России уникальна по сравнению с платежными системами других операторов ввиду того, что:

— большинство межбанковских расчетов осуществляется с использованием корреспондентских счетов, открываемых в Банке России. Денежные средства аккумулируются на этих счетах, тем самым, позволяя гарантировать исполнение расчетных обязательств и приводя к снижению рисков платежных систем;

— стабильность платежной системы определяется ее способностью оперативно распределять денежные суммы, что приводит к ускорению оборота денежных средств в денежно-кредитной системе;

— дополнительные услуги, предоставляемые национальной платежной системой, такие как: услуги клиринга, процессинговые услуги и др. создают благоприятные условия для частных платежных систем;

— Банк России обеспечивает удовлетворение публичных интересов.

В рамках реализации национальной платежной системы получила развитие национальная система платежных карт. В доктрине можно встретить следующее высказывание, что «наличие развитой национальной системы платежных карт — это важный показатель соответствующего уровня развития экономики и финансовой системы и гарантии бесперебойности операций»¹³.

Перед Национальной системой платежных карт¹⁴ (далее — НСПК) стоит решение важных общегосударственных задач, которые сводятся к:

— созданию операционно-клирингового центра по обработке внутрироссийских операций по картам международных платежных систем. Именно создание национальной операционно-независимой платформы позволит обрабатывать внутрироссийские операции по картам международных платежных систем на территории России, а не за границей, как это было предусмотрено ранее;

— выпуску и продвижению национальной платежной карты «Мир», которая позволит гарантировать развитие национальных платежных сервисов и даст возможность гражданам России получать услуги по картам на территории страны вне зависимости от внешних факторов.

Создание НСПК призвано обеспечить надежность, удобство и доступность платежных карт, а также других электронных средств платежа, предоставляемых клиентам участниками НСПК.

Развитие АО «НСПК» предусмотрено в три этапа, перед каждым из которых стоят определенные задачи:

— в рамках первого этапа (до 31 марта 2015 года) была создана национальная операционно-независимая платформа для обработки внутрироссийских транзакций с использованием национальных и международных пла-

¹³ URL: http://www.nspk.ru/about/faq_nspk/

¹⁴ Акционерное общество «Национальная система платежных карт» создано 23 июля 2014 года. Уже 4 августа 2014 года НСПК начала свою работу // URL: http://www.nspk.ru/about/faq_nspk/.

тежных карт. Организовано взаимодействие между участниками рынка платежных услуг через операционный платежный и клиринговый центр (ОПКЦ) НСПК по картам международных платежных систем;

— на втором этапе (апрель — декабрь 2015 года) заложена реализация комплекса мероприятий, направленных на запуск и развитие национальных платежных инструментов;

— третий этап (2016 — 2018 годы) предусматривает мероприятия по насыщению продуктовой линейки НСПК актуальными платежными продуктами и сервисами, их продвижению и развитию на территории России, а также по продвижению национальных платежных карт и иных электронных средств платежа и НСПК за пределами России. Предполагается, что охват национальными платежными инструментами клиентов банков, получающих за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, государственных внебюджетных фондов заработной платы, пенсий, социальных пособий, стипендий и денежного довольствия военнослужащих составит не менее 85 %.

Запуск национального платежного инструмента был осуществлен с появлением платежной карты «Мир», которую выпустили в декабре 2015 года семь банков — участников пилотного проекта. В настоящее время банки приступили к выпуску и обслуживанию карт «Мир» в своих терминальных и банкоматных сетях. В платежную систему «Мир» на сегодняшний день входят 147 банков.

В соответствии с Законом о платежной системе Национальным финансовым советом Банка России была разработана Стратегия развития национальной системы платежных карт¹⁵ (далее — Стратегия развития НСПК), реализация которой осуществляется оператором НСПК во взаимодействии с Банком России, заинтересованными органами государственной власти Российской Федерации и профессиональными объединениями участников рынка розничных платежных услуг.

В основе Стратегии развития НСПК заложены цели развития этой системы, которые направлены на:

— обеспечение эффективного, бесперебойного и доступного оказания услуг по переводу денежных средств в Российской Федерации с использованием национальных и международных платежных инструментов в условиях конкуренции с существующими платежными системами;

— повышение доверия пользователей к безналичным расчетам.

Достижение заявленных целей возможно путем реализации следующих функций НСПК:

— осуществления переводов денежных средств с использованием национальных платежных инструментов;

— оказания услуг платежной инфраструктуры по осуществляемым на территории Российской Федерации переводам денежных средств с использованием международных платежных карт.

Поскольку реализуется первоначальная стадия существования системы платежных карт «Мир», то вполне актуальным для россиян станет вопрос о том, какие возможности дает карта «Мир». Следует отметить, что в настоящее время ведется работа по подключению банкоматов и терминалов магазинов к приему карт «Мир». Ее можно использовать в федеральных и крупных торговых сетях, таких как: гипермаркеты ИКЕА, АШАН, «Глобус», кинотеатры КАРО и «Формула кино», сети салонов Tele2 и пр. Сервисами снятия и пополнения наличных средств, оплаты услуг и другими видами операций, можно воспользоваться в банкоматах банка, который выпустил карту «Мир».

Нерешенным пока остается вопрос о возможности использования карты «Мир» при оплате услуг за пределами Российской Федерации. Перспективная задача продвижения национальных карт за рубежом значится в повестке дня развития национальной системы платежных карт и, в первую очередь, в сотрудничестве с национальными платежными системами стран Евразийского экономического союза — БЕЛКАРТ в Белоруссии и Armenian

¹⁵ Стратегия разработана НФС Банка России (протокол № 4 от 30.09.2014 г.), одобрена Советом участников и пользователей НСПК (протокол № 2 от 22 января 2015 г.).

Card (ArCa) в Армении. Тем более что такое взаимодействие предусмотрено п. 17 Стратегии развития НПС, который устанавливает, что Банк России будет оказывать содействие формированию единого розничного платежного пространства в Российской Федерации и его последующему расширению на территории других стран — членов ЕЭП, ЕврАзЭС и СНГ.

По идеи авторов этой системы реализовать прием карт платежной системы «Мир» за рубежом можно будет через ко-бейджинговые программы с рядом международных платежных систем. В июне 2015 года было заключено соглашение о выпуске ко-бейджинговых карт под брендами «Мир» и Maestro, а в июле этого же года — подписано соглашение о намерениях по выпуску ко-бейджинговых карт с международными платежными системами JCB и American Express. Подчеркивается, что операции по этим картам за пределами нашего государства будут обслуживаться по правилам и стандартам международных платежных систем, а на территории Российской Федерации — платежной системы «Мир».

В будущем платежная система «Мир» должна работать напрямую с платежными системами и крупнейшими банками-эквайерами стран, где традиционно высок туристический поток россиян¹⁶. В перспективе рассматривается возможность выпуска карт «Мир» и для клиентов, которые будут посещать территорию Российской Федерации.

Важно понимать, что за развитием национальным платежных карт будущее, их аналоги уже существуют и, в достаточной степени, успешно действуют в разных странах мира. Таким образом, Россия не является пионером этого направления, что дает нам возможность изучить опыт развития национальных платежных систем других государств и применить полученные результаты на российскую действительность.

Национальные платежные системы созданы в разных странах мира — США, Великобритании, Японии, Китае и пр.

К числу крупнейших платежных систем можно отнести действующую в Японии национальную платежную систему JCB International, основанную в 1961 году, которая заняла лидирующие позиции на мировом рынке кредитных карт, включив в свою систему около 59 миллионов пользователей. Карты национальной платежной системы Японии принимаются к оплате уже по всему миру.

«Монопольной» можно признать создание НПС Китая, которая была основана в 2002 г. China UnionPay (CUP) и в последствие переименована в UnionPay.

По законодательству Китая участники платежной системы обязаны обеспечить присоединение к UnionPay:

— все банковские карты для расчетов в юанях, выпущенные на территории КНР, должны иметь логотип UnionPay;

— все эмитенты банковских карт должны быть подключены к системе CUP и обеспечивать соответствие техническим спецификациям;

— все эквайеры должны обеспечивать прием карт UnionPay и размещать на своих терминалах логотип;

— расчетная система UnionPay обязательно используется для некоторых типов операций с использованием карт в Макао и Гонконге или карт, выпущенных на этих территориях¹⁷.

UnionPay получило успешное развитие благодаря поддержке Центрального Банка КНР, в числе акционеров которой более 200 финансовых учреждений. На мировом рынке китайская платежная система выступает абсолютным лидером по количеству выпущенных карт — около 4 млрд., которые принимаются к оплате во многих странах мира, включая и Россию.

В 2008 году в Индии также появилась собственная национальная платежная система RuPay. Стратегической задачей организации этой системы стало создание конкуренции международным платежным системам Visa и MasterCard на индийском рынке. В 2013 году система RuPay приобрела статус международной и набирает все большую популярность среди клиентов.

¹⁶ Турция, Египет, страны Средиземного моря и Юго-Восточной Азии.

¹⁷ Правовое регулирование денежного обращения (Денежное право). С. 49—50.

Еще одним позитивным примером можно назвать ассоциацию Interac, созданную в Канаде в середине 1980-х годов в целях обеспечения безопасного обмена электронными транзакциями. Спустя год их число достигло 6,2 миллиона. Соглашение о сотрудничестве с американской компанией NYCE сделало возможным выход системы Interac на международный рынок.

Безусловно, что платежные системы каждой страны имеют свои особенности. Так, если в канадской платежной системе за основу взят механизм безналичной оплаты, то в сети дебетовых карт Германии Girocard транзакции осуществляются посредством терминалов и банкоматов. В рамках системы Girocard выпускаются кобрендовые карты с логотипами MasterCard и Visa.

В свою очередь, во Франции существует платежная карта Carte Bleue. Ее создание при участии шести крупных французских банков позволило осуществлять транзакции на территории страны без требования авторизации от банка держателя карты. С 1973 года Carte Bleue начала свое сотрудничество с Visa, что позволило использовать ее за пределами национальной территории.

Для координации предпринимательской деятельности итальянским консорциумом Bancomat был внедрен контроль над системой платежных карт, который позволяет отслеживать движение средств в электронном поле и других каналах совершения операций. Систему Bancomat поддерживают все итальянские банки, а количество транзакций в среднем достигает 1,65 миллиарда в год.

Безусловно, появление национальной платежной системы и платежных карт — ответ на долголетнее пребывание в лидерах российского рынка иностранных карточных платежных систем, которые осуществляли свою деятельность не имея аналогов в своей сфере и в отсутствие какого-либо контроля со стороны российских властей. Подчеркивается, что «к настоящему времени локальные системы

после бурного их развития в начале 1990-х гг. в центральных регионах почти полностью вытеснены и сохраняют свои позиции лишь на периферии, что еще больше усиливает их разрозненность, затрудняет интеграцию их технологических платформ»¹⁸.

Также все запросы на авторизацию операций, совершаемых с использованием платежных карт международных платежных систем, обрабатываются за пределами России, а именно, в стране нахождения процессингового центра. Однако с 1 июля 2016 г. операторами по переводу денежных средств, находящимися на территории Российской Федерации, должны привлекаться операторы услуг платежной инфраструктуры, которые соответствуют требованиям Закона о платежной системе. Исключение составляют лишь трансграничные переводы денежных средств (ч. 11 ст. 16 Закона о платежной системе).

В соответствии с ч. 12 ст. 16 Закона о платежной системе операторы услуг платежной инфраструктуры не вправе передавать информацию по любому переводу денежных средств, осуществляемому в рамках платежной системы на территории Российской Федерации, на территорию иностранного государства или предоставлять доступ к такой информации с территории иностранного государства. Положения настоящей части не распространяются на случаи осуществления трансграничного перевода денежных средств, а также на случаи, если передача указанной информации требуется для рассмотрения заявлений клиентов участников платежной системы, касающихся использования электронных средств платежа без согласия клиентов.

Указанием Банка России от 16 декабря 2014 г. № 3493-У «Об организации взаимодействия и получения операционных услуг и услуг платежного клиринга по переводам денежных средств с использованием международных платежных карт»¹⁹ кредитные организации, являющиеся участниками платежной системы международных платежных карт, при осуществ-

¹⁸ Каурова Н. Н. Национальная платежная система: время пришло! // Банковский ритейл. II квартал 2014. № 2.

¹⁹ Вестник Банка России. 2014. № 117—118.

влении переводов денежных средств с использованием международных платежных карт на территории Российской Федерации обязаны организовать взаимодействие с ОПКЦ НСПК и получать услуги ОПКЦ НСПК.

Платежная система международных платежных карт в лице оператора платежной системы обязана организовать взаимодействие с ОПКЦ НСПК и получать операционные услуги от операционного центра НСПК.

Взаимодействие с ОПКЦ НСПК и получение услуг ОПКЦ НСПК осуществляется кредитными организациями — участниками в следующем порядке:

— для кредитных организаций, являющихся прямыми участниками платежных систем международных платежных карт, — путем присоединения к правилам НСПК. Получение услуг ОПКЦ НСПК в соответствии с правилами НСПК может осуществляться, в том числе, с привлечением организаций, созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации, оказывающих операционные услуги и услуги платежного клиринга кредитным организациям;

— для кредитных организаций, являющихся косвенными участниками платежных систем международных платежных карт на основании договоров, заключенных с кредитными организациями — прямыми участниками, — путем присоединения к правилам НСПК. Получение услуг ОПКЦ НСПК в соответствии с правилами НСПК может осуществляться через кредитную организацию — прямого участника, в том числе с привлечением организаций, созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации, оказывающих операционные услуги и услуги платежного клиринга кредитным организациям. Кредитные организации — косвенные участники вправе с согласия кредитной организации — прямого участника организовывать непосредственное взаимодействие с ОПКЦ НСПК и получать услуги ОПКЦ НСПК;

— для кредитных организаций — прямых участников, входящих в банковские группы,

банковские холдинги, информация о составе участников которых раскрывается Банку России в соответствии с нормативными актами Банка России — путем заключения договора о взаимодействии с головной кредитной организацией банковской группы, кредитной организацией, которой в рамках банковского холдинга поручено взаимодействие с ОПКЦ НСПК, при условии присоединения указанных в настоящем абзаце кредитных организаций к правилам НСПК в целях обеспечения взаимодействия с ОПКЦ НСПК. Получение услуг ОПКЦ НСПК в соответствии с правилами НСПК может осуществляться через головную кредитную организацию банковской группы, кредитную организацию, которой в рамках банковского холдинга поручено взаимодействие с ОПКЦ НСПК, в том числе с привлечением организаций, созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации, оказывающих операционные услуги и услуги платежного клиринга кредитным организациям. Кредитные организации — прямые участники, входящие в банковские группы, банковские холдинги, вправе организовывать непосредственное взаимодействие с ОПКЦ НСПК и получать услуги ОПКЦ НСПК.

Сотрудничество с ОПКЦ НСПК осуществляется на основании договора, заключаемого между оператором платежной системы международных платежных карт, организацией, оказывающей услуги ОПКЦ НСПК, и расчетным центром.

Такое соглашение уже подписано между ООО «МастерКард» и АО «НСПК», в рамках которого организационные услуги и услуги платежного клиринга по операциям внутри страны по картам MasterCard будут переведены в процессинговый центр Национальной системы платежных карт²⁰. Аналогичный перевод на процессинг НСПК осуществлен международной платежной системой VISA в феврале 2015 г.²¹

Эти действия направлены, в первую очередь, чтобы гарантировать внутренние плате-

²⁰ См.: MasterCard подписала договор о переходе на процессинг НСПК // Банки.ру. 2015. 12 янв. URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=7551869>

²¹ См.: ЦБ РФ: Visa перевела внутрироссийские транзакции на процессинг НСПК // ТАСС. Экономика и бизнес. 2015. 19 февр.

жи от воздействия на них внешнеполитических условий, с которыми нам приходится сталкиваться в последние годы. Из чего следует, что НСПК и созданная на ее базе платежная система «Мир» способствуют решению стратегических задач, направленных на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

Однако мы находимся в начале пути развития национальной платежной системы и, как следствие, использование одного из элементов продуктовой линейки — платежной карты «Мир» возможно лишь при государственной поддержке и распространении этой карты среди клиентов «бюджетной сферы», а именно военнослужащих, государственных служащих и других категорий работников, финансирование которых осуществляется за счет средств, выделяемых из централизованных денежных фондов. В целях популяризации платежной системы «Мир» ведется работа по оснащению торговых точек соответствующими системами (аппаратами), принимающими к оплате национальную платежную карту, что приведет к удобству в ее использовании.

Активное «употребление» на первоначальном этапе национальных платежных систем среди социальной и бюджетной сферы апробировано при внедрении американской Автоматизированной системы выплат по социальным проектам и зарплатам. Крупнейшим оператором этой системы была Федеральная резервная система, с марта 2003 г. функции единственного частного оператора стал выполнять The Clearing House's Electronic Payments Network (EPN)²².

В научной литературе также можно встретить полемику относительно положительных и отрицательных процессов, связанных с внедрением национальной платежной системы. В частности, А. А. Солуянов пишет, что «такой

подход представляет собой скорее национализацию иностранной платежной системы, нежели создание ее альтернативы. ...расходы на создание платежного монополиста вряд ли окупятся выгодами для экономики»²³. Однако не все ученые придерживаются такой точки зрения. Например, Е. Г. Хоменко указывает, что «...неверным смешивать национальный характер национальной платежной системы и монополизацию платежной системы государством. Российское законодательство не может регулировать деятельность иностранных платежных систем. ...в целях защиты национальных интересов в нем устанавливаются ...требования к тем субъектам иностранных платежных систем, которые находятся и осуществляют деятельность на территории нашей страны, включая требование об использовании процессинговых услуг»²⁴.

Представляется возможным поддержать последнего автора, поскольку национальная платежная система характеризуется тем, что НСПК является оператором платежной системы «Мир», первостепенная задача которой сводится к обеспечению защиты государственных интересов при взаимодействии с иностранными платежными системами.

Видный ученый науки финансового права А. И. Худяков писал: «Нет необходимости доказывать, какую важную роль в жизни любой страны играют финансы. ...Разлад финансовой системы — не только следствие болезни экономики, но и, как правило, одна из ее причин»²⁵. В развитие этой глубокой мысли можно говорить о том, что стабильность и защита национальной экономики нашего государства прежде всего зависит от эффективного регулирования вопросов денежного обращения и его институте — национальной платежной системы.

²² Солуянов А. А. Международный опыт функционирования платежных систем и российская практика : дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. С. 97—98.

²³ Достов В. Л., Шуст П. М. Анализ страховых подходов к национальным платежным системам и их применимость в условиях России // Банковское право. 2014. № 3. С. 13.

²⁴ Хоменко Е. Г., Тарасенко О. А. Национальная платежная система Российской Федерации и ее элементы : монография. М. : Проспект, 2016. С. 132.

²⁵ Худяков А. И. Избранные труды по финансовому праву. СПб. :Юридический центр-Пресс, 2010.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аleshкина Т., Терновская Т. Санкции Visa и MasterCard уже затронули сотни тысяч россиян // РБК Daily. — 2014. — 22 марта.
2. Достов В. Л., Шуст П. М. Анализ страновых подходов к национальным платежным системам и их применимость в условиях России // Банковское право. — 2014. — № 3.
3. Карташов А. В. Национальная платежная система: оценка эффективности механизма правового регулирования // Банковское право. — 2012. — № 2.
4. Каурова Н. Н. Национальная платежная система: время пришло! // Банковский ритейл. — II квартал 2014. — № 2.
5. Правовое регулирование денежного обращения (Денежное право) : монография / Н.М. Артемов, И.Б. Лагутин, А.А. Ситник, М.Н. Урда. — М. : Норма: Инфра-М, 2016.
6. Савинская Н. А. и др. Национальная платежная система России: проблемы и перспективы развития / под ред. Н.А. Савинской, Г.Н. Белоглазовой. — СПб., 2011.
7. Солуянов А. А. Международный опыт функционирования платежных систем и российская практика : дис. ... канд. экон. наук. — М., 2008.
8. Хазова Е. В. Концепция национальной платежной системы как форма взаимодействия элементов финансовой системы Российской Федерации // Финансовое право. — 2014. — № 1.
9. Хоменко Е. Г. // Хоменко Е. Г., Тарасенко О. А. Национальная платежная система Российской Федерации и ее элементы : монография. — М. : Проспект, 2016.
10. Худяков А. И. Избранные труды по финансовому праву. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2010.

Материал поступил в редакцию 10 ноября 2016 г.

NATIONAL PAYMENT SYSTEM AS A GUARANTOR OF STABILITY AN SECURITY OF THE NATIONAL ECONOMY

ARZUMANOVA Lana Lvovna — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
llarzumanova@msal.ru
123995, Russia, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9

Review. *This article considers the issues of monetary circulation from the example of the development of the national payment system introduced with the adoption of the law on the national payment system in the 2011. The author analyzes the provisions of the development strategy of the national payment system, the aims and objectives of its adoption. The developing payment system "MIR" is assessed and its international analogues are presented. The aim of this study is to analyse the existing Russian legislation for the improvement of the national system of payment cards.*

Keywords: *national payment system, payment card MIR, national payment system payment cards, financial policy, monetary circulation.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aleshkina T., Ternovskaja T. Sankcii Visa i MasterCard uzhe zatronuli sotni tysjach rossijan // RBK Daily. 2014. 22 marta.
2. Dostov V.L., Shust P.M. Analiz stranovyh podhodov k nacional'nym platezhnym sistemam i ih primenimost' v uslovijah Rossii // Bankovskoe pravo. 2014. № 3.

3. Kartashov A.V. Nacional'naja platezhnaja sistema: ocenka jeffektivnosti mehanizma pravovogo regulirovanija // Bankovskoe pravo. 2012. № 2.
4. Kaurova N.N. Nacional'naja platezhnaja sistema: vremja prishlo! // Bankovskij ritejl. II kvartal 2014. № 2.
5. Pravovoe regulirovanie denezhnogo obrashhenija (Denezhnoe pravo): monografija / N.M. Artemov, I.B. Lagutin, A.A. Sitnik, M.N. Urda. — M.: Norma: INFRA-M, 2016.
6. Savinskaja N.A. i dr. Nacional'naja platezhnaja sistema Rossii: problemy i perspektivy razvitija / pod red. N.A. Savinskoj, G.N. Beloglazovoj. SPb., 2011.
7. Solujanov A.A. Mezhdunarodnyj opyt funkcionirovanija platezhnyh sistem i rossijskaja praktika: diss. ... kand. jekon. nauk. M., 2008.
8. Hazova E.V. Konceptcija nacional'noj platezhnoj sistemy kak forma vzaimodejstvija jelementov finansovoj sistemy Rossijskoj Federacii // Finansovoe pravo. 2014. № 1.
9. Homenko E.G. // Homenko E.G., Tarasenko O.A. Nacional'naja platezhnaja sistema Rossijskoj Federacii i ee jelementy: monografija. — Moskva: Prospekt, 2016.
10. Hudjakov A.I. Izbrannye trudy po finansovomu pravu. Serija «Antologija juridicheskoy nauki» // Juridicheskij centr-Press, Sankt-Peterburg, 2010.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

П. Е. Морозов*

Совершенствование трудового законодательства как основа эффективного функционирования договорного регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме трудового права Российской Федерации — недостаточному совершенству законодательных основ договорного регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, что приводит к ухудшению правового положения работников.

Подобная ситуация определяет необходимость анализа различных форм данной проблемы в целях выработки рекомендаций по совершенствованию трудового законодательства в сфере определения целей и задач договорного регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений. Потребность подобной оптимизации диктуется необходимостью достижения оптимального баланса интересов работодателей и работников. В статье выделяется шесть форм существующей проблемы, а именно: отсутствие оптимальной формулировки целей и задач правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений; несоответствие договорного регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений целям и задачам трудового законодательства; противоречие между целями и задачами трудового законодательства, с одной стороны, и основными принципами правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений, с другой стороны; недоучет роли и значения письменных договоров о полной материальной ответственности работников; фактическое непризнание того, что ученический договор является формой договорного регулирования; наличие несоответствия статьи 419 ТК РФ «Виды ответственности за нарушение трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права статьям 91 ТК РФ «Понятие рабочего времени. Нормальная продолжительность рабочего времени» и 189 ТК РФ «Дисциплина труда и трудовой распорядок».

Ключевые слова: Договорное регулирование, трудовые отношения, Трудовой кодекс РФ, трудовое законодательство, рабочее время, трудовой договор, коллективный договор, социальное партнерство, дисциплина труда, правовое регулирование, трудовые споры.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.144-151

© Морозов П. Е., 2017

* Морозов Павел Евгеньевич — профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

pmorozov72@gmail.com

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

В настоящее время в Российской Федерации особую актуальность приобретает вопрос совершенствования договорного регулирования отношений в сфере труда в целях достижения идеального баланса между интересами работников и работодателей в аспекте подписания программы сотрудничества между Россией и МОТ, направленного на повышение эффективности реализации основных принципов и прав в сфере труда, а также на улучшение системы социальной защиты населения¹.

В современных условиях в трудовом праве России можно констатировать наличие проблемы, сущность которой состоит в том, что законодательные основы договорного регулирования отношений в сфере труда далеки от совершенства, что приводит к доминанте императивного регулирования над договорным регулированием и, как результат, к ограничению ряда трудовых прав работников.

Это проблема имеет шесть форм:

1. Отсутствие оптимальной формулировки целей и задач правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений.

2. Несоответствие статьи 9 Трудового кодекса РФ «Регулирование трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в договорном порядке» статье 1 Трудового кодекса РФ «Цели и задачи трудового законодательства».

3. Противоречие между статьей 1 Трудового кодекса РФ «Цели и задачи трудового законодательства» и статьей 2 данного нормативного правового акта «Основные принципы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений».

4. Недоучет положений статьи 244 ТК РФ «Письменные договоры о полной материальной ответственности работников».

5. Фактическое непризнание того, что ученический договор является формой договорного регулирования.

6. Наличие несоответствия статьи 419 ТК РФ «Виды ответственности за нарушение трудово-

го законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права» статьям 91 ТК РФ «Понятие рабочего времени. Нормальная продолжительность рабочего времени» и 189 ТК РФ «Дисциплина труда и трудовой распорядок».

Проанализируем каждую форму проблемы в целях выработки соответствующих рекомендаций.

По нашему мнению, отсутствие оптимальной формулировки целей и задач правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений состоит в несовершенстве статьи 1 Трудового кодекса РФ, в которой, в частности, отмечается, что целями трудового законодательства являются установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда, защита прав и интересов работников и работодателей. Кроме того, «основными задачами трудового законодательства являются создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений, интересов государства, а также правовое регулирование трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений...».

Подобная формулировка данной статьи приводит к тому, что, по сути, за ее рамками оказывается договорное регулирование трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, так как в ней акцент приходится исключительно только на законодательное регулирование, о чем свидетельствует не только ее содержание, но и название — «Цели и задачи трудового законодательства». Полагаем, что явный недоучет договорного регулирования негативно сказывается в процессе практики правоприменения. Действительно, из смысла этой статьи получается, что договорное регулирование не имеет целью создания благоприятных условий труда, защита прав и интересов работников и работодателей и необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений.

¹ Подписана Программа сотрудничества России и МОТ // URL: <http://www.fnpr.ru/n/241/13089.html> (дата обращения: 25.12.2016).

Однако это явно не так ввиду того, что в статье 9 ТК РФ указывается, что в соответствии с трудовым законодательством регулирование трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений может осуществляться путем заключения, изменения, дополнения работниками и работодателями коллективных договоров, соглашений, трудовых договоров.

Важно и то, что социальное партнерство в сфере труда, которое непосредственно связано с договорным регулированием, это — система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений (статья 23 ТК РФ).

Роль и значение договорного регулирования также подчеркивается и в различных актах субъектов РФ.

Так, в Законе Краснодарского края от 7 августа 2000 г. № 310-КЗ «О социальном партнерстве в Краснодарском крае»² указывается, что задачами социального партнерства являются: обеспечение эффективного механизма регулирования социально— трудовых и связанных с ними экономических отношений; осуществление согласованной социально-экономической и социально— трудовой политики; повышение доходов работников на основе роста производительности труда, повышения эффективности производства; предотвращение коллективных трудовых споров и содействие разрешению социально-трудовых конфликтов; преодоление негативных явлений в социально-трудовой сфере путем проведения коллективных переговоров, взаимных консультаций сторон; обес-

печение занятости и социальной защиты работников и населения края, их профессионального обучения, охраны и безопасности труда.

Российские ученые-трудовики также подчеркивают роль и значение договорного регулирования в сфере обеспечения согласования интересов работников и работодателей.

Интересным в этой связи представляется точка зрения К.А. Бондаренко о том, что наряду с традиционно выделяемыми характерными чертами метода трудового права на современном этапе одной из важнейших черт становится расширяющееся коллективное и индивидуальное договорное регулирование отношений, составляющих предмет трудового права. Можно утверждать, что в настоящее время договорное регулирование занимает значительное место в регулировании отношений в сфере труда³.

Мы также согласны с мнением Э. Ф. Гумеровой о том, что скорейший переход к всеобъемлющему коллективно-договорному регулированию трудовых отношений является необходимостью и насущной задачей нашего времени так как, коллективно-договорное регулирование трудовых отношений уравнило бы интересы работников и работодателей и способствовало бы не только наиболее полному соблюдению прав и законных интересов субъектов трудового права, но и созданию необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений и интересов государства⁴.

На основе приведенного анализа мы можем рекомендовать законодателю внести поправки в статью 1 ТК РФ, особо выделив в ней роль и значение договорного регулирования.

Отметим также и другой аспект проблемы, связанный со статьями 1 и 9 ТК РФ (2 форма проблемы).

² Закон Краснодарского края от 7 августа 2000 г. № 310-КЗ «О социальном партнерстве в Краснодарском крае» // Информационный бюллетень Законодательного Собрания Краснодарского края. 2001. № 19 (49). Стр. 61.

³ Бондаренко К. А. Договорное регулирование как особенность метода трудового права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8.

⁴ Гумерова Э. Ф. Проблемы коллективно-договорного регулирования трудовых отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.

Исходя из положений статьи 9 ТК РФ, можно сделать вывод, что договорное регулирование распространяется на все виды отношений входящие в предмет трудового права и закрепленные в статье 1 ТК РФ. Однако, по нашему мнению, это не совсем верно ввиду того, что вряд ли можно регулировать на основе договоров отношения по государственному контролю (надзору) за соблюдением трудового законодательства (включая законодательство об охране труда) и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права; разрешению трудовых споров; обязательному социальному страхованию в случаях, предусмотренных федеральными законами.

В постановлении Правительства РФ от 01.09.2012 № 875 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права»⁵ отмечается, что федеральный государственный надзор в сфере труда осуществляется в соответствии с ратифицированными Российской Федерацией конвенциями Международной организации труда по вопросам инспекции труда, Трудовым кодексом Российской Федерации, другими федеральными законами, настоящим Положением и иными решениями Правительства Российской Федерации.

Следовательно, ввиду того, что в данном нормативном акте нет никакого упоминания о договорном регулировании, можно заключить, что использование договоров в данной сфере будет не уместным.

В свою очередь, порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров регулируется Трудовым кодексом РФ и иными федеральными законами, а порядок рассмотрения дел по трудовым спорам в судах определяется, кроме того, гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации. Отметим и то, что особенности рассмотрения индивидуальных трудовых споров отдельных категорий

работников устанавливаются Трудовым кодексом РФ и иными федеральными законами.

Таким, образом, Трудовой кодекс РФ не указывает на возможность договорного регулирования отношений по разрешению трудовых споров.

Федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»⁶ устанавливает, что законодательство Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из настоящего Федерального закона, принимаемых в соответствии с ним федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

Из этого положения следует, что договорное регулирование в данной сфере также не приветствуется.

Противоречие между статьей 1 Трудового кодекса РФ «Цели и задачи трудового законодательства» и статьей 2 данного нормативного правового акта «Основные принципы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» (третья форма проблемы) состоит, на наш взгляд, в том, что правовое регулирование и законодательство соотносятся как общее и частное — источниками правового регулирования могут быть не только законы, но, и например, акты социального партнерства (коллективный договор, соглашения⁷).

Если исходить из логики статьи 2 ТК РФ, принципы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений увязываются с договорным регулированием или со всеми источниками трудового права.

Однако договорное регулирование не может быть применено ко всем отношениям предмета трудового права и, следовательно,

⁵ СЗ РФ. 2012. № 37. Ст. 4995.

⁶ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3803.

⁷ Статья 5 ТК РФ.

получается, что принципы правового регулирования применимы только к 7, а не 10 видам отношений статьи 1 ТК РФ, что, явно противоречит, в свою очередь, названию статьи 2 ТК РФ — «Основные принципы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений»

Ввиду чего вряд ли можно согласиться с мнением И.К.Дмитриевой о том, что принципы трудового права в системе норм трудового права занимают особое место, обладают комплексом присущих им признаков: они являются наиболее важными основными началами, первоосновой трудового права, преломляют (пронизывают) содержание его норм; имеют универсальную, всеобщую сферу действия в Российской Федерации, субъектах Российской Федерации; обладают определенным приоритетом по сравнению с обычными нормами (правилами поведения), нормы и институты не могут противоречить и соответствуют принципам; они взаимообусловлены, имеют комплексный характер, взаимосвязаны, каждый принцип рассматривается в контексте всех других принципов; обладают формальной определенностью⁸.

Недоучет положений статьи 244 ТК РФ «Письменные договоры о полной материальной ответственности работников» (четвертая форма проблемы) состоит в том, что в соответствии со статьей 9 ТК РФ формами договорного регулирования являются: коллективный договор, соглашение или трудовой договор. В данной статье нет никакого указания на договоры о полной материальной ответственности, которые, по нашему мнению, являются формой договорного регулирования.

Постановление Правительства РФ от 14 ноября 2002 г. № 823 «О порядке утверждения перечней должностей и работ, замещаемых или выполняемых работниками, с которыми работодатель может заключать письменные договоры о полной индивидуальной или коллективной (бригадной) материальной ответственности, а также типовых форм договоров

о полной материальной ответственности»⁹ закрепляет типовую форму договора о полной коллективной (бригадной) материальной ответственности.

Отметим, что данная типовая форма содержит ряд положений, которые, на наш взгляд, будут регуляторами отношений в данной сфере при заключении договора о полной материальной ответственности. Эти требования не содержатся в трудовом законодательстве, а исключительно только в данном договоре, что позволяет заключить, что договор о полной коллективной (бригадной) материальной ответственности является формой договорного регулирования.

К этим договорным положениям относятся следующие требования:

— комплектование вновь создаваемого коллектива (бригады) осуществляется на основе принципа добровольности. При включении в состав коллектива (бригады) новых работников принимается во внимание мнение коллектива (бригады);

— при временном отсутствии руководителя коллектива (бригады) его обязанности возлагаются работодателем на одного из членов коллектива (бригады);

— при смене руководителя коллектива (бригады) или при выбытии из коллектива (бригады) более 50 процентов от его первоначального состава договор должен быть перезаключен;

— договор не перезаключается при выбытии из состава коллектива (бригады) отдельных работников или приеме в коллектив (бригаду) новых работников. В этих случаях против подписи выбывшего члена Коллектива (бригады) указывается дата его выбытия, а вновь принятый работник подписывает договор и указывает дату вступления в коллектив (бригаду);

— плановые инвентаризации вверенного коллективу (бригаде) имущества проводятся в сроки, установленные действующими правилами;

⁸ Дмитриева И. К. Основные принципы трудового права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

⁹ СЗ РФ. 2002. № 47. Ст. 4678.

— внеплановые инвентаризации проводятся при смене руководителя коллектива (бригады), при выбытии из коллектива (бригады) более 50 процентов его членов, а также по требованию одного или нескольких членов коллектива (бригады).

Ввиду того, что договоры о полной материальной ответственности — это форма договорного регулирования мы не согласны с позицией Д. К. Кейзерова, который сделал вывод о том, что договорное регулирование коллективной материальной ответственности невозможно¹⁰.

Подчеркнем, что одним из аспектов существующей проблемы является также фактическое непризнание того, что ученический договор является формой договорного регулирования. Действительно, в статье 9 ТК РФ нет указания на то, что ученический договор относится к договорному регулированию, что, на наш взгляд, представляется не совсем точным.

Мы рассматриваем ученический договор в качестве формы договорного регулирования ввиду того, что работодатель — юридическое лицо (организация) имеет право заключать с лицом, ищущим работу, или с работником данной организации ученический договор на получение образования без отрыва или с отрывом от работы. Ученический договор с работником данной организации является дополнительным к трудовому договору (статья 198 ТК РФ). Кроме того, ученический договор может содержать иные условия, определенные соглашением сторон. Все эти обстоятельства доказывают, что ученический договор — это форма договорного регулирования.

Мы согласны по данному вопросу с позицией Д.И.Федотова, который считает, что ученический договор является самостоятельным видом договора в трудовом праве, а его предметом является организованное работодателем профессиональное обучение (переобучение) ученика определенной профессии, специальности, квалификации в отличие от трудового договора, где предмет — это живой труд ра-

ботника по выполнению им определенной трудовой функции в общем процессе производства конкретного работодателя¹¹.

В качестве рекомендации мы предлагаем внести в статью 9 ТК РФ положение о том, что договоры о полной материальной ответственности и ученический договор являются формами договорного регулирования.

Шестой формой проблемы является наличие несоответствия статьи 419 ТК РФ «Виды ответственности за нарушение трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права» статьям:

а) 91 ТК РФ «Понятие рабочего времени. Нормальная продолжительность рабочего времени»;

б) 189 ТК РФ «Дисциплина труда и трудовой распорядок»;

Так, статья 419 ТК РФ определяет, что лица, виновные в нарушении трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, привлекаются к дисциплинарной и материальной ответственности в порядке, установленном Трудовым кодексом РФ и иными федеральными законами, а также привлекаются к гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности в порядке, установленном федеральными законами.

В этой статье нет никакого упоминания о трудовом договоре. Вместе с тем, в статье 91 ТК РФ указывается, что рабочее время — время, в течение которого работник в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка и условиями трудового договора должен исполнять трудовые обязанности, а также иные периоды времени, которые в соответствии с Трудовым кодексом РФ, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации относятся к рабочему времени.

Мы разделяем также позицию В.С.Козлова, который считает, что рабочее время — это норма продолжительности труда работников (мера труда в определенное время, установ-

¹⁰ Кейзеров Д. К. Материальная ответственность работников в условиях рыночной экономики современной России: некоторые проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2005.

¹¹ Федотов Д. И. Ученический договор : Проблемы правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

ленное законом), а также это время, в течение которого работник должен выполнять трудовые функции в конкретном трудовом правоотношении¹².

Следовательно, работника можно привлечь к ответственности за нарушение условия о рабочем времени, которое содержится в трудовом договоре, в частности, если для данного работника режим рабочего отличается от общих правил, действующих у данного работодателя (статья 57 ТК РФ).

Отметим, что в статье 189 ТК РФ дисциплина труда определяется следующим образом: «Дисциплина труда — обязательное для всех работников подчинение правилам поведения, определенным в соответствии с настоящим Кодексом, иными федеральными законами, коллективным договором, соглашениями, ло-

кальными нормативными актами, трудовым договором».

Мы предлагаем в статье 419 ТК РФ тесно увязать дисциплинарную и материальную ответственность с договорным регулированием.

Ввиду чего допустимо применения к работнику дисциплинарных взысканий за нарушение своих обязанностей по трудовому договору.

Анализ шести форм несовершенства законодательных основ договорного регулирования позволяет сделать вывод о том, что требуется кардинальный пересмотр ряда статей ТК РФ в целях более точного определения целей и задач договорного регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений для достижения оптимального баланса интересов работников и работодателей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бондаренко К. А.* Договорное регулирование как особенность метода трудового права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — М., 2009. — 24 с.
2. *Гумерова Э. Ф.* Проблемы коллективно-договорного регулирования трудовых отношений : автореф. дис. канд. юрид. наук. — Казань, 2005.
3. *Дмитриева И. К.* Основные принципы трудового права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2004. — 50 с.
4. *Кейзеров Д. К.* Материальная ответственность работников в условиях рыночной экономики современной России: некоторые проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Пермь, 2005.
5. *Федотов Д. И.* Ученический договор : Проблемы правового регулирования : автореф. дис. ... кан. юрид. наук. — М., 2008.
6. *Козлов В. С.* Правовое регулирование рабочего времени в России и зарубежных странах: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — М., 2007. — 28 с.

Материал поступил в редакцию 26 декабря 2016 г.

IMPROVEMENT OF LABOUR LEGISLATION AS A BASIS FOR EFFECTIVE FUNCTIONING OF CONTRACT REGULATION OF LABOUR AND OTHER RELATED RELATIONS

MOROZOV Pavel Evgen'evich — Professor at the Department of History of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
pmorozov72@gmail.com
123995, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9

¹² *Козлов В. С.* Правовое регулирование рабочего времени в России и зарубежных странах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 6.

Review. *The article is devoted to an topical problem of labour law of the Russian Federation - a lack of improvement of legislative framework regulation of labour relations and other directly related relations which leads to deterioration of the legal status of workers.*

This situation determines the need to analyse the different forms of this issue with a view to making recommendations to improve the labour legislation in the sphere of definition of the goals and objectives of the regulation of labour relations and other directly related relations. The need for this optimization is dictated by the need to achieve an optimal balance between the interests of employers and employees. The article distinguishes between six forms of the problem, namely: the absence of optimal formulation of the goals and objectives of the legal regulation of labour and other directly related relations; a mismatch of contractual regulation of labour and other directly related relations goals and objectives of the labour legislation; the contradiction between the goals and objectives of the labour law, on the one hand, and the fundamental principles of legal regulation of labor and other directly related relations, on the other hand; the underestimation of the role and importance of written agreements on full material liability of employees; the actual failure that apprenticeship is a form of regulation; the presence of the inconsistency of Article 419 of the LC RF "Types of liability for violation of the labour legislation and other acts containing rules of labour law articles 91 LC RF "The concept of working time. The normal duration of working time" and Art.189 of the LC RF "Labour discipline and work schedule."

Keywords: *Contract management, labour relations, the labour code, Labour Code, working time, employment contract, collective agreement, social partnership, discipline, legal regulation of labour, labour disputes.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bondarenko K.A. Dogovornoe regulirovanie kak osobennost' metoda trudovogo prava .Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskikh nauk. Moskva, 2009. — 24 s.
2. Gumerova Je.F .Problemy kollektivno-dogovornogo regulirovaniya trudovyh otnoshenij. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskikh nauk. Kazan', 2005.
3. Dmitrieva I.K. Osnovnye principy trudovogo prava. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora juridicheskikh nauk. M., 2004. — 50 s.
4. Kejzerov D.K. Material'naja otvetstvennost' rabotnikov v usloviyah rynochnoj jekonomiki sovremennoj Rossii: nekotorye problemy teorii i praktiki: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskikh nauk. Perm', 2005.
5. Fedotov D.I. Uchenicheskij dogovor :Problemy pravovogo regulirovaniya . Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskikh nauk. M., 2008.
6. Kozlov V.S. Pravovoe regulirovanie rabocheho vremeni v Rossii i zarubezhnyh stranah: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskikh nauk. M., 2007. 28 s.

Д. А. Бочарников*

Некоторые особенности правового регулирования трудовых отношений высококвалифицированных специалистов, привлекаемых научными и образовательными организациями

Аннотация. Статья посвящена вопросам привлечения к осуществлению трудовой деятельности в Российской Федерации высококвалифицированных специалистов. В условиях перехода экономики России на инновационный путь развития, в статье поднимается вопрос о необходимости привлечения к работе научных и образовательных организаций высококвалифицированных специалистов из зарубежных стран. Автор дает общую характеристику статуса высококвалифицированного специалиста, выявляет проблемы в правовом регулировании трудовых отношений с данной категорией работников. Так, проводится анализ процедуры избрания по конкурсу на замещение соответствующей должности высококвалифицированными специалистами. Кроме того, автором поднимается вопрос о целесообразности проведения аттестации на соответствие занимаемой высококвалифицированным специалистом должности. Автором выявлены коллизии правовых норм трудового и миграционного законодательства. В целях решения данной проблемы автором предложено введение в Трудовой кодекс Российской Федерации новой главы, регулирующей особенности привлечения иностранных работников к трудовой деятельности на территории России.

Ключевые слова: высококвалифицированный специалист, трудовые отношения, срочный трудовой договор, наука, образование.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.152-158

Вопрос о необходимости привлечения к работе в российских научных и образовательных организациях иностранных высококвалифицированных специалистов в последние годы приобретает все большую актуальность.

Переход отечественной экономики на инновационный путь развития, появление федеральных и региональных программ развития сфер науки и образования на краткосрочные и долгосрочные периоды, строительство инно-

вационного центра «Сколково» требует наличия большого количества специалистов, обладающих высоким уровнем квалификации, необходимой для реализации данных проектов.

Сегодня для обеспечения эффективности и рентабельности будущих результатов научных изысканий требуется использование опыта и участия приглашенных в Россию ведущих ученых зарубежных стран. Ю.А. Гефтер считает, что «в современных условиях привлечение работников высокой квалификации является

© Бочарников Д. А., 2017

* Бочарников Дмитрий Александрович — главный юрист саморегулируемой организации некоммерческого партнерства «Объединение энергостроителей»

southarea@mail.ru

129626, Россия, г. Москва, ул. Проспект Мира, д. 104

важным источником накопления человеческого капитала, обеспечивающего экономический рост и благосостояние принимающего государства»¹.

В мае 2010 года в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»² появилась статья 13.2, установившая новую категорию иностранных граждан — высококвалифицированные специалисты.

В соответствии с вышеуказанной статьей ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» «высококвалифицированным специалистом признается иностранный гражданин, имеющий опыт работы, навыки или достижения в конкретной области деятельности, если условия привлечения его к трудовой деятельности в Российской Федерации предполагают получение им заработной платы (вознаграждения): 1) в размере не менее одного миллиона рублей из расчета за один год (365 календарных дней) — для высококвалифицированных специалистов, являющихся научными работниками или преподавателями, в случае их приглашения для занятия научно-исследовательской или преподавательской деятельностью имеющими государственную аккредитацию высшими учебными заведениями, государственными академиями наук или их региональными отделениями, национальными исследовательскими центрами либо государственными научными центрами, а также для высококвалифицированных специалистов, привлеченных к трудовой деятельности резидентами промышленно-производственных, туристско-рекреационных, портовых особых экономических зон (за исключением индивидуальных предпринимателей);

1.1) в размере не менее чем семьсот тысяч рублей из расчета за один год (365 календарных дней) — для иностранных граждан, привлеченных к трудовой деятельности резидентами технико-внедренческой особой экономи-

ческой зоны (за исключением индивидуальных предпринимателей);

2) без учета требования к размеру заработной платы — для иностранных граждан, участвующих в реализации проекта «Сколково» в соответствии с Федеральным законом «Об инновационном центре “Сколково”»;

3) в размере не менее двух миллионов рублей из расчета за один год (365 календарных дней) — для иных иностранных граждан».

Одной из категорий работодателей, обладающих правом на привлечение высококвалифицированных специалистов являются российские научные организации, образовательные учреждения профессионального образования (за исключением учреждений профессионального религиозного образования (духовных образовательных учреждений).

Зачастую вопрос о привлечении иностранных научных и педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, является одним из приоритетных направлений деятельности образовательной организации.

Некоторую неопределенность создает то обстоятельство, что работодатель самостоятельно осуществляет оценку уровня квалификации и компетентности иностранных граждан, которых он желает привлечь в качестве высококвалифицированных специалистов, и в связи с чем несет соответствующие риски.

Подобные нормы предполагают возможность для злоупотребления со стороны работодателей, привлекающих таких работников, (поскольку на указанных работников не распространяется квота на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности и квота на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу). Кроме того, они могут способствовать повышению уровня безработицы в отношении перспективных российских научных и педагогических работников, относящихся к профессорско-пре-

¹ Гефтер Ю. А. Проблемы привлечения в Россию квалифицированных иностранных граждан // Трудовое право в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 39—40.

² Российская газета. 2002.31 июля.

подавательскому составу, а также их отказа от занятия исследовательской деятельностью вообще, либо в интересах и на территории Российской Федерации.

По нашему мнению, к работе в российских научных и образовательных организациях следует привлекать лишь таких специалистов, которые обладают мировым признанием в соответствующей сфере и способных оказать реальную помощь в развитии отечественной науки и образования. Для этого на законодательном уровне должны быть определены такие критерии, которые позволят относить того или иного иностранного работника к высококвалифицированным специалистам, не с точки зрения уровня заработной платы (но не исключая его), а с точки зрения его квалификации, достижений в конкретной области и практического опыта.

Следует согласиться с мнением Н.Е. Охлопковой, которая отметила, что «некоторые вузы завышенно оценивают иностранных специалистов, принимая их на должность профессора при наличии степени Phd, эквивалентной российской ученой степени кандидата наук»³.

Полагаем, что критериями оценки могут выступать следующие показатели:

- уровень цитируемости данного работника (количество ссылок на публикации данного работника);
- наличие научных публикаций, монографий, глав в учебниках, докладов на крупных конференциях и т.п.;
- опыт участия в проведении научных исследований, а также руководства ими;
- уровень образования (дипломы о высшем образовании, документы о повышении квалификации др., наличие ученой степени);
- наличие опыта работы (причем такой опыт должен быть именно в той сфере, для работы в которой его планирует привлечь работодатель);

- наличие патентов на изобретения, полезные модели, промышленные образцы и т.п.;
- уровень заработной платы.

Таким образом, российская научная или образовательная организация должны обосновать необходимость привлечения к их работе иностранного высококвалифицированного специалиста.

Для привлечения высококвалифицированных специалистов целесообразно использовать различные меры стимулирующего характера. Следует согласиться с позицией Л.В. Андриченко, которая отметила, что «отсутствует специальное регулирование, позволяющее привлекать к осуществлению трудовой деятельности на преференциальных условиях иностранных граждан, закончивших в Российской Федерации высшие учебные заведения, а также обучающихся или завершивших обучение в аспирантуре и докторантуре»⁴. Действительно, использование труда иностранных работников, получивших научную степень в российских научных или образовательных организациях может позитивно отразиться на развитии отечественной науки и образования.

Необходимо отметить, что развитие и проведение научных исследований научными и образовательными организациями является серьезным объектом инвестирования со стороны как государства, так и частного сектора экономики, поэтому нельзя допустить необоснованного завышения требований для получения разрешения на осуществление трудовой деятельности иностранными работниками. Организациям, привлекающим высококвалифицированных работников, должны быть предоставлены гарантии рассмотрения поданных ими заявок в разумные сроки.

Президент России Д. А. Медведев 12 ноября 2012 года в послании Федеральному Собранию Российской Федерации заявил, что «будет сформирована комфортная среда для осуществления в России исследований и разработок

³ Актуальные проблемы трудового законодательства в условиях модернизации экономики : монография / Е.С. Батусова, И.Я. Белицкая, Э.Н. Бондаренко и др. ; отв. ред. Ю.П. Орловский. М. : Юстицинформ, 2012. С. 192—193.

⁴ Андриченко Л. В. Особенности привлечения иностранных высококвалифицированных специалистов к трудовой деятельности в России // Журнал российского права. 2011. № 7. С. 5—16.

мирового уровня ... Следует упростить правила признания научных степеней и дипломов о высшем образовании, полученных в ведущих университетах мира, а также правила приема на работу необходимых нам специалистов из-за рубежа. Визы им должны выдаваться быстро и на длительный срок. Мы в них заинтересованы, а не наоборот»⁵.

Поскольку на иностранных граждан, привлекаемых к трудовой деятельности в образовательных и научных организациях в качестве высококвалифицированных специалистов, распространяется трудовое законодательство Российской Федерации, то возникает вопрос о необходимости их избрания по конкурсу на замещение соответствующей должности. Так, например, в Положения о порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, утв. приказом Минобрнауки России от 23.07.2015 № 749⁶ данный вопрос не рассматривается.

Конечно, в том случае, если научная или образовательная организация проводят мероприятия по привлечению к своей работе иностранного работника, в том числе высококвалифицированного специалиста, то вполне обоснованно считать, что нормы о конкурсе не должны на них распространяться. В то же время стоит учитывать и то обстоятельство, что целью избрания по конкурсу является отбор наилучшего из претендентов, участвующих в конкурсе, независимо от их гражданства. В данном случае, стоит говорить об особом порядке заключения трудового договора, что подтверждается установлением специальной процедуры привлечения высококвалифицированного специалиста к трудовой деятельности в Российской Федерации.

Интересен вопрос и о процедуре объявления вакансии, на которую планируется при-

гласить иностранного работника. Чаще всего, научная или образовательная организация заранее определяет конкретную кандидатуру. Но в то же время использование Интернет-ресурсов позволит объявить о подобной вакансии по всему миру с целью привлечения большого количества различных специалистов к участию в конкурсе. Впоследствии научная или образовательная организация сможет провести отбор полученных заявок с целью выявления наиболее подходящего кандидата. В настоящее время данный подход предусмотрен в Приказе Минобрнауки России от 02.09.2015 № 937 «Об утверждении перечня должностей научных работников, подлежащих замещению по конкурсу, и порядка проведения указанного конкурса»⁷, в соответствии с п.8 которого «Для проведения конкурса организация размещает в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на своем официальном сайте и на портале вакансий адресу «<http://ученые-исследователи.рф>» (далее — портал вакансий) объявление, в котором указываются:

- а) место и дата проведения конкурса;
- б) дата окончания приема заявок для участия в конкурсе;
- в) полные наименования должностей научных работников, на замещение которых объявляется конкурс и квалификационные требования к ним (далее — требования), включая отрасли (области) наук, в которых предполагается работа претендента;
- г) примерный перечень количественных показателей результативности труда претендента, характеризующих выполнение предполагаемой работы;
- д) условия трудового договора, в том числе перечень трудовых функций, срок трудового договора или в случае, если с претендентом предполагается заключение трудового договора на неопределенный срок, — срок, по истече-

⁵ Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/5979>.

⁶ Приказ Минобрнауки России от 23.07.2015 № 749 «Об утверждении положения о порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 19.10.2015.

⁷ Приказ Минобрнауки России от 02.09.2015 № 937 «Об утверждении перечня должностей научных работников, подлежащих замещению по конкурсу, и порядка проведения указанного конкурса» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 19.10.2015.

нии которого предполагается проведение аттестации; размер заработной платы, возможный размер выплат стимулирующего характера и условия их получения, возможные социальные гарантии (предоставление служебного жилья, компенсация расходов на наем жилого помещения, обеспечение лечения, отдыха, проезда и так далее).

Дата окончания приема заявок определяется организацией и не может быть установлена ранее 20 календарных дней с даты размещения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» объявления, предусмотренного настоящим пунктом.

Заявки, поданные позже даты окончания приема заявок, установленной организацией, к конкурсу не допускаются».

Данные нормы необходимо также предусмотреть и для образовательных организаций, привлекающих к своей работе высококвалифицированных специалистов.

Кроме того, в целях привлечения к участию в конкурсе иностранных специалистов, подобные порталы вакансий должны содержать версии на иностранных языках.

Кроме процедуры избрания по конкурсу, спорным вопросом является необходимость прохождения иностранными работниками, привлекаемыми для работы в научные и образовательные организации, аттестации на соответствие занимаемой должности. По-нашему мнению, правовые основания, позволяющие освободить данную категорию работников от аттестации, отсутствуют. Процедура аттестации в данном случае должна носить некоторый дисциплинирующий характер, позволяющий не допускать неисполнения или ненадлежащего исполнения такими работниками своих трудовых обязанностей.

Некоторой альтернативой в данном вопросе могло бы являться заключение с данной категорией работников срочного трудового договора, позволяющего работодателю, не заинтересованному в услугах иностранного работника, по истечении определенного срока не перезаключать его на новый срок. При этом

необходимо обратить внимание на проблему правомерности заключения срочного трудового договора с иностранными гражданами. В юридической литературе неоднократно отмечалось, что в ст.59 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) отсутствуют основания для заключения срочного трудового договора с гражданами других государств. Согласно ст. 13.2 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» разрешение на работу высококвалифицированному специалисту выдается на срок действия заключенного им трудового договора или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) с привлекающим его работодателем или заказчиком работ (услуг), но не более чем на три года⁸. В то же время на основании ст.59 ТК РФ «трудоустройство, заключенный на определенный срок при отсутствии достаточных к тому оснований, установленных судом, считается заключенным на неопределенный срок». Это говорит о существовании коллизий между нормами трудового и миграционного законодательства.

На практике часто встречаются ситуации, когда с иностранным работником трудовой договор заключается на неопределенный срок. Затем, в случае, если срок разрешения на работу истекает, трудовой договор в соответствии с п.9 ст.83 ТК РФ прекращается по причине такого обстоятельства, независящего от воли сторон, как «истечения срока действия, приостановление действия на срок более двух месяцев или лишение работника специального права (лицензии, права на управление транспортным средством, права на ношение оружия, другого специального права) в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, если это влечет за собой невозможность исполнения работником обязанностей по трудовому договору».

Полагаем, что данную позицию нельзя признать правильной. В соответствии с ч.1 ст.2 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан

⁸ Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2002. 31 июля.

дан в РФ» разрешение на работу представляет собой документ, подтверждающий право иностранного работника на временное осуществление на территории Российской Федерации трудовой деятельности или право иностранного гражданина, зарегистрированного в Российской Федерации в качестве индивидуального предпринимателя, на осуществление предпринимательской деятельности». Право на труд относится к неотъемлемым правам человека, предусмотренными нормами международного права. Таким образом, получение иностранным работником разрешения на работу в другом государстве нельзя отнести к специальным правам. В связи с этим, в качестве основания для увольнения необходимо использовать норму, установленную п.9.3 ст.18 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ», в соответствии с которой, в случае аннулирования разрешения на работу или истечения срока действия разрешения на работу, если отсутствуют основания для продления указанного срока либо если иностранный гражданин не предпринял действий, требуемых для такого продления в соответствии с настоящим Федеральным законом, трудовой договор или гражданско-правовой договор на выполнение работ (оказание услуг), заключенные с иностранным гражданином, подлежат прекращению».

Анализируя ситуацию, связанную с возможностью заключения срочного трудового договора с иностранным гражданином, можно сделать вывод, что работодатель, заключая трудовой договор, попадает в ситуацию неопределенности, поскольку разрешение на работу в будущем вполне может быть аннулировано по основаниям, предусмотренным действующим законодательством. Причем работодатель в данном случае не наделен никакими юридическими механизмами защиты своих прав.

По-нашему мнению, ст. 59 ТК РФ следует дополнить новой правовой нормой, в соответствии с которой трудовой договор с иностранными гражданами должен заключаться на срок, не превышающий срок действия разрешения на работу.

Кроме того, существующие особенности трудовой деятельности иностранных граждан, отнесенных к категории высококвалифицированных специалистов, наличие отдельных коллизий и противоречий между трудовым и миграционным законодательством Российской Федерации обуславливают необходимость включения в ТК РФ новой главы, связанной с правовым регулированием трудовых отношений иностранных граждан, привлекаемых к трудовой деятельности в Российской Федерации, в частности научных и педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы трудового законодательства в условиях модернизации экономики : монография / Е.С. Батусова, И.Я. Белицкая, Э.Н. Бондаренко и др. ; отв. ред. Ю.П. Орловский. — М. : Юстицинформ, 2012. — 400 с.
2. Андриченко Л. В. Особенности привлечения иностранных высококвалифицированных специалистов к трудовой деятельности в России // Журнал российского права. — 2011. — № 7. — с.5—16.
3. Гелфтер Ю. А. Проблемы привлечения в Россию квалифицированных иностранных граждан // Трудовое право в России и за рубежом. — 2012. — № 2. — С. 39—40.

Материал поступил в редакцию 30 июня 2016 г.

SOME PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION OF LABOUR RELATIONS OF HIGH-SKILLED EXPERTS ENGAGED IN SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

BOCHARNIKOV Dmitriy Aleksandrovich — Chief Lawyer at the Self-Regulatory Organization Non-Commercial Partnership “Association of Energy Experts”
southarea@mail.ru
129626, Russia, Moscow, Prospekt Mira, 104.

***Review.** The article is devoted to bringing highly qualified specialists to the implementation of work in the Russian Federation. In light of the transition of the Russian economy to the innovation way of development, the article raises the issue of the need to engage highly qualified specialists from foreign countries in the work of the scientific and educational organizations. The author gives an overview of the status of highly qualified specialist, identifies problems in the legal regulation of the employment relationship with this category of workers. Thus, the analysis of the procedure for the election of the competition to fill the position with highly qualified specialists is carried out. In addition, the author raises the question of the advisability of holding certification suitability qualified specialist positions. The author identifies conflict of laws of labour and migration legislation. In order to solve this problem the author suggests that the labour code of the Russian Federation be introduced into a new chapter governing the peculiarities of attraction of foreign workers to the work in Russia.*

Keywords: highly qualified specialist, labor relations, fixed-term employment contract, science, education.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aktual'nye problemy trudovogo zakonodatel'stva v usloviyah modernizacii jekonomiki: monografija / E.S. Batusova, I.Ja. Belickaja, Je.N. Bondarenko i dr.; otv. red. Ju.P. Orlovskij. — M.: Justicinform, 2012. — 400 s.
2. Andrichenko L.V. Osobennosti privlechenija inostrannyh vysokokvalificirovannyh specialistov k trudovoj dejatel'nosti v Rossii // Zhurnal rossijskogo prava. — 2011. — № 7. — s.5—16.
3. Gefter Ju.A. Problemy privlechenija v Rossiju kvalificirovannyh inostrannyh grazhdan//Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. — 2012. — № 2. — S.39—40

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Н. А. Молчанов*, Е. К. Матевосова**

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (новелла законодательства)

Аннотация. В статье исследуются актуальные вопросы правового и организационного обеспечения информационной безопасности России в свете Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 № 646. Детально анализируя такой документ стратегического планирования, авторы указывают на необходимость качественного совершенствования правовой базы и механизма системы обеспечения информационной безопасности с учетом новых угроз и вызовов современного мира. Объективная оценка новеллы законодательства в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации сопровождается рассуждениями авторов о проблемах обеспечения информационной безопасности на национальном и международном уровне, ответственность за эффективное разрешение которых во многом возлагается именно на право.

Ключевые слова: национальная безопасность, информационная сфера, информационная безопасность, международная информационная безопасность, доктрина, стратегическое планирование, информатизация общества, совершенствование законодательства, правовая политика, информационная политика.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.159-165

Качество политических, социально-экономических, духовно-культурных и иных государственных преобразований сегодня напрямую зависит от состояния национальной и международной информационной безопасности.

Формирование новых угроз и рисков обеспечению информационной безопасности

государства на фоне глобализационных процессов во многом определяет приоритетные направления государственной политики в информационной сфере как системообразующего фактора жизни общества.

В своем Послании Федеральному Собранию 01 декабря 2016 года Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил необходимость

© Молчанов Н. А., Матевосова Е. К., 2017

* Молчанов Николай Андреевич — профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор военных наук, заслуженный деятель науки РФ

namolchanov@msal.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

** Матевосова Елена Константиновна — старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук

ekmatevosova@msal.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

укрепления защиты от киберугроз, повышения устойчивости всех элементов инфраструктуры, финансовой системы, государственного управления¹.

В публичных выступлениях руководства многих стран все чаще звучат заявления о наращивании потенциала для эффективного отражения целенаправленной вражеской агрессии со стороны того или иного государства, оправдывающего свои действия защитой национальных интересов от реальных и «мнимых» атак.

Информационные системы органов государственной власти, а также организаций, деятельность которых имеет социально-экономическую значимость (средства массовой информации, банки и др.) превращаются сегодня в театр военных действий с применением информационного оружия массового поражения. Развитие событий этой военной драмы XXI века будет во многом зависеть от готовности государств к международному сотрудничеству в области обеспечения информационной безопасности, осознавая неизбежные для себя в условиях глобализации угрозы и риски.

Находясь в состоянии необъявленной и затянувшейся информационной войны, многие государства уже сегодня создают специальные воинские подразделения в составе своих вооруженных сил – информационные войска особого назначения. С учетом заинтересованности любого государства в расширении сферы своего влияния в поддержании и укреплении авторитета на международной арене велика опасность применения данными подразделениями информационного кибероружия в иных, отличных от декларируемых оборонительных, целях. Очевидно, что основным преимуществом подобного рода войск является не численное превосходство над противником, а наличие передовых информационных техно-

логий и владение необходимыми знаниями и практическими навыками.

Функционирование эффективной национальной системы обеспечения информационной безопасности государства требует совершенствования ее организационного механизма, а, следовательно, нормативного регулирования в данной сфере, исходя из объективной оценки состояния информационной безопасности и различных сценариев развития информационного общества в национальном и международном масштабе.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации 2000 года была признана утратившей свою силу в связи со сменой официальных взглядов на основные вопросы обеспечения информационной безопасности России. В стремительно изменяющемся глобализированном мире возникает потребность в качественно новых доктринальных подходах к решению проблем безопасности, что представляет собой сложную юридическую, управленческую, научную, методологическую задачу.

Новеллой российского законодательства в информационной сфере, несомненно, является Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная 5 декабря 2016 года Указом Президента Российской Федерации².

Разработка такого документа есть объективная потребность в актуализации правовой основы обеспечения информационной безопасности общества, развитие которого сегодня всецело предопределяется процессами информатизации.

Как отмечается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации³, политика сдерживания России, реализуемая США и их союзниками, стремящимися сохранить свое доминирование в мировых делах, предусматривает оказание давления на Россию в том числе в информационной сфере. Стратегия

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 01.12.2016 // Парламентская газета. 02.12.2016.

² Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

³ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

прогнозирует усиление противоборства в глобальном информационном пространстве, которое оказывает прямое влияние на международную обстановку в целом. Следует отметить, что Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, в продолжение основных «тезисов» документов стратегического планирования, содержит множество положений об угрозах внешней агрессии, и, несмотря на используемую при этом общую формулировку «рядом зарубежных стран», список этих стран небезызвестен.

Утратившая силу Доктрина информационной безопасности Российской Федерации не содержала разъяснения того, что следует понимать под «информационной сферой», однако и действующая Доктрина, несмотря на предпринятую попытку устранить данный пробел, не внесла должной ясности в таком вопросе, сформулировав определение путем перечисления абсолютно разнопорядковых компонентов (совокупность информации, объекты информатизации, информационные системы, сайты, сети связи, информационные технологии, а также субъекты, деятельность которых связана с обеспечением информационной безопасности, и, наконец, совокупность механизмов регулирования общественных отношений в данной сфере).

Новая Доктрина определяет понятие «информационная безопасность» как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства. Очевидно, что при формулировании центрального для всего документа понятия был избран незамысловатый прием точного копирования определения понятия «национальная безопасность», закрепленного в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, с одной лишь подстановкой слова «информационных». Однако, как представля-

ется, совершенствование правового регулирования в рассматриваемой сфере, что, прежде всего, и предполагалось данной Доктриной, должно иметь системный, комплексный характер, устраняя пространственность, неоднозначность ключевых понятий и их дефиниций.

В документе обозначаются в целом следующие «сферы» и «области» информационной безопасности: кредитно-финансовая сфера, область обороны страны, область государственной и общественной безопасности, экономическая сфера, область науки, технологий и образования, область стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства, область культуры. Такой многоаспектный подход к информационной безопасности соответствует определяемым Стратегией национальной безопасности Российской Федерации национальным интересам и стратегическим национальным приоритетам государства.

Оценивая состояние информационной безопасности в области науки, технологий и образования, разработчики Доктрины обрушиваются с резкой критикой в адрес российского научного сообщества, указывая на «недостаточную эффективность научных исследований» в соответствующей сфере, «низкий уровень внедрения отечественных разработок», «недостаточное кадровое обеспечение». Кроме того в документе обозначается серьезная проблема — мероприятия по обеспечению безопасности информационной инфраструктуры зачастую не имеют комплексной основы.

Несомненно, от российской науки ожидается значительный вклад в развитие технологических инноваций, укрепляющих информационную безопасность государства. Но потребность в научных знаниях обнаруживается не только при разработке интегральных микросхем, но и при совершенствовании законодательства в области информационной безопасности и модернизации системы ее обеспечения, с использованием конкретных научных результатов фундаментальных и прикладных исследований. В этой связи необходимо акцентирование внимания на проблеме научной обоснованности реализуемой государственной политики в данной области Советом Безопасности

Российской Федерации, в частности такими его рабочими органами, как Межведомственной комиссией по информационной безопасности, а также Научным советом.

Подпункт «г» (развитие отечественного конкурентоспособного производства) пункта 25 Доктрины, определяющего основные направления информационной безопасности в экономической сфере, по своему смысловому содержанию во многом дублирует предыдущий пункт «в» (повышение конкурентоспособности российских компаний). Кроме того, провозглашаемая в пункте 26 Доктрины стратегическая цель обеспечения информационной безопасности в области науки, технологий и образования («поддержка инновационного и ускоренного развития системы обеспечения информационной безопасности, отрасли информационных технологий и электронной промышленности») является незначительно измененной формулировкой подпункта «г» пункта 25. Следует также отметить, что поддержка, как таковая, очевидно в значении государственной меры, не может быть понимаема в качестве стратегической цели в данной области, поскольку целесообразно исходить не из процесса, сопутствующего достижению цели, а из конкретного моделируемого результата, каким, собственно, и является сама цель.

Подпункт «а» пункта 27 Доктрины снова заявляет о необходимости «достижения конкурентоспособности российских информационных достижений». Нисколько не оспаривая высокую значимость государственной задачи повышения конкурентоспособности российской экономики в целом, ее сектора в информационной сфере в частности, представляется, что вопрос об уместности столь многократного повторения такого доктринального посыла в одном документе с точки зрения юридической техники остается открытым.

Согласно пункту 32 Доктрины «состав системы обеспечения информационной безопасности определяется Президентом Российской Федерации». Однако данное положение имеет неопределенную смысловую нагрузку в части понимания под «составом системы» исклю-

чительно ее элементной структуры или также функциональной взаимосвязи ее звеньев.

Доктрина называет исчерпывающий перечень принципов, на которых основывается деятельность государственных органов по обеспечению безопасности. В подпункте «а» пункта 34 Доктрины обозначен такой принцип, как «законность общественных отношений в информационной сфере», формулировка которого пренебрегает известными современной юридической науке постулатами о понятии и сущности законности. В подпункте «б» того же пункта о принципе конструктивного взаимодействия государственных органов, организаций и граждан при решении задач по обеспечению информационной безопасности отсутствует указание на органы местного самоуправления, которые, при этом, согласно положениям Доктрины являются и силами обеспечения информационной безопасности (пп. «д» п. 2), и имеют определенные властные полномочия в информационной сфере (п. 31).

Недостаточно обоснованно указание в Доктрине на самостоятельную группу задач государственных органов в рамках деятельности по развитию и совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности (п. 36), учитывая то, что в предшествующем пункте Доктрина называет задачи государственных органов в рамках деятельности по обеспечению информационной безопасности (п. 35). Представляется, что эффективное обеспечение информационной безопасности государства включает и предполагает развитие и совершенствование ее единой системы, а потому для классификации задач в достижение определенных стратегических целей следовало бы использовать иные исходные критерии.

Доктрина не обходит вниманием проблемы обеспечения международной информационной безопасности, указывая на ряд нерешенных вопросов, затрудняющих формирование ее системы, в числе которых состояние правовой регламентации информационной безопасности на международном уровне, а также отсутствие механизмов и процедур применения соответствующих нормативных требований.

В настоящее время содействие Российской Федерацией установлению международного правового режима, направленное на создание условий для формирования системы международной информационной безопасности, обеспечивается реализацией такого документа стратегического планирования, как Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года⁴. Согласно Основам под международной информационной безопасностью понимается такое состояние глобального информационного пространства, при котором исключены возможности нарушения прав личности, общества и прав государства в информационной сфере, а также деструктивного и противоправного воздействия на элементы национальной критической информационной инфраструктуры. Таким образом, международная информационная безопасность может быть представлена как простая математическая совокупность «состояний» информационной безопасности всех стран мира. Следуя данному подходу оценить общее состояние глобальной информационной безопасности невозможно. А потому в рамках этой проблематики необходимо, скорее всего, обращаться к вопросам о международно-правовом регулировании и применяемых государствами мерах в информационной сфере.

Российские инициативы в области формирования системы международной информационной безопасности, и составляющие основу государственной политики страны в данной области, не всегда находят поддержку, что вполне объяснимо усилением политического соперничества государств, вместо достижения согласия и учета взаимных интересов.

Несмотря на реализацию ряда межгосударственных мер, в том числе в рамках международных договоров о сотрудничестве, надо признать, что единый международный правовой режим обеспечения информационной безопасности еще находится в стадии своего формирования, которое невозможно представить без разработки практически применимых международных правовых актов, не противоречащих национальным интересам «договаривающихся» сторон.

Как отмечается российскими исследователями, «по сути, предпринимаются попытки убедить мировое сообщество в неизбежности конфликтов с использованием информационно-коммуникационных технологий и оставить за собой право действовать по своему усмотрению в отсутствии реального правового регулирования данной сферы»⁵. Однако конфликты между странами, активно участвующими в разделе информационного поля, и правда, неизбежны. Отсутствие всеохватывающей важнейшие проблемы информационной безопасности правовой регламентации на международном уровне, несомненно, открывает большие возможности для произвольного, искаженного толкования принципов и норм международного права в сфере использования информационных и коммуникационных технологий.

Обеспечение безопасности — это основная проблема человечества на протяжении всей мировой истории, решить которую намеревались многие когда-либо созданные международные организации.

В своей Резолюции от 02 декабря 2014 года Генеральная Ассамблея ООН отмечая результативную работу Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности, выражает озабоченность тем, что информационные технологии и средства потенциально могут быть использованы в целях, несовместимых с задачами обеспечения международной стабильности и безопасности, и могут

⁴ Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ 24.07.2013 № Пр-1753 // Официальный сайт Совета безопасности РФ. URL: <http://www.scrf.gov.ru>.

⁵ *Лапшин В. Д.* Формирование системы международной информационной безопасности: подходы и инициативы России // Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации / сост.: С.М. Буравлев и др. М., 2015. С. 177.

негативно воздействовать на целостность инфраструктуры государств, нарушая их безопасность применительно как к гражданской, так и к военной сферам⁶.

Не утрачивая надежд на использование существующими международными организациями (специальными органами в их составе) правовых рычагов обеспечения информационной безопасности, призывая все страны соблюдать правила игры на информационном поле, России, как и всем другим государствам, следует самостоятельно развивать и поддерживать международное сотрудничество, выступая с предложениями, имеющими в своем основании взаимовыгодный интерес.

Сравнительный анализ «доктрин» информационной безопасности Российской Федерации позволяет критично утверждать, что, по структуре, полноте правового регулирования и другим важным характеристикам, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации 2016 года, несмотря на то, что носит актуализированный характер, по сути, не является более совершенным правовым актом, чем предыдущая Доктрина.

Реалии глобального информационного взаимодействия и одновременно противостояния требуют коренной переработки всего массива нормативных правовых актов, обозначающих и предлагающих пути решения проблем обеспечения информационной безопасности. Так, в настоящее время на общественное обсуждение вынесен проект Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы⁷. Согласно данному документу принятые в большинстве стран мира подходы к государственному регулированию сферы информации и информационных технологий вынуждены «на ходу» адаптироваться к новым обстоятельствам.

Но, как представляется, выработка единственно верных вневременных подходов — это бесполезная и невыполнимая задача, поскольку отношения в информационном обществе будут все более усложняться, неминуемо порождая новые, с трудом прогнозируемые, обстоятельства.

Утверждение проекта Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы не вызывает сомнений, однако документ требует детального научно-правового анализа всех его положений, каждое из которых должно иметь определенное стратегически направляющее, регулирующее значение.

Актуальность и приоритетность направления совершенствования нормативной правовой базы в области обеспечения информационной безопасности, с учетом соответствующих предложений и рекомендаций Совета Безопасности Российской Федерации, подтверждаются необходимостью создания структурно единой и функционально взаимосвязанной системы обеспечения информационной безопасности на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, что, в свою очередь, подчеркивает важность стратегического планирования и правового обеспечения в данной области, а главное, что именно право призвано не допустить состояния полного мирового информационного хаоса.

⁶ Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/index.html>.

⁷ Официальный сайт Совета безопасности РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Лапшин В. Д. Формирование системы международной информационной безопасности: подходы и инициативы России // Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации / сост.: С. М. Буравлев и др. — М., 2015.

Материал поступил в редакцию 10 декабря 2016 г.

THE DOCTRINE OF INFORMATION SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION (NEW LAW)

MOLCHANOV Nikolay Andreevich — Profesor at the Department of Integration and European Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Military Science, Honored Worker of Science of the Russian Federation

namolchanov@msal.ru

123995, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9

MATEVOSOVA Elena Konstantinovna — Senior Lecturer, Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSaL), PhD in Law

ekmatevosova@msal.ru

123995, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9

Review. *This article takes a look at topical issues of legal and institutional information security of Russia in the light of the doctrine of informational security of the Russian Federation, approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated December 5, 2016 No646. Analyzing in detail the document of strategic planning, the authors point to the need for a qualitative improvement of the legal framework and mechanism of information security system in the light of new threats and challenges of the modern world. The objective assessment of a new law in legislation in the field of information security of the Russian Federation is accompanied by reflections on the problems of information security at the national and international level, responsibility for the effective resolution of which largely rests precisely on the law.*

Keywords: *national security, sphere of information, information security, information security, international doctrine, strategic planning, information society, improving legislation, legal policy, information policy.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Lapshin V.D. Formirovaniye sistemy mezhdunarodnoy informatsionnoy bezopasnosti: podkhody i initsiativy Rossii // Nauchnyye problemy natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii / sost. : S.M. Buravlev i dr. M., 2015.

Иск о признании права пользования: проблемы теории и практики

Аннотация. Специфика вещно-правовой защиты права собственности и иных вещных прав заключается в применении специальных исков, основанных на доказательствах истца наличия у него правового титула. Законопроект о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации предлагает установление в Кодексе закрытого перечня вещно-правовых способов защиты вещных прав. К числу этих способов относятся виндикационный и негативный иски, а также получившие в последнее время широкое распространение в судебно-арбитражной практике иск об освобождении имущества от ареста (исключении из описи) и иск о признании вещного права.

Право пользования (узуфрукт) занимает самостоятельное место в системе вещных прав, предусмотренных Законопроектом. В статье рассматриваются особенности защиты права пользования (узуфрукта) посредством иска о признании права, а именно: раскрывается суть этого иска, определяются его предмет и основания, субъекты (истец и ответчик), условия предъявления. Кроме того, на основе анализа судебно-арбитражной практики и законодательства об исковой давности автор приходит к выводу о том, что иск о признании права пользования по существу относится к тем требованиям, на которые исковая давность не распространяется.

Ключевые слова: вещные права, ограниченное вещное право, право пользования, узуфрукт, социальное пользование, обременение, законное владение, недвижимая вещь, государственная регистрация прав, защита вещных прав, иск о признании права, исковая давность.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.166-174

Право пользования (узуфрукт) как особое вещное право не предусмотрено в действующем Гражданском кодексе Российской Федерации. Однако, как справедливо отмечает Е. А. Суханов, «это не исключает признания его таковым *de lege ferenda* (в будущем законе). Тогда он должен стать единым вещным правом, отдельными разновидностями которого будут права пользования жилым

помещением отказополучателем или членом семьи собственника»¹. В связи с этим следует обратить внимание на то, что в проект ФЗ № 47538—6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ» (далее — Законопроект) включена новая глава 20.3 «Право личного пользования»². В ней выделяется только одна

¹ Суханов Е. А. Гражданское право России — частное право / отв ред. В. С. Ем. М. : Статут, 2008. С. 235.

² Разработчики Законопроекта используют разные термины для обозначения рассматриваемого вещного права: «узуфрукт» и «право личного пользования». Данное обстоятельство обусловлено тем,

© Мацакян Г. С., 2017

* Мацакян Гоар Суреновна — аспирант кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

goar.matsakyan@gmail.com

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

разновидность узупрукта — социальное пользование, субъектом которого выступают, главным образом, члены семьи собственника жилого помещения (ст. 302.6 Законопроекта). Таким образом, право отказополучателя по пользованию жилым помещением собственника (п. 2 ст. 1137 ГК РФ), которое по своим квалифицирующим признакам вполне оправданно может быть признано разновидностью узупрукта, осталось вне поля зрения разработчиков Законопроекта.

Исходя из положений Законопроекта, узупрукт следует определить как вещное, непередаваемое и неотчуждаемое право владения и пользования чужой недвижимой вещью, устанавливаемое в пользу определенного лица с целью извлечения из этой вещи плодов и доходов (ст. 302 Законопроекта). Обязательным условием для предоставления узупрукта должно служить возложение на управомоченного лица (узупруктуария) обязанности по обеспечению целостности и сохранности обремененной вещи (ст. 302.3 Законопроекта).

Ввиду абсолютного характера узупрукта узупруктарию предоставляется возможность защищать свое право от непосредственного неправомерного воздействия со стороны любых третьих лиц с помощью специальных вещно-правовых исков, в том числе иска о признании вещного права.

Следует отметить, что правовая природа иска о признании права, его место среди способов защиты гражданских прав остаются в числе самых дискуссионных вопросов в современной юридической литературе. Так, например, Е. А. Суханов по этому поводу пишет: «имущественные права в отношении недвижимости возникают, изменяются и прекращаются только в

момент их государственной регистрации, т.е. внесения соответствующей правоустанавливающей записи в Единый государственный реестр прав на недвижимость. Следовательно, — полагает Е. А. Суханов, — спор о наличии или отсутствии вещного права на такой объект по сути сводится к спору о правильности указанной записи, т.е. должен разрешаться путем заявления иска о признании права, а не только о vindикации или реституции недвижимости»³.

Весьма интересной на этот счет является позиция Л. Ю. Василевской, которая утверждает, что «такой способ защиты, как признание права, должен быть применим исключительно к тем субъективным гражданским правам, содержание которых включает полномочие субъекта права на совершение собственных (положительных) действий, т.е. ко всем тем правам, которые не относятся к числу обязательственных»⁴. Следовательно, с точки зрения автора, иск о признании права следует применить для защиты вещных, исключительных и корпоративных прав.

Другая позиция по данному вопросу, высказанная в юридической литературе, сводится к тому, что иск о признании права не имеет самостоятельного значения в рамках вещно-правовых отношений, он выступает лишь как элемент основания негаторного или vindикационного иска. Наиболее последовательно отстаивает эту позицию К. И. Скловский, который отмечает: «утверждение истца о том, что он — собственник, входит в основание как vindикационного, так и негаторного иска и всегда является предметом доказывания. Это утверждение может быть представлено и как требование о признании права собственности и тем самым — переместится в предмет иска.

что в дореволюционном российском гражданском праве этот институт был известен под наименованием «право пользования». Таким образом, разработчики Законопроекта сочли необходимым использовать в качестве альтернативы ранее существовавшее в российском праве название узупрукта, акцентируя свое внимание на его личный характер.

³ Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2013. С. 625 (автор раздела — Е.А. Суханов).

⁴ Василевская Л. Ю. Иск о признании права: проблемы юридической квалификации // Право и бизнес : сборник статей I ежегодной международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию со дня рождения профессора В. С. Маретемьянова / под ред. И. В. Ершовой. М. : Юрист, 2012.

Стало быть, вопрос о соотношении норм ст. 12 и главы 20 состоит в том, допустимо ли спорить о принадлежности вещи иначе, как в формах, указанных в главе 20 ГК. Иными словами, допустимо ли разъединение требований о защите права собственности виндикационным или негаторным иском»⁵.

Не соглашаясь с точкой зрения К. И. Скловского, В. В. Витрянский отмечает, что «требование о признании права является самостоятельным способом защиты всякого нарушенного субъективного гражданского права, включая и право собственности. Поэтому представляется не вполне обоснованным противопоставление требования о признании права, названного среди способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК), вещно-правовым способам защиты: виндикационному и негаторному искам (ст. 301, 304)»⁶.

Однако нам представляется более убедительной по данному вопросу позиция С. А. Сеницына, который, признавая за иском о признании вещного права вещно-правовой характер, подчеркивает, что «генеральный иск о признании (иск о признании субъективного права как таковой) не может рассматриваться в качестве особого вида или разновидности вещных исков непосредственно без привязки к специфике защиты нарушенных вещных прав»⁷.

На наш взгляд, в Законопроекте выражена схожая позиция. В частности, в главе 16 Законопроекта выделены четыре специальных способа защиты вещных прав, в число которых вошел и иск о признании вещного права (ст. 232 Законопроекта). Следует при этом подчеркнуть, что, несмотря на отсутствие в действующей редакции ГК РФ упоминания об иске о призна-

нии вещного права, судебная преюдиция причисляет его к вещно-правовым способам защиты права собственности и иных вещных прав. Данное обстоятельство подтверждается официальной позицией Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, нашедшей отражение в их совместном Постановлении от 29 апреля 2010 года № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»⁸.

И так, в силу ст. 232 Законопроекта узупфруктуарий как титульный (законный) владелец вещи в целях защиты своего оспариваемого вещного права может предъявить требование о признании права пользования (узупфрукта).

Иск о признании права пользования (узупфрукта) — это требование узупфруктария о констатации (подтверждении) перед третьим лицом факта принадлежности ему узупфрукта на спорную недвижимую вещь, не соединенное с требованием о возврате этой вещи или устранении препятствий в ее пользовании. Таким образом, иск о признании права пользования (узупфрукта) предъявляется в целях устранения правовой неопределенности относительно принадлежности этого права узупфруктуарию.

Субъектом права на предъявление иска о признании права пользования (узупфрукта) является узупфруктуарий, как владеющий, так и не владеющий обремененной недвижимой вещью, права которого оспариваются, отрицаются, либо не признаются третьим лицом, в том числе собственником обремененной недвижимой вещи.

⁵ Скловский К. И. Об условиях предъявления иска о признании права собственности // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2008. № 1.

⁶ Витрянский В. В. Актуальные проблемы защиты права собственности на недвижимость // Гражданское право современной России: Сборник статей / отв. ред. О. М. Козырь и А. Л. Маковский. М. : Статут, 2008. С. 28.

⁷ Сеницын С. А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы. М. : Инфотропик Медиа, 2015. С. 198, 210.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 года № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС РФ. 2010. № 6.

Субъектом обязанности (ответчиком) по иску, направленному на признание права пользования (узуфрукта), может выступать третье лицо, как заявляющее о своих правах на спорную недвижимую вещь, так и не предъявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора. В любом случае, это лицо, которое не признает за истцом узуфрукта на недвижимую вещь. Примечательно, что ответчик по иску о признании вещного права в Законопроекте определяется как «лицо, чьи права могут быть затронуты этим вещным правом истца» (п. 2 ст. 232 Законопроекта). Как верно замечает Л. Ю. Василевская, допускается ситуация, когда ответчиком является лицо, чьи права могут быть не затронуты вещным правом истца. Очевидно, что с юридико-технической точки зрения, это явная недоработка разработчиков Законопроекта⁹.

В юридической литературе есть мнение о том, что необходимым условием для предъявления требования о признании вещного права служит отсутствие между сторонами обязательственных или иных относительных отношений по поводу предмета спора¹⁰. Между тем обращает на себя внимание, что одним из оснований возникновения (приобретения) узуфрукта является соглашение между собственником недвижимой вещи и узуфруктуарием (п. 1 ст. 302.2 Законопроекта). Очевидно, что договор об установлении узуфрукта будет иметь обязательно-правовую природу, поскольку конструкция вещного договора не предусмотрена ни в действующем ГК, ни в Законопроекте. Следовательно, договор об установлении узуфрукта приведет не только к возникновению у узуфруктуария субъективно-ограниченного вещного права на вещь, но и порождает обязательство между сторонами. Это обстоятельство, на наш взгляд, ставит под сомнение выделение такого признака, как отсутствие между сторонами относительных правоотношений, в качестве условия для предъяв-

ления иска о признании права пользования (узуфрукта).

Поскольку рассматриваемый иск относится к петиторным способам правовой защиты, то условием его удовлетворения служит предоставление истцом доказательств возникновения у него соответствующего права (п. 59 Постановления № 10/22). В суд могут быть представлены любые предусмотренные процессуальным законодательством доказательства, подтверждающие возникновение у истца вещного права, прежде всего правоустанавливающие документы, которыми являются договор об установлении узуфрукта и завешание (ст. 302.2 Законопроекта). При отсутствии правоустанавливающих документов субъективное ограниченное вещное право истца на спорную вещь защищает презумпция законности владения (п. 3 ст. 213 Законопроекта).

Кроме того, учитывая, что требование о признании права пользования (узуфрукта) относится к категории споров о праве на недвижимое имущество, то истец должен представить справку (иной документ), выданную органом, осуществляющим государственную регистрацию прав, об отсутствии зарегистрированного за ним узуфрукта на спорный объект недвижимости (п. 54 Постановления № 10/22).

Определенным своеобразием отличается защита социального пользования посредством иска о признании вещного права.

Так, по общему правилу социальное пользование возникает на основании закона и устанавливается исключительно в пользу лиц, имеющих в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации (далее — СК РФ) право требовать от этого собственника уплаты алиментов (п. 2 ст. 302.6 Законопроекта). К этим лицам относятся дети, не достигшие восемнадцатилетнего возраста (несовершеннолетние) либо до приобретения ими полной дееспособности до совершеннолетия (при эмансипации или заключении брака) (ст. 80 СК РФ, ст. 21, 27 ГК РФ), совершеннолетние нетрудо-

⁹ См.: *Василевская Л. Ю.* Указ. соч.

¹⁰ См., напр., *Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. Ю. К. Толстого. М. : Проспект, 2013. С. 563 (автор главы — А. Д. Рудоквас).*

способные и нуждающиеся в помощи дети (ст. 85 СК РФ), нетрудоспособные и нуждающиеся в помощи родители (в том числе усыновители) при условии установления юридической связи с детьми (ст. 87 СК РФ); супруги при наличии строго определенных законом условий (ст. 89 СК РФ), «добросовестные супруги» при признании брака недействительным (п. 4 ст. 30 СК РФ) и иные лица, предусмотренные в разделе V «Алиментные обязательства членов семьи» СК РФ.

При обращении в суд с иском о признании социального пользования на жилое помещение этим лицам прежде всего следует доказать наличие указанных в законе обстоятельств, при которых они вправе требовать от собственника жилого помещения установления социального пользования. Во-первых, истец должен доказать, что он относится к кругу тех субъектов, которые вправе требовать от собственника жилого помещения уплаты алиментов. Во-вторых, ему нужно подтвердить факт совместного проживания с собственником жилого помещения, поскольку данное обстоятельство является главным условием приобретения социального пользования (п. 1 ст. 302.6 Законопроекта). В-третьих, ему необходимо представить в суд доказательства, свидетельствующие об отсутствии у него на праве собственности или на условиях социального найма изолированного жилого помещения, пригодного для постоянного проживания (п. 5 ст. 302.6 Законопроекта).

При доказанности исковых требований суд принимает решение о признании за истцом социального пользования на жилое помещение. Поскольку в соответствующем судебном акте решается вопрос о наличии вещного права, то он является основанием для внесения записи в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ЕГРП) (п. 52 Постановления № 10/22).

Помимо членов семьи собственника жилого помещения социальное пользование может быть приобретено лицами, находящимися на иждивении последнего. Это, в част-

ности, подтверждается нормой, содержащейся в п. 3 ст. 302.6 Законопроекта, согласно которой социальное пользование может быть установлено в судебном порядке по требованию лиц, проживающих совместно с собственником, которые находятся на его иждивении. Таким образом, разработчики Законопроекта наделяют указанных субъектов правом на обращение в суд с требованием об установлении (признании за ними) usufructa. Однако следует иметь в виду, что в данной ситуации речь не идет о защите usufructa с помощью иска о признании вещного права, поскольку, как отмечалось ранее, его цель состоит в констатации (подтверждении) факта существования права. Речь идет об установлении нового вещного права в судебном порядке, по результатам которого суд принимает решение, имеющее правоустанавливающий характер. Иными словами, при удовлетворении исковых требований социальное пользование возникает на основании решения суда, которое, в свою очередь, является основанием для внесения государственным регистратором записи о соответствующем ограниченном вещном праве в ЕГРП.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о том, распространяется ли исковая давность на требование о признании вещного права, в том числе права пользования (usufructa). В литературе на этот счет высказаны прямо противоположные взгляды. Одни авторы выступают за применение исковой давности к требованиям о признании вещных прав в пределах ее общего срока. Другие полагают, что такие требования в силу своей специфики не подпадают под действие норм ГК об исковой давности. Сторонником первой точки зрения является, например, В. В. Витрянский, который указывает на отсутствие каких-либо препятствий (как фактических, так и юридических) для заявления ответчика по иску о признании вещного права о пропуске истцом исковой давности¹¹. Придерживаясь второй позиции, А. В. Рудоквас справедливо отмечает, что, заявляя об истечении срока исковой давности,

¹¹ См. Витрянский В. В. Указ. соч. С. 32.

ответчик тем самым признает обоснованность предъявленного иска, предпочитая вместо отрицания правомерности требования истца воспользоваться возможностью отказа от его исполнения. Из этого, по логике, следует, что суд не может одновременно признать право истца и тут же отказать ему в этом признании, ссылаясь на истечение исковой давности¹².

Как известно, перечень требований, на которые исковая давность не распространяется, содержится в ст. 208 ГК РФ. К их числу прежде всего относятся: требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ; требования вкладчиков к банку о выдаче вкладов; требования о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина; требования собственника или иного владельца об устранении всяких нарушений его права, если эти нарушения не были соединены с лишением владения (негаторный иск), в том числе требования о признании права (обременения) отсутствующим; иные требования в случаях, установленных законом. Важно отметить, что Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 29 сентября 2015 г. № 43 (п. 7) констатировал, что положения абз. 5 ст. 208 ГК РФ не применяются к искам, не являющимся негаторными (например, к искам об истребовании имущества из чужого незаконного владения)¹³. Таким образом, из буквального толкования закона и воли законодателя вытекает, что иск о признании вещного права (в том числе иск о признании права пользования (узуфрукта)) не входит в перечень требований, на которые исковая давность не распространяется. Это, в свою очередь, означает, что с формально-юридических позиций к нему может быть применен общий трехлетний срок исковой давности (ст. 196 ГК РФ).

Однако судебная практика не идет по пути безусловного соблюдения положения абз. 5 ст. 208 ГК РФ.

Например, в одном из рассмотренных дел истец обратился в суд с иском о признании права общей долевой собственности на жилое помещение, приобретенное им в порядке наследования. В обоснование исковых требований истец указал, что в установленный законом шестимесячный срок с заявлением о выдаче свидетельства о праве на наследство к нотариусу не обращался, однако после смерти наследодателя совершил действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства. В ходе рассмотрения дела было установлено, что спорное жилое помещение (квартира) перешло к истцу и ответчику в порядке наследования по закону. В течение установленного законом шестимесячного срока к нотариусу с заявлением о принятии наследства обратился лишь ответчик, поэтому в свидетельстве о праве на наследство был указан только он. На основании этого свидетельства ответчик зарегистрировал право собственности на жилое помещение и стал, таким образом, единоличным собственником спорного имущества. Ответчик возражал против исковых требований, ссылаясь на пропуск истцом установленного ст. 196 ГК РФ трехлетнего срока исковой давности. Однако суд счел возможным не применять нормы об исковой давности к требованию истца о признании права общей долевой собственности, обосновывая свое решение тем, что, «заявляя требование о признании права собственности на принадлежащую ему долю в спорной квартире, истец фактически настаивает на устранении нарушения своего права, не связанного с лишением владения, путем оспаривания выданного ответчику свидетельства о праве на наследство по закону и ее права собственности на всю квартиру»¹⁴.

В другом деле индивидуальный предприниматель обратился в арбитражный суд с иском к обществу с ограниченной ответственностью о признании доли в праве общей долевой

¹² См.: Гражданское право: учебник / под ред. Ю. К. Толстого. Т. 1. С. 564.

¹³ См.: постановление Пленума ВС РФ № 43 от 29 сентября 2015 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации» об исковой давности // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.

¹⁴ См.: решение Хабаровского районного суда Хабаровского края от 5 сентября 2016 г. по делу № 2-2361/2016.

собственности на общее имущество здания. Арбитражный суд удовлетворил иски требования. Ответчик в апелляционной жалобе указал, что судом первой инстанции неполно выяснены обстоятельства, имеющие значение для дела, а также нарушены нормы материального и процессуального права (в том числе нормы об исковой давности). Апелляционная инстанция оставила решение суда первой инстанции без изменения, апелляционную жалобу — без удовлетворения по следующим основаниям. Поскольку из материалов дела бесспорно следовало, что ООО зарегистрировало право собственности на имущество, принадлежащее всем собственникам помещений в соответствующем здании, без законных на то оснований, в нарушение права общей долевой собственности собственников помещений на общее имущество здания, иски требования ИП были обоснованно удовлетворены судом первой инстанции.

Применительно к вопросу об исковой давности суд указал следующее: «В абз. 2 п. 9 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания» указано, что если общим имуществом владеют собственники помещений в здании (например, владение общими лестницами, коридорами, холлами, доступ к использованию которых имеют собственники помещений в здании), однако право индивидуальной собственности на общее имущество зарегистрировано в реестре за одним лицом, собственники помещений в данном здании вправе требовать признания за собой права общей долевой собственности на общее имущество. Суд рассматривает это требование как аналогичное требованию собственника об устранении всяких нарушений его права, не соединенных с лишением владения (статья 304 ГК РФ)»¹⁵. С учетом положений абз. 5 ст. 208 суд признал, что оснований для отказа в иске

по мотиву пропуска срока исковой давности не имеется.

Таким образом, при разрешении споров по искам о признании права собственности и иных вещных прав в ряде случаев суды общей юрисдикции и арбитражные суды считают возможным применить к иску о признании вещного права по аналогии закона правило, закрепленное в абз. 5 ст. 208 ГК РФ. Вместе с тем следует иметь в виду, что указанные иски применяются в различных ситуациях. В то время как основанием предъявления негаторного иска является наличие вещного права и факт его нарушения ответчиком, иск о признании вещного права, как уже отмечалось, применяется, когда право истца оспаривается или просто игнорируется ответчиком, что создает угрозу его последующего нарушения¹⁶. Отказывая ответчику в заявлении об учете пропуска истцом исковой давности по требованиям о признании вещных прав, суды, очевидно, исходят из того, что оспаривание (непризнание, отрицание) ответчиком вещного права истца носит длящийся характер. Именно по этой причине, как известно, исковая давность не распространяется на требования об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения (ст. 304 ГК РФ). Поэтому представляется целесообразным при закреплении иска о признании вещного права на законодательном уровне включить его в перечень требований, на которые исковая давность не распространяется.

Изложенное позволяет нам сделать вывод о том, что необходимость использования такого способа правовой защиты, как иск о признании права пользования (узуфрукта), возникает тогда, когда лицо считает себя законным владельцем недвижимой вещи, однако он не зарегистрирован в этом качестве в ЕГРП. Цель истца состоит в признании принадлежащего ему права, т.е. в его официальном подтверждении, поскольку закон связывает момент возникновения вещного права с моментом его государственной регистрации.

¹⁵ См.: постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 21 сентября 2015 г. по делу № А41-4687/12 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ См.: Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. Ю. К. Толстого. С. 559, 563.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Василевская Л. Ю. Иск о признании права: проблемы юридической квалификации // Право и бизнес : сборник статей I Ежегодной международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию со дня рождения профессора В. С. Мартемьянова / под ред. И. В. Ершовой. — М. : Юрист, 2012.
2. Витрянский В. В. Актуальные проблемы защиты права собственности на недвижимость // Гражданское право современной России : Сборник статей / отв. ред. О. М. Козырь и А. Л. Маковский. — М. : Статут, 2008. — 254 с.
3. Гражданское право : учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. Ю. К. Толстого. — М. : Проспект, 2013. — 784 с.
4. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — М. : Статут, 2013. — Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. — 958 с.
5. Сеницын С. А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы. — М. : Инфотропик Медиа, 2015. — 340 с.
6. Скловский К. И. Об условиях предъявления иска о признании права собственности // Вестник ВАС РФ. — 2008. — № 1.
7. Суханов Е. А. Гражданское право России — частное право / отв. ред. В. С. Ем. — М. : Статут, 2008. — 588 с.

Материал поступил в редакцию 10 ноября 2016 г.

CLAIM FOR RECOGNITION OF THE RIGHT OF OWNERSHIP: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

MATSAKYAN Gohar Surenovna — Post-graduate at the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
goar.matsakyan@gmail.com
123995, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9

Review. *The specifics of the proprietary-legal protection of the right of ownership and other material rights is to use special claims based on the evidence of the plaintiff of its title. A draft legislation to amend the Civil Code of the Russian Federation proposes the establishment of a closed list of code proprietary ways to protect property rights. These methods include the vindicatory and negatory actions, as well as the recent widespread in judicial practice action for release of property from seizure (deletion from inventory) and an action for the recognition of property rights.*

The usufruct takes place in the system of independent proprietary rights under the draft legislation. This article discusses the features of the protection of usufruct by the claim for recognizing the right, namely: the author reveals the essence of the claim, defines its subject matter and grounds, actors (the plaintiff and the defendant), the conditions of presentation. In addition, on the basis of the analysis of judicial practice and legislation on the limitation period, the author finds that the claim for recognition of the rights in the essence refers to the requirements on which the Statute of limitation does not apply.

Keywords: *rights in rem, a limited proprietary right, the right of usufruct, social usufruct, encumber, lawful possession, intangible, the State registration of rights, protection of proprietary rights, claim recognition of the right, the Statute of limitation.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vasilevskaja L. Ju. Isk o priznanii prava: problemy juridicheskoy kvalifikacii // Pravo i biznes: sbornik statej I ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, priurochennoj k 80-letiju so dnja rozhdenija professora V. S. Martem'janova / Pod red. I. V. Ershovoj. M.: Jurist, 2012 // SPS Konsul'tantPljus: Kommentarii zakonodatel'stva.

2. Vitrjanskij V. V. Aktual'nye problemy zashhity prava sobstvennosti na nedvizhimost' // Grazhdanskoe pravo sovremennoj Rossii: Sbornik statej / Otv. red. O. M. Kozyr' i A. L. Makovskij. M.: Statut, 2008. 254 s.
3. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 3 t. T. 1 / pod red. Ju. K. Tolstogo. M.: Prospekt, 2013. 784 s.
4. Rossijskoe grazhdanskoe pravo. Uchebnik: V 2 T. T. I: Obshhaja chast'. Veshhnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'nye prava. Lichnye neimushhestvennye prava / Otv. red. E. A. Suhanov. M.: Statut, 2013. 958 s.
5. Sinicyn S. A. Iskovaja zashhita veshhnyh prav v rossijskom i zarubezhnom grazhdanskom prave: aktual'nye problemy. M.: Infotropik Media, 2015. 340 s.
6. Sklovskij K. I. Ob uslovijah pred#javenija iska o priznanii prava sobstvennosti // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2008. № 1 // SPS Garant: Kommentarii zakonodatel'stva.
7. Suhanov E. A. Grazhdanskoe pravo Rossii — chastnoe pravo / Otv. red. V. S. Em. M.: Statut, 2008. 588 s.

Уголовная ответственность за создание террористического сообщества и участие в нем: недостатки и перспективы

Аннотация. Рассматривается история дополнения УК РФ нормой об ответственности за организацию террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4), а также внесения изменений в нее.

Предложен анализ действующей редакции ст. 205.4 УК РФ. Отмечается пробельность и спорный характер ряда ее положений, а также их возможное негативное влияние на правоприменительную деятельность.

Вносятся предложения по совершенствованию редакции рассматриваемой нормы. В частности, с целью устранения ненужного дублирования и противоречий предлагается исключить из ч. 1 ст. 205.4 УК РФ ссылку на террористическую деятельность с одновременным дополнением содержащегося в ней перечня преступлений террористическим актом.

Сделан вывод о том, что террористическое сообщество не может и не должно создаваться для совершения любого преступления. Распространение ст. 205.4 УК РФ на случаи, непосредственно не связанные с террористическими преступлениями, выглядит искусственным, натянутым. В этой связи предлагается исключить из ст. 205.4 УК РФ слова о подготовке или совершении любого преступления в целях «пропаганды, оправдания и поддержки терроризма».

Ключевые слова: противодействие терроризму, террористическая деятельность, террористические преступления, террористическое сообщество, террористическая организация.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.175-182

Федеральным законом от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен статьей 205.4, предусматривающей ответственность за организацию террористического сообщества и участие в нем.

Проект данного Федерального закона был внесен в Государственную Думу Федерального

Собрания РФ 27 сентября 2013 г., после получения официальных отзывов Верховного Суда РФ и Правительства РФ. В Официальном отзыве Верховного Суда РФ замечания к законопроекту были определены как имеющие «юридическо-технический характер». В частности, указывалось на то, что «в проектных статьях 205.4 и 205.5 УК РФ устанавливается уголовная ответственность не только за организацию террористического сообщества (террористической

¹ СЗ РФ. 2013. № 44. Ст. 5641.

© Сипки М. В., 2017

* Сипки Марат Вазирович — аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

marat1515.17@mail.ru

142770, Россия, г. Москва, ул. Александры Монаховой, 6-138

организации), но и за участие в них, однако в названиях статей это в полной мере не отражено»². В остальном Верховный Суд РФ поддержал законопроект.

В своем Официальном отзыве Правительство РФ также поддержало проект анализируемого Федерального Закона³.

Хотим обратить внимание здесь на то, что в Пояснительной записке авторов законопроекта не была указана цель дополнения УК РФ статьей об ответственности за организацию террористического сообщества и участие в нем. Она была озвучена лишь в Заключении Комитета по безопасности и противодействию коррупции Государственной Думы Федерального Собрания РФ. По мнению членов данного Комитета, предлагаемые в законопроекте дополнительные меры противодействия терроризму «имеют комплексный характер и выработаны в результате анализа правоприменительной практики по вопросам правового обеспечения противодействия терроризму...

Законопроект направлен также на повышение эффективности применения мер уголовной ответственности...

Законопроект направлен на формирование комплексной системы противодействия террористической деятельности, создавая новые формы противодействия терроризму, в том числе с использованием социально-общественных инструментов»⁴.

Однако через полгода, с принятием Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законода-

тельные акты Российской Федерации», статья 205.4 УК подверглась изменениям. Наказание за преступление, предусмотренное частью 1 данной статьи, было ужесточено: введено пожизненное лишение свободы. Кроме того, определение понятия «поддержка терроризма», содержащееся в примечании 2 к ст. 205.4 УК, было распространено на примечание к ст. 205.2 и п. «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Данный законопроект был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ 15 января 2014 года. Согласно Пояснительной записке его авторов, проект разработан «в целях усиления защиты гражданина и общества от терроризма»⁵.

В своих Официальных отзывах Верховный Суд РФ и Правительство РФ в целом поддержали законопроект. При этом Верховный Суд РФ сделал, по нашему мнению, очень важное замечание к проекту: «Принимая во внимание непродолжительный период действия статьей 205.4 и 205.5 УК РФ, включенных в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ, предложение о внесении изменений в санкции данных статей представляется преждевременным»⁶. Однако данное замечание осталось без внимания, и поэтому оно не было учтено при принятии закона. В результате такого шага законодателя, наказание (лишение свободы) за создание террористического сообщества, а равно руководство таким террористическим сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделения-

² Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 15.07.2013 № 1-ВС-3080/13 «На проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Официальный отзыв Правительства РФ от 06.09.2013 № 5306п-П4 «На проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Решение Комитета по безопасности и противодействию коррупции от 09.10.2013 № 71/1 «О проекте Федерального закона № 347667-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 20.01.2014 № 2ВС-119/14 «На проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс».

ми (ч.1 чт. 205.4 УК РФ), оказалось строже, чем за убийство при отягчающих обстоятельствах (ч.2 ст. 105 УК РФ).

Необходимо заметить, решение законодателя о дополнении УК РФ статьей 205.4 (как и ст. 205.5) находит в теории не только сторонников, но и критиков. Так, касаясь этого вопроса, Н. А. Егорова, пишет, что «последние правотворческие новеллы заслуживают, к сожалению, преимущественно критических оценок»⁷. В. И. Гладких также считает, что «редакция указанных норм оставляет желать лучшего»⁸.

Действующая в настоящее время редакция части 1 ст. 205.4 УК РФ предусматривает ответственность за:

создание террористического сообщества;
руководство террористическим сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениям.

Таким образом, из буквального текста закона следует, что *создание части террористического сообщества или входящих в него структурных подразделений (либо участие в них) не охватывается им*. Безусловно, это является законодательным пробелом.

Понятие террористического сообщества дается непосредственно в части 1 ст. 205.4 УК РФ. Из нее следует, что террористическое сообщество — это устойчивая группа лиц, заранее объединившихся в целях:

осуществления террористической деятельности;

подготовки одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ;

подготовки иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма;

совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ;

совершения иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма.

Согласно Федеральному закону «О противодействии терроризму», террористическая деятельность — деятельность, включающая в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Таким образом, осуществление террористической деятельности подразумевает совершение преступлений (любого), предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 208, 210 УК РФ.

С другой стороны, по ст. 205.4 УК РФ наказуемы подготовка к совершению или совершение группы преступлений (любого), среди которых — преступления, предусмотренные статьями 205.1, 205.2 и 208 УК РФ. Как видим, в этой группе преступлений отсутствует преступление, предусмотренное ст. 205 УК РФ. Представляется, что существующее противоречие внутри самой нормы (ч. 1 ст. 205.4 УК) следует устранить путем исключения указания на тер-

⁷ Егорова Н. А. Противодействие терроризму: новеллы уголовного законодательства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 128.

⁸ Гладких В. И. Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ // Российский следователь. 2014. № 5. С. 34—38. См. также: Ростокинский А. В., Толпекин К. А. Очередные «антитеррористические» новеллы или введение в «уникальную» часть Уголовного кодекса? // Российский следователь. 2014. № 18. С. 31—34.

рористическую деятельность с одновременным дополнением содержащегося перечня преступлений ссылкой на террористический акт (ст. 205 УК РФ).

Определенные трудности могут возникнуть с квалификацией по ст. 205.4 УК РФ также подготовки или совершения *любого другого* преступления в целях «пропаганды, оправдания и поддержки терроризма» (при этом непосредственно в УК РФ раскрываются понятия оправдания (публичного) и поддержки терроризма, но не его пропаганды). Между тем вызывает сомнение возможность совершения таких преступлений как кража или получение взятки «в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма». По нашему мнению, *террористическое сообщество не может и не должно создаваться для совершения любого преступления*. Распространение ст. 205.4 УК РФ на случаи, непосредственно не связанные с террористическими преступлениями, выглядит искусственным⁹.

Из текста закона следует, что террористическое сообщество создается «в целях подготовки или совершения иных преступлений в целях (выделено нами. — М. С.) пропаганды, оправдания и поддержки терроризма». Однако в любом человеческом деянии определяющей является только одна цель (только один мотив). Допускать возможность совершения общественно опасного деяния сразу с несколькими целями (или мотивами), значит, создавать непреодолимые сложности в правоприменительной практике на пути его квалификации.

Кроме того, следует обратить внимание на использование спорного термина «подготов-

ка преступления»¹⁰. Полагаем, что он *не равен* употребляемому в УК РФ термину «приготовление к преступлению». Данное обстоятельство, по нашему мнению, может стать дополнительным источником разночтений в правоприменительной практике.

В литературе принято считать, что систематическое толкование уголовного закона «позволяет сделать вывод о том, что террористическое сообщество представляет собой разновидность организованной группы»¹¹.

Однако такой подход представляется сомнительным. С одной стороны, террористическое сообщество, согласно ч.1 ст. 205.4 УК РФ, создается для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, что является признаком преступного сообщества (преступной) организации. С другой стороны, это конечно, не преступное сообщество, поскольку террористическое сообщество может совершать преступление и не для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды (что, согласно ст. 35 УК РФ, является обязательным признаком преступного сообщества (преступной организации)).

По обсуждаемому вопросу высказано мнение, согласно которому, «по объективным признакам террористическое сообщество совпадает с признаками организованной группы и преступного сообщества, поэтому их отличие друг от друга следует проводить по признакам субъективной стороны»¹². В частности, утверждается, что «цели террористического сообщества носят политический, сепаратистский характер».

⁹ Как отмечается в литературе, круг преступлений, «с целью совершения которых создается террористическое сообщество, в УК РФ должен быть абсолютно конкретным, определенным. Такими должны быть признаны исключительно террористические преступления» (см.: *Кочои С. М.* Общеввропейское законодательство о борьбе с терроризмом и перспективы реформирования УК РФ // *Lex Russica*. 2014. № 9. С. 1061—1068).

¹⁰ По мнению ряда авторов, такая «неточность» в терминологии (встречающаяся в статьях 205.4, 282.1 и 282.3 УК РФ) «говорит об устоявшемся недочете законодательной техники» (см.: *Борисов С. В., Чугунов А. А.* Новеллы уголовного законодательства в сфере противодействия экстремизму: критический анализ // *Современное право*. 2015. № 4).

¹¹ *Агапов П. В.* Организация террористического сообщества и участие в нем: проблемы криминализации и правоприменения // *Российская юстиция*. 2015. № 7. С. 23—25.

¹² *Ульянова В. В.* Террористическое сообщество и террористическая организация: проблемы квалификации // *Уголовное право*. 2015. № 1.

Выходом из данной противоречивой ситуации мы видим либо в установлении в ч. 1 ст. 205.4 УК РФ ответственности за *создание организованной группы с целью совершения террористических преступлений* либо в *изменении определения преступного сообщества (преступной организации) путем исключения из ч. 4 ст. 35 УК РФ слов «для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды»* (как это и было в ч.4 ст. 35 УК РФ в редакции, действовавшей до 3 ноября 2009 г.).

Безусловно, введя уголовную ответственность за организацию сообщества в целях совершения отдельных террористических преступлений, законодатель создал проблему разграничения смежных составов преступлений. Наличие подобной проблемы, по нашему мнению, более чем очевидно при наличии признака «совершение преступления организованной группой». Например, создание террористического сообщества в целях совершения террористического акта (осуществления террористической деятельности), предусмотренного ч.1 ст. 205.4 УК РФ, и совершение террористического акта организованной группой, предусмотренного п. «б» ч.2 ст. 205 УК РФ. С проблемой их разграничения сталкивается и правоприменительная практика.

Так, осужденный Бабаев был признан виновным в участии в устойчивой вооруженной группе (банде) и в совершаемых ею нападениях, покушении на совершение террористического акта организованной группой, посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа в целях воспрепятствования его законной деятельности по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности и из мести за такую деятельность; убийстве двух и более лиц организованной группой, сопряженном с бандитизмом, террористическом акте организованной группой; незаконном приобретении, ношении, хранении и перевозке огнестрельного оружия,

боевых припасов и взрывных устройств, организованной группой¹³.

Адвокат осужденного в своей жалобе предлагал переqualифицировать его действия со ст. 205 на ст. 205.4 УК РФ. Однако апелляционная инстанция не согласилась с доводами адвоката, указав лишь, что «по эпизодам проведенных взрывов и их попыток были совершены конкретные действия, поэтому оснований для переqualификации действий осужденных в этой части на ст. 205.4 УК РФ не имеется».

На наш взгляд, применение ст. 205.4 УК РФ имеет смысл лишь в случаях, когда террористическое сообщество *еще не успело совершить конкретное террористическое преступление* (указанное в диспозиции ей первой части). Если же оно совершено, то применяться должна статья УК РФ, предусматривающая ответственность за него.

Ряд практических вопросов квалификации преступления, предусмотренного ст. 205.4 УК РФ, был поставлен в научной литературе. «Например, — пишет М. Ю. Осипов, — лицо принимало участие в деятельности устойчивой группы лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 Уголовного кодекса РФ. По какой статье необходимо квалифицировать данное деяние? По ст. 205.4 или по ст. 205.5 Уголовного кодекса РФ?»¹⁴

Нам представляется, что в данной ситуации надлежит применить ст. 205.4 УК РФ. Оснований для применения ст. 205.5 УК, на наш взгляд, здесь не имеется.

В другой научной работе выделяют две следующие ситуации:

«Ситуация 1. После признания организации террористической ее участники какое-то время совершают действия, образующие участие в деятельности такой организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности

¹³ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 22.04.2014 № 20-АПУ14-7// СПС «Консультант-Плюс».

¹⁴ Осипов М. Ю. О некоторых проблемах квалификации преступлений террористической направленности // Российская юстиция. 2015. № 3. С. 28—30.

запрещенной организации, вербовка новых участников и т.п.), и лишь после этого начинают совершать преступления террористической направленности.

Ситуация 2. После признания организации террористической ее участники сразу начали готовить или совершать преступления террористической направленности, предусмотренные ст. ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо иные преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, не осуществляя, соответственно, каких-либо иных действий, которые можно было бы расценить как участие в террористической организации.

В первой ситуации имеет место реальная совокупность, так как сначала осуществляются деяния, связанные с участием в деятельности террористической организации, а затем действия, образующие участие в террористическом сообществе, выражающееся в совершении преступлений террористической направленности. Фактически в данном случае нужно признать, что после того, как члены террористической организации стали совершать преступления террористической направленности,

она перестала быть таковой и трансформировалась в террористическое сообщество.

Во второй же из приведенных ситуаций в силу того, что после признания организации террористической ее участники сразу начинают совершать преступления террористической направленности, она, соответственно, преобразуется в террористическое сообщество. Поэтому содеянное должно квалифицироваться только по ст. 205.4 УК РФ»¹⁵.

На наш взгляд, в обеих ситуациях речь идет о совокупности преступлений — предусмотренного ст. 205.5 и той статьей УК РФ, которой охватывается конкретное преступление террористической направленности. Ни в одной из них мы не усматриваем признаков преступления, предусмотренного ст. 205.4 УК РФ.

Что касается освобождения от уголовной ответственности, то здесь мы согласны с тем, что примечание к ст. 205.4 УК РФ, содержащее данную норму, также нуждается в дальнейшем совершенствовании¹⁶. В частности, в ней необходимо предусмотреть освобождение *не только для участника, но и организатора (руководителя) террористического сообщества*.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агапов П. В. Организация террористического сообщества и участие в нем: проблемы криминализации и правоприменения // Российская юстиция. — 2015. — № 7. — С. 23—25.
2. Борисов С. В., Чугунов А. А. Новеллы уголовного законодательства в сфере противодействия экстремизму: критический анализ // Современное право. — 2015. — № 4//СПС «КонсультантПлюс».
3. Гладких В. И. Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ // Российский следователь. — 2014. — № 5. — С. 34—38.
4. Егорова Н. А. Противодействие терроризму: новеллы уголовного законодательства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 3. — С. 127—134.

¹⁵ Хлебушкин А. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и квалификация // Уголовное право. 2014. № 2. С. 82—87.

¹⁶ Кочои С. М. Вопросы освобождения от уголовной ответственности за преступления террористической направленности // Государственный суверенитет и верховенство права: международное и национальное измерения. II Московский юридический форум (Кутафинские чтения) (2—4 апреля 2015 г., г. Москва) : материалы круглых столов : в 2 ч. Часть 1. М. : Проспект, 2015. С. 238—241.

5. Кочои С. М. Общеевропейское законодательство о борьбе с терроризмом и перспективы реформирования УК РФ // Lex Russica. — 2014. — № 9. — С. 1061—1068.

6. Кочои С. М. Вопросы освобождения от уголовной ответственности за преступления террористической направленности // Государственный суверенитет и верховенство права: международное и национальное измерения. II Московский юридический форум (Кутафинские чтения) (2—4 апреля 2015 г., Москва) : материалы круглых столов: в 2 ч. — Часть 1. — М. : Проспект, 2015. — С. 238—241.

7. Осипов М. Ю. О некоторых проблемах квалификации преступлений террористической направленности // Российская юстиция. — 2015. — № 3. — С. 28—30.

8. Ростокинский А. В., Толпекин К. А. Очередные «антитеррористические» новеллы или введение в «уникальную» часть Уголовного кодекса? // Российский следователь. — 2014. — № 18. — С. 31—34.

9. Ульянова В. В. Террористическое сообщество и террористическая организация: проблемы квалификации // Уголовное право. — 2015. — № 1.

10. Хлебушкин А. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и квалификация // Уголовное право. — 2014. — № 2. — С. 82 — 87.

Материал поступил в редакцию 27 мая 2016 г.

CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THE FOUNDING AND PARTICIPATION OF TERRORIST COMMUNITY: PROBLEMS AND PROSPECTS

SIPKI Marat Vazirovich — Post-graduate at the Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
marat1515.17@mail.ru
142770, Moscow, Alexandry Monahovoy Str., 6-138.

Review. *The article considers the history of adding the norm about criminal responsibility for the organization and participation in the terrorist community (Art. 205.4), as well as some changes to it.*

There is an analysis of the current edition of Art. 205.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author notes some gaps controversial nature of some of its provisions, as well as their possible negative impact on law enforcement.

Some proposals for improvement of editorial standards under consideration are offered. In particular, with a view to eliminating unnecessary duplication and contradictions it is proposed to delete from Part 1 Art. 205.4 of the Criminal Code of the Russian Federation the reference to terrorist activity with simultaneous addition of the list of crimes contained in the terrorist act.

It is concluded that the terrorist community cannot and must not be created for the purpose of committing any crime. Dissemination of Art. 205.4 the on cases that are not directly related to terrorist crimes looks artificial and far-fetched. In this connection, it is proposed to exclude from Art. 205.4 of the Criminal Code of the Russian Federation the words about preparation or perpetration of any crime in order to “promote, justify and support terrorism.”

Keywords: *countering terrorism, terrorist activities, terrorist crimes, the terrorist community, a terrorist organization.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Agapov P. V. Organizacija terroristicheskogo soobshhestva i uchastie v nem: problemy kriminalizacii i pravoprimenenija // Rossijskaja justicija. — 2015. — № 7. — С. 23—25.

2. Borisov S. V., Chugunov A. A. Novelly ugovnogo zakonodatel'stva v sfere protivodejstvija jekstremizmu: kriticheskij analiz//Sovremennoe pravo. — 2015. — № 4//SPS «Konsul'tantPljus».
3. Gladkih V. I. Novye pravovye mehanizmy protivodejstvija terrorizmu: kriticheskij analiz//Rossijskij sledovatel'. — 2014. — № 5. — S. 34—38.
4. Egorova N. A. Protivodejstvie terrorizmu: novelly ugovnogo zakonodatel'stva//Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava. 2014. — № 3. — S. 127—134.
5. Kochoi S. M. Obsheevropejskoe zakonodatel'stvo o bor'be s terrorizmom i perspektivy reformirovanija UK RF//Lex Russica. — 2014. — № 9. — S. 1061—1068.
6. Kochoi S. M. Voprosy osvobozhdenija ot ugovnoj otvetstvennosti za prestuplenija terroristicheskoy napravlenosti// Gosudarstvennyj suverenitet i verhovenstvo prava: mezhdunarodnoe i nacional'noe izmerenija. II Moskovskij juridicheskij forum (Kutafinskie chtenija) (2—4 aprelja 2015 g., Moskva): materialy kruglyh stolov: v 2 ch. — Chast' 1. — M.: Prospekt, 2015. — S. 238—241.
7. Osipov M. Ju. O nekotoryh problemah kvalifikacii prestuplenij terroristicheskoy napravlenosti//Rossijskaja justicija. — 2015. — № 3. — S. 28—30.
8. Rostokinskij A. V., Tolpekin K. A. Ocherednye «antiterroristicheskie» novelly ili vvedenie v «unikal'nuju» chast' Ugovnogo kodeksa?//Rossijskij sledovatel'. — 2014. — № 18. — С. 31—34.
9. Ul'janova V. V. Terroristicheskoe soobshhestvo i terroristicheskaja organizacija: problemy kvalifikacii// Ugovnoe pravo. — 2015. — № 1//SPS «Konsul'tantPljus».
10. Hlebushkin A. Organizacija dejatel'nosti terroristicheskoy organizacii i uchastie v dejatel'nosti takoj organizacii (st. 205.5 UK RF): ugovno-pravovaja harakteristika i kvalifikacija // Ugovnoe pravo. — 2014. — № 2. S. 82 — 87.

И. М. Мухачева*

Состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости в соответствии со ст. 106 УК РФ

Аннотация. В статье рассматриваются положения уголовного закона, определяющие понятие и значение психического расстройства, не исключающего вменяемости. Показывается сходство между характеристиками психического расстройства, не исключающего вменяемости, предусмотренного ст. 22 и 106 УК РФ, и выявляются различия между ними. Так, автор отмечает специфические черты, связанные с тем, что положения, закрепленные в ст. 22 УК РФ, являются средством индивидуализации наказания и не ограничены каким-либо видом преступления, могут быть учтены при назначении наказания и решении вопроса о применении принудительных мер медицинского характера, т.е. влияют на индивидуализацию уголовной ответственности, а ограниченная вменяемость в конструкции ст. 106 УК РФ используется как признак привилегированного состава, т.е. как средство дифференциации уголовной ответственности.

При анализе положений ст. 106 УК РФ рассмотрена взаимосвязь психического расстройства, не исключающего вменяемости, с родами и послеродовым периодом.

Ключевые слова: уголовное право, ограниченная вменяемость, медицинский критерий ограниченной вменяемости, юридический критерий ограниченной вменяемости, убийство матерью новорожденного ребенка, виды убийство матерью новорожденного ребенка, психофизиологическое состояние, привилегированный состав, сравнение положений ст.ст. 22, 106 УК РФ.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.183-190

Существование положений об ограниченной вменяемости в ст. 22 УК РФ является закономерным результатом развития уголовного законодательства. Закрепление данной нормы на законодательном уровне подтверждает реальное существование вменяемых лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, имеющих нарушения интеллектуально-волевой сферы на момент совершения преступления. До признания ограниченной вменяемости в уголовном праве применялись два ключевых правила: если лицо является вменяемым, то оно должно не-

сти в полной мере уголовную ответственность за совершенное преступление, невменяемое лицо уголовной ответственности не подлежит.

Ограниченную вменяемость можно отнести к виду психофизиологических состояний с отклонениями не патологического характера. Критериями для этого выступают: 1) часть вменяемости, хотя и ограниченная, но все-таки вменяемость; 2) если юридический критерий указывает на ослабленную или ограниченную способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, то медицинский крите-

© Мухачева И. М., 2017

* Мухачева Ирина Михайловна — аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

letter-brief@yandex.ru

125993, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

рий характеризуется наличием пограничного состояния психики. Таким образом, критерием отнесения данного состояния к психофизиологическим является именно нервно-психическое расстройство, находящееся на условной границе между психическим здоровьем и выраженной болезненной психической патологией, проявившееся в данной конкретной обстановке и действительно повлиявшее на поведение лица, совершившего преступление. Поскольку главной характеристикой вменяемости является способность лица осознавать свои действия и руководить ими, то при ограниченной вменяемости (в сущности разновидности вменяемости) эти способности снижены, что влияет на степень вины.

Согласно ч. 2 ст. 22 УК РФ психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера. Если ограниченная вменяемость определяет меньшую степень вины, то при назначении наказания психическое расстройство может учитываться судом как обстоятельство, смягчающее наказание. Это обусловлено тем, что перечень смягчающих обстоятельств, закрепленный в ст. 61 УК РФ, является открытым и признание в качестве смягчающих иных, не указанных в данной статье обстоятельств, является судебским усмотрением.

Ю. М. Антонян и С. В. Бородин считают ограниченную вменяемость ограниченной способностью лица вследствие психического расстройства или иных психических аномалий руководить своими действиями (бездействиями) при совершении преступления и осознавать нарушение охраняемых уголовным законом общественных отношений¹. Указанные авторы, как представляется, обоснованно полагают правильным учитывать ограниченную вменяемость при назначении наказания как смягчающее ответственность обстоятельство, но при этом не исключают ее нейтрального

положения по отношению к мере наказания². Представляется, что законодатель не включил психическое расстройство, не исключающее вменяемости, в перечень обстоятельств, смягчающих наказание, в связи с отсутствием доказательств обязательного влияния его на поведение лица при совершении преступления.

Термин психическое расстройство является медицинским, и свое закрепление находит в ФЗ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Согласно статье 10 указанного закона диагноз психическое расстройство ставится в соответствии с общепризнанными международными стандартами. Таким стандартом является Международная классификация болезней десятого пересмотра МКБ-10, где в разделе психические расстройства и расстройства поведения во всех случаях используется термин «психическое расстройство».

Медицинский критерий ограниченной вменяемости законодатель определил кратко — психическое расстройство, не исключающее вменяемости, в отличие от более подробного описания медицинского критерия невменяемости. Само по себе психическое расстройство не представляет интереса для уголовного права, поскольку никаких заранее установленных правовых последствий не несет. И лишь при условии его влияния на преступное поведение оно приобретает уголовно-правовое значение.

При признании лица ограниченно вменяемым необходимо установление причинно-следственной связи между психическим расстройством, которое нарушило способность в полной мере осознавать значение своих действий (бездействий) и руководить ими, с совершенным общественно опасным деянием. Отсутствие указанной взаимозависимости исключает учет ограниченной вменяемости при назначении наказания.

Рассматривая медицинский критерий ограниченной вменяемости, обратим внимание на сочетание понятий из различных областей на-

¹ См.: Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступное поведение и психические аномалии. М. : Спарк, 1998. С. 158.

² Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступное поведение и психические аномалии С. 156.

уки. Понятие «психическое расстройство» является медицинским, понятие «вменяемость», как и «невменяемость» — юридическим. И если юридическая наука использует медицинский термин «психическое расстройство», то использование юридических терминов в медицинской науке вызывает критику³.

Юридический критерий ограниченной вменяемости заключается в частичной способности лица, совершившего преступление, осознавать значение своего поведения в виде действий (бездействия) и руководить ими вследствие нарушений психической деятельности, не исключающей вменяемости. Невозможность в полной мере осознавать значение и характер своих действий, а в некоторых случаях — бездействия, нарушение способности в полной мере предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий являются характеристиками интеллектуального признака ограниченной вменяемости.

Психическое расстройство должно нарушать способность лица к осознанно волевому поведению во время совершения преступления, именно этот факт является ключевым для признания лица ограниченно вменяемым. На мотивацию поведения у ограниченно вменяемых лиц влияние оказывает не ценностно-смысловая сфера, а ситуационные и эмоциональные факторы. Таким образом, аномалии психики являются условием, способствующим совершению преступления, в отличие от невменяемости, когда болезненное нарушение психических процессов является причиной общественно опасного, но не признаваемого преступлением действия (бездействия).

Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, является признаком одного из видов убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), что представляет собой единственный случай учета в Особенной части

УК РФ состояния ограниченной вменяемости в качестве привилегирующего признака.

Существуют три вида убийства матерью новорожденного ребенка.

Первый — во время или же сразу после родов, при котором женщина, совершившая убийство новорожденного, находится в измененном состоянии сознания, связанном именно с беременностью и родами. Однако такое состояние женщины не тождественно ограниченной вменяемости. Состояние женщины в период беременности и родов нельзя считать патологическим. Безусловно, в период беременности происходят различные изменения в организме женщины, в том числе и гормональные, что оказывает влияние на некоторые особенности ее поведения. Повышение уровня прогестерона и спад уровня эстрогена ведет к изменению эмоционального состояния женщины — она становится раздражительной, обидчивой, импульсивной. Изменения настроения связаны с приспособительной реакцией организма. Роды, являясь естественным физиологическим процессом, доставляют женщине сильнейшие физические страдания в виде боли. Но такой вид убийства часто планируется и готовится заранее, следовательно, в таких случаях состояние женщины не влияет на формирование умысла.

На особое физическое и психическое состояние женщины в данный период указывают многие авторы, подчеркивая, что в момент физиологических родов женщина испытывает болезненные психофизические страдания⁴. Ученый советского периода М. К. Анианц в своей работе указывает на то, что «процесс родов существенно отражается на всем организме женщины, в том числе и на ее психике. Медицинской наукой и практикой подтверждено, что в процессе родов женщина нередко не вполне отдает себе отчет в своих действиях, в определенной степени утрачивает контроль над собственным поведением, что в ее психике часто

³ См. Котов В. П., Мальцева М. М. Клинико-психологические аспекты категорий невменяемости и недееспособности в российском законодательстве // Российский психиатрический журнал. 2014. № 1. С. 13.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт-Издат, 2005. С. 304 ; Красиков А. Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов : Изд. Саратовского ун-та, 1999. С. 102.

имеются некоторые отклонения от нормы <...> Именно психическое и физическое состояние женщины в период родов, ослабляющее ее способность руководить своими действиями, является основной причиной признания детоубийства менее опасным видом убийства»⁵.

Второй вид убийства матерью новорожденного ребенка обусловлен влиянием на нее психотравмирующих факторов. В этом случае необходимо установить причинную связь между тяжелыми обстоятельствами, причиняющими женщине психические страдания, и совершением женщиной убийства новорожденного. Вместе с тем психическое расстройство, не исключающее вменяемости, не относится к обязательным признакам этого вида убийства.

При этом ограниченная вменяемость может выступать в качестве дополнительного признака двух рассмотренных видов убийства матерью новорожденного ребенка. Нельзя исключать, например, ограниченную вменяемость как факультативный признак при убийстве матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации. В таком случае данное дополнительное обстоятельство необходимо учитывать при индивидуализации наказания.

Конститутивным признаком третьего вида убийства новорожденного является психическое расстройство, не исключающее вменяемости, т.е. ограниченная вменяемость матери. Снижение интеллектуально-волевой возможности субъекта отдавать в полной мере отчет в своих действиях либо руководить ими, учитывается законодателем при описании признаков этого вида убийства матерью новорожденного. Именно степень выраженности и характер проявлений психического расстройства, не исключающего вменяемости, влияют на совершение преступления. Значение имеет выяснение, каким образом психическое отклонение повлияло на мотив преступного поведения и повлияло ли вообще. Необходимость удостовериться в том, что именно ограниченная

вменяемость сыграла ключевую роль в качестве мотивообразующего фактора убийства матерью новорожденного ребенка, что имеется связь, например психопатии или послеродового психоза, с совершенным деянием, продиктована формулировкой ст. 106 УК РФ.

Обстоятельство времени, при убийстве матерью новорожденного ребенка в состоянии ограниченной вменяемости, является второстепенным, в отличие от совершения этого же преступления во время или сразу после родов.

Впервые в юридической литературе наиболее точное определение состояния, в котором пребывает мать в момент совершения убийства новорожденного, появилось в работе Л.И. Тиминой. Термин «особое психофизическое состояние», по ее мнению, «во-первых, подчеркивает, что изменения коснулись одновременно двух сфер человеческого организма: физиологической и психической, во-вторых, что эти сферы в своем изменении взаимосвязаны и взаимообусловлены и, в-третьих, что такое психофизическое состояние является особым, поскольку в обычных ситуациях не существует»⁶. С нашей точки зрения, действительно мать, совершающая убийство новорожденного, находится в особом психофизиологическом состоянии, где взаимодействуют не только физиологический и психологический компоненты (как указывает Л.И. Тимина), но, что еще особенно важно, — поведенческий компонент. Выбор варианта поведения у ограниченно вменяемого лица может быть заблокирован психической патологией. Если психическое нарушение само по себе может и не быть ярко выраженным, то в состоянии беременности оно может приобретать новое качество, влияющее на регуляцию поведения, его мотивацию, адекватную оценку и прогноз последствий.

Психофизиологическое состояние женщины во время родов, сразу после родов (для первого вида убийства — во время родов и в течение суток после родов) и послеродовой период (для второго и третьего вида убийства,

⁵ *Анианц М. К.* Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. М. : Юридическая литература, 1964. С. 129.

⁶ *Тимина Л. И.* Ответственность за детоубийство по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 113.

предусмотренного ст. 106 УК РФ, — четыре недели) отличается некоторыми особенностями, но не настолько, чтобы полностью утрачивался компонент осознания и понимания происходящего.

Если сравнивать три вида убийства матерью новорожденного ребенка, то одним из основных считать привилегированным убийство во время и сразу после родов законодатель видит в особом восприятии матерью своего новорожденного младенца в виде «источника боли и страданий»⁷. Другой причиной данного вида убийства может быть нежелательная беременность, иногда «внебрачная» и стыд перед окружающими в связи с ней, неблагоприятные жилищные условия, неготовность к самостоятельному воспитанию ребенка⁸.

Обстоятельства, вызвавшие психотравмирующую ситуацию, напрямую связаны с беременностью и родами в отличие от обстоятельств, ставших причиной психического расстройства, не исключающего вменяемости. Для уголовного права, обстоятельства, вызвавшие определенное состояние, имеют второстепенное значение. На первом месте стоит задача выяснить подлежит ли уголовной ответственности женщина, имеющая определенные психические отклонения, совершившая убийство своего новорожденного ребенка. Сама же причина, мотивы, обстановка совершения данного общественно опасного деяния имеют значение для юридической оценки данного деяния как преступления и учитываются судом при назначении наказания.

Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, относится к уголовно-релевантным психическим состояниям, лежащим в основе ограниченной вменяемости, которая «есть не что иное, как сниженная психическим расстройством способность виновного субъек-

та действовать осознанно и руководить своими действиями во время совершения преступления. Способность действовать виновно во время совершения преступления, как и любая другая способность, может быть выражена у субъекта в различной степени»⁹. Именно это обстоятельство и является смягчающим признаком, который характеризует мать новорожденного ребенка как имеющую «психическое расстройство, ограничивающие интеллектуально-волевые возможности субъекта»¹⁰. При этом ограничивающие не означает полностью исключающие способность осознать и руководить своими действиями.

Состояние ограниченной вменяемости, включенное в конструкцию ст. 106 УК РФ, имеет аналогичное содержание с состоянием, указанным в ст. 22 УК РФ. При этом ограниченная вменяемость лица, указанная в ст. 22 УК РФ, является средством индивидуализации наказания и не ограничена каким-либо видом преступления, в отличие от ст. 106 УК РФ, которая использует ограниченную вменяемость как средство дифференциации уголовной ответственности за убийство. Именно психофизиологические процессы, происходящие в организме беременной и родившей женщины, обуславливают то психическое состояние, которое учитывается законодателем при конструкции привилегированного состава убийства по ст. 106 УК РФ.

С нашей точки зрения, является неверным мнение А. Н. Карасовой о неоправданности закрепления одинаковых психических явлений в двух статьях (ст. ст. 22 и 106 УК РФ), которое, как она полагает, может привести к ошибкам в правоприменительной практике и «не соответствует принципу равенства граждан перед законом»¹¹.

⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт-Издат, 2005. С. 305.

⁸ Капинус О. С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности : сборник статей. М. : Буквевед, 2008. С. 231.

⁹ Назаренко Г. В. Уголовно-релевантные психические состояния субъекта преступления и лиц, совершивших общественно опасные деяния : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 177.

¹⁰ Назаренко Г. В. Уголовно-релевантные психические состояния субъекта преступления ...

¹¹ См.: Карасова А. Н. Убийство матерью новорожденного ребенка : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 113.

Действительно, понятие ограниченной вменяемости, закрепленное в ст. 22 УК РФ, используется законодателем и при конструкции ст. 106 УК РФ, но если ч.2 ст. 22 УК РФ обязывает учитывать психическое расстройство, не исключающее вменяемости, при назначении наказания, то ст. 106 УК РФ предусматривает влияние психического расстройства на квалификацию преступления.

Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, у матери, убившей своего новорожденного ребенка, может возникнуть до беременности и длительно продолжаться после родов, но для квалификации по ст. 106 УК РФ имеет значение совершение убийства новорожденного матерью в этом состоянии во временной период равный четырем неделям после родов (по другой позиции — одному месяцу). Указанный период времени является критерием определения новорожденности. Причиной психического расстройства, не исключающего вменяемости, могут быть различные обстоятельства, не всегда связанные с беременностью и родами.

Законодатель при конструкции ст. 106 УК РФ учитывает не только психическое расстройство, не исключающее вменяемость, но и взаимосвязь его с физиологическими и психологическими процессами, происходящими в организме женщины во время беременности, во время родов и вслед за ними. Именно беременность и роды, не всегда являясь причиной возникновения, могут стать при определенных обстоятельствах причиной проявления изъяснов психики. Данный факт подтверждает и судебная практика. Так, Бакчарским районным судом Томской области 12.01.2012 года вынесен приговор в отношении Ю. А. Кузнецовой, совершившей преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ, в котором отмечена взаимосвязь состояния психического расстройства, не исключающего вменяемости, и послеродового периода: «Указанные изменения психики в сочетании с состоянием после родов в период времени, относящийся к правонарушению, лишали Ю. А. Кузнецову возможности в полной мере осознавать фактический характер и обще-

ственную опасность своих действий и руководить ими, но не исключали ее вменяемости»¹².

Наступление уголовной ответственности, предусмотренной ст. 106 УК РФ, связано не с самим медицинским критерием ограниченной вменяемости (т. е. не с самим психическим расстройством), а с его влиянием на способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими. Медицинским критерием направленность и мотивация уголовно наказуемого деяния не охватываются.

Интеллектуальный критерий ограниченной вменяемости — способность осознавать общественную опасность своих действий (бездействий) с позиции ст. 106 УК РФ выражается в ограничении способности понимать факт убийства своего новорожденного ребенка, как деяние, причиняющее вред общественным отношениям. Вследствие особого психофизиологического состояния женщина может лишь в ограниченной форме наделять убийство своего новорожденного ребенка смыслом общественной опасности, с позиции нарушения общественных интересов.

Волевой критерий ограниченной вменяемости означает ограничение полноценной регуляции своего поведения матерью, совершающей убийство новорожденного ребенка. Нарушение свободы выбора действий, неспособность регулировать возникнувшие ситуативные мотивы, цели, потребности объясняет совершение вынужденного и ограниченно осознанного преступного деяния. Ограничение волевого контроля в рамках статьи 106 УК РФ, с нашей точки зрения, является результатом суммарного взаимодействия следующих факторов — психического расстройства, не исключающего вменяемости, оказавшего существенное влияние на личностные особенности женщины (проявление агрессивных побуждений, способность регулировать и тормозить их проявления) и состояния родов, послеродовый период.

Главной особенностью ограниченной вменяемости в рамках ст. 106 УК РФ является влияние состояния беременности и состояния

¹² URL: судебныерешения.рф/bsr/case/960740 (дата обращения: 21.08.2016).

женщины во время родов и вслед за ними на ситуативное поведение, на мотивацию совершения преступления, в основе которых лежит нарушение смысловой, волевой и логической регуляции деяния. Личностная деформация, выступающая основой психического расстройства, не исключающего вменяемости, оказывает влияние на очередность удовлетворения потребностей, показывая тем самым воздействие внутренних условий (взаимодействие установок, способностей, ценностей, знаний и навыков) на формирование поведенческих особенностей субъекта преступления. Процесс свободы выбора действий и осознание последствий осложнен особенностями психологических (личностных, эмоциональных) и психопатологических факторов.

Подводя краткий итог, можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на то что ограниченная вменяемость, закрепленная в ст. 22 и 106 УК РФ, некоторыми авторами рассматривается как идентичная, по нашему мнению, можно отметить не только их безусловное сходство, но и некоторые специфические черты, связанные с тем, что положения, закрепленные в ст. 22 УК РФ, являются средством индивидуализации нака-

зания и не ограничены каким-либо видом преступления, могут быть учтены при назначении наказания и решении вопроса о применении принудительных мер медицинского характера, т. е. влияют на индивидуализацию уголовной ответственности, а ограниченная вменяемость в конструкции ст. 106 УК РФ используется как признак привилегированного состава, т. е. и как средство дифференциации уголовной ответственности.

2. Законодатель в ст. 106 УК РФ учитывает не только психическое расстройство, не исключающее вменяемость, но и взаимосвязь его с физиологическими и психологическими процессами, происходящими в организме женщины во время родов и вслед за ними.

Таким образом, ограничение способности к осознанно-избирательному поведению в момент совершения преступления согласно ст. 22 УК РФ основано исключительно на психическом расстройстве, не исключающем вменяемости, в отличие от ст. 106 УК РФ, где речь идет о взаимодействии индивидуально-психологических особенностей, обусловленных психическим расстройством, не исключающим вменяемости, с состоянием беременности, родами и послеродовым периодом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Анианц М. К.* Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. — М. : Юридическая литература, 1964. — 212 с.
2. *Антонян Ю. М., Бородин С. В.* Преступное поведение и психические аномалии. — М. : Спарк, 1998. — 214 с.
3. *Капинус О. С.* Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности : сборник статей. — М. : Буквевед, 2008. — 316 с.
4. *Карасова А. Н.* Убийство матерью новорожденного ребенка : дис. ... канд. юр. наук. — Ростов н/Д, 2003. — 225 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. — М. : Юрайт-Издат, 2005. — 921 с.
6. *Котов В. П., Мальцева М. М.* Клинико-психологические аспекты категорий невменяемости и недееспособности в российском законодательстве // Российский психиатрический журнал. — 2014. — № 1. — С. 13.
7. *Красиков А. Н.* Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. — Саратов: Изд. Саратовского ун-та, 1999. — 124 с.
8. *Назаренко Г. В.* Уголовно-релевантные психические состояния субъекта преступления и лиц, совершивших общественно опасные деяния : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2001. — 287 с.
9. *Тимина Л. И.* Ответственность за детоубийство по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1980. — 207 с.

Материал поступил в редакцию 6 августа 2016 г.

STATE MENTAL DISORDER NOT EXCLUDING SANITY IN ACCORDANCE WITH ART. 106 OF THE CRIMINAL CODE

MUKHACHEVA Irina Mikhailovna — Post-graduate at the Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

letter-brief@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9

Review. *This article discusses the provisions of the penal law, defining the concept and meaning of mental disorder, not precluding sanity. The author shows the similarities between the characteristics of mental disorder, not precluding sanity, provided for in Art. 22 and 106 of the criminal code, and identifies the differences between them. So, the author notes the specific features associated with the fact that the provisions contained in Art. 22 of the Criminal Code are a means of individualization of punishment and not limited to any kind of crime and may be taken into account when sentencing and deciding on the imposition of coercive measures of a medical nature, i.e. they affect the individualization of criminal responsibility and limited sanity in design Art. 106 of the Criminal Code is used as a sign of a privileged membership, i.e. as a means of differentiation of criminal responsibility.*

When analyzing the provisions of Art. 06 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author examines the relationship of mental disorder, not precluding sanity, childbirth and the post-natal period.

Keywords: *criminal law, limited sanity, health, legal, limited sanity criterion criterion limited sanity, murder by a mother of her newborn child, types of murder by a mother of her newborn child, psycho-physiological status, privilege composition, comparing the provisions of Arts. 22, 106 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Anijanc M. K. Otvetstvennost' za prestuplenija protiv zhizni po dejstvujushhemu zakonodatel'stvu sojuznyh respublik. M.: Juridicheskaja literatura, 1964. 212 s.
2. Antonjan Ju. M., Borodin S. V. Prestupnoe povedenie i psihicheskie anomalii. M.: Spark, 1998. 214 s.
3. Kapinus O. S. Sovremennoe ugovolnoe pravo v Rossii i za rubezhom: nekotorye problemy otvetstvennosti. Sbornik statej. M.: Bukvoved, 2008. 316 s.
4. Karasova A. N. Ubijstvo mater'ju novorozhdennogo rebenka: dis. ... kand. jur. nauk. Rostov-na Donu, 2003. 225 s.
5. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Otv. Red. V. M. Lebedev. M.: Jurajt-Izdat, 2005. 921 s.
6. Kotov V. P., Mal'ceva M. M. Kliniko — psihologicheskie aspekty kategorij nevmenjaemosti i nedeesposobnosti v rossijskom zakonodatel'stve // Rossijskij psichiatricheskij zhurnal. 2014. № 1. S. 13.
7. Krasikov A.N. Otvetstvennost' za ubijstvo po rossijskomu ugovolnomu pravu. — Saratov: Izd. Saratovskogo un-ta, 1999. 124 s.
8. Nazarenko G. V. Ugolovno-relevantnye psihicheskie sostojanija sub#ekta prestuplenija i lic, sovershivshih obshhestvenno opasnye dejanija: dis. ... dokt. jurid. nauk. M., 2001. 287 s.
9. Timina L. I. Otvetstvennost' za detoubijstvo po sovetскому ugovolnomu pravu: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1980. 207 s.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

С. В. Баринов*, Е. В. Просвирин**

Тактические особенности проведения допросов по делам о нарушениях неприкосновенности частной жизни

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые тактические особенности различных видов допросов, проводимых по делам о нарушениях неприкосновенности частной жизни. Обосновывается вывод о том, что такие характеристики, как полнота и относимость, объективность и оперативность описания, являются основообразующими при проведении всех видов допросов. Отмечается, что реализуются рассматриваемые характеристики при осуществлении допросов специфично: общением, лежащим в основе допроса, между следователем и его участниками. Среди лиц, от которых может возникнуть необходимость получить сведения в ходе расследования преступных нарушений неприкосновенности частной жизни, выделены следующие категории: потерпевший, свидетель, эксперт, подозреваемый и обвиняемый. Рассмотрена такая проблема объективности описания при допросе как искажение информации. В качестве ее разрешения следователю рекомендовано, выбирая тактику проведения допроса, принимать во внимание заинтересованность допрашиваемых лиц в исходе дела, особенности установления психологического контакта и эффективно использовать приемы, направленные на предупреждение попыток дачи ложных показаний. На основе примеров из следственной практики даны другие рекомендации по проведению допроса, направленные на обеспечение его полноты и объективности.

Ключевые слова: следственные действия, допрос, доказательства, неприкосновенность частной жизни, преступные нарушения неприкосновенности частной жизни

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.191-197

К группе преступных нарушений неприкосновенности частной жизни относятся за- прещенные в ст.ст. 137, 138 и 139 УК РФ под угрозой наказания общественно опасные виновно совершенные деяния, посягающие на гарантированные Конституцией Российской Федерации права на личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров,

© Баринов С. В., Просвирин Е. В., 2017

* Баринов Сергей Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Военного учебного научного центра военно-воздушных сил «Военно-воздушной академии имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Сызрань, Самарская обл.) metel2000@rambler.ru

446031, Россия, Самарская обл., г. Сызрань, ул. Звездная, д. 56, кв. 65

** Просвирин Ефим Валерьевич — кандидат юридических наук доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Самарского государственного экономического университета scientificres777@mail.ru

443090, Россия, Самарская обл., Самара, ул. Советской Армии, д. 141

почтовых, телеграфных или иных сообщений, а также на неприкосновенность жилища¹.

При расследовании преступных нарушений неприкосновенности частной жизни, как правило, проводятся следующие следственные действия: следственный осмотр, обыск помещений, выемка документов, назначение экспертиз и различные виды допросов.

Изучение практики расследования рассматриваемой группы преступлений показывает, что одним из наиболее эффективных средств, позволяющих получить большой объем криминалистически значимой информации о преступном деянии, является допрос.

В криминалистике имеются несколько определений допроса, отражающих и подчеркивающих различные его стороны. Большинство авторов определяют допрос как следственное и судебное (или только следственное или процессуальное) действие, заключающееся в получении и фиксации в установленном процессуальном порядке показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых или обвиняемых об известных им фактах, имеющих значение для правильного разрешения дела². Н.И. Порубов, А.В. Дулов и П.Д. Нестеренко, подчеркивают информационный характер этого следственного действия³. Ими же рассматривается допрос как общение допрашиваемого и допрашиваемого, при этом определяются стадии этого общения: установление психологического контакта и обмен информацией⁴.

Показания допрашиваемого являются источником доказательств, средством установления фактических обстоятельств дела, так как содержат известные ему сведения об обстоятельствах преступления. Без показаний не обходится ни одно уголовное дело, и единст-

венным способом придать этим показаниям процессуальную форму является протокол допроса.

Такие характеристики, как полнота и относительность, объективность и оперативность описания, являются основообразующими при проведении всех видов допросов. Рассматриваемые характеристики при осуществлении допросов реализуется специфично, что обусловлено диалогом: общением, лежащим в основе допроса, между следователем и его участниками.

К относимости напрямую можно отнести общение при допросе на предварительном следствии, так как оно предполагает: воздействие следователя на допрашиваемого с целью активизации памяти допрашиваемого, обеспечение точности и полноты сообщаемой им информации; действия следователя по нейтрализации противодействия допрашиваемого, имеющего цели, не совпадающие с целями уголовного судопроизводства.

Кроме того, общение предполагает обмен информацией между следователем и допрашиваемым, протекающий в двух основных формах: невербальной и вербальной.

Универсальной формой обмена информацией при общении является речь. Невербальная информация выполняет вспомогательную функцию по отношению к вербальной⁵. Вербальная информация при описании в ходе допроса позволяет:

получить исходные данные;

устранять противоречия в показаниях одного и того же лица, а также в показаниях разных лиц, ранее допрошенных по одному и тому же вопросу;

выявлять и разоблачать ложь.

¹ См.: *Баринов С. В.* О группе преступных нарушений неприкосновенности частной жизни в УК РФ // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы : сборник научных статей по материалам VI международной научно-практической конференции; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2015. С. 154.

² См.: *Криминалистика* : в 2 т. / под ред. Р.С. Белкина и Г.Г. Зуйкова. М. : Высш. шк., 1970. Т. 2. С. 112 ; *Криминалистика* / под ред. А.Н. Васильева. М., 1971. С. 347 ; *Васильев А. Н., Карнеева Л. М.* Тактика допроса при расследовании преступлений. М. : Юрид. лит., 1970. С. 5.

³ См.: *Порубов Н. И.* Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Мн., 1973. С. 22; *Дулов А. В., Нестеренко П. Д.* Тактика следственных действий. Мн.: Высш. шк., 1971. С. 57—61.

⁴ См.: *Дулов А. В.* Судебная психология. Мн.: Высш. шк., 1975. С. 309—328.

⁵ См.: *Суворова Л. А.* Идеальные следы в криминалистике. М. : Юрлитинформ, 2006. С. 74.

Невербальная информация выражена в мимике, жестикуляции, походке, принимаемых позах, психомоторных реакциях.

Отслеживание и «прочтение» невербальных данных может свидетельствовать о внутреннем психическом состоянии допрашиваемого, его настроении и его смене, глубине переживаний, эмоциональном фоне, намерениях, степени решительности или нерешительности. Как верно отмечает В.В. Семенов, непосредственными объектами исследования в этом случае являются: речь человека, его мимика, глаза, движения головы, рук и других частей тела⁶.

Двойственный характер информационного обмена (вербального и невербального) между следователем и допрашиваемым обуславливает необходимость учета особенностей деятельности следователя при допросе. Без этого невозможно полное и объективное описание, учет показаний допрашиваемых, особенностей их личности, состояния самого следователя.

Среди лиц, от которых может возникнуть необходимость получить сведения в ходе расследования преступных нарушений неприкосновенности частной жизни, нами выделены следующие категории: потерпевший, свидетель, эксперт, подозреваемый и обвиняемый.

Потерпевшим по таким делам будет являться физическое лицо, которому преступлением причинен вред вследствие незаконных действий, нарушающих его личную или семейную тайну. В содержание личной или семейной тайны включаются различные сведения, сохраняемые лицом в режиме конфиденциальности: дружеские и интимные связи, имущественное положение, состояние здоровья и т.д. В ходе изучения материалов уголовных дел рассматриваемой группы преступлений установлено, что достаточно часто предметом преступного посягательства становятся изображения, причем 69 % из них составляют фотографии, а 31 % — видеозаписи. Отдельные изображения содержат элементы эротического характера. Примечательным является тот факт, что 6 % таких изображений были признаны порнографиче-

скими в ходе расследования и деяния дополнительно квалифицировались по ст. 242 УК РФ как незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов. В связи с этим, необходимым элементом вербального и невербального обмена информацией между следователем и потерпевшим является установление психологического контакта и его поддержание на протяжении всего допроса.

Необходимо также учесть, что потерпевшей от преступных посягательств на неприкосновенность частной жизни в большинстве случаев является женщина в возрасте от 19 до 35 лет. В связи с указанным обстоятельством считаем важным производить допрос лицом одного пола с допрашиваемым.

Другим аспектом эффективности допроса является его полнота. Полнота реализуется сформировавшейся методикой построения допроса: свободный рассказ и постановка вопросов.

Свободный рассказ об обстоятельствах происшествия не исключает возможность поставить допрашиваемому уточняющие вопросы.

Такая необходимость может быть продиктована ситуациями, когда он:

излагает информацию, не относящуюся к исследуемым обстоятельствам либо детализирует ее без необходимости;

безынициативно излагает события, нарушая и путая последовательность изложения, нехотя сообщает интересующие следователя обстоятельства, а в некоторых случаях не договаривает или укрывает.

Учитывая, что в большинстве уголовных дел преступником оказывался известный потерпевшему человек (бывший супруг, сожитель, знакомый, родственник, коллега по работе и т.д.), в ходе получения первых показаний можно приблизительно очертить круг подозреваемых. Выяснять следует обстоятельства происхождения изображений, место их хранения, адресаты переписки, порядок доступа к конфиденциальной информации. Помочь выявить лиц, причастных к совершению преступления, может установление фактов межлич-

⁶ См.: Семенов В. В. Психологические возможности распознавания ложности показаний // Российский следователь. 2003. № 9. С. 4.

ностных конфликтов потерпевшего, произошедших в период времени, непосредственно предшествующего совершению преступного посягательства в семье, среди знакомых, в трудовом коллективе, а также появление новых контактов.

Так, в ходе расследования уголовного дела в отношении гражданки Е., при допросе потерпевшей стало известно, что незадолго до совершения преступления к ней в переписку пришло письмо от неизвестного пользователя. По переписке с данным пользователем ей стало известно, что эта девушка проживает с ее бывшим мужем. Суть переписки сводилась к тому, чтобы она отказалась от алиментов⁷.

В соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, в ст. 137 УК РФ включена часть третья, содержащая квалифицированный состав преступления — незаконное распространение в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях информации, указывающей на личность несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, по уголовному делу, либо информации, содержащей описание полученных им в связи с преступлением физических или нравственных страданий, повлекшее причинение вреда здоровью несовершеннолетнего, или психическое расстройство несовершеннолетнего, или иные тяжкие последствия. Таким образом, в ходе расследования может возникнуть необходимость допроса несовершеннолетнего потерпевшего, который следует проводить в строгом соответствии с требованиями ст. 191 УПК РФ.

Свидетелями по делам о преступных нарушениях неприкосновенности частной жизни с учетом специфики предмета посягательства часто являются члены семьи и близкие знакомые

потерпевшего и подозреваемого. Они могут дать подробную характеристику потерпевшего и подозреваемого, их отношений, описать их поведение до и после совершения преступления, прояснить мотив действий преступника, оценить его способность к совершению преступления технически сложным способом, сообщить значимые сведения о режиме доступа к конфиденциальной информации, подтвердить или опровергнуть алиби и т.д.

Так, мать потерпевшей по делу в отношении гражданина И. в ходе допроса сообщила, что в один из дней начала июня 2009 г. в вечернее время она зашла в комнату дочери и увидела последнюю плачущей. Дочь ей сообщила о том, что кто-то вскрыл ее почтовый ящик, изменил ее фотографию и пишет о ней от ее имени оскорбительные вещи. На вопрос, кто это мог сделать, дочь сказала, что это сделал «Егор Иванов», зарегистрированный в социальной сети⁸.

Свидетель по делу в отношении гражданки Д. сообщила, что в один из дней 2009 года ее подруга начала встречаться с мужчиной. Через некоторое время они поругались. Д. сказала, что он переписывался в сети Интернет с девушками, о чем она узнала, прочитав его корреспонденцию. Кроме того, из показаний следовало, что Д. неоднократно бывала у нее дома и пользовалась компьютером в т.ч. для выхода в сеть Интернет⁹.

К объективности описания при допросе можно отнести проблему искажения информации, а именно ложь допрашиваемого. Несмотря на то что свидетель как участник уголовного судопроизводства отнесен к иным участникам уголовного судопроизводства, ошибочно было бы считать, что свидетели «не имеют в деле самостоятельного интереса»¹⁰.

Мотивы лжи допрашиваемого различны. К наиболее часто встречающимся по рассматриваемой группе преступлений относятся: страх

⁷ Архив Октябрьского районного суда г. Пензы. Дело № 1-186/2012.

⁸ Архив Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики. Дело № 1-223/2010.

⁹ Архив Октябрьского районного суда г. Пензы. Дело № 1-224/2010.

¹⁰ См.: Качалова О. В. Иные участники уголовного судопроизводства // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Новая редакция. М. : Экмос, 2002. С. 128.

перед наказанием, страх перед разглашением сведений, порочащих потерпевшего, свидетеля, желание скрыть неблагоприятные поступки свидетелем (потерпевшим), дружеские в прошлом, родственные или семейные отношения с подозреваемым (обвиняемым), скептическое отношение к возможностям правоохранительных органов раскрыть преступление и возместить материальный ущерб.

Так, свидетель, являвшийся сослуживцем гражданки Д., подозреваемой в совершении преступления, дал показания о том, что в дни совершения преступлений она должна была быть на дежурстве и заниматься выполнением своих должностных обязанностей. В то же время было установлено, что сам свидетель по необходимости периодически отлучался с работы и объективно не мог контролировать присутствие там подозреваемой¹¹.

Таким образом, выбирая тактику проведения допроса свидетелей, следователь должен принимать во внимание их заинтересованность в исходе дела, особенности установления психологического контакта и эффективно использовать приемы, направленные на предупреждение попыток дачи ложных показаний.

Преступные нарушения неприкосновенности частной жизни могут совершаться с использованием в качестве орудий преступления технически сложных устройств: персональных компьютеров, ноутбуков, имеющих доступ к информационно-телекоммуникационной сети посредством специальных устройств-модемов, а также специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Орудия совершения преступления изымаются в ходе следственных действий и направляются для проведения различных видов судебных экспертиз. В связи с указанным обстоятельством в процессе расследования может возникнуть необходимость допросить эксперта для разъяснения данного им заключения в соответствии с положениями ст. 205 УПК РФ.

В ходе проведенных исследований по проблематике данного вида преступности нами

установлено, что типичным преступником, совершающим нарушения неприкосновенности частной жизни, является мужчина в возрасте от 17 до 35 лет, имеющий среднее специальное, незаконченное высшее или высшее образование, ранее не судимый. Такой подозреваемый, проявляя самонадеянность, основанную на отсутствии криминального опыта, не предпринимает серьезных мер к сокрытию следов совершения преступления.

При проведении допроса подозреваемый (обвиняемый) может занимать следующие позиции в отношении предъявленного обвинения:

полное признание вины;

частичное признание вины (например, исключительно в части, касающейся неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации);

категорическое отрицание причастности к совершению преступления.

В ходе проведенного исследования установлено, что чаще других встречается ситуация, когда подозреваемый (обвиняемый) признает свою вину в совершении преступления, раскаивается, принимает попытки к устранению ущерба, активно содействует расследованию. В данной ситуации следователю необходимо получить от подозреваемого (обвиняемого) полные и конкретизированные показания по всем обстоятельствам, подлежащим установлению по делу.

Зачастую следователю необходимо понимать оперативность реализации описания как метода обеспечения его полноты и объективности. Именно оперативность описания делает изобличение при проведении допроса подозреваемого (обвиняемого) более активным, наступательным, а логическое воздействие на допрашиваемого путем опровержения отдельных его утверждений совокупностью доказательств, добытых в ходе расследования более уместным и действенным.

Таким образом полнота и относимость, объективность и оперативность описания, являются системообразующими при проведении всех видов допросов.

¹¹ Архив Октябрьского районного суда г. Пензы. Дело № 1-224/2010.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Баринов С. В.* О группе преступных нарушений неприкосновенности частной жизни в УК РФ // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы : сборник научных статей по материалам VI международной научно-практической конференции; Юго-Зап. гос. ун-т. — Курск, 2015. — С. 149—154.
2. Криминалистика : в 2 т. / под ред. Р.С. Белкина и Г.Г. Зуйкова. — М. : Высш. шк., 1970. — Т. 2. — 478 с.
3. Криминалистика / под ред. А.Н. Васильева. — М., 1971. — 564 с.
4. *Васильев А. Н., Карнеева Л. М.* Тактика допроса при расследовании преступлений. — М. : Юрид. лит., 1970. — 208 с.
5. *Порубов Н. И.* Допрос в советском уголовном судопроизводстве. — Мн., 1973. — 368 с.
6. *Дулов А. В., Нестеренко П. Д.* Тактика следственных действий. — Мн.: Высш. шк., 1971. — 272 с.
7. *Дулов А. В.* Судебная психология. — Мн.: Высш. шк., 1975. — 464 с.
8. *Суворова Л. А.* Идеальные следы в криминалистике. — М. : Юрлитинформ, 2006. — 200 с.
9. *Семенов В. В.* Психологические возможности распознавания ложности показаний // Российский следователь. — 2003. — № 9. — С. 3—6.
10. *Качалова О. В.* Иные участники уголовного судопроизводства // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Новая редакция. — М. : Экмос, 2002. — 780 с.

Материал поступил в редакцию 7 июня 2016 г.

TACTICAL PECULIARITIES OF INTERROGATIONS IN CASES OF VIOLATIONS OF PRIVACY

BARINOV Sergey Vladimirovich — PhD in Law, Associate Professor, Department of the Humanities and Socio-Economic Disciplines, Military Educational Scientific Center “Military Airforce Academy named after Prof. N.E. Zhulovsky and Yu.A. Gagarin (Branch) (Syzran, Samara Region)
metel2000@rambler.ru
446031, Russia, Samara Region, Syzran, Zvezdnaya Str., 56, apt. 65.

PROSVIRIN Efim Valerievich — PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Samara State Economic University
scientificres777@mail.ru
443090, Russia, Samara Region, Sovetskoi Armii, 141.

Review. *This article discusses some of the features of different types of tactical interrogations in cases of violations of privacy. The author justifies that characteristics such as the completeness and relevance, objectivity and efficiency of descriptions are stem-forming in all sorts of interrogation. It is stated that the characteristics of interrogations are realized in quite a specific way: communication is the basis for questioning between the investigator and the parties to it. Among those from whom you may need to obtain information during investigation of criminal violations of privacy can be found the following categories: the victim, a witness, an expert, the suspect or the accused. The article considers the problem of objectivity when questioning descriptions as misinformation. It is recommended that the investigator should choose the tactics of interrogation, take into account the interest of persons under interrogation in the outcome of the case, particularly the establishment of psychological contact and effective use of techniques aimed at preventing attempts to perjury. Based on examples from the investigative practices, other recommendations for the interrogation to ensure its completeness and objectivity are provided.*

Keywords: *investigations, questioning evidence, privacy, criminal violations of privacy.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Barinov S.V. O gruppe prestupnyh narushenij neprikosновенности chastnoj zhizni v UK RF // Ugolovnoe pravo v jevoljucionirujushhem obshhestve: problemy i perspektivy: Sbornik nauchnyh statej po materialam VI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii; Jugo-Zap. gos. un-t. Kursk, 2015. S. 149—154.
2. Kriminalistika / Pod red. R.S. Belkina i G.G. Zujkova. V 2 t.: T. 2. M. : Vyssh. shk., 1970. — 478 s.
3. Kriminalistika / Pod red. A.N. Vasil'eva. M., 1971. — 564 s.
4. Vasil'ev A.N., Karneeva L.M. Taktika doprosa pri rassledovanii prestuplenij. M.: Jurid. lit., 1970. — 208 s.
5. Porubov N.I. Dopros v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve. Mn., 1973. — 368 s.
6. Dulov A.V., Nesterenko P.D. Taktika sledstvennyh dejstvij. Mn.: Vyssh. shk., 1971. — 272 s.
7. Dulov A.V. Sudebnaja psihologija. Mn.: Vyssh. shk., 1975. — 464 s.
8. Suvorova L.A. Ideal'nye sledy v kriminalistike. M.: Jurlitinform, 2006. — 200 s.
9. Semenov V.V. Psihologicheskie vozmozhnosti raspoznanija lozhnosti pokazanij // Rossijskij sledovatel'. 2003. № 9. S. 3 — 6.
10. Kachalova O.V. Inye uchastniki ugolovnogo sudoproizvodstva // Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii. Novaja redakcija. M.: IKF «JeKMOS», 2002. — 780 s.

Л. Ф. Парамонова*

Определение компетентности судебного эксперта в рамках уголовного процесса

Аннотация. Содержание понятия «компетентность судебного эксперта» и его отличие от понятия «компетенция судебного эксперта» на протяжении многих лет является предметом научной дискуссии. В статье проведен структурно-лингвистический анализ предлагаемых определений компетентности, на основании проведенного анализа предложена авторская формулировка данного понятия. Отдельное внимание в работе уделено структурным элементам компетентности, позволяющим в полной мере оценить компетентность судебного эксперта до проведения им экспертного исследования.

Ключевые слова: компетенция, объективная компетенция, субъективная компетенция, компетентность судебного эксперта.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.198-208

В уголовном процессе основным требованием, предъявляемым к судебному эксперту как участнику процесса, является наличие определенного уровня компетентности, позволяющего ему решить поставленную задачу. В Уголовно-процессуальном кодексе Казахской ССР одним из оснований отвода судебного эксперта являлся факт обнаружения его некомпетентности (п. 4 ст. 40)¹. Данная норма без изменений перешла в УПК РК от 13 декабря 1997 года, а затем — и в УПК РК от 04 июля 2014 года, но определения понятия «компетентность» в перечисленных кодифицированных актах не дано. Кроме того, в нескольких нормах, регламентирующих порядок назначения и производства судебных экспертиз, законодатель использует термин «компетенция» при определении: порядка проявления экспертом инициативы (п.5 ч.3 ст.79 УПК РК); порядка назначения экспертизы (ч.2 ст.272 УПК РК); перечня прав руководителя органа судеб-

ной экспертизы (п.1 ч.4 ст.276 УПК РК); оснований производства комплексной экспертизы (ч.1 ст.282 УПК РК).

В Законе РК от 20 января 2010 года № 240 «О судебно-экспертной деятельности в РК» законодатель впервые использует термин «компетенция»: под специальностью судебного эксперта подразумевается «научная компетенция судебного эксперта в сфере производства определенного вида судебной экспертизы, установленного законодательством Республики Казахстан» (п.13 ст. 1). Определение термина «компетентность судебного эксперта», как и сам термин, в отраслевом законе отсутствуют.

Задача определения компетентности судебного эксперта, в первую очередь, возлагается на лицо, назначившее экспертизу, именно поэтому руководитель органа судебной экспертизы при получении постановления о назначении экспертизы и поручении ее конкретному эксперту обязан в трехдневный срок опове-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Казахской ССР, утвержденный законом Казахской ССР от 22 июля 1959 года (утратил силу) // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K590001000> (дата обращения: 30 мая 2016 г.).

© Парамонова Л. Ф., 2017

* Парамонова Лада Федоровна — кандидат юридических наук, главный эксперт Института судебной экспертизы по Павлодарской области Центра судебной экспертизы МЮ РК (Республика Казахстан)

flid66@mail.ru

140000, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Лермонтова, д. 53

стать об этом орган, ведущий уголовный процесс (ч. 1 ст. 276 УПК РК). Лицо, назначившее экспертизу, обязано проверить, не имеется ли оснований для отвода судебного эксперта, в том числе, насколько он компетентен решать поставленные перед ним задачи.

Помимо этого, орган, ведущий уголовный процесс, обязан ознакомить с этой информацией потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, защитника и представителя потерпевшего, чтобы данные лица могли реализовать свое право заявить отвод судебному эксперту при наличии обстоятельств, исключающих его участие в процессе (п. 2 ч. 1 ст. 274 УПК РК). И если доказать такие факты как родственные отношения эксперта с одним из участников процесса или нахождение в служебной или иной зависимости от кого-либо из них возможно, то определить уровень компетентности (некомпетентности) эксперта и документально это подтвердить достаточно сложно, а с учетом отсутствия четкого определения этого понятия — практически невозможно. О.В. Дубровин и И.Ю. Ковалева справедливо замечают, что процедура определения компетентности носит формализованный характер (оценка документов, подтверждающих стаж работы, сведений об образовании, специальности и занимаемой должности) и вытекает из сложившейся практики, реальная компетентность эксперта остается неопределенной: сторона, имеющая сомнения в квалификации лица, должна либо представить доказательства, свидетельствующие о его некомпетентности, либо сослаться на ненадлежащее оформление документов, подтверждающих достаточность у эксперта знаний для проведения исследования².

В научной литературе в отличие от законодательных актов длительное время преобла-

дало употребление термина «компетенция» судебного эксперта. Так В. М. Вальдман определял «компетенцию судебного эксперта как совокупность специальных познаний лица, привлекаемого следователем и судом для дачи заключения по делу, и регламентированных уголовно-процессуальным законом правомочий по их применению»³. Позже при исследовании теоретических и практических аспектов определения компетенции эксперта в рамках уголовного процесса Б.А. Алимджанов и В.М. Вальдман высказывали мнение о том, что правильнее было бы говорить о едином понятии компетенции эксперта, включающим в себя «с одной стороны, собственно специальные познания лица в определенной отрасли, и, с другой стороны — весь круг его полномочий как участника уголовно-процессуальной деятельности, и прежде всего, те, которые позволяют ему проводить специальное исследование в условиях отсутствия оснований для его отвода»⁴.

В.Д. Арсеньев и В.Г. Заблоцкий указывали, что «от компетенции эксперта отличают его компетентность, т.е. фактическое владение им специальными познаниями (в том числе навыками), а не только формальное, связанное с наличием у него соответствующего документа (диплома, аттестата и т. п.)»⁵.

В «Криминалистической энциклопедии» компетенция эксперта определена, во-первых, как владение теорией и методикой судебной экспертизы определенного рода (вида), во-вторых, как круг вопросов, которые эксперт вправе решать на основе своих специальных знаний. Было указано, что различают объективно научную и субъективную стороны компетенции эксперта. Под научной компетенцией подразумевается объем специальных знаний, которыми

² Дубровин О. В., Ковалева И. Ю. Применение сертификации экспертов в процессе судопроизводства Российской Федерации и стран Европейского союза // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2014. Т. 14. № 1. С. 54.

³ Вальдман В. М. Компетенция эксперта в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1966. С. 3.

⁴ Алимджанов Б. А., Вальдман В. М. Компетенция эксперта в уголовном процессе: теоретические и практические аспекты. Ташкент, 1986. С. 62.

⁵ Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986. С. 57.

должен обладать каждый представитель определенного рода (вида, подвида) экспертизы⁶.

На сегодняшний день в теории судебной экспертизы понятие «компетенция судебного эксперта» рассматривается в двух аспектах. Во-первых, это круг полномочий, права и обязанности эксперта, которые определены процессуальным законодательством (процессуальная компетенция). Во-вторых, это профессиональная компетенция, включающая в себя комплекс знаний в области теории, методики и практики судебной экспертизы определенного рода, вида, которым должен владеть (объективная компетенция) и владеет (субъективная компетенция) эксперт⁷.

Субъективную компетенцию принято называть компетентностью эксперта: она определяется образованием эксперта, его специальной подготовкой, опытом в решении аналогичных задач, индивидуальной способностью к эвристическому мышлению⁸.

Однако эта точка зрения не является общепринятой. Так Е. А. Зайцева при рассмотрении вопроса о соотношении терминов «компетентность» и «компетенция» указывает, что «если компетентность подразумевает достаточную глубину знаний и профессиональную подготовленность эксперта, то компетенция его означает специализацию по тому или иному профилю экспертных познаний»⁹. Помимо этого Е.А. Зайцева распространяет термин «компетентность» и на экспертные исследования. Так в предложенной Концептуальной модели закона «О судебной экспертизе в Российской Федерации» одна из статей озаглавлена следующим образом: «Статья 10. Компетентность, объективность, всесторонность и полнота экспертных исследований»¹⁰.

Полагаем, что профессор Е.А. Зайцева смешивает два понятия, так как определение компетенции эксперта как его специализации подразумевает наличие знаний и профессиональных навыков для проведения экспертных исследований определенного рода (вида). Словосочетание «компетентность экспертного исследования» также неприемлемо, так как термин «компетентность» применим к субъекту экспертизы, а не к продукту его деятельности.

Собственную точку зрения на содержание и объем понятий «компетенция» и «компетентность» судебного эксперта высказывают М.Г. Щербаковский и Л.П. Щербаковская. Они определяют «компетентность» судебного эксперта как готовность эксперта к практическому проведению экспертных исследований¹¹. Полагаем, что термин «готовность» не в полной мере подходит для данного определения, так как первое значение термина «готовность» как согласие сделать что-нибудь, желание содействовать чему-нибудь указывает на возможность субъекта по его усмотрению предпринять какие-либо действия, а второе значение «готовности» как состояния, при котором все сделано, все готово для чего-нибудь, в большей мере подходит для характеристики каких-либо структур, систем.

Л.Г. Шапиро и В.В. Степанов, проанализировав имеющиеся в юридической литературе точки зрения на данную проблему, предлагают следующие определения понятий «компетенция» и «компетентность» судебного эксперта, которые, по их мнению, должны быть включены в УПК РФ: «Компетенция эксперта — совокупность его прав и обязанностей, предусмотренных настоящим Кодексом, определяемая кругом задач, которые может (компетентен)

⁶ Криминалистическая энциклопедия / под ред. Р. С. Белкин. Алматы, 1995. С. 56.

⁷ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2011. С. 96 ; Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 62.

⁸ Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. М., 1999. С. 177.

⁹ Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства. М., 2010. С. 177.

¹⁰ Зайцева Е. А. Указ. работа. С. 396.

¹¹ Щербаковский М. Г., Щербаковская Л. П. Компетенция и компетентность судебного эксперта // URL: http://otherreferats.allbest.ru/law/00500003_0.html (дата обращения: 25 мая 2016 г.).

эксперт решать; компетентность эксперта — наличие у эксперта специальных знаний, полученных в рамках высшего профессионального образования, последующей подготовки по конкретным экспертным специальностям, а также реального опыта решения сложных экспертных задач, необходимых для использования в процессе производства соответствующего исследования»¹².

Необходимо согласится с мнением Я.В. Комиссаровой о том, что при определении понятия «компетенция» авторы путают потребности судопроизводства с возможностями судебного эксперта¹³, а также отметить наличие в предложенной дефиниции тавтологии (*компетенция* эксперта — совокупность ... задач, которые *компетентен* эксперт решать), что является нарушением одного из правил составления определений — правила запрета круга.

Предложенное определение «компетентности» также вызывает возражения в связи с несоблюдением правил их составления. Так, если оставить только главные члены предложения, то получается следующая структура: «*компетентность* — это *наличие* знаний и опыта у эксперта». В данном случае нарушены такие правила формулирования дефиниций, как соразмерность определения и ясность определения¹⁴. Компетентность как характеристика судебного эксперта должна быть определена через соразмерный термин, определяющий те или иные черты субъекта (например, способность, умение, профессиональные навыки), а не через категории «наличие», «отсутствие». Кроме того, определение должно быть ясным по смыслу, а в предложенной формулировке используются неоднозначно трактуемые термины, например «реальный опыт», «сложные экспертные задачи».

Представляется, что прежде чем пытаться сформулировать определение понятия «компетентность» судебного эксперта, необходи-

мо изучить и проанализировать, в каком контексте данный термин уже используется. Так, в последние десятилетия при формировании профессиональных требований к человеку все чаще взамен термина «квалификация» употребляется термин «профессиональная компетентность», который позволяет оценить работника на наличие у него комплекса знаний, навыков, умений, дающих возможность решать определенные задачи: компетентный работник должен обладать своей собственной, уникальной системой специальных знаний, которые принципиально отличаются от общих обиходных знаний.

Помимо термина «компетентность» используется и термин «компетенция», который относится не к субъекту деятельности, а к кругу вопросов, относящихся непосредственно к деятельности. Иначе говоря, под компетенцией подразумевается круг функциональных задач, связанных с деятельностью, которые кто-то может успешно решать.

Принято считать, что профессиональная компетентность состоит из большого числа компонентов, многие из которых относительно независимы друг от друга, одни компоненты относятся к когнитивной сфере, другие — к эмоциональной, и эти компоненты компетентности могут в значительной степени заменять друг друга в качестве составляющих эффективного поведения. Чем больше таких компонентов вовлекает человек в процесс достижения значимых для себя целей, тем выше вероятность, что он этих целей добьется¹⁵.

Современные исследователи выделяют следующие компоненты профессиональной компетентности:

— специальная компетентность — способность применять свои знания и умения по реализации определенных видов деятельности, умение решать типовые профессиональные задачи и оценивать результаты своей деятель-

¹² Шапиро Л. Г., Степанов В. В. Специальные знания в уголовном судопроизводстве. М., 2008. С. 162.

¹³ Комиссарова Я. В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве. М., 2010. С. 116—117.

¹⁴ Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика : учебник для юридических вузов / под ред. проф. В. И. Кириллова. М., 2008. С. 49—50.

¹⁵ Равен Дж. Компетентность в современном обществе. М., 2002. С. 253.

ности, навыки самостоятельного приобретения новых знаний и умений по специальности, соблюдение исполнительской дисциплиной, соответствие деятельности установленным требованиям;

— персональная (личностная, индивидуальная) компетентность — владение приемами личностного самовыражения и саморазвития в рамках профессии, уверенность в себе, умение принимать решения, готовность к реализации себя в профессиональной деятельности, к профессиональному росту и повышению квалификации, способность к индивидуальному самосохранению и противостоянию профессиональной деформации личности, неподверженность профессиональному старению, способность к рациональной организации своего труда, наличие внутренней мотивации;

— социально-правовая компетентность включает знания и умения в области взаимодействия с общественными институтами и людьми, а также принятыми в данной профессии приемами профессионального общения и достойного поведения, способность брать на себя ответственность за результаты профессионального труда¹⁶.

Как видно из приведенного перечня компонентов профессиональной компетентности в ее основе лежит комплекс характеристик человека, к которым относятся способности, знания, умения, навыки, мотивации. Под способностями человека понимают индивидуально-психологические особенности, являющиеся субъективными условиями успешного осуществления определенного рода деятельности, обеспечивающие также легкость овладения деятельностью и отличающие человека от других¹⁷. Именно совокупность индивиду-

ально-психологических особенностей эксперта является определяющей при решении конкретной экспертной задачи: при одинаковых исходных данных разные судебные эксперты могут прийти к противоположным выводам, что ярко демонстрируют результаты повторных экспертиз, не подтверждающие выводы предыдущих исследований¹⁸. Безусловно, способности должны базироваться на соответствующих теоретических знаниях в определенной области судебной экспертизы и практическом опыте работы. Л.Е. Кузнецов и В.И. Витер справедливо указывают, что «немало экспертов является сведущими лишь в отдельных видах или даже разновидностях экспертиз; некоторые молодые эксперты могут признаваться компетентными в производстве несложных экспертиз конкретного вида; отдельные специалисты владеют группой, а не всем комплексом методов, с помощью которых достигается успешное решение задачи (методная специализация, компетентность)»¹⁹.

И еще на одно качество как на неотъемлемую составляющую компетентности судебного эксперта хотелось бы указать: наличие опыта публичных выступлений и умение вести дебаты, которые необходимы эксперту при его допросе, особенно, в ходе главного судебного разбирательства (т.н. социально-правовая компетентность). Данное качество является немаловажным в условиях состязательного уголовного судопроизводства, так как эксперт должен: уметь четко и доступно обосновать полученные выводы; давать исчерпывающие, однозначно трактуемые ответы на вопросы участников процесса; на аргументы оппонентов быстро найти убедительные контраргументы.

¹⁶ Боруленков Ю. П. Компетентность субъекта юридического познания // Библиотека криминалиста. 2015. № 1. С. 326.

¹⁷ Енгальчев В. Ф. Профессиональная компетентность специалиста в практической юридической психологии. М., 2004. С. 159.

¹⁸ Ежегодно в ЦСЭ МЮ РК количество повторных экспертиз с выводами, противоположными выводам предыдущих экспертиз, составляет от 7 до 14 % от общего количества проведенных повторных экспертиз (см.: Борчашвили И. Ш. О развитии судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан // Вестник Министерства юстиции РК. 2014. № 1. С. 65).

¹⁹ Кузнецов Л. Е., Витер В. И. Юридические аспекты прав и обязанностей эксперта // Проблемы экспертизы в медицине. 2001. № 2. С. 32.

ты²⁰; в пылу спора не выходить за пределы своей компетенции.

На основании изложенного, а также учитывая определение «эксперта» в УПК РК²¹, предлагаем следующую дефиницию понятия «компетентность»: «Компетентность эксперта — основанная на специальных научных знаниях и практическом опыте способность в рамках конкретного уголовного дела квалифицированно решить экспертную задачу и аргументированно защитить полученные результаты».

Исходя из предложенного определения попытаемся установить основные элементы компетентности судебного эксперта и связи этих компонентов внутри системы. При построении новой системы основным индикатором является то, насколько такая система естественна и проста в употреблении и насколько гармонично она составляет единое целое в рамках существующей теории, принята ли она теми, кто ее должен использовать, и как хорошо она работает при решении возникающих проблем²².

В научной литературе предпринимались попытки структурировать понятие «компетентности» эксперта. Так, в зависимости от квалификации Л.Г. Шапиро предлагает выделять три уровня компетентности эксперта:

а) базовый (общий) — характеризуется наличием высшего профессионального образования, конкретной экспертной специальности, а также стажа работы по определенной экспертной специализации до 5 лет;

б) средний (квалифицированный) — характеризуется наличием высшего профессионального образования, конкретной экспертной специальности, стажа работы по определенной экспертной специализации от 5 до 10 лет, а также повышенной квалификацией;

в) высший (высококвалифицированный) — характеризуется наличием высшего профессионального образования, конкретной экспертной специальности, стажа работы по определенной экспертной специализации свыше 10 лет, опыта решения экспертных задач в условиях сложной экспертной ситуации и повышенной не менее двух раз квалификацией²³.

Предложенная иерархия компетентности эксперта является, с одной стороны, формальной, с другой стороны, содержит параметры, которые трудно определить: например, на основании каких данных можно однозначно установить наличие у эксперта опыта решения задач в условиях сложной экспертной ситуации? Необходимо отметить, что формальные данные не всегда коррелируют с реальным положением. Личный опыт автора, являющегося членом Аттестационной комиссии Министерства юстиции РК, позволяет констатировать, что ни экспертный стаж, ни количество проведенных экспертиз, ни количество экспертных допусков не являются гарантией компетентности эксперта: так в 2015 году в Центре судебной экспертизы МЮ РК были расторгнуты трудовые договоры с двумя экспертами, имеющими стаж экспертной работы более 15 лет каждый, основанием увольнения послужили отрицательные результаты при прохождении очередной аттестации.

М.Г. Щербаковский и Л.П. Щербаковская предлагают разделить понятие «компетентность» на три уровня по объему и степени общности:

— базовая компетентность эксперта, определяющаяся как способность эксперта самостоятельно решать порученный ему круг вопросов, опираясь на некоторый багаж знаний, полученных в процессе его профессионального специального образования в вузе, а также зна-

²⁰ О практике привлечения специалистов-рецензентов заключений, выполненных официально назначенными экспертами см.: Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях составительного уголовного судопроизводства. М., 2010. С. 329—333.

²¹ Эксперт — не заинтересованное в деле лицо, обладающее специальными научными знаниями (ч. 1 ст. 79 УПК РК).

²² Саати Т. Принятие решений. Методы анализа иерархий. М., 1993. С. 10.

²³ Шапиро Л. Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 40.

ний и умений по экспертной специальности, приобретенных в результате его подготовки к аттестации и получению квалификации судебного эксперта, которой *обязаны* обладать все эксперты;

— личная компетентность эксперта, уровень которой определяется наличием ученой степени, научных публикаций, стажем экспертной работы, количеством проведенных экспертиз, индивидуальными способностями и пр.;

— компетентность эксперта в конкретной экспертизе, которая характеризует его способность решить поставленную задачу при проведении экспертного исследования по конкретному уголовному производству; определяется по результатам всесторонней *оценки заключения эксперта*, направленной на уяснение полноты проведенного исследования, правильности выбора методик и методов анализа, интерпретации выявленных свойств и признаков объектов, обоснованности промежуточных и конечных выводов²⁴.

С предложенной многоуровневой моделью компетентности трудно согласиться: с первого дня после получения квалификационного свидетельства на право производства экспертиз определенного вида эксперт решает поставленную перед ним задачу в той мере, в какой он компетентен, поэтому выделять в третий, высший уровень «компетентность эксперта в конкретной экспертизе» нелогично. Кроме того, если по результатам оценки выполненного экспертом заключения выявляется его некомпетентность, то это может служить основанием для ходатайства участников процесса о назначении повторной экспертизы, а в данном случае идет речь о том, как выявить некомпетентность до проведения экспертных исследований.

Базовая компетентность, определенная авторами как обязательная для всех экспертов, по сути является объективной компетенцией. А разделение компетентности на базовую и личную также не имеет под собой основы, так как в любом случае компетентность — характеристика личностная и, в первую очередь, определяется индивидуальными способностями, про-

изводными которых являются и образование, и практические навыки, и научная деятельность.

Рассмотренные нами многоуровневые системы такой категории как «компетентность» судебного эксперта противоречивы, мало информативны и вряд ли смогут помочь участникам уголовного процесса при определении уровня компетентности судебного эксперта, которому поручено производство конкретной экспертизы. В связи с этим постараемся выделить основные элементы компетентности судебного эксперта.

Первый блок элементов связан с наличием у судебного эксперта совокупности специальных научных знаний, которые позволят ему квалифицированно решить поставленные перед ним задачи. Безусловно, одним из обязательных элементов в этом блоке является наличие у судебного эксперта профильного образования: например, сложно поверить в то, что компетентен эксперт-товаровед, имеющий только юридическое образование. Вторым обязательным элементом является наличие квалификационного свидетельства на право производства определенного вида судебных экспертиз. Исключением является ситуация, когда назначается экспертиза, не входящая в перечень видов экспертиз, утвержденных Министерством юстиции РК и проводимых в органах судебной экспертизы, а также экспертами, осуществляющими свою деятельность на основании лицензии. Третьим элементом, связанным с уровнем знаний эксперта, являются сведения о повышении им своего профессионального уровня. Подтверждением того могут быть данные об успешном прохождении экспертом очередных аттестаций, целью которых является определение его профессионального уровня, а также сведения о повышении им квалификации на различных курсах, семинарах, тренингах как внутри страны, так и за рубежом.

Второй блок содержит элементы, характеризующие практический опыт эксперта в части решения экспертных задач различной степени сложности. Логично предположить, что эта характеристика находится в прямой зависимости от стажа работы, но не все так однозначно.

²⁴ Щербаковский М. Г., Щербаковская Л. П. Указ. соч.

Во-первых, практический опыт зависит от решаемых экспертных задач, поэтому в данном случае показателем является участие эксперта в производстве комиссионных, комплексных, повторных экспертиз, в ходе которых устанавливались обстоятельства расследуемого преступления и причинно-следственные связи, решались ситуационные задачи. Во-вторых, практический опыт напрямую связан с уровнем материально-технического обеспечения того территориального подразделения, в котором работает эксперт: при отсутствии современного оборудования и программных продуктов профессиональный рост невозможен. Как невозможен он и при отсутствии доступа к последним научным разработкам и учебно-методическим материалам. Таким образом, практический опыт эксперта может быть достаточно точно определен по уровню решаемых задач, степени обоснованности и характеру выводов, а также по тем методикам, оборудованию, программным продуктам, которые применяются экспертом в ходе проведения исследований.

Третий блок связан с научной деятельностью эксперта, тем более что в казахстанском законодательстве прямо подчеркивается, что судебный эксперт должен обладать специальными *научными* знаниями. К показателям, позволяющим удостовериться в том, что эксперт занимается научной работой, можно отнести наличие научных публикаций, тематика которых связана с рассмотрением вопросов теории и практики судебной экспертизы, методик, методических рекомендаций, учебных пособий по отдельным видам, родам судебных экспер-

тиз. Наличие ученой степени у эксперта можно рассматривать как положительный элемент только в том случае, если диссертационное исследование было посвящено решению проблемных вопросов теории и практики судебной экспертизы, а после защиты диссертации эксперт продолжил научную деятельность, что подтверждается соответствующими публикациями в научных изданиях, участием в различных научных мероприятиях (конференциях, семинарах).

В четвертый блок включены такие элементы, как способность эксперта к публичным выступлениям, ведению дискуссии. Косвенным подтверждением наличия таких способностей могут являться сведения о преподавательской деятельности эксперта, его выступлениях на различных научных мероприятиях, особенно, если он успешно прошел процедуру защиты диссертационной работы на соискание ученой степени, степени доктора Ph (доктора по профилю).

Пятый блок содержит элементы, которые в большей мере указывают на некомпетентность эксперта. Это сведения о количестве повторных экспертиз, выводы которых не совпадают с выводами, полученными экспертом, а также данные о прохождении экспертом внеочередной аттестации, которая проводится при возникновении обоснованных сомнений в надлежащем уровне профессиональной подготовки судебного эксперта²⁵. Основанием для направления эксперта на внеочередную аттестацию является решение Комиссии ЦСЭ по рассмотрению результатов повторных экспертиз²⁶, а также рекомендации рецензентов²⁷. К негативным

²⁵ Правила проведения аттестации судебного эксперта аттестационными комиссиями Министерства юстиции Республики Казахстан, утвержденные приказом Министра юстиции Республики Казахстан от 27 февраля 2015 года № 119 // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500010490> (дата обращения: 30 мая 2016 г.).

²⁶ Правила организации производства повторных экспертиз и деятельности комиссии по рассмотрению результатов повторных экспертиз в Центре судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан, утвержденные приказом Директора ЦСЭ МЮ РК от 31 декабря 2013 года № 380 // URL: <http://www.sudexpert.adilet.gov.kz/ru/pages/normativnye-pravovye-akty-reguliruyushchie-sudebno-ekspertnuyu-deyatelnost> (дата обращения: 30 мая 2016 г.).

²⁷ Положение о рецензировании заключений экспертов Центра судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан, утвержденное приказом Директора ЦСЭ МЮ РК от 30 сентября 2014 года № 466 // URL: <http://www.sudexpert.adilet.gov.kz/ru/pages/normativnye-pravovye-akty-reguliruyushchie-sudebno-ekspertnuyu-deyatelnost> (дата обращения: 30 мая 2016 г.).

Все блоки, составляющие компетентность, можно представить в виде следующей таблицы:

Компетентность				
Квалификация	Практический опыт	Научная деятельность	Ораторские способности	Отсутствие
1. профильное высшее образование	1. количество проведенных экспертиз	1. количество публикаций по судебной экспертизе	1. опыт преподавания в вузах	1. повторных экспертиз с противоположными выводами
2. квалификационное свидетельство эксперта	2. уровень решаемых задач, полученные результаты	2. количество методик и методических пособий	2. участие в научных мероприятиях	2. внеочередных аттестаций
3. сертификаты, свидетельства о повышении квалификации	3. участие в комиссиях, комплексных, повторных экспертизах	3. наличие ученой степени, степени доктора Ph или по профилю	3. прохождение процедуры защиты диссертационной работы	3. частных постановлений и определений суда
4. сведения о прохождении очередной аттестации	4. применяемые методики, оборудование, программные продукты			
5. наличие лицензии (для частных экспертов)				

сведениям также относится наличие частных постановлений и определений, вынесенных судом, в отношении судебного эксперта как участника процесса.

Все вышеперечисленные сведения должны быть доступны для участников уголовного процесса, однако в настоящее время не существует единого источника, в котором они были бы собраны. В Казахстане создан и доступен Государственный реестр судебных экспертов Республики Казахстан, который формируется в целях обеспечения органов, ведущих уголовный процесс, судов, органов (должностных лиц), в производстве которых находятся дела об административных правонарушениях, прокуроров, нотариусов и иных участников процесса сведениями о судебных экспертах²⁸. Электронный вариант Государственного реестра размещен на официальном сайте Министерства юстиции Республики Казахстан, в

нем указаны только сведения об образовании, наличии ученой степени, наименовании экспертных специальностей эксперта и даты их получения, прохождении аттестации, месте работы либо номере и дате выдачи лицензии на занятие судебно-экспертной деятельностью. Аналогичный реестр судебных экспертов можно найти на официальном сайте Министерства юстиции Украины²⁹.

Таким образом, определить компетентность эксперта на момент поручения ему экспертизы в соответствии с теми критериями, которые перечислены выше, на основании доступной информации не представляется возможным. Выход из создавшейся ситуации видится, во-первых, в расширение сведений, содержащихся в Государственном реестре судебных экспертов РК, во-вторых, в размещение на сайте Центра судебной экспертизы МЮ РК сведений, максимально полно характеризующих каждого судебного эксперта³⁰.

²⁸ Правила формирования и использования Государственного реестра судебных экспертов Республики Казахстан, утвержденные приказом Министра юстиции Республики Казахстан от 26 января 2015 года № 51 // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012011> (дата обращения: 30 мая 2016 г.).

²⁹ Реестр аттестованных судебных экспертов МЮ Украины // URL: <http://rase.minjust.gov.ua/> (дата обращения: 30 мая 2016 г.).

³⁰ Например, в США базы данных фирм содержат информацию обо всех сотрудниках и включают следующие сведения: базовое образование и биографические данные; опыт работы; индивидуальные навыки и знания; имеющиеся лицензии и сертификаты; программы обучения, пройденные в период работы в фирме; прежние оценки результатов деятельности; профессиональные цели.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алимджанов Б. А., Вальдман В. М. Компетенция эксперта в уголовном процессе: теоретические и практические аспекты. — Ташкент : Изд-во Ташк. ВШ МВД СССР, 1986. — 156 с.
2. Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. — Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. — 152 с.
3. Боруленков Ю. П. Компетентность субъекта юридического познания // Библиотека криминалиста. — 2015. — № 1. — С. 322—330.
4. Борчашвили И. Ш. О развитии судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан // Вестник Министерства юстиции РК. — 2014. — № 1. — С. 62—65.
5. Вальдман В. М. Компетенция эксперта в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ташкент, 1966. — 18 с.
6. Дубровин О. В., Ковалева И. Ю. Применение сертификации экспертов в процессе судопроизводства Российской Федерации и стран Европейского союза // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». — 2014. — Т. 14. — № 1. — С. 52—58.
7. Енгальчев В. Ф. Профессиональная компетентность специалиста в практической юридической психологии. — М. : Высшая школа психологии, 2004. — 436 с.
8. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 424 с.
9. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика : учебник для юридических вузов / под ред. проф. В. И. Кириллова. — М. : ТК Велби, Проспект, 2008. — 240 с.
10. Комиссарова Я. В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 240 с.
11. Криминалистическая энциклопедия / под ред. Р. С. Белкин. — Алматы : Изд-во Казахстан, 1995. — 172 с.
12. Кузнецов Л. Е., Витер В. И. Юридические аспекты прав и обязанностей эксперта // Проблемы экспертизы в медицине. — 2001. — № 2. — С. 29—33.
13. Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. — М. : ИПК РФЦСЭ, 2005. — 264 с.
14. Равен Дж. Компетентность в современном обществе. — М. : Когито-Центр, 2002. — 396 с.
15. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. — М. : Норма, 2011. — 656 с.
16. Саати Т. Принятие решений. Методы анализа иерархий. — М. : Радио и связь, 1993. — 278 с.
17. Шапиро Л. Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Павлодар, 2008. — 52 с.
18. Шапиро Л. Г., Степанов В. В. Специальные знания в уголовном судопроизводстве. — М. : Юрлитинформ, 2008. — 224 с.
19. Щербаковский М. Г., Щербаковская Л. П. Компетенция и компетентность судебного эксперта // URL: http://otherreferats.allbest.ru/law/00500003_0.html (дата обращения: 25 апреля 2016 г.).
20. Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. — М. : Юристъ, 1999. — 552 с.

Материал поступил в редакцию 10 декабря 2016 г.

DEFINITION OF THE COMPETENCE OF A FORENSIC EXPERT IN CRIMINAL PROCEDURE

PARAMONOVA Lada Fedorovna — PhD in Law, Chief Expert of the Institute of Forensic Expertise of the Pavlodar Region Centre of Forensic Expertise, Republic of Kazakhstan
fllid66@mail.ru
140000, Republic of Kazakhstan, Pavlodar, Lermontova Str., 53

Review. *The scope of “expert knowledge of a forensic examiner” and its contrast to the notion of “competence of a forensic examiner” for many years has been the subject of scientific debate. The article carries out structural-linguistic analysis of the proposed definitions of competence, based on the analysis proposed by author’s formulation of this notion. Special attention is given to the structural elements of competence, allowing you to fully appreciate the competence of the forensic examiner to conduct expert studies.*

Keywords: *competence, objective competence, subjective competence, the competence of the forensic expert.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alimdzhанov B. A., Val’dman V. M. Kompetencija jeksperta v ugovnom processe: teoreticheskie i prakticheskie aspekty. Tashkent: Izd-vo Tashk. VSh MVD SSSR, 1986. 156 s.
2. Arsen’ev V. D., Zablockij V. G. Ispol’zovanie special’nyh znanij pri ustanovlenii fakticheskikh obstojatel’stv ugovnogo dela. Krasnojarsk: Izd-vo Krasnojarsk. un-ta, 1986. 152 s.
3. Borulenkov Ju. P. Kompetentnost’ sub#ekta juridicheskogo poznaniya // Biblioteka kriminalista. 2015. № 1. S. 322—330.
4. Borchashvili I. Sh. O razvitii sudebno-jekspertnoj dejatel’nosti v Respublike Kazahstan // Vestnik Ministerstva justicii RK. 2014. № 1. S. 62—65.
5. Val’dman V. M. Kompetencija jeksperta v sovetskom ugovnom processe: Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. Tashkent, 1966. 18 s.
6. Dubrovin O. V., Kovaleva I. Ju. Primenenie sertifikacii jekspertov v processe sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii i stran Evropejskogo sojuza // Vestnik JuUrGU. Serija «Pravo». 2014. T. 14. № 1. S. 52—58.
7. Engalychev V. F. Professional’naja kompetentnost’ specialista v prakticheskoj juridicheskoj psihologii. M.: Vysshaja shkola psihologii, 2004. 436 s.
8. Zajceva E. A. Konceptcija razvitija instituta sudebnoj jekspertizy v uslovijah sostjazatel’nogo ugovnogo sudoproizvodstva. M.: Jurlitinform, 2010. 424 s.
9. Kirillov V. I., Starchenko A. A. Logika: uchebnik dlja juridicheskikh vuzov / pod red. prof. V. I. Kirillova. M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2008. 240 s.
10. Komissarova Ja. V. Konceptual’nye osnovy professional’noj dejatel’nosti jeksperta v ugovnom sudoproizvodstve. M.: Jurlitinform, 2010. 240 s.
11. Kriminalisticheskaja jenciklopedija / pod red. R. S. Belkin. Almaty: Izd-vo Kazahstan, 1995. 172 s.
12. Kuznecov L. E., Viter V. I. Juridicheskie aspekty prav i objazannostej jeksperta // Problemy jekspertizy v medicine. 2001. № 2. S. 29—33.
13. Orlov Ju. K. Sudebnaja jekspertiza kak sredstvo dokazyvanija v ugovnom sudoproizvodstve. M.: IPK RFCS-Je, 2005. 264 c.
14. Raven Dzh. Kompetentnost’ v sovremenном obshhestve. M.: Kogito-Centr, 2002. 396 s.
15. Rossinskaja E. R. Sudebnaja jekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovnom processe. M.: Norma, 2011. 656 s.
16. Saati T. Prinjatие reshenij. Metody analiza ierarhij. M.: Radio i svjaz’, 1993. 278 s.
17. Shapiro L. G. Special’nye znanija v ugovnom sudoproizvodstve i ih ispol’zovanie pri rassledovanii prestuplenij v sfere jekonomicheskogo dejatel’nosti: Avtoref. diss.... dokt. jurid. nauk. Krasnodar, 2008. 52 s.
18. Shapiro L. G., Stepanov V. V. Special’nye znanija v ugovnom sudoproizvodstve. M.: Jurlitinform, 2008. 224 s.
19. Shherbakovskij M. G., Shherbakovskaja L. P. Kompetencija i kompetentnost’ sudebnogo jeksperta. URL: http://otherreferats.allbest.ru/law/00500003_0.html (poslednee poseshhenie — 25 aprlja 2016 g.)
20. Jenciklopedija sudebnoj jekspertizy / Pod red. T. V. Aver’janovoj, E. R. Rossinskoj. M.: Jurist#, 1999. 552 s.

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И СУДОУСТРОЙСТВО

А. А. Кондрашев*

Судебная реформа в России: проблемы реализации и варианты решений

Аннотация. В данной статье автор рассматривает коллизии и противоречия, возникшие в ходе реализации Концепции судебной реформы в Российской Федерации, принятой еще в 1991 году. Автором выделены основные проблемы, связанные с реализацией задач, поставленных в Концепции: сверхцентрализация судебной системы, социальная стратификация правосудия, усиление обвинительного уклона, кадровые проблемы, нарушение принципа независимости судей. В ходе проведенного исследования данного вопроса автором были сделаны выводы о насущной необходимости новой реформы российской судебной системы. Причем стране нужны кардинальные новации, способные обеспечить реальную независимость судей как от исполнительной власти, так и от субъектов рынка, и одновременно ослабив централизацию полномочий в руках председателей судов. В противном случае, невозможно будет вернуть доверие российского общества к правосудию.

Ключевые слова: судебная власть, судебная система, судебная реформа, правовой статус судьи, судопроизводство, судебный контроль, принципы судопроизводства, правосудие.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.209-218

Первый в истории российского государства документ стратегического планирования, определяющий направления реформы правосудия, а именно — Концепция реформы российской судебной системы — была разработана в 1991 г¹. В ней содержалось подробное описание основных проблем правосудия конца 20 века, включая обвинительный уклон и отсутствие независимости судей, и были сформулированы предложения по реформи-

рованию не только судов, но также следствия, прокуратуры и адвокатуры, поскольку авторы концепции прекрасно понимали взаимосвязанный характер всех стадий уголовного процесса. Некоторые идеи этой Концепции были реализованы в законодательстве новой России, но комплексная реформа в том виде, в котором она предлагалась, так и не была проведена. После 1991 г. подобных документов уже не разрабатывалось².

¹ Концепция судебной реформы 1991 года была принята Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

Авторами Концепции были представители академической юридической науки, а также судьи и адвокаты: С.Е. Вицин, А.М. Ларин, И.Б. Михайловская, Т.Г. Морщакова, Р.В. Назаров; С.А. Пашин, И.Л. Петрухин, Ю.И. Стецовский.

² Можно отметить лишь один официальный документ за этот период: Указ Президента РФ от 6.07.1995 г. № 673 «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации» (СЗ РФ. 1995. № 28. Ст. 2642).

© Кондрашев А. А., 2017

* Кондрашев Андрей Александрович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета

legis75@mail.ru.

660075, Россия, г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 6

Следует отметить, что почти по всем основным направлениям судебной реформы значительные проблемы сохранились и реформирование фактически остановилось, по большому счету и не начавшись. На наш взгляд, российская судебная система сегодня испытывает самый серьезный вызов за последние 20 лет. По итогам регулярных социологических опросов российских граждан постоянно выявляется угрожающая тенденция падения доверия к судебной власти и судам, и ситуация меняется только в худшую сторону³. Несмотря на повышение материального содержания судей, улучшения их социального и жилищного обеспечения, эффективность их работы не улучшается, а граждане страны чувствуют все более увеличивающееся отчуждение от работы судей.

Несмотря на это в судебском сообществе господствует иное восприятие состояния российской судебной системы. Вот как характеризует нынешнее ее состояние судья Конституционного Суда РФ в отставке М.И. Клеандров: «За 20 последние лет судебная власть в России развивалась ускоренными темпами. Она крепла, расширялась, структурировалась и представляет сегодня мощный государственный институт. Налицо серьезная законодательная основа ее организации и деятельности, фактически заново создана мощная материально-ресурс-

ная база, непосредственное правосудие осуществляет в целом высокопрофессиональный судейский корпус»⁴. Но этот апологетический взгляд почему-то мало коррелирует с мнением наших сограждан, которые почему-то доверяют судам даже меньше, чем иным государственным институтам.

Давайте рассмотрим основные проблемы российской судебной системы образца 2016 года в кратком изложении с применением статистических данных. При этом в российской юридической науке имеются разные взгляды на судебную реформу: одни авторы положительно характеризуют судебную реформу 1990—2000-х годов, относя к ее достижениям, например, упразднение Высшего Арбитражного Суда⁵, а другие выявляют многочисленные проблемы, связанные в реализации судебной реформы в современной России (независимость судей, обвинительный уклон⁶) и говорят о необходимости новой судебной реформы.

1. Сверхцентрализация судебной системы на федеральном уровне. Одним из направлений судебной реформы 1991 года называлось создание федеральной судебной системы. Что же мы имеем на 2016 год? К судебной системе субъектов отнесены мировые суды субъектов и конституционные (уставные суды). Мировые суды созданы во всех субъектах федерации,

³ Доверие к суду неуклонно снижается: в 2010 г. для решения проблем в суд предпочло бы обратиться 41 % россиян, а в 2013 г. — только 33 % по данным соцопросов, проведенных «Левада-центром» в 2010 и 2013 гг. (URL: <http://ruwest.ru/news/6728/>). Чуть меньшую цифру доверия судам дает ФОМ — 40 % , но следует учитывать, что в опросе было только два варианта ответа для респондентов: положительно или отрицательная оценка суда (см.: доклад ФОМ «О судах и судьях» // URL: <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/10551>).

При этом в 2015 г. впервые в рейтинге недоверия государственным институтам на первое место вышла судебная система: 24 % наших сограждан доверяет судам, а не доверяет 49 % (см.: Труды Института социологии РАН (ИС РАН) «Российское общество и вызовы времени» (2015 год) // URL: <http://tass.ru/obschestvo/1857915> (дата обращения 28.08.2016)).

⁴ Клеандров М. И. Судебная реформа в России // Вестник Российской академии наук. 2012. Т. 82. № 5. С. 396.

⁵ Корякин И. И. К вопросу о судебной реформе в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2014. № 8. С. 12—16 ; Ярошенко Н. И. К вопросу о судебной реформе в России и осуществлению судебного конституционализма // Актуальные проблемы права. 2016. № 3. С. 69.

⁶ Тарасов А. А., Шарипова А. Р. Принцип независимости судей и проблемы взаимоотношений судебной власти с обществом в контексте двух российских судебных реформ // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7. С. 1421—1427 ; Михайлов А. А. Судебная реформа в современной России: институциональный анализ эффективности и перспектива (в аспекте реформы уголовной юстиции) // Уголовная юстиция. 2015. № 1 (5). С. 29—39.

но при этом материальное содержание судей финансируется из федерального бюджета, кандидатуры для назначения на эти должности представляются законодательным органам субъектов председателями федеральных судов субъектов. Председатель районного суда осуществляет общее (методическое) руководство организацией работы мировых судей. Председатели районных судов также контролируют деятельность мировых судей посредством ряда организационных полномочий. Например, именно председатель районного суда пишет характеристики на мировых судей при пере назначении их на новый срок и при присвоении квалификационного класса, более того с 2013 года⁷ председатель суда может передавать часть уголовных, гражданских дел, дел об административных правонарушениях, поступивших к мировому судье одного судебного участка мировому судье другого судебного участка или мирового судье этого же участка.

Нужно учитывать, что мировые судьи осуществляют судопроизводство только в рамках полномочий, определенных федеральным законодателем, а не законодателями субъектов федерации. Возникает вопрос — можно ли назвать такие суды в полном смысле судами субъектов? Ответ на этот вопрос, думаю, очевиден всем юристам: нет. Полноценная судебная система субъектов должна состоять не только из мировых судов, наделенных полномочиями органами власти субъектов и обладающими собственной юрисдикцией, определенной региональными властями, но и территориальных судов и суда субъекта, также подчиненных и финансируемых органами власти субъекта. Кроме того, юрисдикция этих судов должна основываться на законах, принятых субъектами федерации, а не исключительно федеральным законодателем.

Несколько иная ситуация складывается с конституционными (уставными) судами, а именно: сокращена их юрисдикция и постепенно уменьшается их число⁸. Конституционные (уставные) суды существуют и функционируют только в 16 субъектах России и к их компетенции отнесены только два вопроса: толкование устава и рассмотрение на предмет соответствия конституции актов органов власти субъекта и органов местного самоуправления. Таким образом, де-факто федеральная судебная система в стране отсутствует, а суды предельно централизованы, что характерно для унитарного государства.

2. Политизация российского правосудия и социально-стратифицированное правосудие.

О политически мотивированных судебных процессах можно говорить долго и это, как представляется, должно быть темой отдельного исследования, которое явно небезопасно в рамках нынешнего российского политического режима. Лишь отметим, что, как минимум, «второе дело» М.Ходорковского, процессы над А.Навальным, участниками митинга на Болотной площади в 2012 году, несколькими десятками граждан, осужденными по т.н. «экстремистским» статьям УК за репосты, лайки или комментарии, явно далеки от критериев поиска объективной истины по этим делам.

Если же говорить о другой тенденции, то она выглядит не менее угрожающей. А именно факт того, что представители т.н. политической или экономической элиты фактически избегают отбывания реального наказания, несмотря даже на бесспорные доказательства их вины. Статистические данные подтверждают, что по экономическим статьям УК РФ шанс получения реального наказания у чиновников или крупных бизнесменов ниже в несколько раз, чем у представителей иных социальных групп⁹.

⁷ См.: Федеральный закон от 04.03.2013 № 20-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 872.

⁸ Так, с 1 марта 2014 года ликвидирован Уставной суд Челябинской области. В Самарской области осенью 2014 года был ликвидирован Уставной Суд Самарской области. Еще в 2013 году была приостановлена на неопределенный срок деятельность Конституционного Суда Республики Бурятия (см: Цурган Т. Д. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ: быть или не быть? // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы III междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). Казань: Бук, 2015. С. 30—33).

⁹ По результатам исследования, проведенного Институтом проблем правоприменения в г. Санкт-Пе-

С другой стороны, даже в случаях обвинительного приговора с реальным сроком наказания, они выходят на свободу по УДО. Это говорит о том, что сформировалась устойчивая судебная практика, подтверждающая известное обывательское суждение: чем больше денег или власти, тем меньше наказание. А это в свою очередь сильно подрывает доверие к судам, и влечет отчуждение большей части общества от решения вопросов правовыми средствами.

3. Усиление обвинительного уклона в деятельности судов. За последние лет пятнадцать проявилась тенденция усиления обвинительного уклона в деятельности российских судов. Главный показатель — это конечно, процент оправдательных приговоров, который в нашей стране за последние годы стал одним из самых низких в мире. Сегодня более 2/3 всех оправдательных приговоров приходится на дела частного обвинения (где сторона обвинения представлена не обязательно прокуратурой), но сами эти дела составляют лишь от 8 до 10 % уголовных дел, рассмотренных судами. Необходимо учитывать, что на них приходится и почти 80 % дел, прекращенных по реабили-

рующим обстоятельствам. Примерно половина (47 %) всех дел частного обвинения закончилась примирением сторон, когда подсудимый признает вину, компенсирует вред. Совершенно иная картина в процессах с участием государственного обвинителя: здесь уголовные суды оправдывают подсудимых в одном-двух случаях из тысячи и прекращают по реабилитирующим основаниям лишь пять из тысячи (0,5 %) дел. Это ничтожная цифра! Более того, с 2008 года доля оправданий в российских судах упала в два с половиной раза¹⁰. Можно констатировать, что суды РФ практически перестали оправдывать кого бы то ни было.

В делах публичного (и частно-публичного) обвинения, т.е. по тем уголовным делам, по которым велось предварительное расследование и которые рассматриваются судом с участием прокурора, доля оправданных за последние 8—10 лет стабильно не превышает 0,3—0,5 %. Судьи избегают оправдывать, так как проще просто закрыть дело или ограничиться наказанием, не связанным с лишением свободы¹¹. При этом (что даже удивительно!) доля оправдательных приговоров в судах присяжных со-

тербурге, получается, что правоохранители выходят из зала суда с оправдательным приговором почти в три раза чаще по статьям частного обвинения и в 10 раз чаще по остальным статьям — именно в тех случаях, где оправдания крайне редки, но гораздо более весомы с точки зрения жизни отдельного человека. Чиновников оправдывают в два раза чаще по частному обвинению и в 10 раз чаще по публичному и частно-публичному, чем в среднем в стране. Предприниматели тоже выглядят как привилегированная группа на фоне остальной России по части оправданий в суде, но заметно уступают в этом правоохранителям и чиновникам. При прочих равных правоохранители получают на два месяца меньший срок, а по ст. 159 «Мошенничество» они получают в среднем на четыре месяца меньше. Для представителей власти есть разница и в части тяжких преступлений. С увеличением возраста — а значит, звания и влияния правоохранителя или чиновника — средний срок по тяжким преступлениям для них будет ниже, чем у обычного осужденного по той же статье в том же регионе: в возрасте 40 лет на год, а к 60 годам на два года (см.: Волков В.В. Кто является господствующим классом в России // URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/237043-kto-yavlyaetsya-gospodstvuyushchim-klassom-v-rossii> (дата обращения 28.08.2016)).

¹⁰ Например, по данным Судебного департамента, в 2014 году по делам публичного обвинения было оправдано 1 314 чел., а в 2015 году — 1 388 чел. В то же время в 2008 году оправданных было 3 489, а в 2009 — 2 524 (URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>).

¹¹ По данным Института проблем правоприменения, «средний судья, работающий по уголовным делам, выносит за семь лет около 500 обвинительных и лишь один оправдательный приговор. В делах частного обвинения доля оправдательных приговоров находится стабильно на уровне 20 %. Сам факт того, что по делам, в которых не проводилось предварительное расследование, никакого обвинительного уклона не наблюдается, заставляет обратить внимание на досудебную стадию и выявить предпосылки обвинительного уклона, которые возникают до того, как дело будет передано в суд (см.: Бочаров Т., Волков В. В., Дмитриева А. Д., Тутаев К. Д., Четверикова И. В., Шклярчук М. С. Диагностика работы судебной системы в сфере уголовного судопроизводства и предложения по ее реформированию. Часть I. Доклад по результатам исследования / В.В. Волков, А.Д. Дмитриева. СПб. : ИПП ЕУСПб., 2016. С. 35).

ставляет в среднем от 12 до 20 %. Но в таком формате проходит лишь одно разбирательство из тысячи (0,1 %).

Необходимо отметить, что с 2010 года наблюдается неуклонное снижение количества подсудимых, в судьбе которых принимают участие присяжные. Число таких судебных процессов уменьшилось примерно в 2 раза. Это связано с принятием Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 433¹², который попросту сократил подсудность дел региональным судам.

Еще одним примером может выступить анализ самих приговоров по уголовным делам, которые на 90 %, если не больше, просто списаны с обвинительных заключений. Вообще роль судей по уголовным делам практически сводится к закреплению всех доказательств, собранных следствием¹³. При этом защита лишена возможностей полноценного сбора доказательств и их предъявления суду (например, все «судебные» экспертизы заказываются следствием, и результаты «независимых» экспертиз, представленных стороной защиты, судами просто игнорируются). В действительности суд может лишь констатировать факт неполноты собранных следствием доказательств и вернуть дело на доследование, что в последние годы встречается также все меньше и меньше.

4. Отбор в судьи: кадровые проблемы российского правосудия. Предусмотренный российским законодательством порядок отбора кандидатов на должность судьи отличается непрозрачностью и усиливает закрытость судеб-

ской корпорации, которая рекрутирует кадры, в основном из аппарата судов, а также прокуратуры и других правоохранительных органов. При этом выходцы из аппарата судов, как показывают социологические исследования, более зависимы от мнения коллег и позиции председателя суда или вышестоящих судов¹⁴, а через представителей прокуратуры и других правоохранительных органов в судебское сообщество транслируются убеждения и установки, доминирующие в правоохранительной среде и во многом способствующие сохранению обвинительного уклона¹⁵.

Даже Председатели Конституционного и Верховного Судов считают такой порядок отбора в судьи явно неадекватным. Так, Председатель Конституционного Суда В. Д. Зорькин в середине 2000-х публично признавал, что качество выносимых вердиктов оставляет желать лучшего даже без давления чиновников и криминала, и признал, что проблему решить очень сложно, ведь многие судьи — бывшие работники аппаратов, учившиеся заочно или на вечернем отделении¹⁶. Председатель Верховного Суда В. М. Лебедев также отмечал, что 48 % судей районных судов вышли из мировых судей, а на свои предыдущие должности мировых судей они пришли из секретарей судебных заседаний¹⁷.

Причина этого кроется в самой системе назначения судей. Сейчас все претенденты на должность судьи или председателя суда сначала проходят отбор в квалификационной коллегии судей. В случае положительного за-

¹² Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

¹³ Согласно социологическим исследованиям 70,6 % судей предпочитают доверять показаниям, которые обвиняемый дал следователю, а не в суде, а заключениям экспертиз, представленных следователями, отдают предпочтение при вынесении решений 77,5 % судей (см.: *Смирнов А. В.* Российский уголовный процесс: необходима новая модель // URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html (дата обращения 27.08.2016)).

¹⁴ *Волков В. В., Дмитриева А. Д.* Российские судьи как профессиональная группа: ценности и нормы // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права. М., 2012. С. 155.

¹⁵ *Кругликов А. П.* Концепция судебной реформы в Российской Федерации и возвращение судом уголовного дела на дополнительное расследование // Российская юстиция. 2013. № 10. С. 38.

¹⁶ Российский судья. 2005. № 1. с. 4.

¹⁷ См.: Российская газета 2004. 1 декабря.

ключения коллегии, их данные передаются вначале в кадровую комиссию Верховного Суда, а затем в кадровую комиссию при президенте, которая может либо отклонить их кандидатуру, либо представить ее для назначения президенту¹⁸. Сейчас руководителем комиссии является председатель ВС Вячеслав Лебедев. Она состоит из 15 человек, среди которых советники и помощники президента, замгенпрокурора, замминистра МВД, замдиректор ФСБ, а также председатель Совета по правам человека (тоже советник президента) и известный адвокат (член Общественной Палаты). Судьбу судей решают глава исполнительной власти при участии своих подчиненных, а отнюдь не судьи или общественность, что делает судей зависимыми именно от исполнительной ветви власти.

5. Нарушение конституционного принципа независимости судей. В рамках названной проблемы можно выделить несколько аспектов. Во-первых, это процедура привлечения судей к ответственности. В настоящее время инициатором привлечения судей к ответственности выступает тот же пресловутый председатель суда, а квалификационная коллегия действует только в рамках этой инициативы.

Для того, что исключить с одной стороны «клановость», а с другой стороны, зависимость судей от председателей судов, квалификационные коллегии должны не менее чем на 50 % формироваться не из числа судей, причем даже бывших: это могут быть преподаватели вузов, юристы коммерческих организаций, представители правозащитных организаций. Кроме того на уровне мировых судей (в порядке эксперимента) можно внедрить институт судейского «импичмента», когда население

сможет досрочно прекратить полномочия мирового судьи посредством проведения соответствующего голосования.

Во-вторых, это гипертрофия властных полномочий председателей судов по сравнению с иными судьями. Субъектами управленческих воздействий являются, прежде всего, руководители судов, хотя принятие всех юридически значимых для карьеры судьи решений относится к полномочиям квалификационных коллегий. В решающей степени от председателя суда зависит распределение между судьями судебной нагрузки. Именно председатели судов выносят на квалификационные коллегии вопросы о наказании судей, хотя по закону таким полномочием обладают, в том числе, коллективы судей.

Но самое главное — председатели региональных судов контролируют назначение нижестоящих председателей. Председатели судов в России не избираются из уже назначенных судей органами судейского сообщества, а назначаются указами президента по представлению председателя ВС. Кандидатура председателя районного суда де-факто определяется вышестоящим председателем. Все это вместе создает жесткую вертикаль чиновничье-бюрократического типа. Какие меры помогли бы разрушить эту вертикаль? Самый простой выход — это вообще отмена института председателей. Во многих странах суды не имеют председателей (президентов), а работают как коллектив равных, без руководителя.

Отдельные правоведы предлагают установить выборность председателя самими судьями на срок не более 3 лет и наделить их только организационными полномочиями. Другие авторы предлагают ограничить пребывание

¹⁸ Роль Комиссии при президенте не определена ни одним законодательным актом, но фактически она является последним фильтром при назначении судей. Комиссия собирается, как правило, ежемесячно и рассматривает на одном заседании около 200 кандидатов на занятие разных должностей в судебной системе. Решения по отдельным кандидатам не публикуются, но анализируя разницу между числом рассмотренных кандидатур, публикуемых Комиссией, и указами президента о назначении судей, изданными непосредственно после заседания Комиссии, можно заключить, что она отклоняет от 10 до 20 % предложенных кандидатур, причем причины отклонения не озвучиваются (см.: *Бочаров Т., Волков В. В., Дмитриева А. Д., Титаев К. Д., Четверикова И. В., Шклярук М. С.* Диагностика работы судебной системы в сфере уголовного судопроизводства и предложения по ее реформированию. Часть I. С. 28).

председателей судей одним сроком продолжительностью 3—5 лет¹⁹.

Наши предложения сводятся к тому, чтобы или вообще отказаться от должности председателя суда, и назначить независимого администратора, либо серьезно ограничить права председателя и избирать его самими судьями. Одной из важных гарантий независимости судей, предохраняющей их от излишнего администрирования, могло бы служить распространение на все суды порядка, согласно которому председатель суда, недобросовестно исполняющий свои обязанности либо злоупотребляющий своими правами, может быть досрочно освобожден от должности по решению данного суда путем тайного голосования входящих в его состав судей²⁰.

6. Участие граждан в осуществлении правосудия. Одним из важнейших приоритетов судебной реформы, определенных в Конституции РФ (ст. 123) является активное вовлечение граждан в осуществлении правосудия. Именно этот механизм способен в ускоренные сроки обеспечить легитимность и доверие в обществе к судебной власти, так как участие лиц, не обладающих специальными познаниями в судебных процессах, дает возможность обществу давать независимую оценку выносимым судебным актам. Ведь именно закрытость и кулуарность правосудия выступают одними из

факторов усиления недоверия к судам в нашем общественном создании. При этом за последние годы выявилась негативная тенденция сокращения участия граждан в осуществлении правосудия.

Институт народных заседателей ликвидирован, при этом Федеральный закон «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» окончательно утратил силу лишь с начала 2004 года²¹, но еще в начале 2000-х имелся шанс сохранения этого института в российской правовой системе. Однако затем федеральный законодатель исключил нормы о рассмотрении дел с участием народных заседателей в УПК (2002 г) и ГПК (2003 г.)

Юрисдикция суда присяжных постоянно сокращается, с его участием рассматривается все меньше дел, и функционирует он лишь при судах субъектов²². Доля дел, рассматриваемых судами присяжных, составляет примерно 0,1 % в год.

Институт арбитражных заседателей также не получил развития: в его составе не больше 1000 арбитров и рассматривают с их участием не более 0,1 % всех арбитражных дел²³. Арбитражный процесс специфичен тем, что в нем участвуют профессиональные представители. Потенциально любой участник арбитражного процесса может заявить ходатайство

¹⁹ См.: Галимов Р. И. Правовые проблемы судебной реформы в России // Российский судья. 2005. № 4. С. 5 ; Мами К. Судебные реформы в Казахстане и России. Сравнительный анализ // Российская юстиция. 2001. № 1. С. 36—38.

²⁰ Смирнов А. В. Некоторые актуальные проблемы уголовного права и процесса в свете положений российской Конституции и международного права // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 138.

²¹ Федеральный закон от 18.12.2001 № 177-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2001. № 249.

²² Изначально, когда УПК только вводился в действие в 2002 году, предполагалось, что судом присяжных могут рассматриваться все составы преступлений, подсудные судам регионального уровня, и соответственно круг таких дел был значительно шире. С 2005 до 2010 года наблюдался стабильный рост дел, рассмотренных с участием присяжных заседателей. После 2010 года, после изменений в федеральном законодательстве, сократившем подсудность дел региональным судам, количество дел рассмотренных судом присяжных сократилось почти вдвое.

²³ В 2002 году с участием арбитражных заседателей было рассмотрено 50 дел, в 2005 — 1 115 дел, а в 2010 — 4 119 дел. В 2011 году рассмотрено 1 248 дел или 0,1 % , в 2012 — всего 159 дел или 0,01 % , а в 2013 — лишь 45, что составило 0,004 % от общего количества рассмотренных дел (см.: Аналитическая записка к статистическому отчету о работе арбитражных судов в Российской Федерации в 2013 году // Сайт федеральных арбитражных судов. URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/BA56B64409E63370CC611FE1DCC99CB8_an_zap.pdf. (дата обращения 28.08.2016)).

о рассмотрении дела с участием арбитражных заседателей.

Ученые пытались найти причину непопулярности института арбитражных заседателей. В качестве таковой было названо отсутствие научной проработки²⁴, хотя справедливо говорить о том, общество просто не желает участвовать в отправлении правосудия. Если компетенция суда присяжных сокращалась за счет федеральных инициатив, а также за счет ухищрений следствия, избегавшего квалификации по статье, предполагающей рассмотрение судом присяжных, то количество дел с участием арбитражных заседателей в гораздо большей степени зависит от самих сторон. Отсутствие спроса на арбитражных заседателей является объективной оценкой спроса на народное представительство в современном правосудии²⁵.

Некоторые выводы и предложения

Новая судебная реформа это не просто требование времени, но и способ самоочищения судейского сообщества, отказа от практик, сформированных за годы советской власти и двадцатилетие новой российской государственности, и, наконец, возможность вернуть доверие россиян к судебной системе, к правосудию. Причем основные ее направления ясны и понятны:

— новый порядок наделения судей полномочиями, исключаящий давление одной ветви власти (выборы населением для мировых судей и наделение полномочиями федеральным или региональными парламентами по представлению органов судейского самоуправления) и дополнительные требования к кандидатам на должности судей (например, опыт работы адвокатом или преподавателем права и запрет на прием в судьи лиц, работавших в прокуратуре, СК или полиции);

— введение реального судейского самоуправления и равенства судей в судах, посредством отмены института председателей судов или существенного сокращения их полномочий и сроков нахождения на должности; введение в состав квалификационных колле-

гий не менее 50 % представителей общественности (исключая бывших судей, полицейских и следователей);

— отказ от обвинительного уклона в судах посредством введения судебного контроля за предварительным следствием (следственные судьи) и увеличения возможностей для защиты по сбору доказательств и их легализации в суде, введение законодательных ограничений рассмотрения уголовных дел по упрощенной процедуре;

— децентрализация правосудия и создание полноценных судов субъектов, рассматривающих гражданские, административные и уголовные дела одновременно с наделением субъектов федерации компетенцией по установлению юрисдикции соответствующих судов;

— привлечение граждан к осуществлению правосудия путем возвращения народных заседателей (избираемых муниципальными советами) для рассмотрения уголовных дел, гражданских и трудовых споров в районных судах, расширение юрисдикции суда присяжных при рассмотрении уголовных дел по тяжким и особо тяжким преступлениям;

Нынешняя судебная система в России громоздка, но при этом управляема в ручном режиме, за счет института председателей судов и по сути создания единой централизованной судебной вертикали. Безусловно, в политическом плане такая модель выгодна руководству страны. Но в стратегическом аспекте такая модель ущербна и не способна вернуть доверие и уважение общества к суду, о чем писали авторы Концепции судебной реформы еще в 1991 году. Только радикальное реформирование судебной системы и продолжение судебной реформы, основные принципы которой не реализованы с момента принятия Концепции судебной реформы, может изменить положение судебной власти в стране, сделать ее действительно независимой от исполнительной власти, а правосудие свободным от политики и влияния экономических факторов (олигархических групп, коррумпированного чиновничества и др.).

²⁴ Правосудие для экономики: государственные арбитражные суды России. М., 2011. Книга 1. С. 78.

²⁵ Поздняков М. Л. Формы народного представительства в правосудии: тенденции и перспективы // Уголовный процесс. 2015. № 8.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакян Е. Г., Архипова Ю. В., Герасименко С. А., Дугинов Д. Е., Егоров А. В. Правосудие для экономики: государственные арбитражные суды России. — М., 2011. — Книга 1. — 544 с.
2. Бочаров Т., Волков В. В., Дмитриева А. Д., Титаев К. Д., Четверикова И. В., Шклярчук М. С. Диагностика работы судебной системы в сфере уголовного судопроизводства и предложения по ее реформированию Часть I. Доклад по результатам исследования. — СПб. : ИПП ЕУСПб., 2016. — 109 с.
3. Галимов Р. И. Правовые проблемы судебной реформы // Российский судья. — 2005. — № 4. — С. 4—7.
4. Волков В. В. Кто является господствующим классом в России // URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/237043-cto-yavlyaetsya-gospodstvuyushchim-klassom-v-rossii> (дата обращения 28.08.2016).
5. Волков В. В., Дмитриева А. Д. Российские судьи как профессиональная группа: ценности и нормы // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права. — М. : Статут, 2012. — С. 128—154.
6. Клеандров М. И. Судебная реформа в России // Вестник Российской академии наук. — 2012. — Т. 82. — № 5. — С. 396.
7. Корякин И. И. К вопросу о судебной реформе в Российской Федерации // Административное право и процесс. — 2014. — № 8. — С. 12—16.
8. Кругликов А. П. Концепция судебной реформы в Российской Федерации и возвращение судом уголовного дела на дополнительное расследование // Российская юстиция. — 2013. — № 10. — С. 37—41.
9. Мами К. Судебные реформы в Казахстане и России. Сравнительный анализ // Российская юстиция. — 2001. — № 12. — С. 36—38.
10. Международное публичное право. Сборник документов. — М., 1996. — Т. 2. — 539 с.
11. Михайлов А. А. Судебная реформа в современной России: институциональный анализ эффективности и перспектива (в аспекте реформы уголовной юстиции) // Уголовная юстиция. — 2015. — № 1 (5). — С. 29—39.
12. Поздняков М. Л. Формы народного представительства в правосудии: тенденции и перспективы // Уголовный процесс. — 2015. — № 8.
13. Смирнов А. В. Некоторые актуальные проблемы уголовного права и процесса в свете положений российской Конституции и международного права // Российский юридический журнал. — 2011. — № 2. — С. 132—139.
14. Смирнов А. В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель // URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html.
15. Судебная реформа: проблемы и перспективы. — М. : ИГП РАН, 2011. — 207 с.
16. Тарасов А. А., Шарипова А. Р. Принцип независимости судей и проблемы взаимоотношений судебной власти с обществом в контексте двух российских судебных реформ // Актуальные проблемы российского права. — М., 2014. — № 7 (44). — С. 1421—1427.
17. Цурган Т. Д. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ: быть или не быть? // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). — Казань: БуК, 2015. — С. 30—33.
18. Ярошенко Н. И. К вопросу о судебной реформе в России и осуществлению судебного конституционализма // Актуальные проблемы права. — 2016. — № 3. — С. 69.

Материал поступил в редакцию 10 декабря 2016 г.

JUDICIAL REFORM IN RUSSIA: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION AND POSSIBLE SOLUTIONS

KONDRASHEV Andrei Aleksandrovich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law Institute of Siberian Federal University
legis75@mail.ru.
660075, Russia, Krasnoyarsk, Maerchaka Street, 6

Review. *The article examines the conflicts and contradictions that have arisen in the implementation of the concept of judicial reform in the Russian Federation, adopted in 1991. The author highlights the main problems in the implementation of the objectives set out in the Concept: super-centralization of the judicial system, social stratification of justice, strengthening the conviction bias, staffing issues, breach of the principle of judicial independence. In the course of the study of this subject the author makes conclusions about the urgent need for a new reform of the Russian judicial system. Besides, the country needs radical innovations to ensure the real independence of judges from both the Executive Branch and from market players, and simultaneously loosening the centralization of authority of presiding judges. Otherwise, it will not be possible to regain the trust of the Russian society to justice.*

Keywords: *the judiciary, the judicial system, judicial reform, the legal status of judges, judicial proceedings, judicial supervision, judicial principles, justice.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avakjan E.G., Arhipova Ju.V., Gerasimenko S.A., Duginov D.E., Egorov A.V. Pravosudie dlja jekonomiki: gosudarstvennye arbitrazhnye sudy Rossii: Kniga 1. M., 2011. 544 s.
2. Bocharov T., Volkov V.V., Dmitrieva A.D., Titaev K.D., Chetverikova I.V., Shkljaruk M.S. Diagnostika raboty sudebnoj sistemy v sfere ugovolnogo sudoproizvodstva i predlozhenija po ee reformirovaniju Chast' I doklad po rezul'tatam issledovanija //SPb: IPP EUSPb. 2016.109 s.
3. Galimov R.I. Pravovye problemy sudebnoj reformy v // Rossijskij sud'ja. 2005. № 4. S. 4 — 7.
4. Volkov. V.V. Kto javljaetsja gospodstvujushhim klassom v Rossii// <http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/237043-kto-yavlyaetsya-gospodstvuyushchim-klassom-v-rossii> (data obrashhenija 28.08.2016).
5. Volkov V.V., Dmitrieva A.D. Rossijskie sud'i kak professional'naja gruppy: cennosti i normy // Kak sud'i primajut reshenija: jempiricheskie issledovanija prava / V.V. Volkov. M.: Statut, 2012. — S. 128—154.
6. Kleandrov M.I. Sudebnaja reforma v Rossii // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2012. T. 82.№ 5. S. 396.
7. Korjakin I.I. K voprosu o sudebnoj reforme v Rossijskoj Federacii // Administrativnoe pravo i process. 2014. № 8. S. 12—16.
8. Kruglikov A.P. Konceptija sudebnoj reformy v Rossijskoj Federacii i vozvrashhenie sudom ugovolnogo dela na dopolnitel'noe rassledovanie // Rossijskaja justicija. 2013. № 10. S. 37—41.
9. Mami K. Sudebnye reformy v Kazahstane i Rossii. Sravnitel'nyj analiz // Rossijskaja justicija. 2001. № 12. S. 36—38.
10. Mezhdunarodnoe publicnoe pravo. Sbornik dokumentov. M. 1996. T.2. 539 s.
11. Mihajlov A.A. Sudebnaja reforma v sovremennoj Rossii: institucional'nyj analiz jeffektivnosti i perspektiva (v aspekte reformy ugovolnoj justicii) // Ugolovnaja justicija. 2015. № 1 (5). S. 29—39.
12. Pozdnjakov M.L. Formy narodnogo predstavitel'stva v pravosudii: tendencii i perspektivy //Ugolovnyj process. 2015. № 8.. URL: <http://e.ugpr.ru/article.aspx?aid=401460>.
13. Smirnov A.V. Nekotorye aktual'nye problemy ugovolnogo prava i processa v svete polozhenij rossijskoj Konstitucii i mezhdunarodnogo prava // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2011. № 2. S. 132—139.
14. Smirnov A.V. Rossijskij ugolovnyj process: neobhodima novaja model' // http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html.
15. Sudebnaja reforma: problemy i perspektivy. M.: IGP RAN, 2011. 207 s.
16. Tarasov A.A., Sharipova A.R. Princip nezavisimosti sudej i problemy vzaimootnoshenij sudebnoj vlasti s obshhestvom v kontekste dvuh rossijskih sudebnyh reform // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. M. 2014. № 7 (44). S. 1421—1427.
17. Curgan T. D. Konstitucionnye (ustavnye) sudy sub#ektov RF: byt' ili ne byt'? // Juridicheskie nauki: problemy i perspektivy: materialy III mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', maj 2015 g.). — Kazan': Buk, 2015. — S. 30—33.
18. Jaroshenko N.I. K voprosu o sudebnoj reforme v Rossii i osushhestvleniju sudebnogo konstitucionalizma // Aktual'nye problemy prava. 2016. № 3. S. 69.

Предпосылки и методы унификации частноправовых основ внешнеторгового оборота энергетических ресурсов стран БРИКС

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых методов и средств унификации правового регулирования внешнеторгового оборота энергетических ресурсов стран, входящих в международное интеграционное объединение БРИКС. Делается вывод о том, что в деле развития международного энергетического сотрудничества государств-членов БРИКС первоочередной задачей правоведов является создание единого правового пространства. Что же касается непосредственно внешнеторгового оборота энергетических ресурсов, то приоритет, прежде всего, должен быть отдан унификации национального гражданского законодательства, как отрасли права, регулирующей частноправовые торговые отношения, с иностранным элементом, реализация которой требует обращения к методу гармонизации права. Выявлены и проанализированы факторы современной объективной действительности, которые осложняют процесс формирования унифицированного правового пространства внешнеторгового оборота энергетических ресурсов стран БРИКС. Установлено, что действующие соглашения являются по сути программными актами, устанавливающими лишь общие направления развития сотрудничества стран-участниц, и не содержат конкретных положений о регулировании рынка энергетики. В данном контексте очевидна необходимость и модернизации частноправовых основ оборота энергетических ресурсов, прежде всего, применимого права к договору купли-продажи. Доказано, что для государств-членов БРИКС исключительную важность представляют положения именно Венской конвенции 1980 г., которые и должны приниматься во внимание национальными законодателями в процессе конвергенции гражданско-правового регулирования. Делается вывод о том, что правовое регулирование купли-продажи в странах БРИКС сложно назвать унифицированным, однако факт участия в Венской конвенции большинства членов объединения и возможность ее применения в этих странах создают необходимую первооснову столь необходимого для успешного осуществления внешнеторгового оборота энергетических ресурсов унифицированного правового пространства интеграционного межстранового союза. Выявлены единообразные законодательные подходы стран-участниц БРИКС в вопросах регулирования условий признания договоров (сделок, соглашений), связанных с внешнеторговым оборотом энергетических ресурсов, определяющих их в качестве заключенных (действительных) и основания их прекращения.

Ключевые слова: межгосударственное интеграционное объединение БРИКС; внешнеэкономическая деятельность; внешнеторговая деятельность; внешнеторговые сделки; унификация правового регулирования; методы унификации права; импорт энергетических ресурсов; экспорт энергетических ресурсов; договор купли-продажи.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.219-226

© Марчуков И. П., 2017

* Марчуков Игорь Павлович — начальник отдела правового обеспечения государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
post@volgmed.ru

400008, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, пл. Павших Бойцов, д. 1

Объединение БРИКС¹ (ранее — БРИК) призвано способствовать укреплению внешнеэкономических позиций России и, полагаем, должно стать одним из мощнейших инструментов развития ее внешнеторгового оборота, прежде всего, энергетических ресурсов. Анализируя перспективы БРИКС в качестве эффективной площадки для развития сотрудничества во внешнеторговом обороте энергетики, полезным будет вспомнить о том, что именно энергетика, по мнению большинства экспертов, должна была составить экономическую основу для практической интеграции. На этапе первоначального формирования блока БРИКС энергетическая сфера воспринималась как основной источник взаимных выгод. Интеграционному объединению даже прочили будущее некоего «энергетического клуба». Действительно, энергетическая сфера представляет особый интерес в рамках межгосударственного сотрудничества Российской Федерации с другими странами-участницами БРИКС, особенно в условиях обостренного состояния современной геополитической обстановки, характеризующейся нарастанием как противоречий между РФ и ЕС, так и межстрановых противоречий в рамках общеевропейского интеграционного пространства.

Реализация межстранового энергетического сотрудничества под эгидой БРИКС, прежде всего, зависит от грамотно построенной, в том числе и правовыми методами и средствами общей энергетической политики, а также обмена опытом и технологиями отраслей энергетической промышленности². На современном этапе развития международного энергетического сотрудничества государств-членов БРИКС первоочередной задачей правоведов является создание единого правового пространства. Что же касается непосредственно внешнетор-

гового оборота энергетических ресурсов, то приоритет, прежде всего, должен быть отдан унификации национального гражданского законодательства, как отрасли права, регулирующей частноправовые торговые отношения, с иностранным элементом, реализация которой требует обращения к методу гармонизации права. Выполнение этой задачи будет способствовать не только развитию внешнеторгового оборота, межстрановому энергетическому сотрудничеству, но и укреплению международно-правового статуса БРИКС в целом, а также ускорению темпов интеграционных процессов в рамках международного объединения.

Однако на сегодняшний день существует ряд факторов объективной действительности, которые осложняют процесс формирования унифицированного правового пространства внешнеторгового оборота энергетических ресурсов стран БРИКС. Прежде всего, это отсутствие правосубъектности интеграционной структуры нового типа. Становлению БРИКС как полноценной международной организации препятствует отсутствие у объединения формальных требований к этому статусу, отличающих ее от иных международных организаций регионального типа (например, АСЕАН, АТЭС, ШОС, ЕС, НАФТА) и межрегионального характера, как, например, АСЕМ (Asia-Europe Meeting), в которую входят страны Восточной Азии и Западной Европы.³ Кроме того, существуют и внутренние сдерживающие факторы. К их числу следует отнести несколько взаимосвязанных и взаимообусловленных обстоятельств. Во-первых, неутраченное и естественное стремление участников БРИКС сохранить свою независимость как суверенных государств, самостоятельно определяющих приоритеты своего экономического, социального, политического и правового развития. Во-вторых, социально-э-

¹ Сокращение БРИКС (англ. BRICS) представляет собой аббревиатуру, состоящую из заглавных букв входящих в название международной организации стран — Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики. До 2011 года, ознаменованного присоединением к региональной международной организации ЮАР, по отношению к ее обозначению использовалась аббревиатура БРИК.

² Шарко С. В. Геополитические аспекты БРИКС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2011. № 16. С. 5—7.

³ Лахно П. Г. Энергетическое право в XXI в.: опыт России и зарубежных стран // Предпринимательское право. 2012. № 2. С. 15—20.

кономическое состояние государств — членов БРИКС, которое сложно поддается оценке по единому стандарту в связи с различиями в социо-хозяйственном укладе, темпах роста национальных экономик, ликвидности и стабильности национальных валют, несопоставимым уровнем конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности национальных экономик. Между тем, именно экономические отношения являются базисом, первоосновой и главной предпосылкой формирования внутригосударственного гражданско-правового регулирования, создающего непосредственную правовую основу внешнеторгового оборота энергетических ресурсов объединившихся стран. Полагаем, именно эти факторы препятствуют ускорению процессов правовой интеграции, посредством гармонизации и унификации национальных законодательств в сфере гражданского и международного частного права, а также являются определяющими различия в национальных законодательных подходах и выборе методов и средств правового регулирования внешнеторгового оборота энергетических ресурсов.

Кроме того, выявленные в ходе исследования приоритетные направления межгосударственного сотрудничества в рамках БРИКС заданные сферами энергетики, безопасности, инновационной деятельности, развитием системы торговли, предопределяют необходимость не только программной и минимальной стандартизации этих направлений на уровне национального законодательства государств-членов, но и выработку согласованного сбалансированного вектора развития гражданского, антимонопольного, таможенного законодательства государств-членов на международном уровне⁴.

Анализ тенденций прогрессивного развития правового обеспечения современной энергетической деятельности посредством создания интеграционного правового поля позволил говорить о том, что национальному законодателю следует обратить внимание на такие перспективы гармонизации развития гражданско-

данского, антимонопольного, таможенного законодательства государств-членов с точки зрения укрепления и стабилизации приоритетных направлений внешнеэкономического сотрудничества РФ, прежде всего, в сфере энергетики. Такая гармонизация должна затронуть положения Гражданского Кодекса РФ и быть ориентирована на соответствующие правила регулирования гражданско-правовых отношений в рамках межгосударственных объединений с участием РФ, а также на использование в гражданском законодательстве РФ новейшего положительного опыта модернизации национальных гражданских кодексов стран-участниц объединения БРИКС. Процесс формирования единообразного правового регулирования гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом в сфере энергетики в государствах — членах БРИКС нуждается в последовательном государственном стимулировании создания унифицированных правовых основ общей энергетической политики и рамочного регулирования в сфере межстранового оборота энергетических ресурсов.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что развитие сотрудничества между Российской Федерацией и организацией БРИКС имеет серьезные перспективы. Современная геополитическая ситуация и обострение международных отношений между Россией и Европейским Союзом создает необходимые предпосылки для развития внешнеэкономических связей с участниками БРИКС в энергетической сфере. Однако для реализации данных предпосылок потребуются создание унифицированной международной нормативно-правовой базы, регулирующей внешнеэкономические отношения внутри БРИКС как основы частноправового регулирования внешнеторгового оборота энергетических ресурсов. Действующие соглашения являются по сути программными актами, устанавливающими лишь общие направления развития сотрудничества стран-участниц, и не содержат конкретных положений о регулировании рынка энергетики. В данном контексте очевидна необходи-

⁴ Гудков И. В., Лахно П. Г. Актуальные проблемы правового регулирования энергетических отношений. Энергетика и право / под ред. П. Г. Лахно. М. : Юрист, 2008. С. 104—111.

мость и модернизации частноправовых основ оборота энергетических ресурсов, которая при условии правильного выбора методов унификации национального гражданского и международного частного права в сфере контрактных отношений, основой которых является договор купли-продажи, призвана не только предупредить возможные экономические и политические риски, неизбежные для страны, не учитывающей процессы интеграции, в которой она участвует, но и в целом обеспечить стабильность, своевременность и привлекательность внешнеторговых партнерских отношений с РФ для иностранных контрагентов из стран-участниц межгосударственного объединения.

Пересмотру и унификации в аспекте рассматриваемой проблематики должны, в первую очередь, подвергнуться положения Гражданского кодекса РФ, регулирующие внешнеторговые отношения. Так как основным правовым инструментом осуществления международных торговых отношений между коммерческими структурами стран-участниц БРИКС является внешнеэкономическая сделка, прежде всего, внешнеторговый договор.

Внешнеторговые договоры (контракты) являются непосредственной основой внешнеэкономического сотрудничества, поскольку как и любой гражданско-правовой договор, содержат конкретные права и обязанности договаривающихся сторон и определяют существенные и рекомендательные условия осуществления трансграничного хозяйствования. В рамках исследуемой темы к ним, прежде всего, следует отнести договоры по экспорту или импорту энергетических ресурсов сторонами которых являются предприниматели и предпринимательские структуры — субъекты международного частного права разных государств (резиденты и нерезиденты), участвующих в межгосударственном объединении БРИКС.

Именно путем заключения и исполнения внешнеторгового договора (контракта) купли-продажи энергетических ресурсов и осуществляется большая часть внешнеторгового оборота России. Страны, входящие в объединение БРИКС не являются исключением. Поэтому процесс унификации междуна-

но-правового регулирования внешнеторговых отношений стран БРИКС должен в первую очередь коснуться положений о внешнеторговой купли-продажи.

Международным нормативно-правовым актом, призванным унифицировать регламентационные основы договора купли-продажи между участниками мирового торгового оборота является Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., которая представляет собой один из самых эффективных источников универсального уровня регулирования. На январь 2015 г. ее участниками являются 83 государства. Среди стран БРИКС данная конвенция ратифицирована тремя государствами: Россией, Китаем и Бразилией. Однако эти страны присоединились к конвенции с оговорками. До того как в 1968 г. ЮНСИТРАЛ начала работу над созданием этого документа, уже были попытки (например, со стороны УНИДРУА) унифицировать нормы частного права, касающиеся регулирования купли-продажи, что привело к принятию в 1964 г. двух Гаагских конвенций: Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров и Конвенции о заключении договоров международной купли-продажи. Эти и ряд других конвенций не нашли ожидаемой поддержки у мирового сообщества и были ратифицированы лишь небольшим числом государств, в число которых не входят государства-участники межгосударственного объединения БРИКС. Поэтому для государств-членов БРИКС исключительную важность представляют положения именно Венской конвенции 1980 г., которые и должны приниматься во внимание национальными законодателями в процессе конвергенции гражданско-правового регулирования. Таким образом, правовое регулирование купли-продажи в БРИКС сложно назвать унифицированным, однако факт участия в Венской конвенции большинства членов объединения и возможность ее применения в этих странах создают необходимую первооснову столь необходимого для успешного осуществления внешнеторгового оборота энергетических ресурсов унифицированного правового

пространства интеграционного межстранового союза⁵.

Рассмотрим национальные законодательные основы внешнеторгового регулирования стран-участниц БРИКС. Что касается Китая, одним из главных направлений трансформации сферы правового регулирования внешней торговли, после присоединения страны к Всемирной торговой организации (ВТО) в 2001 г., является либерализация внешнеторгового режима. С 1 июля 2004 г. вступила в силу новая редакция Закона КНР 1994 г. «О внешней торговле», которая, в частности, направлена на расширение возможностей китайских национальных отраслей промышленности по защите интересов во внешней торговле товарами. Закон разработан для расширения внешней открытости, с целью стимулирования развития внешней торговли, поддержания должного порядка внешней торговли, защиты законных прав и интересов предпринимателей (ст. 1) посредством создания единой системы внешней торговли и поощряет ее развитие, поддерживает справедливый и свободный порядок внешней торговли. Закон согласуется с социалистической рыночной экономикой, стимулирует и развивает торговые отношения с другими странами и регионами на принципах равенства и взаимной выгоды (ст. 5).

В китайском коллизионном праве, возникшем в последней четверти XX в., при определении обязательственного статуса международной коммерческой сделки главенствует субъективный подход — «принцип автономии воли сторон», а «принцип наиболее тесной связи» играет вспомогательную роль, что отвечает требованиям справедливости и правосудия. С одной стороны, в юридическом смысле все правовые системы равны между собой, но с другой стороны, в содержательном аспекте они отличаются, подчас серьезно, друг от друга и стороны вправе выбрать правовую систему, которая устраивала бы обе стороны и отвеча-

ла реальной необходимости регулирования их договорных отношений. Полагаем, такая несогласованность подходов выступает фактором, негативно влияющим на процесс унификации⁶.

В Индии основным законом о внешнеэкономической деятельности является Акт «О развитии и регулировании внешней торговли» 1992 г. Закон предусматривает развитие и регулирование внешней торговли путем содействия импорту и увеличения экспорта. В соответствии с положениями закона, правительство должно контролировать и содействовать внешнеэкономической торговле посредством создания единственной системы поощрения и регулирования внешней торговли. Полномочие этой деятельности принадлежит Министерству торговли и промышленности. Что касается права Индии, то стороны также свободны при выборе применимого права в отличие от Бразилии, где такой свободы нет, — выбор падает на право стороны акцептанта. Однако если спор, возникший из такого договора, будет рассматриваться в суде Индии, иностранное право будет служить лишь одним из фактических обстоятельств, подлежащих доказыванию. Это связано с тем, что для стран общего права (например, США, Великобритании) традиционным является квалификация иностранного права как факта.

В ЮАР основополагающим законом о регламентации внешнеэкономической деятельности является «Акт об администрации внешнеэкономической деятельности» 2002 г. Закон создает единственную Комиссию по внешнеэкономической деятельности, которая является независимым учреждением, ответственным за контроль импорта и экспорта в ЮАР. Закон предусматривает одинаковые правовые условия для иностранных и местных инвесторов, а также отсутствие ограничений на частное предпринимательство для иностранцев.

В Бразилии, в свою очередь, до настоящего времени отсутствует упорядоченная система-

⁵ Розенберг М. Г. Международная купля-продажа товаров : Комментарий к правовому регулированию и практике разрешения споров. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. М.Г. Розенберг. М. : Статут, 2010. С. 98.

⁶ Национальные особенности и перспективы унификации частного права стран БРИКС : учебник : в 2 т. / К.М. Беликова, В.Ю. Ибраимов, М.А. Ахмадова, Ц.А. Буджаева (Бегджиева) и др. ; под ред. д. ю. н., проф. К.М. Беликовой. М. : РУДН, 2015. Т. 1. С. 256.

тизированное законодательство, определяющее основы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности. Нормативно-правовая база этой сферы включает в себя целый ряд федеральных законов, а также подзаконных нормативных актов — декретов, «временных мер», указов, резолюций, циркуляров, официальных сообщений, нормативных инструкций, принятых различными государственными законодательными и исполнительными органами⁷.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно говорить об имеющемся единообразии правовых подходов и наличии унификации правовых основ в вопросах регулирования условий признания договоров (сделок, соглашений), связанных с внешне-торговым оборотом энергетических ресурсов, определяющих их в качестве заключенных (действительных). Действительно, установлено, что все правовые порядки предусматривают необходимость наличия следующих трех условий существования действительного договора. Во-первых, это дееспособность (нахождение в здравом рассудке и др.) и правоспособность сторон договора. Во-вторых, обязательным условием является необходимость конкретизации предмета договора, в том числе с позиции соответствия самого заключаемого договора положениям действующего законодательства. В-третьих, наличие свободного волеизъявления, выраженного в ответ на оферту в виде ее акцепта. Прекращение договора во всех странах БРИКС также предусматривается по следующим общим основаниям: 1) при достижении правовой цели, на которую было направлено соглашение сторон, т. е. при его надлежащем

исполнении; 2) по воле сторон соглашения — при наличии отступного, зачета, новации или прощения долга; 3) по объективным причинам — при совпадении сторон в одном лице; невозможности исполнения; издания государственного акта; смерти гражданина или ликвидации юридического лица; 4) при ненадлежащем исполнении договоров (например, при существенном нарушении одной из сторон условий договора). Эти же основания прекращения договора применяются и в договорах с участием потребителей.

Про перспективы сотрудничества в области регламентации внешнеэкономической деятельности, можно сказать, что в саммитах БРИКС правительства стран показали намерения улучшения систем регламентации внешнеэкономической деятельности. БРИКС заявил, что углубление и расширение диалога и сотрудничества между странами способствуют не только обеспечению общих интересов стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран, но и построению гармоничного мира, в котором были бы обеспечены прочный мир и всеобщее процветание. Так, согласно Уфимской декларации VII саммита БРИКС вновь была подтверждена важность и необходимость развития международного сотрудничества в области энергосбережения, повышения энергетической эффективности и развития энергоэффективных и технологий⁸, что в свою очередь, обуславливает актуальность проводимых научных исследований, посвященных правовым методам и средствам унификации правового регулирования внешнеторгового оборота энергетических ресурсов в странах-участницах БРИКС.

⁷ Гражданское и торговое право зарубежных стран: учебное пособие / под общ. ред. В.В. Безбаха и В.К. Пучинского. М. : МЦЭФР, 2004. С. 224.

⁸ Уфимская декларация VII саммита БРИКС (принята в г. Уфе 09.07.2015) // Официальный сайт председательства Российской Федерации в БРИКС. URL: <http://brics2015.ru/>.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гражданское и торговое право зарубежных стран : учебное пособие / под общ. ред. В.В. Безбаха и В.К. Пучинского. — М. : МЦЭФР, 2004. — 896 с.
2. Гудков И. В., Лахно П. Г. Актуальные проблемы правового регулирования энергетических отношений. Энергетика и право / под ред. П. Г. Лахно. — М. : Юрист, 2008. — 640 с.
3. Лахно П. Г. Энергетическое право в XXI в.: опыт России и зарубежных стран / П.Г. Лахно // Предпринимательское право. — 2012. — № 2. — С. 15—20.
4. Национальные особенности и перспективы унификации частного права стран БРИКС : учебник : в 2 т. / К.М. Беликова, В.Ю. Ифраимов, М.А. Ахмадова, Ц.А. Буджаева (Бегджиева) и др. ; под ред. д.ю.н., проф. К.М. Беликовой. — М. : РУДН, 2015. — Т. 1. — 595 с.
5. Розенберг М. Г. Международная купля-продажа товаров: Комментарий к правовому регулированию и практике разрешения споров / под ред. М.Г. Розенберг. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Статут, 2010. — С. 98.
6. Шарко С. В. Геополитические аспекты БРИКС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2011. — № 16. — С. 5—7.

Материал поступил в редакцию 9 октября 2016 г.

BACKGROUND AND METHODS OF UNIFICATION OF PRIVATE LAW FOUNDATIONS FOR INTERNATIONAL TRADE OF ENERGY SOURCES OF BRICS

MARCHUKOV Igor Pavlovich — Head of the Department of Legal Support of the State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Volgograd State Medical University” of the Ministry of Health of the Russian Federation

post@volgmed.ru

400008, Russia, Volgograd Region, Volgograd, Pavshih Boitsov Square, 1.

Review. *The article is devoted to legal methods and means of unification of legal regulation of foreign trade of energy sources of the countries belonging to the international integration association BRICS. It is concluded that in the development of international energy cooperation of BRICS Member States, priority objective of jurists is the creation of a common legal space. As for the trade of energy resources itself, the priority, first and foremost, must be given to the harmonization of national civil law, as a branch of law governing private legal relations with foreign element, which requires a method of harmonization of law. The author identifies and analyses the modern objective reality factors that complicate the process of forming a unified legal space of the foreign trade turnover of the energy resources of the BRICS. It has been established that existing agreements are in fact software acts establishing only the general direction of the development cooperation of the participating countries, and do not contain specific provisions on the regulation of the energy market. In this context, there is an obvious need for modernization of private law foundations of circulation of energy resources, first of all, the law applicable to the contract of sale. It is proved that the provisions of the Vienna Convention of 1980 are of the utmost importance for the BRICS Member States, which must be taken into account by national legislators in the process of convergence of the civil-legal regulation. The author concludes that the legal regulation of the sale of the BRICS countries can hardly be called a uniform, but the fact of participation in the Vienna Convention, a majority of the members of the Association and its application in those countries provide the necessary fundamentals of much-needed for the successful implementation of the trade of energy resources, a unified legal space integration inter-country Union. The author identifies uniform legislative approaches of countries-participants of the BRICS in the regulation of the conditions of recognition agreements (deals, agreements) associated with foreign trade circulation of energy resources that define them as prisoners (valid) and the reasons for their termination.*

Keywords: *Intergovernmental Integration Association BRICS; foreign-economic activity; foreign trade activity; foreign trade transactions; unification of legal regulation; methods of unification of law; import of energy resources; the export of energy resources; contract of sale.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Grazhdanskoe i torgovoe pravo zarubezhnyh stran: uchebnoe posobie / pod obshh. red. V.V. Bezbaha i V.K. Puchinskogo. M.: MCJeFR, 2004. 896 s.
2. Gudkov I.V., Lahno P.G. Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya jenergeticheskikh otnoshenij. Jenergetika i pravo / pod red. P. G. Lahno. M. : Jurist, 2008. 640 s.
3. Lahno P.G. Jenergeticheskoe pravo v XXI v.: opyt Rossii i zarubezhnyh stran / P.G. Lahno // Predprinimatel'skoe pravo. 2012. № 2. S. 15—20.
4. Nacional'nye osobennosti i perspektivy unifikacii chastnogo prava stran BRIKS: uchebnik: v 2 t. — T. 1 / K.M. Belikova, V.Ju. Ifraimov, M.A. Ahmadova, C.A. Budzhaeva (Begdzhieva) i dr.; pod red. d.ju.n., prof. K.M. Belikovej. M.: RUDN, 2015. 595 s.
5. Rozenberg M.G. Mezhdunarodnaja kuplja-prodazha tovarov: Kommentarij k pravovomu regulirovaniju i praktike razreshenija sporov. 3-e izd., ispr. i dop. / pod red. M.G. Rozenberg. M.: Statut, 2010. S. 98
6. Sharko S.V. Geopoliticheskie aspekty BRIKS // Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'. 2011. № 16. S. 5—7.

Некоторые особенности закрепления принципа взаимного признания в нормативных актах Европейского Союза

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей формулирования и закрепления принципа взаимного признания в актах Европейского Союза. Данный принцип установлен в области внутреннего рынка, в частности в рамках его четырех свобод, и в области пространства свободы, безопасности и правосудия. Закрепление принципа взаимного признания в разных областях неодинаково, более того его четкая формулировка так и не нашла своего отражения в учредительных актах Европейского Союза. Нет прямого определения принципа и в прецедентах Суда Европейского Союза. Таким образом, закрепляя довольно многогранный механизм реализации принципа взаимного признания, нормативные акты Европейского Союза не дают его дефиниции, что безусловно несет в себе особенность в раскрытии данной проблематики.

Ключевые слова: Европейский Союз, учредительные договоры, прецеденты, принцип взаимного признания.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.227-233

Оценивая юридические нормы, устанавливающие взаимное признание в Европейском Союзе, следует различать два аспекта: взаимное признание функционирует в наднациональной юридической системе; в рамках наднациональной юридической системы взаимное признание действует в двух областях: внутренний рынок и пространство свободы, безопасности и правосудия, каждая из которых имеет свои особые цели.

Поскольку ЕС является примером наднациональной (сочетает черты международной организации и федерального государства) организации, то рассматриваемое в рамках него признание не вытекает из суверенной воли отдельных государств-членов. Оно является

целью, способствующей созданию и обеспечению функционирования европейского пространства без внутренних границ, для достижения которой государства имеют свой национальный суверенитет.

Под признанием (англ. recognition) энциклопедия международного публичного права понимает принятие иностранного акта государства без рассмотрения лежащего в основе его применения иностранного права, т.е. признание правовой позиции, созданной этим актом. Признание часто обоюдное (англ. reciprocal) или взаимное (англ. mutual), так как государства, облегчающие принятие претензий со стороны других государств, рано или поздно оказываются в ситуации, когда им нужно дру-

© Заплатаина Т. С., 2017

* Заплатаина Татьяна Сергеевна — аспирант кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Zaplatka15@yandex.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

гое государство, чтобы облегчить принятие их требований. Из этого определения следует, что взаимное признание не предполагает предварительной гармонизации, а точнее не зависит от нее¹. Однако при более раннем появлении данного принципа на страницах европейской истории его интерпретация была несколько иной.

Еще во времена древнего Рима наиболее примечательной характеристикой является уважение тождества и разнообразия покоренных народов. Римская империя была своего рода федерацией автономных городов, в которой контроль и попечительство осуществляет Рим. Римская модель была основана по принципу «единство, но не единообразие», который прокладывает путь принципа взаимного признания.

Еще более интересную позицию можно найти применительно к более поздним эпохам. Так, серия постановлений под названием «*Capitularies*», принятых Карлом Великим и имеющих силу в отношении всех граждан Европы в политической, экономической, культурной и даже церковной сфере, не заменяла нормы и правила, которые уже исполнялись в завоеванных странах, но приспособливалась к ним в свете местных традиций и практики. Это был, так называемый в иностранной литературе, «Каролингский принцип взаимного признания»².

В рамках ЕС принцип взаимного признания влечет за собой его зависимость от соблюдения стандартов, согласованных между государствами, хотя, строго говоря, это не является условием для признания иностранных актов, поскольку обязательство признавать иностранные акты непосредственно вытекает из актов первичного и вторичного права. Такое заключение следует и из практики Суда ЕС³.

Тем не менее государства-члены, включая их судебные органы, не могут отказаться применять общие стандарты, предусмотренные в европейском законодательстве. Они призваны верить, что европейское законодательство эффективно применяется в других государствах-членах. Заявление о нарушении стандартов ЕС должно быть решено с помощью механизмов, предусмотренных Договором.

Так, если государство — член не имплементировало директиву, например, Директиву № 2005/36/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС о признании профессиональных квалификаций⁴ (далее — Директива), оно автоматически блокирует доступ для медсестер к своему трудовому рынку. Однако государство, имплементировавшее директиву, не может применить ответные меры и заблокировать доступ на свой рынок труда профессионалов из государства, нарушившего имплементацию. Вместо этого следует просить Европейскую Комиссию начать процесс о нарушении или инициировать его самому. В данном контексте назревает вопрос, почему в ЕС вопрос признания зависит от общих стандартов гармонизации, несмотря на то, что в нормативных актах, устанавливающих взаимное признание, такая зависимость прямо не установлена? Более того, в нормативных актах ЕС установлена система взаимного признания, однако не выведено четкое определение этого принципа. Так, в указанной Директиве о профессиональном признании акцентируется внимание на обязанности такого признания, но не раскрывается содержание самого принципа.

Более того, следует отметить, что принцип взаимного признания как таковой никогда прямо не был четко прописан ни в одном из учредительных договоров, в том числе в пре-

¹ Wouter van Ballegooij *The Nature of Mutual Recognition in European law*. Intersentia, 2015. P. 8.

² Alfonso M. *The principle of mutual recognition and respect for national, regional and local identities and traditions*. Edited by Kostoris F. Schioppa P. *The principle of mutual recognition in the European Integration process*. Palgrave macmillan 2005. P. 5— 6.

³ См. такие дела, как: *Case C-110/05, Commission v Italy (2009) ECR 519*; *Joined Cases C-187/01, Gozutok and C — 385/01, Brugge (2003) ECR 1345*.

⁴ *Directive 2005/36/EC of the European Parliament and of the Council of 7 September 2005 on the recognition of professional qualifications (Text with EEA relevance) OJ L 255, 30.9.2005, P. 22—142*.

дыдущих редакциях (Римский договор⁵, Единый европейский акт 1986 г.⁶, Маастрихтский договор⁷, Амстердамский⁸ и Ницкий⁹ договоры). Так в ст. 53 Договора о функционировании Европейского Союза (далее — ДФЕС)¹⁰ установлено, что для того, «чтобы облегчить доступ к деятельности, не являющейся наемным трудом, и ее осуществление, Европейский парламент и Совет, постановляя в соответствии с обычной законодательной процедурой, принимают директивы, направленные на взаимное признание дипломов, сертификатов и иных свидетельств». Т.е. в данной статье не установлено, что государства признают сертификаты или свидетельства.

Ст. 67 ДФЕС устанавливает: «Союз облегчает доступ к правосудию, в частности, с помощью принципа взаимного признания судебных и внесудебных решений по гражданским делам». Таким образом, принцип взаимного признания в данном случае является инструментом, облегчающим доступ или к профессиональной деятельности или к правосудию. Т.е. данные положения определяют цель, которую нужно достичь, а не положения, закрепляющие общий принцип.

В области свободы передвижения товаров принцип взаимного признания вытекает из решения, вынесенного в деле *Cassis de Dijone*¹¹. В данном деле Суд пришел к выводу, что «не было никакой веской причины запрещать алкогольные напитки при условии, что они были законно произведены и продаются в одном из

государств-членов». Общеизвестно, что этим утверждением Европейский суд ввел принцип взаимного признания в область свободного передвижения товаров и лежащих в их основе законодательных положений. Принцип взаимного признания добавляется к уже существующим механизмам. Так в деле *Dassonville*¹² дано широкое определение статьи 34 ДФЕС, которое способствовало запуску принципа взаимного признания. Ряд решений, принятых как до, так и после *Cassis de Dijone*, устанавливают определенные аспекты, впоследствии ставшие важнейшими элементами взаимного признания¹³. Таким образом, принцип взаимного признания существует в рамках целого механизма, накладывающего отпечаток на способ его реализации и в какой-то степени уточняющих, но четко не формулирующих его.

Однако ни *Cassis de Dijone* ни любые последующие суждения, сделанные Судом ЕС конкретно не указывали на обязательность принципа взаимного признания до дела *Комиссия против Италии*¹⁴. В данном деле отмечается, что ст. 28 и 30 ДФЕС «отражают обязательство соблюдать принципы недискриминации и взаимного признания продуктов». Также отмечается, что ограничения по отмеченному положению возможны, в случае, связанном с безопасностью. Единственные суждения, в которых Суд ЕС фактически раскрывал формулировку взаимного признания, это суждения, упоминающие эту концепцию в качестве полномочия по изданию законодательных

⁵ Treaty establishing the European Economic Community (Rome, 25 March 1957) // URL: http://eurlex.europa.eu/en/treaties/dat/11957E/tif/TRAITES_1957_CEE_1_EN_0001.tif.

⁶ Single European Act (1986) // OJ. 1987. L 169.

⁷ См.: Treaty on European Union // OJ. 1992. C 191/01.

⁸ Treaty of Amsterdam (10 November 1997) // OJ C 340.

⁹ Treaty of Nice (10 March 2001) // OJ C 80

¹⁰ См.: Право Европейского Союза : учебник. Углубленный курс. Том 2 / отв. ред. *Кашкин С. Ю.* М. : Юрайт, 2013. С. 41—43.

¹¹ См.: Case 120/78 *Rewe-Zentral AG v. Bundesmonopolverwaltung für Branntwein (Cassis de Dijon)* // ECR [1979]. 649.

¹² Case 8/74 *Dassonville* [1974] ECR 837.

¹³ См., например: Case 104/75 *de Peijper* [1976] ECR 613, Case 74/76 *Ianelli* [1977] ECR 557, Case 48/75 *Royer* [1976] ECR 467, Case 2/74 *Reyners* [1974] ECR 631; Case 33/74 *Van Binsbergen* [1974] ECR 1299.

¹⁴ Case C-110/05 *Commission v Italy* [2009] ECR I-519.

актов¹⁵. В таком контексте напрашивается вопрос действительно ли принцип, установленный в деле *Cassis de Dijone* может быть интерпретирован именно как взаимное признание? И может ли принцип быть реализован сам по себе вне механизмов, в рамках которых он развивался?

Некоторые ученые утверждают, что взаимное признание не создает никаких обязательств помимо тех, которые могли бы быть достигнуты путем применения принципа пропорциональности. Как это предусмотрено в ст. 5 Договора о ЕС¹⁶ посредством настаивания на особом стандарте, если другой стандарт функционально эквивалентен в достижении желаемого результата, и приняты меры, которые являются наименее ограничительными¹⁷.

Взаимное признание также может быть реализовано как имплементация принципа недискриминации, установленного в ст. 18 ДФЕС. Однако в данном контексте последствия взаимного признания считаются ограниченными, товары, которые не соответствуют техническим стандартам страны-импортера, не могут продаваться там, и, таким образом, гармонизация стандартов остается необходимым.

Принцип взаимного признания установлен также и в других свободах внутреннего рынка. В области свободного движения услуг, первый осторожный шаг был сделан еще даже ранее, чем в области свободы передвижения товаров в делах *Choquet*¹⁸ и *Van Wesemael*¹⁹. В первом Суд рассмотрел требование об экзамене по вождению, который четко дублирует испытание, принятое в другом государстве-члене. Таким

образом, Суд ЕС установил запрет на обременение двойным экзаменом и обязанность сравнивать и, при необходимости, принимать во внимание испытания, принятые в другом государстве-члене.

В *Van Wesemael* Суд ЕС высказал мнение о том, что требование лицензии для развлекательных мероприятий, может быть оправдано общим благом или необходимостью защиты конфиденциальности. Тем не менее было принято решение о том, что лицензия не может быть потребована государством-членом, в котором была предоставлена услуга, когда конференсье уже имеет лицензию, выданную государством-членом, в котором он или она был учрежден, и которая была выпущена в условиях, сопоставимых с теми, которые требуются государством, в котором была выполнена услуга.

В других своих решениях Суд ЕС подтвердил, что разрешение или требование лицензии может быть оправдано только в том случае, если это связано с общественными интересами, которые еще не гарантируются государством-членом учреждения²⁰. Суд обязывает, чтобы государство-член, в котором была выполнена услуга, последняя осуществлялась с учетом всех требований, которые до этого соблюдалась в государстве-члене учреждения без необоснованного дублирования эквивалентных законодательных положений.

В *Sager*²¹ Суд ЕС установил отмену каких-либо ограничений, даже если они применяются без национального различия поставщиков услуг других государств-членов, если оно было

¹⁵ Christine J. The Principle of Mutual Recognition in EU Law. Published to Oxford Scholarship Online: January 2014. URL <http://www.oxfordscholarship.com/wam.city.ac.uk/view/10.1093/acprof:oso/9780199673032.001.0001/acprof-9780199673032-chapter-2> (дата обращения: 19.09.2016).

¹⁶ Treaty on European Union (Consolidated version 2012) // OJ C 326, 26.10.2012.

¹⁷ Wouter van Ballegooij The Nature of Mutual Recognition in European law. Intersentia, 2015. P. 12.

¹⁸ Case 16/78 *Choquet* [1978] ECR 2293.

¹⁹ Joined Cases 110/78 and 111/78 *Van Wesemael* [1979] ECR 35, paras 28—30. See also: ECJ, Case 279/80 *Webb* [1981] ECR 3305.

²⁰ См., например: Case 220/83 *Commission v France* [1986] ECR 3663, Case 252/83 *Commission v Denmark* [1986] ECR 3713, Case 205/84 *Commission v Germany* [1986] ECR 3755; ECJ, Case 206/84 *Commission v Ireland* [1986] ECR 3817.

²¹ Case C-76/90 *Säger* [1991] ECR I-4221. Также см.: Case C-288/89 *Gouda* [1991] ECR I-4007, Case C-353/89 *Commission v Netherlands* [1991] ECR I-727.

обязан запретить или иным образом препятствовать деятельности поставщика услуг, установленного в другом государстве-члене, где подобные услуги были предоставлены на законном основании. Иначе говоря, если услуги законно предоставляются на территории одного государства, они могут предоставляться и на территории другого государства.

В области свободны передвижения людей принцип взаимного признания получил распространение с самого начала, особенно в отношении взаимного признания дипломов. В деле *Heylens*²² отмечается, что диплом государства-члена может быть признан, если он подтверждает, что его владелец обладает знаниями и квалификацией, которые, если не идентичны, то по крайней мере, эквивалентны тем, которые сертифицированы национальным дипломом. «Оценка эквивалентности иностранного диплома должна осуществляться исключительно в свете уровня знаний и квалификации». Однако обширных выводов из этого сделано не было. Это связано скорее всего с тем, что наличие конкретного положения ДФЕС о взаимном признании (ст. 53 ДФЕС), устанавливающего целью такого признания содействие мобильности и связывающего принцип взаимного с изданием актов гармонизации, поставили под сомнение возможность применения принципа в этой области в отсутствие каких-либо координирующих директив.

Лишь в начале 1990-х, что Судом были выявлены и уточнены обязанности по взаимному признанию в этой области. По делу *Vlassopoulou*²³ отмечаются положения, касающиеся частичного соответствия. Устанавливается, что органы принимающего государства должны оценить, насколько знания, приобретенные в принимающем государстве-члене,

либо во время курса обучения или путем практического опыта, являются достаточными для того, чтобы подтвердить владение знаниями, которые отсутствуют, т.е. следует решить, является ли профессиональный опыт, приобретенный в государстве-члене, происхождения удовлетворительным в полном или частичном объеме.

В данном деле Суд ЕС ввел обязанность взаимного признания на условиях, которые были очень похожи на те, которые были им использованы ранее в других свободах передвижения. Суд утверждал, в частности, что государство, которое получает запрос на профессиональное признание, проводя сравнение между специализированными знаниями и умениями, удостоверенные дипломом и знаниями и квалификацией, необходимыми в принимающем государстве должно учитывать дипломы, сертификаты и другие доказательства квалификации, которую заинтересованное лицо приобрело в другом государстве-члене. Если сравнительное изучение приводит к выводу, что знания и квалификация, удостоверенные иностранным дипломом соответствует требованиям национального законодательства, государство-члены должны признать этот диплом соответствующим национальным требованиям.

По аналогии с прецедентным правом в области товаров и услуг, Суд ЕС в *Vlassopoulou* и последующих прецедентах в этой области²⁴ сосредоточен на²⁵

- (I) обязанности сравнивать;
- (II) обязанности обеспечивать, чтобы квалификации и профессиональный опыт, полученные в другом государстве были должным образом приняты во внимание;
- (III) обязанности признавать, либо полностью или частично, когда была продемонстри-

²² См., например: Case 222/86 *Heylens* [1987] ECR 4097.

²³ Case C-340/89 *Vlassopoulou* [1991] ECR I-2357.

²⁴ См. также: Case C-104/91 *Aguirre Borrel* [1992] ECR I-3003; Case C-319/92 *Haim* [1994] ECR I-425; Case C-234/97 *Fernández de Bobadilla* [1999] ECR I-4773; Case C-313/01 *Morgenbesser* [2003] ECR I; Case C-345/08 *Pesla* [2009] ECR I-11677; Joined Cases C-372/09 and C-373/09 *Josep Peñarroja Fa*, [2011] ECR I-1785.

²⁵ Christine J. *The Principle of Mutual Recognition in EU Law*. Published to Oxford Scholarship Online: January 2014. URL <http://www.oxfordscholarship.com/wam.city.ac.uk/view/10.1093/acprof:oso/9780199673032.001.0001/acprof-9780199673032-chapter-2> (дата обращения: 19.09.2016).

рована эквивалентность. В частности в деле *Pesla*²⁶, указывается, что для юридических профессий «знания должны быть приняты в качестве точки отсчета для целей оценки эквивалентности обучения для прямого допуска к юридической стажировке или профессии».

Следует также отметить, что в *Vlassopoulou* в отличие от решений, вынесенных в рамках других свобод, большое внимание уделено критерию эквивалентности (что не всегда в явном виде присутствует в других судебных решениях о взаимном признании). В этом деле также отсутствуют какие-либо ссылки на императивные, а также процедурные требования (которые неизменно присутствуют в других судебных решениях о взаимном признании).

Резюмируя отмеченные выше положения, следует отметить, что отсутствие четкого понимания принципа взаимного признания наложило отпечаток на саму систему реализации этого принципа. Так, в области профессионального признания, система такого признания установлена директивами — актами гармонизации. Изначально это секторные директивы для отдельных профессий, закрепляющие принцип автоматического признания. Впоследствии система меняется и появляется

система общего признания, что говорит о смещении акцента в сторону меньшей гармонизации. Далее система заменяется единым актом, а именно указанной в начале Директивой. Она была призвана рационализировать, упростить и усовершенствовать правила признания профессиональных квалификаций, которые не могут быть в достаточной степени достигнуты государствами-членами ЕС по отдельности²⁷.

Установив механизм взаимного признания, данный акт даже с учетом поправок, внесенных Директивой 2013/55/ЕС Европейского Парламента и Совета от 20 ноября 2013, вносящей изменения в Директиву 2005/36/ЕС о признании профессиональных квалификаций и Регламент (ЕС) № 1024/2012 об административном сотрудничестве в рамках информационных систем внутреннего рынка²⁸ не дает четкого понимания принципа взаимного признания.

На основании изложенного видится целесообразным констатировать: особенностью закрепления принципа взаимного признания, в нормативных актах ЕС является отсутствие четкого определения этого принципа при установлении механизма такого признания во взаимосвязи с иными механизмами интеграции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Alfonso M.* The Principle of mutual recognition and respect for national, regional and local identities and traditions. Edited by Kostoris F. Schioppa P. The principle of mutual recognition in the European integration process. — Palgrave macmillan, 2005. — 233 p.
2. *Christine J.* The principle of mutual recognition in EU law // Oxford Scholarship Online: January 2014. — URL: <http://www.oxfordscholarship.com/wam.city.ac.uk/view/10.1093/acprof:oso/9780199673032.001.0001/acprof-9780199673032-chapter-2> (дата обращения: 19.09. 2016).
3. *Wouter van Ballegooij.* The Nature of Mutual Recognition in European law. — Intersentia, 2015. — 399 p.
4. Право Европейского Союза : учебник. Углубленный курс. Том 2 / отв. ред. С. Ю. Кашкин — М. : Юрайт, 2013. — 1 023 с.

Материал поступил в редакцию 27 сентября 2016 г.

²⁶ Case C-345/08 *Pesla* [2009] ECR I-11677.

²⁷ Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on the recognition of professional qualifications Explanatory Memorandum. Official Journal 181 E, 30/07/2002 P. 0183—0257.

²⁸ Directive 2013/55/EU of the European Parliament and of the Council of 20 November 2013 amending Directive 2005/36/EC on the recognition of professional qualifications and Regulation (EU) No 1024/2012 on administrative cooperation through the Internal Market Information System ('the IMI Regulation') Text with EEA relevance OJ L 354, 28.12.2013. P. 132—170.

SOME FEATURES OF MUTUAL RECOGNITION IN THE EUROPEAN UNION REGULATIONS

ZAPLATINA Tatyana Sergeevna — post-graduate at the Department of Integrational and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Zaplatka15@yandex.ru

123995, Russia, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9

Review. *The article is devoted to the identification of the characteristics of the formulation and the principle of mutual recognition in the European Union. This principle is set in the area of the internal market, in particular in the framework of its four freedoms, and the area of freedom, security and justice. The establishment of the principle of mutual recognition in different areas happens differently, moreover its clear wording is still not reflected in the constituent acts of the European Union. There is no direct definition of principle and precedents of the Court of the European Union. Thus, fixing pretty multifaceted mechanism to implement the principle of mutual recognition, regulatory acts of the European Union do not give its definition, which certainly carries a feature in disclosing the problem.*

Keywords: *The European Union, the constituent treaties, precedents, the principle of mutual recognition.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Pravo Evropejskogo Sojuza. Uchebnik. Uglublennyj kurs. Tom 2. / otv. red. Kashkin S.Ju. Moskva. Jurajt, 2013 g. 1023 c.

Система источников таможенного права Европейского Союза на современном этапе

Аннотация. В статье рассматривается эволюция системы источников таможенного права Европейского Союза, значительное внимание уделено предпосылкам и причинам осуществления реформы таможенного законодательства ЕС, в частности с учетом принятия Лиссабонского договора 2007 года и Таможенного кодекса Союза. Рассматриваются нормы первичного права ЕС, имеющие наибольшее значение в сфере таможенного регулирования.

Также проводится анализ роли актов вторичного права в системе источников таможенного права ЕС. Особое внимание уделено роли и развитию кодифицированных актов в таможенном праве ЕС, как непосредственно Таможенного кодекса, так и актов принятых в его развитие. Детально изучается феномен невступления в силу уже принятого Модернизированного таможенного кодекса Сообщества. Исследуются особенности и роль актов «мягкого права», международных договоров в таможенной сфере.

В статье уделено внимание и месту судебного прецедента в в таможенном праве Европейского Союза.

Ключевые слова: Таможенный кодекс Союза, таможенное законодательство, реформа, Европейская Комиссия, Лиссабонский договор, таможенные правоотношения, источники первичного права, акты вторичного права, «мягкое право», регламент, таможенное право.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.234-242

В настоящее время система источников таможенного права Европейского Союза (далее — ЕС, Союз) находится в стадии реформирования с учетом вступления в силу 1 декабря 2009 года Лиссабонского договора, изменяющего Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества (далее — Лиссабонский договор), и 1 мая 2016 года Таможенного кодекса Союза (ТКС). Принятие данных актов обусловило целый ряд концептуальных изменений, которые уже произошли и планируются в будущем.

В соответствии со статьей 3 Договора о функционировании ЕС¹ таможенный союз относится к исключительной компетенции Союза, на сегодняшний день законодательством государств-членов ЕС регулируются фактически только статус национальных таможенных органов и внутренний регламент их работы.

Говоря об источниках таможенного права ЕС, их, как и источники права ЕС в целом, возможно классифицировать следующим образом:

- 1) источники первичного права;
- 2) источники вторичного права;
- 3) судебная практика Суда ЕС².

¹ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. Official Journal of the European Union, C 326, 26.10.2012. P. 1.

² Кашкин С. Ю., Четвериков А. О. Право Европейского Союза : учебник для бакалавров : в 2 т. / под ред. С.Ю. Кашкина. М. : Юрайт, 2013. Т. 1. Общая часть. С. 134—135.

© Романова М. Е., 2017

* Романова Марина Евгеньевна — аспирантка кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

marina_romanova@mail.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Анализируя **источники первичного права** в целом необходимо отметить, что после принятия Лиссабонского договора современный ЕС имеет более простую и логичную систему учредительных документов:

1) краткий основополагающий договор, содержащий, главным образом, общие принципы устройства Союза: Договор о Европейском Союзе 1992 года (Маастрихтский договор в редакции Лиссабонского договора 2007 года);

2) более подробный детализирующего характера Договора о функционировании ЕС 1957 года (Римский договор 1957 года в редакции Лиссабонского договора 2007 года).

При анализе положений данных актов обращают на себя внимание следующие нормы, которые обеспечивают функционирование таможенного союза как части внутреннего рынка ЕС:

— ст. 3 (3) Договора о ЕС, закрепляющую, что Союз создает внутренний рынок;

— ст. 4 (3) Договора о ЕС о сотрудничестве ЕС и государств-членов при выполнении задач, вытекающих из Договоров, а также о том, что государства-члены создают благоприятные условия для выполнения Союзом его задач и воздерживаются от любых мер, способных поставить под угрозу достижение его целей;

— ст. 5 Договора о ЕС, а также Протокол № 2 к Договору о функционировании ЕС о принципах субсидиарности и пропорциональности и их применении;

— ст. 4 (2а) Договора о функционировании ЕС, определяющую совместную компетенцию Союза и государств-членов в отношении внутреннего рынка;

— ст. 26 и 27 Договора о функционировании ЕС, где дается определение понятия внутреннего рынка и предусматривается возможность исключений из механизма его регулирования;

— ст. 28 Договора о функционировании ЕС, где закреплено, что Союз включает в себя таможенный союз, который распространяется на весь товарооборот;

— ст. 114 и 115 Договора о функционировании ЕС о механизме сближения законодательных и административных положений государств-членов, влияющих на формирование и функционирование внутреннего рынка;

— ст. 116 Договора о функционировании ЕС об устранении нарушений (искажений) конкуренции на внутреннем рынке, вызываемых различиями, существующими между законодательными и административными положениями государств-членов;

— Протокол № 27 к Договору о функционировании ЕС о внутреннем рынке и конкуренции;

— ст. 119 (1) Договора о функционировании ЕС закреплено: экономическая политика, установление которой относится к деятельности государств-членов и Союза, основана на тесной координации экономической политики государств-членов, внутреннем рынке и определении общих целей. Она должна проводиться при соблюдении принципа открытой рыночной экономики со свободной конкуренцией.

К актам вторичного права относятся акты, издаваемые институтами Союза, в том числе регламенты, директивы, решения и иные акты институтов ЕС, а также соглашения, заключенные в рамках ЕС его государствами-членами, и иные международные соглашения ЕС.

Ключевую роль среди источников вторичного права в таможенном регулировании ЕС играют **регламенты**, поскольку вопросы таможенного союза отнесены к исключительной компетенции Союза, а именно регламенты, в отличие от других видов актов вторичного права, обладают актами прямого действия и не требуют дальнейшей имплементации в национальное право государств-членов ЕС.

В настоящее время основными регламентами в таможенном праве ЕС являются:

регламент ЕС № 952/2013 от 9 октября 2013 года об утверждении ТКС³;

делегированный регламент Европейской комиссии № 2015/2446 от 28 июля 2015 года об утверждении Делегированного акта ТКС⁴,

³ Regulation (EU) № 952/2013 of the European Parliament and of the Council of 9 October 2013 laying down the Union Customs Code (recast), Official Journal of the European Union from 10.10.2013, L 269, p. 1—101.

⁴ Commission Delegated Regulation (EU) 2015/2446 of 28 July 2015 supplementing Regulation (EU) No 952/2013 of the European Parliament and of the Council as regards detailed rules concerning certain provisions of the Union Customs Code, OJ L 343, 29.12.2015, p. 1—557/

имплементационный регламент Европейской комиссии № 2015/2447 от 24 ноября 2015 года об утверждении Имплементационного акта ТКС⁵;

делегированный регламент Европейской комиссии № 2016/341 от 17 декабря 2015 года об утверждении Переходного делегированного акта ТКС⁶.

Все четыре вышеуказанных акта вступили в силу 1 мая 2016 года в результате одного из этапов реформы таможенного законодательства ЕС. Вопрос о необходимости пересмотра действовавшего с 1 января 1994 года Таможенного кодекса (далее — ТК) Сообщества⁷ и всей действующей совместно с ним системы правовых актов был впервые поднят в начале 2000-х годов, когда в Европейском Союзе появилось понимание необходимости глубокой структурной перестройки и принятия нового таможенного кодекса с учетом изменяющихся реалий внешнеэкономической деятельности.

В результате было принято решение о разработке проекта Модернизированного таможенного кодекса Сообщества (МТК), который и был утвержден 23 апреля 2008 г. регламентом № 450/2008⁸.

В целом он был направлен на адаптацию таможенного законодательства в целях подготовки, а также управления электронной средой для таможи и торговли. Таким образом, была предпринята попытка глобального пересмотра таможенных правил для их упрощения и более четкого структурирования.

МТК вступил в силу 24 июня 2008 г., но так и не применялся. Он должен был применяться с момента вступления в силу имплементацион-

ных положений (акта, разъясняющего реализацию МТК), но не позднее 24 июня 2013 г.

Следующие причины привели к подготовке предложения о переработке Регламента (ЕС) № 450/2008 до начала его применения.

1. Необходимость разработки и доработки электронных систем. Реализация большей части предусмотренных в МТК процедур основывалась на определении и разработке Европейской Комиссией, национальными таможенными администрациями и экономическими операторами⁹ широкого спектра электронных систем. В процессе разработки имплементационных положений стало очевидным, что только очень ограниченное количество или даже ни одна таможенная информационная система не могла начать функционировать с июня 2013 г.

2. Трансформация полномочий институтов ЕС в соответствии с Лиссабонским договором.

Новой задачей, которая появилась после принятия МТК и связана со вступлением в силу Лиссабонского договора, стало обязательство, взятое Европейской Комиссией, по подготовке изменений во всех основные акты для приведения их в соответствие с новыми положениями Лиссабонского договора о делегировании полномочий и получении полномочий по реализации.

Данные причины повлияли на разрабатываемые имплементационные положения МТК, которые должны были быть разделены между делегированными актами и имплементацион-

⁵ Commission Implementing Regulation (EU) 2015/2447 of 24 November 2015 laying down detailed rules for implementing certain provisions of Regulation (EU) No 952/2013 of the European Parliament and of the Council laying down the Union Customs Code, OJ L 343, 29.12.2015, p. 558—893.

⁶ Commission Delegated Regulation (EU) 2016/341 of 17 December 2015 supplementing Regulation (EU) No 952/2013 of the European Parliament and of the Council as regards transitional rules for certain provisions of the Union Customs Code where the relevant electronic systems are not yet operational and amending Delegated Regulation (EU) 2015/2446, OJ L 69, 15.3.2016, p. 1—313.

⁷ Council Regulation (EEC) № 2913/92 of 12 October 1992 establishing the Community Customs Code. OJ L 302, 19.10.1992, p. 1.

⁸ Regulation (EC) No 450/2008 of the European Parliament and of the Council of 23 April 2008 laying down the Community Customs Code (Modernised Customs Code), Official Journal of the European Union from 04.06.2008, L 145, p. 1—64.

⁹ Экономический оператор — применяемое в Европейском Союзе наименование организаций, занимающихся коммерческой деятельностью.

ными актами в соответствии с новым распределением полномочий согласно статьям 290 и 291 Договора о функционировании Европейского союза¹⁰ и Регламенту Европейского Парламента и Совета № 182/2011 от 16 февраля 2011 г.¹¹, устанавливающему правила и общие принципы в отношении механизмов контроля государствами-членами осуществления Еврокомиссией имплементационных полномочий. Более того, было принято решение, что Таможенный кодекс «Сообщества» (МТК) должен быть переименован в Таможенный кодекс «Союза» (ТКС).

3. Изменения в практике внешнеэкономической деятельности

Совместная работа экспертов государств-членов и представителей торговых кругов ЕС над имплементационными положениями также выявила необходимость корректировки некоторых норм в МТК, которые больше не соответствовали изменениям, произошедшим с 2008 г. в таможенном законодательстве или выявленным на практике и в других отраслях права ЕС.

Таким образом, вступление в силу МТК было отменено, и 20 февраля 2012 года Европейская комиссия объявила о начале работы над ТКС. Данная работа завершилась осенью 2013 г. с принятием институтами Европейского союза Регламента ЕС № 952/2013 от 9 октября 2013 года об утверждении ТКС¹².

Если говорить о принципиальных новациях ТКС в сравнении с действовавшим до этого ТК Сообщества, то можно выделить следующие.

1. Представление таможенных деклараций и сопроводительных документов *в электронной форме в качестве основного механизма*.

2. *Обеспечение обмена информацией* между таможенными органами и иными компетентными органами ЕС *в электронной форме*.

3. Введение *концепции «централизованного оформления»*, в рамках которой отдельные категории лиц будут иметь возможность декларировать товары в электронной форме по месту своего нахождения, вне зависимости от того, через какое государство-член ЕС товары были ввезены на таможенную территорию или в каком государстве-члене ЕС они были использованы.

4. Развитие концепций «одного окна» и «одной остановки».

В рамках *концепции «одного окна»* заинтересованные лица будут представлять информацию о товарах только в один орган, даже если представленная информация должна быть представлена в несколько компетентных органов.

В рамках *концепции «одной остановки»* контрольные операции, осуществляемые всеми компетентными органами в отношении товаров, будут совершаться в одно время и в одном месте.

Все перечисленные ключевые новации уже содержались в невступившем в силу МТК, и можно отметить, что ТКС сохранил его основные цели и новации, при этом добавив несколько нововведений. В частности, ТКС дополнил таможенное законодательство общими критериями в отношении лиц, претендующих на статус таможенных представителей в иных, помимо страны резидентства, государствах-членах ЕС.

При этом учтя опыт неудачи с вступлением в силу МТК, ТКС, во-первых, содержит значительное число норм, направленных на создание необходимых условий для его реализации, в частности, в отношении электронных систем, а во-вторых, содержит положения о возможности переходного периода для внедрения требующихся электронных систем, с учетом их сложности и капиталоемкости. Предельный

¹⁰ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. — Official Journal of the European Union, C 326, 26.10.2012 — P. 1.

¹¹ Regulation (EU) No 182/2011 of the European Parliament and of the Council of 16 February 2011 laying down the rules and general principles concerning mechanisms for control by Member States of the Commission's exercise of implementing powers, — Official Journal of the European Union, L 55, 28.02.2011, P. 13—18.

¹² Regulation (EU) No 952/2013 of the European Parliament and of the Council of 9 October 2013 laying down the Union Customs Code (recast). Official Journal of the European Union, L 269, 10.10.2013. P. 1—101.

срок такого переходного периода — 31 декабря 2020 года. Данные положения создают определенную «подушку безопасности», требующуюся для максимально плавного и гибкого вступления в силу данного акта.

В то же время ряд регламентов в таможенной сфере не был затронут реформационными процессами, связанными с принятием ТКС. В частности регламент Совета № 2658/87 о тарифной и статистической номенклатуре и об Общем таможенном тарифе¹³ и регламент Комиссии (ЕЕС) № 918/83 от 28 марта 1983 года, устанавливающий систему освобождения от таможенных пошлин¹⁴.

Определенная роль в таможенном праве ЕС отводится также **директивам**, которые активно используются в целях гармонизации национального законодательства в области регулирования товарооборота в ЕС. В основном их значимость можно отметить в смежных отраслях, где одновременно важны и положения источников таможенного права ЕС, и других отраслей права Союза (в частности, в сфере косвенного налогообложения директивы).

Кроме того, ряд директив по отдельным вопросам в таможенной сфере было принято до вступления в силу Таможенного кодекса Сообщества и с учетом своей специфичности действуют как отдельные акты до сих пор. Например, директива Комиссии ЕС от 6 сентября 1979 года № 79/802/ЕЕС о товарах, предназначенных для внутренней переработки, если они ввезены для внутреннего обращения и в

отношении которых возможно использование льготных тарифных соглашений по причине их конечного использования¹⁵.

Еще одну группу источников таможенного права ЕС образуют **решения**. Авторы, занимающиеся исследованиями юридической природы, характера, а также основных признаков данного источника вторичного права, отличающего его от других источников, отводят решениями в иерархии подобного рода актов Евросоюза третье место, в зависимости от их юридической и социальной значимости в жизни европейского сообщества¹⁶. Поскольку в соответствии со статьей 297 Договора о функционировании Европейского Союза¹⁷ они представляют собой акты индивидуального, а не общего характера, то их значимость среди иных источников обязательного характера наименьшая, однако есть ряд случаев, когда решения играют существенную роль в развитии таможенного законодательства ЕС.

Следует отметить, что еще в 1963 г. решением Комиссии ЕС была принята генеральная программа по унификации таможенного права, которая в качестве одной из задач видела подготовку свода таможенного законодательства¹⁸. Позднее в форме решений принимались программы развития ЕС в таможенной сфере¹⁹, а действующая программа до 2020 года утверждена регламентом.

Помимо правовых актов, имеющих обязательную юридическую силу, к числу источников таможенного права ЕС можно отнести и так называемые акты «мягкого» права. Необ-

¹³ Council Regulation (EEC) No 2658/87 of 23 July 1987 on the tariff and statistical nomenclature and on the Common Customs Tariff, Official Journal of the European Union, L 256, 07.09.1987. P. 1—675.

¹⁴ Council Regulation (EEC) No 918/83 of 28 March 1983 setting up a Community system of reliefs from customs duty, Official Journal of the European Union, L 105, 23.04.1983. P. 1—37.

¹⁵ Commission Directive 79/802/EEC of 6 September 1979 on goods entered for inward processing which, if imported for release into free circulation, would benefit from a favourable tariff arrangement by reason of their end-use, Official Journal of the European Union, L 237, 21.9.1979. P. 29—30.

¹⁶ *Дерябина Е. М.* Источники права Европейского союза: теоретико-правовое исследование : монография. М. : Проспект, 2016. С. 118.

¹⁷ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. Official Journal of the European Union, C 326, 26.10.2012. P. 1.

¹⁸ Action Programme in the sphere of customs legislation (Submitted by the Commission to the Council on 2 August 1963).

¹⁹ Например: Decision № 253/2003/EC of the European Parliament and of the Council of 11 February 2003 adopting an action programme for customs in the Community (Customs 2007). Official Journal of the European Union, L 36/1, 12.02.2003. P. 17—38.

ходимо отметить, что термин «мягкое право» как самостоятельный и крайне дискуссионный феномен в правовом дискурсе появился сравнительно недавно и по мнению А. В. Демина «мягкое право» можно определить как совокупность формализованных общих положений (норм, принципов, критериев, стандартов), которые не имеют юридически обязательного характера, не обеспечены официальными санкциями и соблюдаются добровольно в силу авторитетности их создателей, заинтересованности адресатов и целенаправленного социального давления, которое оказывает на потенциальных (и фактических) нарушителей соответствующее сообщество²⁰. А, например, западные исследователи Р. Уоллас и О. Мартин-Ортега дают более общее определение: «мягкое право — это общий термин, используемый для обозначения юридически необязательных международных инструментов»²¹.

Место и роль таких актов по мнению исследователей является довольно спорным и трудно решаемым вопросом²². Однако все они сходятся во мнении, что такого рода акты имеют определенную роль в системе источников права ЕС как для правоотношений внутри Союза, так и в отношениях с третьими странами²³.

В целом акты «мягкого» права можно разделить на упомянутые в учредительных договорах ЕС и прочие. К первым относятся рекомендации и заключения, непосредственно

указанные среди источников права ЕС в статье 288 Договора о функционировании ЕС²⁴.

В таможенной сфере на сегодняшний день действует небольшое количество рекомендаций. В качестве примера можно привести рекомендацию Комиссии Европейского сообщества от 21 июня 1968 года № 68/289/ЕЕС об условиях осуществления таможенного контроля в отношении путешественников, пересекающих границы Сообщества²⁵.

Среди прочих актов «мягкого права» можно отметить разного рода официальные заключения, стратегии, коммюнике, декларации, сообщения, программные и другие подобные акты.

Особо значимую роль среди актов «мягкого права» в области таможенного права играют руководства (*guidelines* или *guidance*), в которых содержится систематизированная информация о существующих правовых нормах по какому-либо вопросу и подходы к осуществлению единообразной правоприменительной практики. Значимость руководств для таможенного права ЕС отмечается в рабочем документе Генерального директората по налогообложению и таможенному союзу Европейской Комиссии TAXUD/1406/2006-EN от 05.04.2006 «О природе и юридическом значении руководств»²⁶. Система руководств претерпела серьезные изменения после вступления в силу ТКС и фактически они были полностью переработаны.

Говоря о месте **судебного прецедента** в системе таможенного права ЕС, необходимо

²⁰ Демин А. В. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования : монография. М. : Проспект, 2016. С. 86—87.

²¹ Wallace R., Martin-Ortega O. International Law. London: Sweet&Maxwell, 2013. P. 31.

²² Марченко Д. М., Дерябина Е. М. Право Европейского союза. Вопросы истории и теории : учеб. пособие. М. : Проспект, 2015. С.178.

²³ Калиниченко П. А. Роль и место мягкого права в регулировании отношений между Россией и Европейским союзом // Современное международное право: теория и практика. М. : Оригинал-макет, 2015. С. 213—225.

²⁴ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. Official Journal of the European Union, C 326, 26.10.2012. P. 1.

²⁵ Commission Recommendation 68/289/EEC of 21 June 1968 on the conditions in which customs control of travellers crossing intra-Community frontiers is effected, Official Journal of the European Union, L 167, 17.7.1968. P. 16—17.

²⁶ Nature and legal value of guidelines (TAXUD/1406/2006-EN) // URL: http://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/resources/documents/customs/procedural_aspects/general/community_code/1406-en-ignes_directrices.pdf (дата обращения: 30.10.2016).

отметить, что весь массив таких прецедентов составляет практика Суда ЕС. В целом о значимости судебной практики как источника таможенного права ЕС говорил целый ряд исследователей, среди которых А.А. Наку²⁷, С.С. Жамкочьян²⁸, В.В. Головин²⁹ и другие.

Необходимо отметить, что принцип «прямого действия», являющийся одним из основополагающих в праве ЕС, был сформулирован Судом ЕС в деле *Van Gend en Loos*³⁰, где рассматривались правоотношения в таможенной сфере. Данный принцип подразумевает³¹, что правовая норма, имеющая прямое действие, предоставляет частным лицам права, которые должны защищаться национальными судами.

В таможенной сфере важной была роль Суда ЕС в отношении вступления в силу и интерпретации ТК Сообщества, в том числе и в свете международно-правовых обязательств ЕС. Также необходимо отметить, что большое количество решений Суда в таможенной сфере легли в основу последующих правовых актов ЕС (например, решение Суда ЕС, дающее определение сборам, имеющим характер, эквивалентный таможенным пошлинам).

Подобная практика Суда ЕС в отношении действовавшего ранее таможенного законодательства ЕС дает основания полагать, что и в отношении проблемных аспектов применения ТКС и принятой с ним совокупности актов вторичного права ЕС также будет важна роль Суда

по их разрешению и толкованию соответствующих норм таможенного права ЕС.

Еще одну актов вторичного права среди источников таможенного права ЕС составляют международные договоры, которые в зависимости от субъектного состава подразделяются на следующие виды:

- соглашения ЕС с третьими странами или международными организациями;
- дополнительные конвенции между государствами-членами.
- международные договоры, заключаемые государствами-членами с третьими государствами или международными организациями, в рамках компетенции ЕС.

К числу важнейших международных актов следует отнести:

Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ)³², которое было подписано Европейским Сообществом в 1994 г. в рамках Соглашений о создании Всемирной торговой организации (ВТО);

Международную конвенцию 1983 г. о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров³³, которая легла в основу Комбинированной номенклатуры ЕС;

Международную конвенцию об упрощении и гармонизации таможенных процедур, подписанную в Киото в 1973 г. (Киотская конвенция)³⁴;

²⁷ Наку А. А. Таможенное право ЕС : учеб. пособие. М. : МГИМО, 2003. С. 9.

²⁸ Жамкочьян С. С. Таможенное право Европейского Сообщества / под ред. А. В. Федорова. СПб. : Синтез-Полиграф, 2001. С. 60.

²⁹ Головин В. В. Роль Европейского суда в правовом регулировании таможенного дела государств Европейского союза // Сборник материалов научно-технической конференции Мурманского государственного технического университета. 1997. С. 49—50.

³⁰ Case 26/62 «NV Algemene Transport — en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration». OJ 32 from 04.03.1963. P. 421.

³¹ Хартли Т. К. Основы права Европейского Сообщества. М. : Закон и право, Юнити, 1998. С. 201.

³² The General Agreement on Tariffs and Trade (GATT 1947) // URL: http://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_01_e.htm (дата обращения 30.10.2016).

³³ International Convention on the Harmonized Commodity Description and Coding System // URL: <http://www.wcoomd.org>, (дата обращения 30.10.2016).

³⁴ Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур, совершено в Киото 18 мая 1973 (в ред. протокола от 26.06.1999) // СЗ РФ. 2011. № 32. Ст. 4810.

Таможенную конвенцию о карнете АТА для временного ввоза товаров 1961 г. (Конвенция АТА)³⁵ и т.д.

Кроме того, действует ряд международных договоров государств-членов, которые регулируют территориальные вопросы применения таможенного права ЕС, например, такие как, Договор между Федеративной Республикой Германия и Швейцарской Конфедерацией 1964 г., Парижская конвенция 1963 г. о таможенном регулировании в отношении Монако и некоторые другие.

Таким образом, можно заключить, что существующая на сегодняшний день система источников таможенного права ЕС является результатом существенных изменений, которые произошли в результате произошедшей реформы таможенного законодательства ЕС. Полное завершение данной реформы ожидается в 2020 году. Опыт ЕС в области реформирования таможенного законодательства как самый успешный пример построения интеграционного таможенного законодательства возможно использовать и в рамках аналогичной работы в Евразийском экономическом союзе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Головин В. В. Роль Европейского суда в правовом регулировании таможенного дела государств Европейского союза // Сборник материалов научно-технической конференции Мурманского государственного технического университета. — Мурманск : 1997. — С. 49—50.
2. Демин А. В. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования : монография. — М. : Проспект, 2016. — 240 с.
3. Дерябина Е. М. Источники права Европейского союза: теоретико-правовое исследование : монография. — М. : Проспект, 2016. — 136 с.
4. Жамкочьян, С. С. Таможенное право Европейского Сообщества / под ред. А. В. Федорова. — СПб. : Синтез-Полиграф, 2001. — 630 с.
5. Калиниченко П. А. Роль и место мягкого права в регулировании отношений между Россией и Европейским союзом // Современное международное право: теория и практика. — М. : Оригинал-макет, 2015. — С. 213—225.
6. Кашкин С. Ю., Четвериков А. О. Право Европейского Союза : учебник для бакалавров : в 2 т. / под ред. С.Ю. Кашкина. — М. : Юрайт, 2013. — Т. 1. Общая часть. — 647 с.
7. Марченко Д. М., Дерябина Е. М. Право Европейского союза. Вопросы истории и теории : учеб. пособие. — М. : Проспект, 2015. — 432 с.
8. Наку А. А. Таможенное право ЕС : учеб. пособие. — М. : МГИМО, 2003. — 77 с.
9. Хартли Т. К. Основы права Европейского Сообщества. — М. : Закон и право, Юнити, 1998. — 703 с.
10. Wallace R., Martin-Ortega O. International Law. — London : Sweet & Maxwell, 2013. — 438 p.

Материал поступил в редакцию 30 октября 2016 г.

THE EU SYSTEM OF CUSTOMS LAW SOURCES AT THE PRESENT STAGE

ROMANOVA Marina Evgen'yevna — Post-graduate at the Department of the Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
marina_romanowa@mail.ru
123995, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9

³⁵ Customs Convention on the ATA carnet for the temporary admission of goods (ATA Convention) // Всемирная таможенная организация. URL: <http://www.wcoomd.org>.

Review. *The article discusses the evolution of the sources of the customs law of the European Union, much attention is paid to the background and reasons of the reform of EU customs legislation, in particular in view of the adoption of the Lisbon Treaty of 2007 and the Customs Code of the Union. We consider the rules of primary EU law, have the greatest significance in the sphere of customs regulation.*

Also, an analysis of the role of secondary law in the system of sources of EU customs law. Particular attention is paid to the role and development of codified acts in EU customs law, either directly of the Customs Code, and the regulations adopted in its development. Detailed study of the phenomenon of non-entry into force have already adopted the modernized Community Customs Code. The features and the role of acts of "soft law", international treaties in the field of customs.

The paper paid attention to the place of judicial precedent in the customs law of the European Union.

Keywords: *Union Customs Code, customs legislation, reform of the European Commission, the Lisbon Treaty, customs relations, sources of primary law, the acts of secondary rights "soft law", rules, customs law.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Golovin V.V. Rol' Evropejskogo suda v pravovom regulirovanii tamozhennogo dela gosudarstv Evropejskogo sojuza // Sbornik materialov nauchno-tehnicheskoy konferencii Murmanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. 1997. s. 49—50.
2. Demin A.V. «Mjagkoe pravo» v jepohu peremen: opyt komparativnogo issledovanija: monografija. M: Prospekt, 2016. 240 s.
3. Derjabina E.M. Istochniki prava Evropejskogo sojuza: teoretiko-pravovoe issledovanie: monografija. M.: Prospekt, 2016. 136 s.
4. Zhamkoch#jan, S. S. Tamozhennoe pravo Evropejskogo Soobshhestva / pod red. A. V. Fedorova. SPb.: IPK «Sintez-Poligraf», 2001, 630 s.
5. Kalinichenko P.A. Rol' i mesto mjagkogo prava v regulirovanii otnoshenij mezhdru Rossiej i Evropejskim sojuzom // Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo: teorija i praktika. — M: Original-maket, 2015. — S. 213—225.
6. Kashkin S.Ju., Chetverikov A.O. Pravo Evropeskogo Sojuza v 2 t. T.1. Obshhaja chast': uchebnik dlja bakalavrov / pod red. S.Ju. Kashkina. M.: Izdatel'stvo Jurajt, 2013. 647 s.
7. Marchenko D.M., Derjabina E.M. Pravo Evropejskogo sojuza. Voprosy istorii i teorii: ucheb. posobie. M: Prospekt, 2015. 432 s.
8. Naku, A. A. Tamozhennoe pravo ES: ucheb.posobie. M.: MGIMO, 2003. 77 s.
9. Hartli T. K. Osnovy prava Evropejskogo Soobshhestva. M.: Zakon i pravo, JuNITI, 1998, 703 s.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ МАТЕРИАЛАМ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ

Более подробная информация содержится на сайте журнала: arpr-msal.ru

1. В журнале публикуются результаты научных исследований и научные сообщения авторов, изложенные в форме научных статей или рецензий в соответствии с тематикой журнала (далее — статья).
2. К сотрудничеству приглашаются авторы — ведущие специалисты, ученые и практики. При прочих равных условиях преимущественное право на опубликование имеют:
 - профессорско-преподавательский состав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) — перед сотрудниками иных вузов и научных учреждений;
 - лица, имеющие ученые степени, — перед аспирантами и соискателями.
3. Один автор может опубликовать в течение года не более трех своих статей. Все исключения необходимо заранее согласовывать с редакцией.
4. Направление автором статьи для опубликования в Журнале считается акцептом, т.е. согласием автора на заключение Лицензионного договора о передаче права использования статьи в журнале «Актуальные проблемы российского права». Содержание договора опубликовано на сайте журнала, в разделе «Авторам».
5. Автор направляет в редакцию журнала статью согласно условиям и порядку предоставления и опубликования статей, а также требованиям к оформлению статей, размещенным на сайте Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). При несоблюдении указанных требований редакция оставляет за собой право вернуть статью автору без рассмотрения.
6. Требования к содержанию и объему статьи:
 - объем статьи должен составлять от 15 до 25 тыс. знаков (с пробелами, с учетом сносок) или 10–15 страниц А4 (шрифт — Times New Roman, высота шрифта — 14 пунктов; межстрочный интервал — полуторный, абзацный отступ — 1,25 см, поля: левое — 3 см, правое — 1,5 см, верхнее и нижнее — 2 см). Опубликование материалов меньшего или большего объема должно согласовываться с редакцией журнала;
 - статья должна быть написана на актуальную тему, отвечать критерию новизны, содержать определенное новаторство в подходе к изучаемой теме/проблеме;
 - в статье должны быть отражены результаты научного исследования, основанного на анализе теоретических конструкций, нормативных актов, материалов правоприменительной практики;
 - материал, содержащийся в статье, не должен быть только описательным, констатировать существующее положение вещей (статьи, значительная часть которых содержит воспроизведение нормативного материала, будут отклоняться);
 - в материале должна быть соблюдена фактологическая и историческая точность;
 - необходимо обращать внимание на аккуратное использование заимствованного материала, точность цитирования.
7. Следует точно указывать источник приводимых в рукописи цитат, цифровых и фактических данных.
8. При оформлении ссылок необходимо руководствоваться библиографическим ГОСТом 7.0.5-2008. Ссылки оформляются в виде постраничных сносок (размещаются в тексте как подстрочные библиографические ссылки), нумерация сплошная (например, с 1-й по 32-ю). Сноски набираются шрифтом Times New Roman. Высота шрифта — 12 пунктов; межстрочный интервал — одинарный. Знак сноски в тексте ставится перед знаком препинания (точкой, запятой, двоеточием, точкой с запятой). Пример оформления смотрите на сайте журнала.

Ссылки на иностранные источники следует указывать на языке оригинала, избегая аббревиатур и по возможности максимально следуя таким же требованиям, как и при оформлении библиографии на русском языке.

Ссылки на электронные ресурсы следует оформлять в соответствии с библиографическим ГОСТом 7.82-2001. Необходимо указывать заголовок титульной страницы ресурса, полный адрес местонахождения ресурса и в круглых скобках дату последнего посещения веб-страницы.
9. При оформлении списка литературы (библиографии) необходимо руководствоваться библиографическим ГОСТом 7.1-2003. В библиографическом списке не указываются правовые источники (нормативные акты, судебные решения и иная правоприменительная практика). Пример оформления смотрите на сайте журнала.

Редактор: *М. В. Баукина*
Компьютерная верстка: *Т. В. Серёгина*

Подписка на журнал возможна с любого месяца
Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» — 11178

Вниманию наших авторов!

Отдельные материалы журнала размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

*При использовании опубликованных материалов журнала ссылка
на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.*

*Полная или частичная перепечатка материалов допускается только
по письменному разрешению авторов статей или редакции.*

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
ПИ № ФС77-125128 от 28 июля 2006 г.
ISSN 1994-1471

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Адрес редакции: 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Тел.: (499) 244-85-56. E-mail: aprp.msal@yandex.ru

Сайт: aprp-msal.ru

Подписано в печать 22.02.2017 г. Объем: 28,37 усл.печ.л., формат 60x84/8.

Тираж 250 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная.

Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)